

Уильям Ширер

ИСТОРИЯ

Rise and Fall of the Third Reich

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Третий Рейх пережил своего основателя ровно
на семь дней

И С Т О Р И Я В О Д Н О М Т О М Е

История в одном томе

Уильям Ширер

Взлет и падение Третьего Рейха

«Издательство АСТ»

УДК 94(430)"1933/45"
ББК 63.3(4Гем)

Ширер У. Л.

Взлет и падение Третьего Рейха / У. Л. Ширер — «Издательство АСТ», — (История в одном томе)

ISBN 978-5-17-093819-3

Эту книгу «Нью-Йорк таймс» назвала «одной из важнейших работ в области новейшей истории». Эту книгу удостоили Национальной книжной премии, перевели практически на все языки, переиздавали уже более 30 раз – и она по-прежнему находит тысячи и тысячи новых читателей во всем мире. Что придает работе Уильяма Ширера такую ценность? Почему многие ученые считают ее «лучшим, что было написано о нацизме в Германии»? Автор не просто констатирует факты и описывает события, он подробно и объективно анализирует истоки появления национал-социализма. Ход германской истории и особенности немецкого национального менталитета, широкое распространение теории об «особом пути» Германии, политический и экономический тупик, в котором страна оказалась после Версальского договора, идеологические корни национал-социализма и даже подробности биографии Гитлера – все это Уильям Ширер сводит воедино и изучает в совокупности взаимовлияний. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(430)"1933/45"
ББК 63.3(4Гем)

ISBN 978-5-17-093819-3

© Ширер У. Л.
© Издательство АСТ

Содержание

К читателю	6
Книга первая	9
Глава 1	9
Глава 2	30
Глава 3	48
Глава 4	69
Книга вторая	96
Глава 5	96
Глава 6	121
Глава 7	151
Глава 8	183
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Уильям Ширер

Взлет и падение Третьего Рейха

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

К читателю

Хотя, живя и работая в Германии в первую половину недолгого существования Третьего Рейха, я имел возможность наблюдать, как Адольф Гитлер, диктатор великой и загадочной нации, консолидировал силы, а затем вверг страну в пучину войн, личный опыт не заставил бы меня взяться за перо и написать эту книгу, если бы в конце Второй мировой войны не произошло событие, не имеющее аналогов в истории.

Я имею в виду захват секретных государственных архивов Германии и всех их филиалов, включая архивы министерства иностранных дел, сухопутных войск и военно-морских сил, национал-социалистической партии и тайной полиции Генриха Гиммлера. Думаю, в истории не было прецедентов, когда столь ценные материалы попадали в руки современных исследователей. До сих пор архивы великих держав – даже после поражения в войне и революционного свержения правительства, как это имело место в России в 1917 году и в Германии в 1918 году, – охранялись государством. Полностью публиковались лишь те документы, которые служили интересам правительства, пришедшего к власти.

Стремительный крах Третьего Рейха весной 1945 года привел к тому, что в результате капитуляции были обнаружены не только многочисленные секретные документы, но и такие бесценные материалы, как личные дневники, строго засекреченные выступления, отчеты конференций, переписка и даже телефонные разговоры нацистских главарей, по распоряжению Германа Геринга записанные специальной службой, размещавшейся в министерстве военно-воздушных сил.

Генерал Франц Гальдер, например, вел дневник, делая стенографические записи по несколько раз на дню. Записи генерала – уникальный источник краткой информации за период с 14 августа 1939-го по 24 сентября 1942 года, когда он занимал пост начальника генерального штаба сухопутных войск и ежедневно встречался с Гитлером и другими главарями нацистской Германии. Среди дневников это наиболее показательные записи, но есть и другие, также представляющие большую ценность. Сюда относятся дневники доктора Йозефа Геббельса, министра пропаганды, близкого соратника Гитлера по партии, и генерала Альфреда Йодля, начальника штаба оперативного командования вооруженных сил (ОКВ). Существуют также записи самого ОКВ и штаба военно-морских сил. Действительно, в шестидесяти тысячах досье военно-морских архивов Германии, захваченных в замке Тамбах под Кобургом, приводятся практически все сигналы связи, судовые журналы, дневники, меморандумы и другие документы немецкого военно-морского флота, датированные апрелем 1945 года, когда они были найдены, и более ранние, начиная с 1868 года – года создания военно-морских сил Германии.

485 тонн материалов министерства иностранных дел Германии, захваченные 1-й американской армией в различных замках и шахтах Гарца в тот момент, когда по приказу из Берлина их должны были уничтожить, охватывают не только период Третьего Рейха, но и Веймарскую республику и начинаются со времени правления Бисмарка – Второго Рейха.

Долгие годы по окончании войны тонны нацистских документов лежали опечатанными на большом военном складе в американском городе Александрия, штат Виргиния. Правительство США не высказывало желания хотя бы вскрыть ящики и посмотреть, какие материалы представят интерес для историков. Наконец в 1955 году, десять лет спустя после того, как они были захвачены, по инициативе Американской исторической ассоциации и благодаря финансовой поддержке нескольких частных фондов материалы были открыты. Небольшая группа ученых, не располагавшая достаточным оборудованием, приступила к работе – анализу и фотографированию документов, прежде чем правительство поспешно передало их Германии. Материалы оказались настоящей находкой.

Большую ценность представляют и такие документы, как 51 частично застенографированное «выступление» фюрера о военном положении, которое ежедневно обсуждалось в ставке Гитлера, и полный текст бесед нацистского главара со старыми товарищами по партии и секретарями во время войны. Первые удалось обнаружить среди обугленных бумаг, оставшихся после Гитлера в Берхтесгадене, офицеру-разведчику 101-й воздушно-десантной дивизии США, вторые были найдены в материалах Мартина Бормана.

Сотни тысяч захваченных нацистских документов были спешно отправлены в Нюрнберг на судебный процесс и фигурировали в качестве улик против главных нацистских военных преступников. Освещая в газете первую половину Нюрнбергского процесса, я собрал кипу мимеографических копий, а позднее – опубликованные в сорока двух томах свидетельские показания и документы, дополненные десятью томами переводов важных материалов на английском языке. Тексты других документов, собранные в пятнадцатитомных сериях по материалам следующих двенадцати судебных процессов в Нюрнберге, также представляют определенную ценность, хотя многие свидетельские показания и факты не приведены.

И наконец, помимо этих объемистых материалов имелись подробные записи допросов немецких военных, партийных и государственных служащих, их свидетельские показания, данные под присягой на различных послевоенных судебных процессах, что обеспечивало исследователей информацией, на мой взгляд, ранее им неизвестной.

Естественно, я не мог прочесть документацию в полном объеме – это не по силам одному человеку, однако я тщательно проанализировал значительную часть материалов. Работа замедлялась из-за отсутствия подходящих ориентиров, как и у других исследователей, трудившихся над таким же обилием информации.

Весьма знаменательно, как мало находившиеся в Германии во времена нацизма журналисты и дипломаты знали о том, что происходило за фасадом Третьего Рейха. Тоталитарная диктатура в силу своей природы действовала в строжайшей тайне и умела оградить эту тайну от посторонних взглядов. Довольно просто было выделять и описывать неприкрашенные, волнующие и часто вызывающие отвращение события, происходившие в Третьем Рейхе: приход Гитлера к власти, поджог рейхстага, кровавую расправу над Ремом, аншлюс Австрии, капитуляцию Чемберлена в Мюнхене, оккупацию Чехословакии, нападение на Польшу, Скандинавию, Западную Европу, Балканы и Россию, ужасы нацистской оккупации и концентрационных лагерей, ликвидацию евреев.

Но втайне принятые роковые решения, интриги, измены, мотивы и заблуждения, приведшие к этому, сцены, сыгранные главными актерами за опущенным занавесом, размах осуществляемого ими террора и техника его организации – все это и многое другое в значительной степени было нам неведомо, пока не всплыли на свет секретные документы нацистской Германии.

Кое-кто, возможно, полагает, что слишком рано писать историю Третьего Рейха, что такую задачу надо оставить потомкам, у которых появится временная перспектива. Я обнаружил, что подобный взгляд особенно распространен во Франции, когда приехал туда, чтобы провести определенную исследовательскую работу. Мне говорили, что историку нужно заниматься эпохой Наполеона, но никак не более поздним периодом.

В таком подходе есть свои плюсы. Историки ждали пятьдесят, сто или больше лет, прежде чем описать какую-либо страну, империю или эпоху. Но не происходило ли это главным образом потому, что требовалось много времени, чтобы разыскать подходящие документы и представить подлинный материал? И, несмотря на все преимущества временной перспективы, не терялось ли что-то, поскольку у авторов отсутствовало личное знание эпохи, атмосферы того времени и исторических фигур, которых они описывали?

В случае с Третьим Рейхом – а он поистине уникален – в момент его падения имелись почти все документальные материалы, которые были дополнены свидетельскими показаниями

военных и государственных деятелей, оставшихся в живых или позднее понесших самое суровое наказание. Располагая уникальными источниками и хорошо помня жизнь в нацистской Германии, внешний облик, поведение и характер лиц, находившихся у власти, в первую очередь Гитлера, я решил, чего бы мне это ни стоило, изложить историю взлета и падения Третьего Рейха.

«Я прожил всю войну, – заметил Фукидид в «Истории Пелопонесской войны» – величайшем историческом труде, когда-либо написанном, – с годами постигая события и уделяя им внимание, чтобы познать их истинный смысл».

Мне было довольно трудно (и не всегда удавалось) познать истинный смысл событий, происходивших в гитлеровской Германии. Лавина фактического материала помогала в поисках истины, что, вероятно, было возможно и двадцать лет назад, но его обилие часто вводило в заблуждение. Во всех записях и свидетельских показаниях непременно встречались загадочные противоречия.

Несомненно, что мои собственные предубеждения, тесно связанные с личным жизненным опытом и поведением, время от времени проникают на страницы этой книги. Я в принципе не приемлю тоталитарную диктатуру, но стал испытывать еще большее отвращение к ней, живя в Германии и наблюдая, как гнусно оскорбляют человеческую личность. И все же в этой работе я постарался быть предельно объективным, заставляя говорить вместо себя факты и каждый раз ссылаясь на источники. В книге нет вымышленных ситуаций, сцен или цитат, все основано на документах, свидетельских показаниях или личных наблюдениях. Примерно в шести случаях, когда вместо фактов выдвигаются предположения, этому даются соответствующие объяснения.

Не сомневаюсь, что моя трактовка событий многими будет оспорена. Это неизбежно, поскольку ошибаться может каждый. Я решился изложить свои взгляды, чтобы сделать повествование более ясным и обоснованным, выбрав самое бесспорное из свидетельских показаний и используя собственный жизненный опыт и знания.

Книга первая

Приход Гитлера к власти

Глава 1

Рождение Третьего Рейха

В канун рождения Третьего Рейха Берлин лихорадило. Веймарской республике – это было ясно чуть ли не каждому, – пришел конец. Агония республики длилась уже более года. Генерала Курта фон Шлейхера, как и его предшественника Франца фон Палена, мало волновала судьба республики и еще меньше – судьба демократии. Генерал, как и фон Папен, назначенный президентским указом канцлером и руководивший страной, не согласовывая своих действий с парламентом, находился у власти уже пятьдесят семь дней.

28 января 1933 года, в субботу, он был внезапно смещен престарелым президентом республики фельдмаршалом фон Гинденбургом. Адольф Гитлер, глава национал-социалистической партии – самой крупной политической партии Германии, потребовал назначить его канцлером демократической республики, которую он поклялся уничтожить.

В те роковые дни в столице распространялись самые невероятные слухи. Поговаривали, что Шлейхер вместе с генералом Куртом фон Хаммерштейном, командующим сухопутными войсками, при поддержке Потсдамского гарнизона готовят путч и собираются арестовать президента и установить военную диктатуру. Не исключали также вероятности нацистского путча. Берлинские штурмовики при содействии полицейских, симпатизировавших нацистам, намеревались захватить Вильгельмштрассе, где находились президентский дворец и большинство государственных учреждений.

Поговаривали и о всеобщей забастовке. В воскресенье 29 января около ста тысяч рабочих собрались в Лустгартене в центре Берлина, чтобы протестовать, если Гитлера назначат главой нового правительства. Однажды, во времена Капповского путча в 1920 году, посредством всеобщей забастовки удалось спасти республику, когда правительство бежало из столицы.

Большую часть ночи с воскресенья на понедельник Гитлер не спал, прохаживаясь взад-вперед по номеру отеля «Кайзерхоф», расположенного на Рейхсканцлерплац, неподалеку от резиденции канцлера. Несмотря на некоторую нервозность, он был абсолютно уверен, что его час пробил. Почти месяц он вел секретные переговоры с Папеном и другими лидерами правого крыла консерваторов. Пришлось идти на компромисс. Ему бы не позволили сформировать правительство, состоящее только из нацистов. Но он мог стать главой коалиционного правительства, члены которого (восемь из одиннадцати не принадлежали к национал-социалистической партии) разделяли бы его взгляды о необходимости ликвидировать демократический веймарский режим. Лишь старый упрямый президент, похоже, стоял на его пути. 26 января, за два дня до решающих событий, убежденный сединами фельдмаршал заявил генералу фон Хаммерштейну, что «не намерен назначать этого австрийского капрала ни министром обороны, ни рейхсканцлером».

Тем не менее под давлением сына, майора Оскара фон Гинденбурга, статс-секретаря президента Отто фон Мейснера, Папена и других членов придворной клики президент в конце концов сдался. Ему было восемьдесят шесть лет, и возраст давал о себе знать. В воскресенье 29 января, после обеда, когда Гитлер с Геббельсом и другими товарищами сидели за чашкой кофе, в комнату ворвался Герман Геринг, председатель рейхстага и второй человек после Гитлера в нацистской партии, и решительно заявил, что утром Гитлер будет назначен канцлером.

В понедельник 30 января 1933 года, около полудня, Гитлер отправился в рейхсканцелярию на беседу с Гинденбургом, которая имела роковые последствия для самого Гитлера, для Германии и для всего человечества. Из окон «Кайзерхофа» Геббельс, Рем и другие нацистские главари с нетерпением наблюдали за дверями канцелярии, откуда вскоре должен был появиться фюрер. «По его лицу мы узнаем, удалось добиться успеха или нет», – заметил Геббельс. Даже тогда они не были до конца уверены в успехе. «Сердца наши переполняли сомнения, надежды, радость, уныние... – записал впоследствии в своем дневнике Геббельс. – Мы так часто разочаровывались, что непросто было всей душой уверовать, что великое чудо свершилось».

Несколько минут спустя они стали свидетелями этого чуда. Человек с усиками Чарли Чаплина, бедствовавший в юности, никому не известный солдат Первой мировой войны, всеми покинутый в Мюнхене в суровые послевоенные дни, чудаковатый главарь «пивного путча», оратор, мастерски владеющий аудиторией, австриец, а не немец по происхождению, которому исполнилось лишь сорок три года, был только что приведен к присяге в должности рейхсканцлера Германии.

Проехав сотню метров до «Кайзерхофа», он оказался в компании своих закадычных друзей – Геббельса, Геринга, Рема и других «коричневых», которые помогли ему расчистить тернистый путь к власти. «Он ничего не сказал, и никто из нас ничего не произнес, – отметил Геббельс, – но глаза его были полны слез».

До поздней ночи штурмовые отряды нацистов иступленно маршировали с факелами, празднуя победу. Четко разбившись на колонны, они появились из глубины Тиргартена и прошествовали под Триумфальной аркой Бранденбургских ворот вниз по Вильгельмштрассе. Духовые оркестры громко трубили военные марши под оглушающий бой барабанов, нацисты распевали новый гимн «Хорст Вессель» и старинные немецкие песни, энергично отбивая каблуками ритм по мостовой. Факелы, которые они держали высоко над головами, напоминали в темноте огненную ленту, и это вызывало восторженные возгласы людей, толпившихся на тротуарах.

Гинденбург наблюдал за марширующими из окна дворца, тростью отбивая ритм, явно довольный тем, что наконец-то нашел на пост канцлера человека, способного пробудить в народе истинно немецкие чувства. Вряд ли он подозревал, какого зверя спустил сегодня с цепи.

Чуть дальше по Вильгельмштрассе у открытого окна рейхсканцелярии стоял радостный и возбужденный Адольф Гитлер, он пританцовывал, периодически выбрасывая руку в нацистском приветствии и весело смеялся, пока на глаза вновь не навернулись слезы.

Происходящие в тот вечер события вызвали у одного иностранного наблюдателя иные чувства. «Факельное шествие проплыло мимо французского посольства, – писал посол Франции в Германии Андре Франсуа-Понсе, – и я смотрел вслед ему с тяжелым сердцем и тревогой».

Усталый, но счастливый Геббельс вернулся домой в три часа ночи. Прежде чем отойти ко сну, он записал в дневнике: «Похоже на сон... на сказку... рождение нового рейха. Четырнадцать лет работы увенчались победой. Немецкая революция началась!»

«Третий Рейх, рождение которому было положено 30 января 1933 года, – хвастался Гитлер, – просуществует тысячу лет». И впредь нацистская пропаганда будет часто называть его «тысячелетним» рейхом. Он просуществует двенадцать лет и четыре месяца, но за этот мимолетный с точки зрения истории период вызовет на земле потрясения более мощные и разрушительные, чем любая из существовавших ранее империй, вознеся немцев к таким высотам власти, какие им были неведомы более тысячи лет, сделав их хозяевами Европы от Атлантики до Волги, от Северного моря до Средиземноморья и свергнув в пучину разрухи и отчаяния в конце Второй мировой войны, которую хладнокровно спровоцировала немецкая нация и в ходе которой на оккупированных территориях царил террор и страх, по масштабам истребления народов и уничтожения человеческой личности превзошедшие самые дикие тирании предшествующих веков. Человек, создавший Третий Рейх, правивший страной с необычайной

жестокостью и безжалостной прямолинейностью, вознесший Германию на гребень столь головокружительного успеха и приведший ее к столь печальному концу, был, несомненно, злым гением. Верно, что он обнаружил в немцах (хотя таинственное провидение и вековой жизненный опыт уже сформировали их к тому времени) то, что послужило материалом для достижения его собственных зловещих целей. Однако можно почти с уверенностью утверждать, что без Адольфа Гитлера, личности демонической, обладавшей нестигаемой волей, сверхъестественной интуицией, хладнокровной жестокостью, незаурядным умом, пылким воображением и – вплоть до окончания войны, когда в упоении властью и успехом он зашел слишком далеко, – удивительной способностью оценивать обстановку и людей, не было бы и Третьего Рейха.

Как заметил выдающийся немецкий историк Фридрих Майнеке: «Это один из известных примеров необычной силы личности в истории».

Некоторым немцам и, безусловно, многим иностранцам казалось, что в Берлине к власти пришел какой-то фигляр и шарлатан. Большинство же немцев считали Гитлера (или вскоре стали считать) по-настоящему обаятельным лидером. Они слепо шли за ним в течение двенадцати последующих лет, словно он обладал неким пророческим даром.

Зная его происхождение и юность, трудно представить более неподходящую кандидатуру на роль продолжателя дела Бисмарка, династии Гогенцоллернов и президента Гинденбурга, чем этот странный мужлан-австрияк, родившийся в половине седьмого вечера 20 апреля 1889 года в скромной гостинице «Цум Поммер» в городе Браунау-ам-Инн, расположенном на границе с Баварией.

Месту рождения на австро-германской границе придавалось большое значение, поскольку в юности Гитлер был одержим идеей, согласно которой два германоязычных народа принадлежат одному рейху и не могут быть разделены границей. Его чувства были настолько сильны и глубоки, что в тридцать пять лет, сидя в немецкой тюрьме и диктуя книгу, которая стала для Третьего Рейха руководством к действию, Гитлер в первой же строке подчеркнул, что видит определенную символику в том, что родился именно там:

«То, что судьба выбрала Браунау-ам-Инн местом моего рождения, кажется мне сейчас знаком Божиим. Этот маленький городок находится на границе двух немецких государств, объединению которых мы, более молодое поколение, решили посвятить свою жизнь, чего бы это нам ни стоило... Небольшой городок видится мне символом высокого предназначения».

Адольф Гитлер был третьим сыном от третьего брака мелкого австрийского чиновника, незаконнорожденного, до тридцати девяти лет носившего фамилию своей матери Шикльгрубер. Фамилия Гитлер встречалась как по материнской, так и по отцовской линии. И бабушка Гитлера по матери, и дед его по отцу носили фамилию Гитлер или ее варианты – Гидлер, Гютлер, Гюттлер. Мать Адольфа доводилась его отцу двоюродной сестрой, и на брак потребовалось разрешение епископа.

Предки будущего немецкого фюрера на протяжении поколений обитали в Вальдфиртеле – районе Нижней Австрии, расположенном между Дунаем, Богемией и Моравией. Направляясь из Вены в Прагу или Германию, я неоднократно проезжал мимо этого места. Холмистое, лесное, с крестьянскими деревеньками и небольшими фермами, находящееся от Вены в каких-нибудь пятидесяти километрах, оно казалось убогим и заброшенным, словно события австрийской истории не коснулись его. Жители отличались суровым нравом, как и чешские крестьяне, проживавшие чуть севернее. Родственные браки были делом привычным, как в случае с родителями Гитлера, и дети, рожденные вне брака, не были редким явлением.

Быт родственников по материнской линии отличался стабильностью. Четыре поколения семьи Клары Пёльцль жили в деревне Шпиталь, в доме под номером тридцать семь. История предков Гитлера по отцовской линии совершенно иная. Как мы заметили, произношение фамилии менялось, менялось и местожительство семьи. Гитлерам было свойственно непостоянство, вечная тяга к переездам из деревни в деревню. Они брались то за одну работу, то

за другую, не желая связывать себя прочными узами, проявляли по отношению к женщинам некоторое легкомыслие.

Иоганн Георг Гидлер, дед Адольфа, был бродячим мельником, подрабатывая то в одной, то в другой деревушке Нижней Австрии. В 1824 году через пять месяцев после свадьбы у него родился сын, но жена с ребенком умерли. Он женился вторично восемнадцать лет спустя в Дюрентале на сорокасемилетней крестьянке Марии Анне Шикльгрубер из деревни Штронес. За пять лет до замужества, 7 июня 1837 года, она родила внебрачного сына, будущего отца Адольфа Гитлера, которого назвала Алоисом. Вполне вероятно, что Иоганн Гидлер приходился ребенку отцом, но данных, подтверждающих это, нет. Во всяком случае, Иоганн в конце концов женился на ней, однако усыновить после свадьбы мальчика не удосужился, и ребенку дали фамилию матери Шикльгрубер.

Мария умерла в 1847 году. После ее кончины Иоганн Гидлер исчез, и о нем ничего не было слышно в течение тридцати лет. В возрасте восьмидесяти четырех лет он объявился в городе Вейтра в Вальдфиртеле, заменив в своей фамилии букву «д» на «т» (Гитлер), чтобы заверить у нотариуса в присутствии трех свидетелей, что он – отец Алоиса Шикльгрубера. Почему старику потребовалось столько времени, чтобы сделать этот шаг, и почему он его в конце концов сделал, из имеющихся источников неясно. Согласно версии Хайдена, Алоис впоследствии признался приятелю, что это было необходимо для получения наследства от дяди – брата мельника, вырастившего юношу в своей семье. Запоздалое признание отцовства было, таким образом, зафиксировано 6 июня 1876 года, а 23 ноября приходский священник в Дёллершейме, получив письменное извещение нотариуса, зачеркнул в церковной книге фамилию Шикльгрубер и записал: «Гитлер».

С этого момента отец Адольфа на законном основании носил фамилию Гитлер, которая, естественно, перешла к его сыну. Лишь в 30-е годы предприимчивые журналисты, порывшись в архивах приходской церкви, раскопали факты происхождения Гитлера и, несмотря на запоздалое признание старым Иоганном Георгом Гидлером своего внебрачного сына, пытались называть нацистского фюрера Адольфом Шикльгрубером.

В странной жизни Адольфа Гитлера, полной необъяснимых превратностей судьбы, этот случай, имевший место за тринадцать лет до его рождения, кажется самым необъяснимым. Если бы восьмидесятичетырехлетний бродячий мельник не объявился, чтобы признать свое отцовство по отношению к тридцатидевятилетнему сыну спустя тридцать лет после смерти его матери, Адольфа Гитлера звали бы Адольфом Шикльгрубером.

Факт сам по себе, может быть, малозначащий, однако я слышал, как немцы строили догадки по поводу того, удалось бы Гитлеру стать хозяином Германии, если бы он остался Шикльгрубером. Есть что-то смешное в том, как эту фамилию произносят немцы на юге страны. Разве можно представить толпу, неистово выкрикивающую: «Хайль! Хайль, Шикльгрубер!»? «Хайль, Гитлер!» не только напоминало вагнеровскую музыку, воспевающую языческий дух древнегерманских саг и соответствующую мистическому настрою массовых нацистских сборищ, но и использовалось во времена Третьего Рейха как обязательная форма приветствия, заменявшее даже привычное «алло». «Хайль, Шикльгрубер!» – это представить гораздо труднее¹.

Очевидно, родители Алоиса никогда не жили вместе и после свадьбы, и будущий отец Адольфа Гитлера рос в семье своего дяди, который, приходясь Иоганну Георгу Гидлеру братом, произносил свою фамилию на иной лад и был известен как Иоганн фон Непомук Гютлер. Принимая во внимание оголтелую с ранней молодости ненависть нацистского фюрера к

¹ Гитлер, очевидно, и сам понимал это. В юности он признался своему единственному другу Августу Кубичеку, что ничто его так не обрадовало, как перемена фамилии отцом. Он заявлял, что фамилия Шикльгрубер кажется ему «какой-то грубой, топорной, не говоря уже о том, что она громоздка и неудобна. Фамилию Гидлер он находил... слишком мягкой, а вот Гитлер звучит славно и легко запоминается».

чехам – нации, которую он впоследствии полностью лишил независимости, следует сказать, что Непомук был национальным святым чешского народа, и некоторые историки усматривают в этом наличие чешской крови в его роду.

Алоис Шикльгрубер вначале изучал сапожное дело в деревне Шпиталь, но, будучи, как и его отец, натурой беспокойной, вскоре отправился на заработки в Вену. В восемнадцать лет он вступил в пограничную полицию австрийской таможенной службы, через девять лет получил повышение и женился на Анне Гласл-Хёерер, приемной дочери таможенного чиновника. За невесту дали небольшое приданое, и социальный статус Алоиса повысился – обычное явление в среде австро-венгерского чиновничества низшего звена. Но брак этот оказался несчастливым. Анна была на четырнадцать лет старше мужа, слаба здоровьем и не могла иметь детей. Прожив шестнадцать лет, они расстались, и через три года, в 1883 году, она умерла.

До разрыва с женой Алоис, теперь уже на законном основании именовавшийся Гитлером, сошелся с молодой кухаркой при гостинице Франциской Матцельсбергер, которая в 1882 году родила от него сына, тоже Алоиса. Через месяц после смерти жены он женился на кухарке, а через три месяца она родила ему дочь Ангелу. И второй брак Алоиса оказался недолговечным. Год спустя Франциска скончалась от туберкулеза. А через шесть месяцев Алоис Гитлер женился в третий – и последний – раз.

Новой невесте Кларе Пёльцль, которая в скором времени станет матерью Адольфа Гитлера, было двадцать пять, ее мужу – сорок восемь, и они давно знали друг друга. Клара была родом из Шпиталя – деревни, в которой проживали многочисленные родственники Гитлеров. Иоганн фон Непомук Гютлер, в семье которого вырос племянник Алоис Шикльгрубер-Гитлер, приходился ей дедушкой. Таким образом, Алоис доводился Кларе двоюродным братом, и на их брак, как мы уже знаем, потребовалось разрешение епископа.

Это был союз, о котором таможенный чиновник подумывал задолго до момента, когда Клара вошла в его первую семью, где не было детей, в качестве приемной дочери. Девочка прожила с Шикльгруберами в Браунау несколько лет. Первая жена Алоиса часто болела, и у него, по-видимому, возникла мысль жениться на Кларе, как только он станет вдовцом. Отцовское признание и получение Алоисом наследства совпали с шестнадцатилетием девушки, когда она по закону уже могла выйти замуж. Но, как известно, первая жена после разрыва прожила еще несколько лет, а Алоис тем временем связался с кухаркой, и Клара в двадцать лет, покинув родную деревню, уехала в Вену, где нанялась служанкой.

Вернулась она через четыре года, чтобы вести хозяйство в доме двоюродного брата, – Франциска в последние месяцы жизни тоже жила отдельно от мужа. Алоис Гитлер и Клара Пёльцль поженились 7 января 1885 года, а через четыре месяца и десять дней у них родился первенец Густав. Он умер во младенчестве, как и дочь Ида, родившаяся в 1886 году.

Адольф Гитлер был их третьим ребенком. Младший брат Эдмунд, родившийся в 1894 году, прожил всего шесть лет. Пятый, и последний, ребенок – дочь Паула родилась в 1896 году и пережила своего брата.

Сводный брат Адольфа Алоис и сводная сестра Ангела – дети Франциски Матцельсбергер – выросли и стали взрослыми. Ангела, хорошенькая молодая женщина, вышла замуж за служащего налогового управления по фамилии Раубал, после его смерти работала в Вене экономкой, а одно время, если верить сведениям Хайдена, кухаркой в еврейской благотворительной общине. В 1928 году она переехала к Гитлеру в Берхтесгаден для ведения хозяйства, и в нацистских кругах много говорили о вкусной венской сдобе и сладких блюдах на десерт, приготовленных Ангелой, которые Гитлер поглощал с волчьим аппетитом. Она уехала от него в 1936 году, чтобы выйти замуж за профессора архитектуры в Дрездене, и Гитлер, будучи уже рейхсканцлером и диктатором, не простил ей этого и даже отказался сделать свадебный подарок. Она была единственной родственницей, с кем Гитлер в зрелом возрасте поддерживал тесные отношения. А впрочем, было еще одно исключение. У Ангелы была дочь – тоже Ангела

(Гели) Раубал, красивая блондинка, к которой Гитлер, как мы убедимся, питал по-настоящему глубокое чувство.

Адольфу Гитлеру не нравилось, когда при нем упоминали имя сводного брата. Алоис Матцельсбергер, в дальнейшем по праву именовавшийся Алоисом Гитлером, стал официантом и на протяжении долгих лет был не в ладах с законом. В восемнадцать лет его приговорили за кражу к пяти месяцам тюрьмы, а в двадцать (тоже за кражу) – к восьми месяцам. В конце концов он переехал в Германию, но тут же впутался в новую историю. В 1924 году, когда Адольф Гитлер томился в тюрьме за организацию бунта в Мюнхене, гамбургский суд приговорил Алоиса Гитлера к шестимесячному заключению за двоеженство. Затем, как рассказывает Хайден, он поселился в Англии, женился, но вскоре бросил семью.

С приходом к власти национал-социалистов для Алоиса Гитлера настали счастливые времена. Он открыл небольшую пивную в предместье Берлина, а незадолго до окончания войны перенес ее на Витгенбергерплац, в фешенебельный квартал на западе столицы. Пивную часто посещали нацисты, и в первые годы войны, когда с продуктами было плохо, в ней всегда царило изобилие. В те дни я тоже иногда заглядывал туда. Шестидесятилетний Алоис, тучный, простоватый и добродушный, внешне мало походил на знаменитого сводного брата и ничем не отличался от многочисленных владельцев небольших питейных заведений, разбросанных по Германии и Австрии. Дела у него шли хорошо, и он, предав забвению небезупречное прошлое, наслаждался обеспеченной жизнью.

Боялся он лишь одного – чтобы сводный брат в припадке раздражения не отнял лицензию. В пивной поговаривали, что фюрер сожалел о существовании сводного брата, напоминавшему ему о скромном происхождении их семьи. Помнится, Алоис отказывался участвовать в каких бы то ни было разговорах о сводном брате, – разумная мера предосторожности, правда, разочаровавшая тех, кто пытался узнать как можно больше о прошлом человека, уже к тому времени приступившего к завоеванию Европы.

За исключением «Майн кампф», на страницах которой дается скудный биографический материал, что нередко вводит исследователей в заблуждение, и имеются большие временные пробелы, Гитлер не обсуждал и не позволял обсуждать в его присутствии свою родословную, детские и юношеские годы. С прошлым семьи мы познакомились. Какими же были детство и юность фюрера?

Детские и юношеские годы Адольфа Гитлера

В тот год, когда отец в возрасте пятидесяти восьми лет оставил службу в таможне и вышел на пенсию, шестилетний Адольф начал ходить в школу в деревне Фишльхам неподалеку от Линца. Это произошло в 1895 году. Затем в течение четырех-пяти лет беспокойный пенсионер несколько раз переезжал из одной деревни в другую в окрестностях Линца. К тому времени, когда сыну исполнилось пятнадцать лет, семья сменила семь раз местожительство, а мальчик пять школ. Два года он посещал занятия в монастыре бенедиктинцев в Ламбахе, по соседству с которым отец приобрел ферму. Там юный Гитлер пел в хоре и, по его собственным словам, мечтал о духовном сане. В конце концов вышедший на пенсию таможенный чиновник прочно обосновался в деревушке Леондинг, к югу от Линца, где семья занимала скромный дом с садом.

Когда мальчику исполнилось одиннадцать лет, он стал посещать среднюю школу в Линце. Для отца это было связано с определенными финансовыми издержками, но свидетельствовало о его честности – сын должен пойти по стопам отца и стать государственным служащим. Юноша же меньше всего стремился к этому. «Мне едва исполнилось одиннадцать, – рассказывал впоследствии Гитлер, – когда я впервые был вынужден сказать «нет» собственному отцу... Я не хотел быть чиновником».

Невеселая история непримиримой борьбы мальчика, по сути еще ребенка, с упрямым и, как он уверяет, деспотичным отцом – один из немногих эпизодов биографии, подробно и откровенно описанных Гитлером в «Майн кампф».

Этот конфликт стал по существу первым проявлением необузданной силы воли, которая впоследствии завела его так далеко и, несмотря на казавшиеся непреодолимыми препятствия и трудности, сокрушила всех, кто стоял у него на пути, наложила неизгладимую печать на судьбы Германии и Европы.

«Я не хотел быть чиновником. Нет и еще раз нет! Все старания отца привить мне любовь и уважение к этой профессии, примеры из его собственной жизни имели совершенно противоположный эффект. Меня... тошнило от одной мысли, что придется сидеть в конторе, не располагая свободой и собственным временем, сведя цель жизни к заполнению бумажных формуляров...

В один прекрасный день я понял, что стану художником... Отец мой лишился дара речи. Художником?

Ему показалось, что я не в своем уме, или, может, он считал, что ослышался и неправильно меня понял. Когда же отец выяснил, о чем идет речь, и осознал всю серьезность моих намерений, он в свойственной ему категоричной манере стал возражать...

– Художником? Нет! Никогда, пока я жив!..

Отец долго повторял свое «никогда». А я тем не менее настаивал...» Ссора привела к тому, что мальчик бросил школу. «Я подумал, – объяснял Гитлер, – что, как только отец убедится, насколько неблагоприятно обстоят мои дела в школе, он позволит мне осуществить свою мечту, независимо от того, по душе это ему или нет».

Эти слова, написанные тридцать четыре года спустя, в какой-то мере могут служить оправданием школьных неудач Гитлера. Его оценки в начальной школе были в целом хорошими. Но в средней школе в Линце Гитлер учился весьма посредственно и в итоге, не получив аттестата, вынужден был перевестись в школу в Штейре. Там он занимался недолго и, не доучившись, бросил школу.

Школьные неудачи не давали покоя Гитлеру и в более зрелом возрасте, когда он всячески высмеивал ученых мужей, их степени, дипломы, тщеславие и высокомерие. Даже последние три-четыре года своей жизни, находясь в ставке верховного главнокомандования и вдаваясь в тонкости военной тактики, стратегии и командования, он иногда откладывал все дела и вместе со старыми друзьями по партии предавался воспоминаниям о недалекости учителей, преподававших ему в юности. Некоторые высказывания этого безумного гения, в то время верховного главнокомандующего, лично руководившего огромными армиями на пространствах от Волги до Ла-Манша, дошли до наших дней.

«3 марта 1942 года

Вспоминая своих учителей, я понимаю, что у большинства из них было не все в порядке с психикой. Те же, кого можно считать хорошими преподавателями, являлись исключением. Печально думать, что такие люди способны были преградить молодому человеку дорогу в жизнь.

12 апреля 1942 года

Самые неприятные воспоминания остались у меня об учителях, преподававших в школе. Внешний вид говорил об их нечистоплотности, воротнички всегда казались несвежими... Они были порождением пролетариата, лишенного способности мыслить самостоятельно, их отличало крайнее невежество, и они прекрасно подходили для того, чтобы стать винтиками деградирующей системы правления, которая – слава Богу! – теперь уже в прошлом.

29 августа 1942 года

Вспоминая своих школьных учителей, я сознаю, что половина из них были людьми ненормальными... Мы, ученики старой Австрии, воспитывались в духе уважения к старикам и женщинам. Однако мы были безжалостны по отношению к нашим преподавателям, они являлись для нас настоящими врагами. Большинство были умственно неполноценными, и многие к концу жизни превратились в настоящих безумцев... Особенно не везло с учителями мне. Совершенно не проявились мои способности к иностранным языкам, хотя все могло сложиться иначе, не будь преподаватель полным идиотом. Я просто не выносил его.

7 сентября 1942 года

Наши учителя были настоящими тиранами. К молодежи они не испытывали никакой симпатии. Их единственная цель состояла в том, чтобы вбить нам в голову разную чепуху и превратить в таких же ученых обезьян, какими были они сами. Стоило кому-то проявить малейшие признаки самостоятельного мышления, его начинали систематически преследовать. А примерные ученики, которых мне довелось знать, во взрослой жизни оказались неудачниками».

Совершенно очевидно, что до последних дней своей жизни Гитлер не забывал о преподавателях, ставивших ему когда-то плохие оценки, и постарался представить прошлые события в виде фарса.

Впечатления преподавателей о молодом Гитлере были записаны после того, как он стал известен всему миру. Одним из немногих учителей, которого, похоже, жаловал Гитлер, был Теодор Гиссингер, пытавшийся привить ему любовь к естественным наукам. Гиссингер впоследствии вспоминал: «Лично у меня от Гитлера в Линце не осталось никакого впечатления – ни хорошего, ни плохого. Его ни в коей мере нельзя было назвать лидером класса. Худощавый, державшийся прямо юноша, с бледным, вытянутым, как у чахоточного, лицом... Открытый взгляд... Глаза блестят».

Эдуард Хюмер, принадлежавший, очевидно, к числу тех «полных идиотов», о которых высказывался Гитлер, поскольку преподавал французский язык, приезжал в 1923 году в Мюнхен давать свидетельские показания по делу своего бывшего ученика, обвиненного в измене за участие в «пивном путче». Разделяя взгляды Гитлера, он заявил, что от всей души желает осуществления его идей, и набросал портрет своего бывшего ученика: «Гитлер, безусловно, был способным учеником, хотя способности его проявлялись лишь по отдельным предметам. Ему не хватало самоконтроля, поэтому, мягко говоря, его считали спорщиком, деспотичным, самонадеянным, невыдержанным, не подчиняющимся школьной дисциплине. Усердием он также не отличался, иначе добился бы лучших результатов, принимая во внимание его способности».

Один из учителей средней школы в Линце оказал сильное и, как выяснилось, роковое влияние на молодого Адольфа Гитлера. Это был преподаватель истории доктор Леопольд Пётч – выходец с юга, где проходила граница с южными славянами. Региональные конфликты на расовой почве превратили Пётча в фанатичного немецкого националиста. До приезда в Линц он преподавал в Марбурге, который позднее, когда эта область после Первой мировой войны отошла к Югославии, был переименован в Марибор.

Несмотря на то что доктор Пётч ставил своему ученику лишь «удовлетворительно», он единственный из учителей, о ком фюрер тепло отзывался в «Майн кампф».

«Для всей моей последующей жизни определяющим моментом, пожалуй, явилось то, что судьба ниспослала мне такого преподавателя истории, который, как никто другой, понимал принцип... сохранения главного и отбрасывания в сторону всего несущественного... В моем учителе средней школы в Линце докторе Леопольде Пётче это требование сочеталось идеальным образом. Пожилой человек, добрый и одновременно твердый, он умел не только привле-

кать наше внимание своим поразительным красноречием, но и вести за собой. Даже теперь я с трепетом вспоминаю этого седого человека, который своей страстной речью иногда заставлял нас забывать настоящее, который словно по мановению волшебной палочки переносил нас в прошлое и превращал сухие исторические факты вековой давности в живую реальность. Мы внимали, зачастую обуреваемые энтузиазмом, растроганные до слез... Он использовал зарождавшийся в нас национальный фанатизм как средство воспитания, нередко обращаясь к чувству нашего национального достоинства. Благодаря стараниям педагога история стала моим любимым предметом.

И действительно, хотя у него и не было такого намерения, именно тогда я сделался молодым революционером».

Тридцать пять лет спустя, в 1938 году, в ходе триумфального визита в Австрию после ее присоединения к Третьему Рейху рейхсканцлер Гитлер ненадолго остановился в Клагенфурте, чтобы навестить своего старого учителя, уже вышедшего на пенсию. Он с удовлетворением узнал, что Пётч являлся членом нацистской организации СС, которая в независимой Австрии была запрещена.

Гитлер беседовал с ним наедине в течение часа и позднее признался товарищам по партии: «Вы представить себе не можете, как я обязан этому старому человеку».

Алоис Гитлер умер от легочного кровотечения 3 января 1903 года в возрасте шестидесяти пяти лет. Приступ застал его во время утреннего моциона, и он скончался в расположенной поблизости гостинице на руках у соседа. Когда тринадцатилетний сын увидел тело отца, он не выдержал и разрыдался.

Его мать, которой было тогда сорок два года, переехала в скромную квартирку в Урфаре – пригороде Линца, где вместе с двумя оставшимися в живых детьми, Адольфом и Паулой, перебивалась на скромные сбережения и выделенную ей пенсию. Она считала себя обязанной, как заметил Гитлер в «Майн кампф», согласно воле отца заботиться о его дальнейшем образовании. «Другими словами, заставить меня учиться на государственного служащего».

Хотя молодая вдова потворствовала прихотям сына и он, похоже, тоже искренне любил ее, мальчик «более, чем когда-либо, был уверен, что не станет чиновником». Таким образом, несмотря на нежные чувства матери и сына, между ними возникли трения, потому что Адольф по-прежнему пренебрегал занятиями в школе.

«Неожиданно мне помогла болезнь, несколько недель определили мое будущее и положили конец извечным домашним ссорам».

Когда Гитлеру было почти шестнадцать, обнаружили, что он болен легочным заболеванием, и юноша вынужден был прервать учебу по крайней мере на год. На какое-то время его отослали в деревушку Шпиталь к родственникам. В доме у тетки по матери, крестьянки Терезы Шмидт, Адольф быстро поправился. После выздоровления он ненадолго вернулся в среднюю школу. В последнем отчете об успеваемости от 16 сентября 1905 года Гитлеру выставлены оценки «хорошо» по немецкому языку, химии, физике, геометрии. По географии и истории он имел «удовлетворительно», а по рисованию на свободные темы «отлично». Его настолько воодушевила перспектива навсегда распрощаться со школой, что он напился в первый и последний раз в жизни. Позднее он вспоминал, что на рассвете где-то на проселочной дороге под Штейром его подобрала молочница и помогла добраться до города. И он тогда же поклялся, что такое больше не повторится. В данном случае Гитлер сдержал слово – он стал трезвенником, воздерживался от курения, был вегетарианцем сначала в силу обстоятельств, когда без гроша в кармане бродяжничал в Вене и Мюнхене, потом – по убеждению.

Последующие два-три года Гитлер считал самыми счастливыми в своей жизни. Несмотря на просьбу матери и настойчивые призывы родственников пойти работать и приобрести профессию, он довольствовался мечтами о том, что в будущем станет художником, и предавался

развлечениям на берегах Дуная. Гитлеру навсегда запомнилась безоблачная пора юности, когда он, будучи любимцем матери, наслаждался «прелестями праздной жизни».

Хотя болезненной вдове было нелегко сводить концы с концами, располагая довольно скудными средствами, молодой Адольф категорически не желал искать работу, чтобы помочь семье. Сама мысль о необходимости зарабатывать себе на хлеб уже тогда претила ему, и он не изменил своего отношения к этому на протяжении всей жизни.

Последние годы юности перед вступлением во взрослую жизнь Гитлер считал счастливыми, очевидно, потому, что был свободен, мог строить любые планы на будущее, мечтать и проводить дни в шатании по городу или деревне, втолковывая приятелю, что мир устроен несправедливо и это надо исправить. Вечерами он мог уткнуться в книгу либо, проникнув с черного хода в оперный театр Линца или Вены, восхищенно вслушиваться в таинственные мелодии Рихарда Вагнера.

Позднее один из друзей детства отзывался о Гитлере как о болезненном, бледном и худощавом юноше, обычно робком и скрытном, с которым мог внезапно случиться истерический припадок, если кто-либо с ним не соглашался. Четыре года Адольфу казалось, что он по-настоящему влюблен в хорошенькую блондинку по имени Штефания. Часто провожая ее влюбленным взглядом, когда она вместе с матерью прогуливалась по Ландштрассе в Линце, Гитлер ни разу не попытался познакомиться с девушкой, предпочитая, чтобы она, как и многие другие объекты его почитания, оставалась в скрытом от посторонних мире его буйных фантазий. Действительно, во многих лирических стихах, посвященных Штефании (одно из стихотворений называлось «Гимн любимой»), которые он упорно читал своему терпеливому другу Августу Кубичеку², она представлялась ему девой из «Валькирии», облаченной в темно-синюю развевающуюся бархатную мантию и скачущей на белом коне по цветущим полям.

Хотя Гитлер намеревался посвятить себя искусству – стать художником или по крайней мере архитектором, в возрасте шестнадцати лет его уже захватила политика.

К тому моменту он пропитался яркой ненавистью к Габсбургской монархии и всем ненецким народностям многонациональной Австро-Венгерской империи, которой они правили, и столь же пылкой любовью ко всему немецкому. В шестнадцать лет Гитлер стал тем, кем оставался всю жизнь вплоть до последнего вздоха – фанатичным немецким националистом. Вероятно, он не так легкомысленно воспринимал происходящее, как можно было ожидать от празднующегося. Мировые проблемы уже тогда давили на него тяжким грузом. Кубичек впоследствии вспоминал: «Повсюду он замечал одни лишь препятствия и враждебность... Он вечно против чего-то возражал и был недоволен окружающим... Я замечал, что он воспринимал происходящее очень серьезно...»

Именно в то время молодого человека, который терпеть не мог школу, обуяла страсть к чтению. Он записывается в публичную библиотеку в Линце и вступает в музейное общество, где берет книги в большом количестве. Знакомый Гитлера тех лет вспоминает, что его всегда окружали книги, любимыми же являлись книги по истории Германии и немецкой мифологии.

Линц был провинциальным городом, и вскоре внимание юноши, которого переполняли амбиции и фантазии, привлекла Вена – блистательная столица империи, славившаяся архитектурой барокко. В 1906 году, как только ему исполнилось семнадцать, Гитлер, взяв денег у матери и родственников, отправился на два месяца в столицу. Хотя именно здесь позднее

² Кубичек, очевидно, единственный друг Гитлера в юности, находившийся рядом с ним четыре года, пока в возрасте девятнадцати лет тот не отправился бродяжничать в Вену, в книге «Каким я знал Гитлера в юности» нарисовал интересный портрет своего приятеля, портрет, позволяющий не только заполнить пробелы в биографии германского фюрера, но и до некоторой степени скорректировать бытовавшее ранее представление о характере молодого Гитлера. Кубичек был полной ему противоположностью. Он происходил из хорошей семьи, выучился, как отец, на драпировщика и с удовольствием занимался этим ремеслом, одновременно обучаясь музыке. Позднее он с отличием закончил Венскую консерваторию и, вероятно, сделал бы блестящую карьеру дирижера и композитора, если бы не грянула Первая мировая война.

пройдут самые мрачные годы его жизни, когда ему в буквальном смысле придется нищенствовать, во время первой встречи Вена очаровала его. Адольф целыми днями бродил по улицам, с восхищением рассматривая фасады домов на Ринге, постоянно пребывая в состоянии возбуждения от того, что видел в музеях, слышал в опере.

Юноша навел справки относительно поступления в Венскую академию изящных искусств и через год, в октябре 1907-го, вновь вернулся в столицу. Первым практическим шагом в осуществлении мечты стать художником явились вступительные экзамены. Тогда, в восемнадцать лет, он был полон надежд, но они не сбылись. Подробно об этом рассказывает запись в экзаменационном протоколе академии:

«В ходе экзаменов следующие лица не добрали баллов и не были приняты... Адольф Гитлер, уроженец Браунау-ам-Инн, родился 20 апреля 1889 года, немец, католик, отец – государственный служащий, окончил четыре класса средней школы. Несколько рисунков головы оценены неудовлетворительно».

На следующий год Гитлер предпринял еще одну попытку поступить в академию, но на этот раз его рисунки оказались настолько плохи, что его не допустили до экзаменов. На молодого человека с большими амбициями, как писал он впоследствии, неудача обрушилась как гром среди ясного неба. Он был твердо уверен, что добьется успеха. Описывая этот эпизод в «Майн кампф», Гитлер упоминает, что потребовал объяснения от ректора академии.

«Этот господин заверил меня в том, что представленные работы со всей очевидностью свидетельствуют, что у меня нет склонности к рисованию и мне лучше попробовать себя в архитектуре. Он заявил, что о моем поступлении в художественную школу академии и речи быть не может и мне надо учиться в архитектурном институте».

Молодой Адольф хотел было последовать этому совету, но вскоре с горечью понял, что отсутствие аттестата не позволит ему поступить в архитектурный институт.

Тем временем его мать умирала от рака груди, и Адольф вынужден был вернуться в Линц. После того как он бросил школу, Клара Гитлер и ее родственники помогали молодому человеку в течение трех лет, однако результатов не видели. 21 декабря 1908 года, когда город оделся в рождественский наряд, мать скончалась. Два дня спустя ее похоронили на кладбище в Леондинге рядом с отцом.

Для девятнадцатилетнего юноши это был страшный удар.

«...Я уважал отца и любил мать... Ее внезапная кончина положила конец всем моим далеко идущим планам... Бедность и суровая действительность вынудили меня незамедлительно принять решение... Я столкнулся с проблемой как-нибудь зарабатывать себе на жизнь».

«Как-нибудь»! У него не было профессии. Он с презрением относился к физическому труду и никогда не пытался что-либо заработать. Но трудности не пугали Гитлера. Прощаясь с родственниками, он громогласно заявил, что не вернется сюда, пока не устроит свою судьбу.

«С набитым чемоданом и непоколебимой верой в сердце я отправился в Вену. Я, как и мой отец пятьдесят лет назад, надеялся, что судьба мне улыбнется и я стану кем-то, но только не государственным служащим».

Самый мрачный период жизни Гитлера

1909–1913 годы ознаменованы полной нищетой и крушением надежд тщеславного молодого человека из Линца. В эти последние годы процветания династии Габсбургов, предшествовавшие ее краху, после чего город уже перестал быть столицей пятидесятидвухмиллионной империи, расположенной в самом сердце Европы, в Вене царила атмосфера веселья и очарования, которая всегда выделяла ее среди других столиц мира. Ни один из городов Запада не мог сравниться с ней не только своим архитектурным богатством, но и добродушием, весельем и утонченностью жителей, воспитанных на барокко и рококо.

Место, расположенное на берегу голубого Дуная, в окрестностях Венского леса, среди холмов, покрытых золотисто-зелеными виноградниками, представлялось чудом природы, захватывало воображение приезжих, а венцев заставляло поверить в то, что Всевышний к ним особенно благосклонен. Отовсюду лилась изумительная по проникновенности музыка Гайдна, Моцарта, Бетховена и Шуберта – гениальнейших композиторов, которых когда-либо знала Европа, а последние годы в разгар бабьего лета постоянно звучали пленительные вальсы любимца Вены Иоганна Штрауса.

Людам, которым выпало счастье с детских лет любоваться пышным барокко, сама жизнь представлялась неким сном. Жители Вены дни и ночи беззаботно кружились в вальсе и потягивали вино, мило болтали в уютных кафе, слушая музыку и пребывая в мире грез, посещали драмтеатр, оперу, оперетту, предавались любви – другими словами, большую часть своей жизни посвящали удовольствиям и мечтам о них.

Конечно, кому-то надо было управлять империей, руководить армией и флотом, прокладывать коммуникации, заниматься бизнесом и просто трудиться. Однако немногие из венцев работали сверхурочно и даже полный рабочий день.

Безусловно, и здесь существовала так называемая изнанка жизни. В Вене, как и в других городах, имелись бедняки, которые жили в трущобах, недоедали и плохо одевались. Однако, будучи самым крупным промышленным городом Центральной Европы и столицей Австро-Венгерской империи, Вена процветала, и жители в полной мере пользовались благами этого процветания. Политическую жизнь города контролировала большей частью мелкая буржуазия; рабочие создали не только свои профсоюзы, но и мощную политическую партию – социал-демократическую. Население города, насчитывавшее в то время два миллиона человек, начинало проявлять активность.

Демократия приходила на смену существовавшему веку самодержавию Габсбургов, народные массы получали доступ к образованию и культуре. К тому времени, когда Гитлер, молодой человек без гроша за душой, перебрался в Вену, перед ним открылась перспектива получить высшее образование либо довольно прилично зарабатывать себе на жизнь, влившись в миллионную армию тружеников, и наслаждаться благами цивилизации, которые столица предоставляла своим жителям. Ведь не кто иной, как его единственный друг Кубичек, такой же бедный и неизвестный, как сам Гитлер, уже успел заявить о себе в музыкальной академии.

Но молодой Адольф решил не поступать в архитектурный институт, хотя такая возможность, несмотря на отсутствие аттестата об окончании средней школы, у него была, поскольку молодых людей, отличавшихся «особым талантом», принимали и без него. Однако, насколько известно, он не подавал заявления о приеме. Его мало заботило и то, что надо приобрести какую-то профессию или поступить на постоянную работу.

Гитлер предпочел перебиваться случайными заработками: убирал снег, выбивал ковры, служил носильщиком на Западном вокзале, а иногда нанимался на несколько дней строительным рабочим. В ноябре 1909 года, почти год спустя после приезда в Вену «в надежде на лучшую судьбу», он был вынужден съехать из меблированной комнаты, которую снимал по Симон-Денк-гассе, и четыре года обитал в ночлежках или в таких убогих местах, как мужское общежитие в доме номер двадцать семь по Мельдемманн-штрассе в двадцатом районе Вены, на берегу Дуная. Голод он утолял похлебкой, которую раздавали в городе благотворительные кухни.

Неудивительно, что почти два десятилетия спустя Гитлер писал:

«С Веной – городом, который для многих является воплощением беспечных радостей, излюбленным местом развлечений, у меня, к сожалению, связаны воспоминания о самом печальном периоде моей жизни.

Даже сегодня этот город не вызывает у меня ничего, кроме мрачных мыслей. Вена ассоциируется в моем воображении с пятью годами невзгод и лишений. Пять лет я был вынужден

зарабатывать себе на жизнь сначала в качестве поденного рабочего, затем – скромного художника; скудного заработка не хватало даже на то, чтобы каждый день утолять голод».

Рассказывая о том периоде своей жизни, Гитлер подчеркивал, что постоянно недоедал:

«Голод в те годы был со мной неразлучен, словно преданный охранник, ни на минуту не оставляя меня и поглощая все, что у меня было... Жизнь представляла собой вечную борьбу с этим безжалостным другом».

Голод, однако, не заставил его искать постоянное место работы. В «Майн кампф» Гитлер поясняет, что им владел мучительный страх мелкого буржуа скатиться до уровня пролетария, выполняющего физическую работу. Впоследствии при создании национал-социалистической партии Гитлер использовал этот страх, опираясь в основном на плохо оплачиваемый, неприкаянный, не имеющий своего лидера класс «белых воротничков», миллионы представителей которого питали иллюзии, что в социальном отношении они в любом случае стоят выше рабочих.

Хотя Гитлер и говорит, что кое-как перебивался, работая «скромным художником», в своей автобиографии он подробно на этом не останавливается, а лишь упоминает: в 1909–1910 годах его материальное положение настолько улучшилось, что ему уже не надо было трудиться простым рабочим. «В то время, – пишет он, – я был независимым скромным чертежником и рисовал акварели».

Утверждение это отчасти вводит в заблуждение, как и многое из того, что связано с биографией фюрера, изложенной в «Майн кампф». Хотя высказывания тех, кто знал Гитлера в те годы, не намного достовернее, все-таки удалось воссоздать более точную и наверняка более полную картину.

То, что Адольф Гитлер никогда не рисовал дома, в чем язвительно упрекали его политические оппоненты, совершенно очевидно. По крайней мере, нет никаких фактов, подтверждающих, что он этим занимался. Он рисовал маленькие картинки с видами Вены, известные всем достопримечательности столицы, такие, как собор святого Стефана, оперу, Бургтеатр, дворец в Шёнбрунне или римские развалины в парке Шёнбрунна. Знакомые уверяли, что Адольф копировал виды с картин старых мастеров, с натуры он, по-видимому, рисовать не умел. Рисунки его ходульны и безжизненны, словно черновые наброски начинающего архитектора, а человеческие фигуры, которые он иногда изображал на фоне зданий, настолько плохи, что напоминают персонажи комиксов.

Гитлер, возможно, продал сотни таких картинок мелким торговцам для украшения стен, продавцам для заполнения рам на выставках, мебельщикам, которые, следуя моде тех дней, иногда прибавляли их гвоздиками к спинкам дешевых диванов и кресел. Гитлер не пренебрегал и чисто коммерческими заказами, часто рисовал рекламные плакаты для лавочников. На одном из плакатов Дед Мороз продавал ярко раскрашенные свечки, очевидно, чтобы немного заработать на Рождество, на другом – готический шпиль собора святого Стефана, который Гитлер не устал копировать, возвышался над грудой кусков мыла.

В годы своей скитальческой жизни в Вене он походил на человека богемы. Те, кто знал в то время Гитлера, впоследствии вспоминали, что он носил длинное, до пят, потертое пальто черного цвета, похожее на кафтан, подаренное ему венгерским евреем, торговавшим подержанными вещами, вместе с которым Гитлер влачил тоскливые дни в мужском общежитии. Рассказывали, что Адольф круглый год не снимал с головы черную же грязную жокейскую кепочку. Спутанные волосы, зачесанные на лоб, как в более поздние годы, лохмами спадали сзади на несвежий воротничок. Гитлер, очевидно, редко стригся и брился, поэтому черная щетина проступала обычно на щеках и подбородке. Если верить Ханишу, «внешне Гитлер выглядел довольно неординарно».

В отличие от окружавших его отчаявшихся молодых людей Гитлер не был подвержен порокам юности. Он не курил и не употреблял спиртного, женщинами не увлекался – не из-за какой-то аномалии, как утверждали, а просто из-за врожденной робости.

«Мне кажется, – заметил Гитлер впоследствии в «Майн кампф» с известной долей юмора, проблески которого были у него столь редки, – что мои знакомые того времени считали меня эксцентричным». Как и его учителя, они запомнили у Гитлера вызывающе пристальный взгляд, выражающий нечто присущее сильной личности и никак не вязавшийся с жалким обликом немывтого бродяги. Они вспоминали, что молодой человек, несмотря на всю свою леность, когда дело касалось физического труда, был ненасытным книгочеем и проводил за чтением большую часть времени.

«В то время я читал много и основательно. Все свободное от работы время я отдавал этому занятию. Таким образом, за несколько лет я накопил основательные знания, которыми пользуюсь и сегодня».

В «Майн кампф» подробно обсуждается искусство чтения:

«Под «чтением», правда, я подразумеваю нечто иное, нежели средний представитель нашей так называемой интеллигенции. Я знаю тех, кто «читает» очень много... но я с трудом мог бы назвать их людьми «начитанными». Естественно, они накопили массу информации, однако их способности не позволяют надлежащим образом расположить и зафиксировать получаемый материал... С другой стороны, человек, владеющий искусством правильного чтения... тотчас же подсознательно отбирает все, что, по его мнению, заслуживает твердого запоминания, поскольку это либо соответствует его цели, либо содержит полезные сведения... Искусство чтения, так же как и самого процесса обучения, состоит в следующем: запомнить главное и забыть все лишнее...

Лишь такое чтение можно считать осмысленным и целесообразным... С этой точки зрения мой венский период особенно плодотворен и ценен».

Ценен для чего? Гитлер отвечает, что, вращаясь среди бедных и бесправных обитателей Вены, он посредством чтения приобрел все те знания, которые потребовались ему в дальнейшей жизни.

«Вена была и остается для меня самой трудной и одновременно самой основательной школой жизни. Я вступил в этот город почти ребенком, а покинул его взрослым человеком, молчаливым и угрюмым.

Именно в ту пору сформировалось мое мироощущение и философия, которые послужили краеугольным камнем для всех моих будущих действий. И впоследствии мне не надо было учиться многому, что-либо менять коренным образом в дополнение к тому, что я создал».

Какие же знания приобрел Гитлер во время тяжелых испытаний, столь щедро выпадавших на его долю в Вене? Каковы те идеи, которые он почерпнул из книг и выработал на основании собственного опыта и которым, по его же словам, следовал практически до конца дней своих? Даже при самом поверхностном рассмотрении ясно, что идеи эти не отличались глубиной и всесторонностью, зачастую носили гротесковый и нелепый характер и явно окрашены предрассудками. Однако столь же очевидно, что анализ этих идей весьма важен для данного исторического исследования, как и для мировой истории в целом, поскольку они сыграли не последнюю роль в формировании основ Третьего Рейха, которые вскоре предстояло заложить этому начитанному бродяге.

Идейные воззрения Адольфа Гитлера

Эти воззрения, за малым исключением, не отличались особой оригинальностью и были почерпнуты из бурлящего водоворота австрийской политической жизни начала двадцатого

века. Дунайская монархия разваливалась под бременем собственных противоречий. Германо-австрийское меньшинство на протяжении столетий правило многоязычной империей, в состав которой входило более десятка разных национальностей, навязывая им свой язык и свою культуру. Но с 1848 года позиции монархии пошатнулись. Образно выражаясь, Австрия перестала быть котлом, переваривающим противоречия национальных меньшинств. В 1960-е годы прошлого столетия от империи откололась Италия, а в 1867 году венгры добились равенства с немцами в рамках так называемой двуединой монархии.

Теперь же, в начале двадцатого века, потребовали равенства или по крайней мере национальной самостоятельности славянские народы – чехи, словаки, сербы, хорваты и другие. В политической жизни Австрии доминирующее место заняла острая национальная борьба.

Но это было еще не все. Назревал также социальный протест, зачастую превосходивший по своим масштабам расовые волнения. Низшие классы, лишённые избирательного права, добивались участия в выборах, а рабочие боролись за право создавать профсоюзы и проводить забастовки, выдвигая требования не только о повышении заработной платы и улучшении условий труда, но и о предоставлении политических свобод. И действительно, всеобщая забастовка в итоге привела к предоставлению избирательного права мужчинам, что по существу положило конец политическому доминированию германо-австрийцев, составлявших треть населения австрийской части империи.

Гитлер, этот молодой германо-австрийский националист из Линца, был ярким противником подобных перемен. Он считал, что империя стала скатываться в «зловонное болото». Спасти ее можно лишь при условии, если высшая раса – немцы – сохраняют за собой абсолютную власть.

Негерманские расы, особенно славяне, а прежде всего чехи, считались низшими. И поэтому ими должны править немцы железной рукой. Следовало распустить парламент и вообще покончить со всякой демократической ерундой.

Хотя Гитлер не занимался политикой, он живо интересовался деятельностью трех основных политических партий старой Австрии: социал-демократической, христианско-социалистической и пангерманских националистов. И вот у этого неопытного завсегдатая благотворительных кухонь проклюнулись первые ростки политической проницательности, позволившие ему с удивительной ясностью увидеть всю силу и слабость современных политических течений. Дальнейшее развитие этого качества способствовало его превращению в ведущего политического деятеля.

Гитлер с первого взгляда лютой ненавистью возненавидел социал-демократическую партию. «Наибольшую неприязнь во мне, – заявлял он, – вызывало их враждебное отношение к борьбе за сохранение германизма и постыдное заигрывание с «товарищами» славянами... За несколько месяцев я получил то, на что в другие времена требовались десятилетия: понимание заразной шлюхи³, прикрывающейся общественной добродетелью и братской любовью».

И все же он был достаточно умен и погасил в себе чувство ненависти, которое испытывал к партии рабочего класса, чтобы внимательно изучить причины ее популярности. Он пришел к выводу, что таких мотивов несколько, и спустя годы припомнил их и использовал при создании национал-социалистической партии Германии.

Однажды, говорится в «Майн кампф», он явился свидетелем массовой демонстрации венских рабочих. «Почти два часа я стоял и, затаив дыхание, наблюдал, как огромная грозная толпа проплывала мимо. Затем в подавленном состоянии я не спеша направился домой».

Дома он занялся чтением социал-демократической прессы, изучением речей их лидеров и самой организации, анализом психологии и политических методов и подведением итогов. Гитлер пришел к выводу, что социал-демократы добились успехов, во-первых, потому, что

³ Во втором и всех последующих изданиях «Майн кампф» это слово было заменено выражением «заразных больных»

знали, как сделать движение массовым, без чего существование любой политической партии не имеет смысла; во-вторых, потому, что научились вести пропагандистскую работу в массах; в-третьих, потому, что хорошо понимали силу «внутреннего и физического страха».

Третий вывод, хотя и основывался на ошибочных представлениях и предубеждениях самого Гитлера, заинтересовал его. Через десять лет он использовал этот принцип в собственных целях.

«Я понял, какой постыдный внутренний страх это движение наводит, в частности, на буржуазию, которая ни морально, ни психически не готова к подобным нападкам; в заданный момент самая настоящая лавина оскорблений и лжи может обрушиться на любого противника, который представляется наиболее опасным, пока у лиц, подвергающихся нападкам, не сдадут нервы... Подобная тактика основывается на точном учете всех человеческих слабостей, и с ее помощью почти с математической точностью можно добиться успеха... Я пришел также к пониманию того, что такое значение физический страх имеет как в отношении отдельного человека, так и масс в целом... В то время как в рядах сторонников этого движения достигнутые успехи рассматриваются как подтверждение правильности выбранного ими пути, противник, потерпевший поражение, в большинстве случаев понимает всю бессмысленность какого-либо дальнейшего сопротивления».

Более точного анализа нацистской тактики, разработкой которой впоследствии занимался Гитлер, никто никогда не давал.

Пристальное внимание начинающего осознавать себя в Вене Гитлера привлекли две политические партии. Деятельность обеих он подверг беспристрастному скрупулезному анализу. Поначалу, как указывал Гитлер, его симпатии принадлежали пангерманской националистической партии, созданной Георгом Риттером фон Шёнерером, выходцем из Нижней Австрии, как и семья Гитлера.

В то время пангерманская партия вела непримиримую борьбу за германское превосходство в многонациональной империи. И хотя Гитлер считал Шёнерера «глубоким мыслителем» и с энтузиазмом поддерживал его основополагающую программу воинствующего национализма, антисемитизма, антисоциализма, союза с Германией, оппозиции Габсбургам и Ватикану, он вскоре понял причины неудач этой партии.

«Пангерманское движение в недостаточной мере оценило важность социальных проблем, и это стоило ему того, что оно потеряло поддержку по-настоящему активных народных масс. Участие партии в парламенте лишило движение мощной притягательной силы и одновременно выявило изъяны, свойственные ему. Борьба против католической церкви... оттолкнула от движения многих передовых людей, которые составляют гордость нации».

Хотя Гитлер забыл об этом, придя к власти в Германии, одним из уроков, извлеченных им в венский период жизни, о котором фюрер довольно подробно пишет в «Майн кампф», явилось понимание тщетности усилий любой политической партии противопоставить себя церкви.

«Независимо от того, насколько вескими были основания для критики того или иного направления, — пишет Гитлер, объясняя, почему тезис Шёнерера «отдельно от Рима» был тактической ошибкой, — политическая партия ни на минуту не должна упускать из вида тот факт, что за всю предшествующую историю партия, преследующая чисто политические цели, ни разу не добилась успеха в проведении реформации церкви».

Однако Гитлер полагал, что самой большой ошибкой пангерманской партии оказалась ее неспособность вести за собой массы, ее нежелание попытаться понять психологию простого народа. По оценке Гитлером идей, которые начали у него формироваться, едва ему исполнился двадцать один год, очевидно, что такую позицию пангерманистов он считал в корне ошибочной. Гитлер был не намерен повторять подобных просчетов, создавая свое собственное политическое движение.

Не имел он права и на другую ошибку, допущенную пангерманской партией. Пангерманцам не удалось добиться поддержки от мощных институтов страны – церкви, военных, кабинета министров или главы правительства. До тех пор пока политическое движение не заручится подобной поддержкой, по мысли молодого Гитлера, ему будет трудно, а то и невозможно прийти к власти. В решающие дни января 1933 года Гитлеру удалось изловчиться и получить в Берлине такую поддержку, что и позволило ему и национал-социалистической партии прийти к власти.

В бытность Гитлера в Вене один политический лидер хорошо понимал это, а также необходимость создания партии, опирающейся на массы. Это был доктор Карл Люгер, бургомистр Вены и лидер христианско-социалистической партии, который в большей, чем кто-либо другой, степени являлся политическим наставником Гитлера, хотя они ни разу не встречались. Гитлер всегда считал его «величайшим германским мэром всех времен... государственным деятелем более важным, чем все так называемые дипломаты того времени... Если бы доктор Карл Люгер проживал в Германии, его с полным основанием можно было бы отнести к великим представителям нашего народа».

Правда, надо заметить, что между Гитлером, каким он потом станет, и Люгером, этим добродушным кумиром мелкой венской буржуазии, было мало общего. Люгер действительно слыл самым влиятельным политическим деятелем Австрии, будучи председателем партии, состоящей из представителей недовольной мелкой буржуазии, нажив политический капитал, как позднее и сам Гитлер, на яром антисемитизме.

Однако Люгер, который не отличался знатным происхождением, учился в университете и был человеком высокообразованным. Даже его оппоненты, включая евреев, соглашались с тем, что он был порядочным, галантным, по-рыцарски щедрым и вполне терпимым. Стефан Цвейг, известный австрийский писатель, еврей по национальности, живший тогда в Вене, подтвердил, что официальный антисемитизм никогда не мешал Люгеру помогать евреям и проявлять дружеские чувства к ним. «При нем, – вспоминает Цвейг, – городом управляли довольно справедливо и даже в типично демократической манере... Евреи, которых привела в ужас победа антисемитской партии, как и раньше, пользовались теми же правами и уважением». Это не нравилось молодому Гитлеру. Он считал, что Люгер был слишком терпим и не понимал всей значимости расовой проблемы евреев. Гитлер возмущался неудачными попытками бургомистра принять пангерманизм, скептически воспринимал его католический клерикализм и лояльность по отношению к Габсбургам. Разве не престарелый император Франц Иосиф дважды отказывался санкционировать избрание Люгера на пост бургомистра?

Однако в конце концов Гитлер был вынужден признать гениальность этого человека, человека, который знал, каким образом можно добиться поддержки масс, хорошо разбирался в современных социальных проблемах и понимал, какое значение пропаганда и ораторское искусство имеют для воздействия на сознание масс. Гитлер не мог не восхищаться тем, как Люгер контактировал с влиятельной церковью: «политику он проводил с большой проницательностью». И наконец, тот же Люгер «умел эффективно использовать все имеющиеся средства для завоевания поддержки традиционных институтов власти, с тем чтобы получать максимальные преимущества для своей партии со стороны этих влиятельных сил».

Таковы вкратце идеи и методы, которыми позже воспользовался Гитлер для создания своей собственной политической партии и завоевания этой партией власти в Германии. Исключительная изобретательность Гитлера состояла в том, что он оказался единственным правым политическим деятелем, который применил эти идеи и методы в Германии после окончания Первой мировой войны. Именно в тот период нацистскому движению – единственному среди прочих националистических и консервативных партий – удалось привлечь на свою сторону широкие массы и благодаря этому добиться поддержки армии, президента республики и представителей большого бизнеса – другими словами, трех традиционных институтов верховной

власти, которые помогли Гитлеру найти пути к посту рейхсканцлера Германии. Уроки, полученные в Вене, действительно не прошли даром.

Доктор Карл Люгер был блестящим оратором, а пан-германская партия испытывала недостаток в людях, умеющих хорошо говорить. Гитлер обратил на это внимание и впоследствии в «Майн кампф» не преминул порассуждать о значении ораторского искусства в политике.

«Истоки той силы, которая с незапамятных времен лежала в основе крупнейших религиозных и политических преобразований, скрываются в магическом притяжении сказанного слова, и в нем одном.

Недаром массы можно всколыхнуть лишь силой слова. Все крупные движения – это популярные движения, сгусток человеческих страстей и эмоциональных всплесков, подогретых либо жестокой богиней горя и лишений, либо зажигательными призывами, произнесенными перед массами; такие движения нельзя взрастить слащавыми речами литературных эстетов и салонных героев».

Несмотря на то, что молодой Гитлер воздерживался от непосредственного участия в политической жизни Австрии, он уже тогда начал совершенствовать свое ораторское искусство в общедоступных аудиториях Вены, выступая то в ночлежках, то в благотворительных кухнях, то на углу улицы. Позднее он развил эти данные, что я могу подтвердить лично, поскольку присутствовал на его наиболее важных выступлениях. Мало кто из политических деятелей Германии периода между двумя мировыми войнами мог сравниться по ораторскому таланту с фюрером, именно это мастерство в значительной степени содействовало его поразительному успеху.

И наконец, Гитлером были накоплены в Вене определенные знания по еврейскому вопросу. В Линце, как позднее вспоминал он, проживало немного евреев.

«Я не помню, чтобы дома отец когда-либо говорил о них. В средней школе учился один еврейский мальчик, но мы не придавали этому никакого значения... Я даже принимал их (евреев) за немцев».

Однако друг юности Гитлера писал впоследствии, что это не соответствовало действительности. «Когда я впервые встретился с Адольфом Гитлером, – отмечал Август Кубичек, вспоминая о днях, проведенных вместе с ним в Линце, – у него уже тогда были заметны антисемитские настроения... Гитлер отправился в Вену убежденным антисемитом. И хотя жизненный опыт, накопленный им в Вене, мог усугубить эти чувства, они зародились в юноше задолго до этого».

«Затем я переехал в Вену. Растерявшись от обилия впечатлений... собственной неустроенности, я первое время еще не осознавал всего многообразия социального расслоения обитателей этого огромного города. Несмотря на то, что в двухмиллионной Вене еврейское население составляло около двухсот тысяч, я не обращал на них никакого внимания... В ту пору еврей по-прежнему казался мне не кем иным, как человеком другого вероисповедания, поэтому просто из человеческой терпимости я в данном случае, как и во всех других, оставался противником каких-либо религиозных нападок. Стало быть, тональность антисемитской прессы Вены казалась мне недостойной культурных традиций великой державы».

Однажды Гитлер отправился погулять в центр города. «Я вдруг увидел мужчину в черном кафтане и с темными пейсами. «Это, наверное, еврей», – подумал вдруг я. Но в Линце они выглядели совсем иначе. Исподтишка я стал пристально наблюдать за незнакомцем, и, чем внимательнее я всматривался в лицо этого человека, изучал его черты, тем назойливее терзала меня мысль: «И это немец?»

Нетрудно догадаться, к какому выводу пришел Гитлер. Однако сам он утверждает, что прежде он решил, чтобы попытаться рассеять свои сомнения, поискать ответа в книгах. Он с головой ушел в изучение антисемитской литературы, которая в те времена довольно широко

продавалась в Вене. Затем перенес свои наблюдения на улицы города, чтобы непосредственно проследить за этим «феноменом».

«Куда бы я ни шел, я везде теперь встречал евреев, и, чем чаще я их видел, тем более четко выделял среди остальной части населения... Позднее мне нередко становилось дурно до тошноты от одного только запаха, исходившего от людей, облаченных в кафтаны».

Впоследствии Гитлер писал, что понял «всю моральную нечистоплотность этих «избранных божьих»... Разве порок или разврат, особенно в сфере культурной жизни, не встречаются там, где действует хотя бы один еврей? Если вы более внимательно попытаетесь подойти к рассмотрению подобных порочных явлений, то обнаружите, что и тут, стоит только направить свет на разлагающийся труп, который гложут черви, имеется еврей!»

Евреи в значительной степени, по убеждению Гитлера, были ответственны за расцвет проституции и работоторговлю белыми людьми.

«Когда впервые, – говорит в этой связи Гитлер, – я до конца осознал суть евреев как хладнокровных, бесстыжих и расчетливых организаторов, этих отвратительных поставщиков разврата среди отребья большого города, меня в буквальном смысле холодный пот прошиб».

В пространных высказываниях Гитлера по поводу евреев просматривается явно болезненная сексуальность. Это было характерно для антисемитской прессы Вены того времени, впрочем, как впоследствии и для сомнительного еженедельника «Дер штюрмер», издававшегося в Нюрнберге одним из любимцев фюрера Юлиусом Штрейхером, нацистским вождем Франконии, известным извращенцем, прославившимся в Третьем Рейхе своей дурной репутацией.

«Майн кампф» изобилует намеками на нечистоплотных евреев, которые соблазняют невинных христианских девушек, что самым неблагоприятным образом сказывается на последующих поколениях. Гитлер часто пишет о том, что «представлял себе кошмарные сцены совращения сотен тысяч девушек отвратительными кривоногими евреями-ублюдками».

Как указывает Рудольф Олден, антисемитизм Гитлера мог быть порожден его болезненным воображением. Хотя Адольфу к тому моменту, когда он проживал в Вене, уже исполнилось двадцать лет, он, насколько известно, не состоял в каких-либо отношениях с женщинами.

«Так постепенно, – констатирует Гитлер, – я возненавидел их... Именно тогда наступил период высочайшего духовного подъема, когда-либо испытанного мною. Я покончил с малодушным космополитизмом и стал антисемитом».

Таким слепым и ярым фанатиком Гитлер оставался до конца своих дней. В последнем завещании, написанном за несколько часов до смерти, Гитлер не удержался от того, чтобы снова не обрушиться на евреев, ответственных за войну, которую сам развязал и которая теперь должна была покончить с ним и созданным им Третьим Рейхом. Лютая ненависть, поразившая столь многих немцев в рейхе, в конечном счете привела к массовому уничтожению народов и оставила страшный след в истории цивилизации, который сохранится до тех пор, пока на земле будет существовать человечество.

Весной 1913 года Гитлер решил распрощаться с Веной и переехать в Германию, которой, как он писал, всегда принадлежало его сердце. Молодому человеку было двадцать четыре года, и всем, не считая, разумеется, его самого, он казался полным неудачником. Он не стал ни художником, ни архитектором. Для многих он был не кем иным, как бродягой, правда довольно эксцентричным и начитанным. У Гитлера не было ни друзей, ни семьи, ни работы, ни дома. Тем не менее его отличала непоколебимая уверенность в себе и своем предназначении.

Не следует исключать, что Гитлер покинул Австрию, чтобы избежать военной службы⁴.

⁴ Начиная с 1910 года, по исполнении двадцати одного года, Гитлер вступил в призывной возраст. Как вспоминает Хайден, австрийские власти не могли добраться до него, пока он жил в Вене. Им удалось разыскать его лишь в Мюнхене, и молодому человеку было предписано явиться для освидетельствования в Линц. Иозеф Грейнер в книге «Конец гитлеровского мифа» приводит некоторые эпизоды переписки Гитлера с австрийскими военными властями, из которых явствует, что он отверг

Но так произошло не из-за трусости Гитлера. Просто он и мысли не допускал о том, чтобы служить бок о бок с евреями, славянами и представителями других национальных меньшинств, населявших империю. В «Майн кампф» Гитлер указывает, что переехал в Мюнхен весной 1912 года, однако сведения эти не соответствуют действительности. В документах венской полиции значится, что он проживал в Вене по май 1913 года.

Собственное объяснение Гитлером причин его отъезда из Австрии звучит довольно высокопарно:

«Постепенно во мне нарастало внутреннее неприятие государства Габсбургов... конгломерата различных этнических рас, заполнивших столицу... Меня выворачивало наизнанку это смешение чехов, поляков, венгров, русинов, сербов, хорватов, и везде было полно этих выскочек – евреев. Огромный город стал для меня олицетворением расового осквернения... Чем дольше я жил в этом городе, тем сильнее крепла во мне ненависть к чужеродному смешению людей, из-за него стал разлагаться древний центр германской культуры... Все это пробудило во мне жгучее желание отправиться наконец туда, куда с самого детства меня влекли тайные устремления и скрытая любовь».

Судьба Гитлера в стране, которая была ему столь дорога, сложилась так, как не представлялось даже в самом безумном сне. Живя в германском рейхе, Гитлер формально был иностранцем, австрийцем, и оставался им вплоть до своего назначения на пост канцлера. Чтобы понять его до конца, необходимо подходить к нему как к австрийцу, который достиг совершеннолетия незадолго до краха империи Габсбургов, но не смог пустить корни в просвещенной столице этого государства. Он впитал в себя все самые нелепые предрассудки и ненависть, распространенные в ту пору среди германо-язычных экстремистов, но не понял, что большинство окружавших его были людьми порядочными, честными и благородными независимо от их национальности и социального положения, то есть будь они чехи, евреи или немцы, бедные или богатые, художники или ремесленники. Сомневаюсь, чтобы какой-либо немец, проживающий на севере страны или на западе, в Рейнской области, в Восточной Пруссии или в Баварии, мог сочетать в себе, опираясь на имеющийся жизненный опыт, такие качества, которые выдвинули Адольфа Гитлера на те высоты, которых ему в итоге удалось достичь. Правда, сюда следует добавить ярко выраженную непредсказуемость гения.

Однако весной 1913 года его гениальность еще не проявилась. В Мюнхене, как и в Вене, Гитлер жил без средств, без друзей и постоянной работы. Летом 1914 года началась война, взявшая его вместе с миллионами других людей в свои безжалостные тиски. 3 августа Гитлер подал прошение королю Баварии Людвигу III разрешить ему вступить добровольцем в полк, сформировавшийся в Баварии, и его просьба была удовлетворена.

Гитлеру представилась благоприятная возможность. Теперь молодой бродяга мог не только удовлетворить свое желание служить вновь обретенному отечеству, что, по словам Гитлера, выливалось в борьбу за будущее Германии, когда встал вопрос «быть или не быть», но и избежать неудач и неприятностей в личной жизни.

«Эти несколько часов, – писал Гитлер в «Майн кампф», – будто освободили меня от бремени, висевшего надо мной на протяжении всей моей юности. Мне вовсе не стыдно при-

обвинение в том, что перебрался в Германию, чтобы избежать военной службы. Ссылаясь на отсутствие достаточных средств, он попросил разрешения пройти освидетельствование в Зальцбурге, который находился недалеко от Мюнхена. Он прошел освидетельствование 5 февраля 1914 года, и его признали негодным к строевой и даже вспомогательной службе по причине слабого здоровья – видимо, было не все в порядке с легкими. Тот факт, что он не стал призывником до тех пор, пока власти в конце концов не установили его местопребывание, а ему к тому времени исполнилось двадцать четыре года, очевидно, беспокоил Гитлера, когда взойшла его звезда в Германии. Грейнер подтверждает слух, ходивший в антинацистских кругах, когда я работал в Берлине, относительно того, что после оккупации Австрии в 1938 году немецкими войсками Гитлер отдал распоряжение гестапо найти официальные документы, касающиеся его призыва на военную службу. Попытки обнаружить эти бумаги в Линце не увенчались успехом, отчего Гитлер пришел в бешеную ярость. Документы эти были изъяты одним из членов местного управления, который после войны показал их Грейнеру.

знать в том, что меня охватил восторг и, упав на колени, я от всего сердца возблагодарил Всевышнего за то, что он ниспослал мне великое счастье жить в такое время... Для меня, как и для всех немцев, начался самый памятный период жизни. На фоне событий той гигантской борьбы все мое прошлое кануло в небытие».

Таким образом, прошлому Гитлера со всеми его разочарованиями, убогостью и одиночеством суждено было остаться в тени, хотя именно прошлое сформировало сознание и характер фюрера. Война, принесящая смерть многим миллионам, для Гитлера, которому тогда было двадцать пять лет, знаменовала начало новой жизни.

Глава 2

Рождение нацистской партии

10 ноября 1918 года, в пасмурное осеннее воскресенье, Адольф Гитлер пережил событие, которое, пребывая в состоянии озлобленности и отчаяния, назвал величайшим злодеянием века⁵. Это невероятное известие раненым солдатам, находящимся на излечении в военном госпитале в Пасевалке, небольшом городке Померании, расположенном к северо-востоку от Берлина, принес пастор. Гитлер поправлялся в госпитале после временной потери зрения, явившейся следствием контузии, полученной во время газовой атаки, предпринятой англичанами под Ипром месяц назад.

Пастор сообщил им, что кайзер отрекся от престола и бежал в Голландию. За день до этого в Берлине была провозглашена республика. На рассвете 11 ноября во Франции, в местечке Компьен, должно состояться подписание мирного договора. Война проиграна. Германии остается уповать на милость победивших союзников. Пастор всхлипывал.

«Я не мог этого вынести, – пишет Гитлер, вспоминая тот день. – Снова все потемнело и поплыло перед глазами. Шатаюсь и спотыкаясь, я добрался до палаты, упал на койку и уткнулся в подушку... Голова раскалывалась. Итак, все оказалось напрасно. Напрасны все эти жертвы и страдания... когда, преодолевая смертельный страх в душе, мы, несмотря ни на что, выполняли свой долг... Напрасна гибель двух миллионов человек... Разве за это они отдали свои жизни?.. Неужели это было нужно лишь для того, чтобы горстка презренных преступников смогла прибрать к рукам наше отечество?»

Впервые после того как он стоял у могилы матери, Гитлер, по его словам, не выдержал и разрыдался: «Я не мог ничего с собой поделать». Подобно миллионам соотечественников, он в тот момент не мог признать и никогда не признавал очевидный ошеломляющий факт, что Германия потерпела поражение на поле битвы.

Как миллионы других немцев, Гитлер был храбрым и отважным солдатом. Позднее кое-кто из политических противников фюрера станет обвинять его в трусости, проявленной во время боя, но, если говорить честно, никаких порочащих его доказательств нет. После трехмесячной подготовки Гитлер в конце октября 1914 года попал на фронт в качестве связного первой роты 16-го баварского резервного пехотного полка, а через четыре дня тяжелых боев его часть понесла серьезные потери в первом сражении под Ипром, где англичанам удалось приостановить продвижение немцев к Ла-Маншу. Хозяину дома, у которого Гитлер проживал в Мюнхене, портному по фамилии Попп, он писал, что за эти четыре дня численный состав полка сократился с трех с половиной тысяч до шестисот человек, что в живых осталось только тридцать офицеров, а четыре роты пришлось расформировать.

На войне Гитлер был дважды ранен. Первый раз, 7 октября 1916 года, в битве на Сомме его ранило в ногу. После госпитализации он в марте 1917 года возвращается в полк Листа, названный так по фамилии первого командира. Гитлера повысили в звании – теперь он уже ефрейтор и летом участвует в битве за французский город Аррас и в третьем сражении под Ипром. Полк, в котором он служил, оказался в центре последнего, отчаянного наступления германской армии весной и летом 1918 года. В ночь на 13 октября в ходе сражения под Ипром Гитлер стал жертвой массовой газовой атаки англичан в районе южнее Вервика.

«Я попятился назад, чувствуя, как обожгло глаза, – пишет он, – запоминая последнюю картину войны. Через несколько часов мои глаза превратились в пылающие угли и окружающее померкло».

⁵ Гитлер использовал это выражение в первом издании «Майн кампф» в Германии, однако в последующих изданиях слово «злодеяние» было заменено словом «революция».

Гитлера дважды награждали за храбрость: в декабре 1914 года – Железным крестом второй степени, а в августе 1918 года – Железным крестом первой степени, которым редко награждали простых солдат в имперской армии. Один из бывших друзей по военной службе заверяет, что Гитлер удостоился этой желанной награды за то, что взял в плен пятнадцать англичан, другой утверждает, что это были французы. В официальных же архивах полка Листа по поводу его геройского поступка ничего не сказано, там вообще нет каких-либо сведений о том, за что присуждались награды. Как бы то ни было, несомненно одно – ефрейтор Гитлер получил Железный крест первой степени и с гордостью носил его до конца жизни.

Однако, с точки зрения рядовых солдат, Гитлер был странным типом. Это отмечают многие его сослуживцы. Он не получал, как другие, ни писем, ни подарков из дома. Никогда не просился в увольнение и в отличие от других военнослужащих не проявлял интереса к женщинам. Никогда не сетовал на грязь, на вшей, на смрад и слякоть передовой, был равнодушен к невзгодам, с предельной серьезностью воспринимал суть войны и судьбу, уготованную Германии.

«Мы все ругали его и считали невыносимым, – вспоминал впоследствии один из его боевых товарищей. – Он был среди нас белой вороной и отмалчивался, когда все проклинали войну». Другой описывает, что Гитлер любил сидеть «в углу солдатской кухни, глубоко задумавшись и обхватив голову руками. Он мог вдруг вскочить и, возбужденно бегая, заговорить о том, что, несмотря на нашу тяжелую артиллерию, нам не дадут одержать победу, поскольку невидимые враги немецкого народа намного страшнее самых мощных его орудий».

Время от времени Гитлер яростно обрушивался на этих «невидимых врагов» – евреев и марксистов. Разве не усвоил он еще в Вене, что именно они являются источником всех бед?

И действительно, разве Гитлер не убедился в этом, находясь в родной Германии после ранения в ногу? Выписавшись из госпиталя, расположенного в Беелитце под Берлином, он какое-то время провел в столице, а затем отправился в Мюнхен. Везде он сталкивался с тем, что всякие «негодяи» всюду склоняли войну и хотели, чтобы она поскорее закончилась. Повсюду было полно бездельников, а кто они, как не евреи?

«Канторы, – писал Гитлер, – переполнены евреями. Почти все служащие были евреями и почти все евреи – служащими... В период с 1916 по 1917 год все производство контролировалось еврейскими финансовыми кругами... Евреи обкрадывали целую нацию и подчиняли ее себе... С ужасом наблюдал я за тем, как надвигается катастрофа...» Гитлер не мог вынести этого и был рад, по его словам, вернуться на фронт.

Еще более нетерпимо отнесся он к бедствию, которое постигло любимое отечество в ноябре 1918 года. Ему, как и большинству немцев, это представлялось ужасным и несправедливым. Германская армия потерпела поражение не на поле боя. Удар в спину нанесли предатели, находившиеся дома, в тылу.

Гитлер так же, как и многие немцы, поверил в миф об «ударе в спину», который больше, чем что-либо другое, подрывал авторитет Веймарской республики и прокладывал путь к его собственному триумфу, хотя миф на проверку оказался несостоятельным.

Генерал Людендорф, фактически возглавлявший штаб верховного командования, 28 сентября 1918 года настаивал на немедленном перемирии, а его номинальный начальник, фельдмаршал фон Гинденбург, поддерживал действия генерала. На состоявшемся 2 октября в Берлине заседании имперского совета, на котором председательствовал кайзер Вильгельм II, Гинденбург повторил требование штаба верховного командования о немедленном перемирии. «Армия, – говорил он, – не может ждать сорок восемь часов».

В письме, написанном в тот же день, Гинденбург прямо заявил, что военное положение настоятельно требует «прекращения военных действий». Об «ударе в спину» не было сказано ни слова. Лишь позднее знаменитый герой войны подписался под мифом. Выступая в слушаниях перед следственным комитетом Национального собрания 18 ноября 1919 года, через год

после окончания войны, Гинденбург сказал: «Как справедливо заметил один английский генерал, германской армии нанесли удар в спину».

Гражданское правительство, возглавляемое принцем Баденским Максом, не было информировано об ухудшении военного положения штабом верховного командования вплоть до конца сентября 1918 года и на протяжении нескольких недель отклоняло требование Людендорфа о перемирии.

Надо было жить в Германии в период между двумя войнами, чтобы до конца понять, насколько широко этот миф распространился среди немецкого населения. Убедительные факты опровергали этот миф, однако правые старались их не замечать. Они по-прежнему разглагольствовали о том, что виновниками всему были «преступники Ноября». Гитлер настойчиво вдавливал данный тезис в сознание масс. При этом предавалось забвению то обстоятельство, что именно германская армия ловко подвела республиканское правительство к подписанию перемирия, на котором настаивали немецкие военачальники, а впоследствии рекомендовала правительству принять условия Версальского мирного договора.

Сбрасывался со счетов и тот факт, что социал-демократическая партия без особого энтузиазма пришла к власти в 1918 году лишь для того, чтобы уберечь страну от хаоса и угрозы большевизма. Она не несла ответственности за крах Германии. Вина за это лежит на прежнем правительстве, находившемся у власти.

Однако миллионы немцев не желали согласиться с такой постановкой вопроса. Нужно было найти козлов отпущения, повинных в поражении Германии, в унижении и лишениях, которые ей пришлось испытать. Поэтому они легко дали убедить себя в том, что во всем виноваты «преступники Ноября», которые подписали капитуляцию и сформировали демократическое правительство, свергнув старую монархию. В «Майн кампф» Гитлер довольно часто упоминает о легковерии немцев. В самое ближайшее время ему с максимальной для себя выгодой удастся воспользоваться этой чертой своего народа.

Когда вечером 10 ноября 1918 года пастор ушел из военного госпиталя в Пасевалке, для Адольфа Гитлера «наступили страшные дни и еще более страшные ночи».

«Я знал, – писал он, – что все потеряно. Лишь глупцы, лжецы и преступники могли надеяться на снисходительность противника. В эти ночи во мне пробудилась ненависть, ненависть к тем, кто был ответствен за все это... Жалкие и ничтожные преступники! Чем более четко я пытался представить себе весь ужас происшедшего, тем сильнее нарастало во мне чувство возмущения и стыда. Могла ли физическая боль в глазах сравниться с этим стыдом?»

Затем следовали такие строки: «И тогда я понял, чему должен посвятить себя. Я решил заняться политикой».

Это решение, как известно, стало роковым как для самого Гитлера, так и для всего мира.

Образование нацистской партии

Перспективы сделать политическую карьеру в Германии для тридцатидвухлетнего австрийца без средств, без друзей, не имеющего ни специальной подготовки, ни профессии, ни постоянной работы, не имеющего какого-либо опыта политической деятельности, были малоутешительными, и поначалу Гитлер, казалось, понимал это.

«Целыми днями, – писал он, – я думал, что мне делать. Но все мои размышления неизбежно сводились к тому, что, будучи никому не известен, я не располагал какой-либо серьезной базой для занятий полезной деятельностью».

В конце ноября 1918 года Гитлер вернулся в Мюнхен. Он с трудом узнал этот ставший для него родным город. Здесь также произошла революция. Король отрекся от престола. Баварией управляли социал-демократы, которые создали баварское «народное государство». Его возглавил Курт Эйснер, популярный еврейский писатель, родившийся в Берлине.

7 ноября коренастый Эйсер, привлекавший внимание мюнхенцев импозантной седой бородой, пенсне и огромной черной шляпой, проследовал по улицам города в сопровождении нескольких сот жителей, без единого выстрела занял здание парламента и правительства и провозгласил республику. Три месяца спустя он был убит молодым офицером, придерживавшимся правых взглядов, графом Антоном Арко-Валле.

Рабочие создали советскую республику, которая, однако, просуществовала недолго. 1 мая 1919 года войска регулярной армии из Берлина вместе с баварскими добровольцами, так называемым добровольческим корпусом, вошли в Мюнхен и свергли коммунистическое правительство. Они убили несколько сот человек, многие из которых не являлись членами коммунистической партии, мстя за то, что с ведома предыдущего правительства было расстреляно более десяти заложников. Несмотря на то, что на время была формально восстановлена власть умеренных социал-демократов и правительство возглавил Иоганнес Хофман, бразды правления в Баварии практически перешли к правым.

Что же представляли собой правые Баварии в это смутное время? К ним принадлежали кадровые военные рейхсвера, монархисты, мечтавшие о возвращении династии Виттельсбахов. Сюда же примыкали консерваторы, которые ненавидели демократическую республику, образованную в Берлине. Со временем ряды правых пополнила армия демобилизованных солдат, для которых 1918 год стал провозвестником краха надежд; будучи вырванными из мирной жизни в 1914 году, они не могли найти работу и место в современном обществе, война закалила и в то же время ожесточила их, но невозможно было избавиться от укоренившихся привычек и изменить себя. К числу таких людей одно время принадлежал и Гитлер. «Они, – как впоследствии напишет он, – стали революционерами, которые по-своему приветствовали революцию и стремились к тому, чтобы революция сделалась условием их существования».

Вооруженные отряды добровольческого корпуса возникали по всей Германии и тайно вооружались рейхсвером. Поначалу они использовались главным образом для усмирения поляков и прибалтов в районе спорных пограничных восточных территорий, однако вскоре их начали привлекать к участию в заговорах, направленных на свержение республиканского строя. В марте 1920 года один из таких отрядов, возглавляемый капитаном Эрхардтом, – печально известная бригада Эрхардта – занял Берлин и содействовал провозглашению канцлером доктора Вольфганга Каппа, придерживавшегося крайне правых взглядов. Войска регулярной армии под командованием генерала фон Секта были приведены в состояние боевой готовности, а тем временем президент республики и правительство поспешно бежали в западную часть Германии. Лишь благодаря всеобщей забастовке, организованной профсоюзами, удалось восстановить власть республиканского правительства.

Одновременно произошел военный переворот в Мюнхене, который оказался более удачным. 14 марта 1920 года при содействии рейхсвера было низложено социалистическое правительство Хофмана и власть захватили правые во главе с Густавом фон Каром. Баварская столица словно магнит притягивала теперь к себе все существующие в Германии силы, не признававшие условий Версальского договора и стремившиеся покончить с республикой и восстановить авторитарную власть.

Нередко здесь находили прибежище и теплый прием кондотьеры свободного корпуса, включая тех, кто входил в бригаду Эрхардта. Генерал Людендорф также обосновался здесь вместе с горсткой бывших офицеров, недовольных своей судьбой⁶. В Мюнхене замыслились

⁶ В конце войны Людендорф бежал в Швецию, изменив внешность: он наклеил фальшивые усы и надел темные очки. Генерал вернулся в Германию в феврале 1919 года, предварительно прислав жене следующее письмо: «Революционеры делают самую большую глупость, если оставят нас в живых. Поскольку, если мне удастся когда-либо вновь прийти к власти, я буду к ним беспощаден. Я с легкой совестью повесил бы тогда Эберта, Шейдемана и компанию и смотрел бы, как они болтаются на виселице». Эберт был первым президентом Веймарской республики, Шейдеман – ее первым канцлером. Людендорф, хотя и подчинялся Гинденбургу, фактически являлся диктатором Германии в последние два года войны.

политические убийства, в том числе убийство Маттиаса Эрцбергера, умеренного политического деятеля, католика, у которого хватило мужества подписать от имени Германии перемирие, когда генералы уклонились от этого, а также покушение на Вальтера Ратенау, блестяще образованного министра иностранных дел, которого экстремисты ненавидели, поскольку он был евреем и, проводя политику германского правительства, старался выполнить некоторые условия Версальского договора.

Именно здесь, на благодатной почве Мюнхена, Адольф Гитлер стал развивать активную деятельность.

Когда Гитлер в конце ноября 1918 года вернулся в Мюнхен, он узнал, что его батальоном заправляют советы солдатских уполномоченных. Это его так возмутило, что он решил «уехать сразу же и как можно быстрее». Зимой Гитлер провел в лагере для военнопленных в Траунштейне, недалеко от австрийской границы. В Мюнхен он вернулся весной.

В «Майн кампф» он вспоминает, что своим поведением вызвал недовольство левого правительства, и утверждает, будто ему удалось избежать ареста только благодаря тому, что у него хватило смелости наставить карабин на трех «негодяев», которые пришли брать его. Сразу после свержения власти коммунистов Гитлер стал, как он сам об этом пишет, «впервые в большей или меньшей степени приобщаться к политической деятельности». Деятельность эта, по существу, сводилась к тому, что он информировал следственную комиссию, созданную во 2-м пехотном полку для рассмотрения дел тех, кто нес ответственность за непродолжительное пребывание у власти в Мюнхене советов народных уполномоченных.

По всей вероятности, услуги, оказанные Гитлером, сочли весьма ценными, и армейское руководство подыскивало для него новую работу. Его определили на службу в пресс-бюро политического отдела окружного командования армии. Германская армия вопреки традициям в то время активно участвовала в политической жизни страны, особенно в Баварии, где военным удалось наконец привести к власти угодное им правительство.

В целях пропаганды консервативных взглядов для солдат были организованы курсы «политического инструктажа», которые, в частности, прилежно посещал Адольф Гитлер. Однажды, как явствует из его рассказов, он тоже выступил на занятии, когда кто-то из присутствовавших хорошо отозвался о евреях. Разглагольствования Гитлера, очевидно, настолько понравились начальству, что вскоре он был назначен в один из полков, дислоцированных в Мюнхене, офицером по общеобразовательной подготовке. Основной задачей указанной подготовки являлась борьба с опасными идеями: пацифизмом, социализмом, демократией – так военные представляли себе свою роль в демократической республике, которой присягнули на верность.

Это назначение стало в жизни Гитлера важным событием, первым признанием его заслуг на политическом поприще, где ему так хотелось отличиться. Прежде всего появилась возможность опробовать свои ораторские способности, которые, как он всегда подчеркивал, служили главной предпосылкой успешной политической карьеры.

«Так мне предоставили возможность, – пишет Гитлер, – выступать перед более многочисленной аудиторией. И ощущение собственной силы, которое подспудно давно зрело во мне, получило теперь практическое подтверждение: я мог говорить».

Это открытие очень льстило Гитлеру, хотя и было воспринято как само собой разумеющееся. Он опасался, как бы не сел голос в результате многочисленных газовых атак на фронте. Однако теперь убедился, что голос окреп и его слышно «по меньшей мере во всех углах казармы». Гитлер стал развивать в себе ораторские способности, благодаря чему сравнительно легко превратился в самого красноречивого оратора Германии, который, выступая по радио, магической силой голоса был в состоянии всколыхнуть миллионы людей.

Однажды, в сентябре 1919 года, Гитлер получил приказ политического отдела армии приглядеться к деятельности небольшой политической группы, которая именовала себя рабо-

чей партией Германии. Военные подозрительно относились к рабочим партиям, поскольку они придерживались в основном социалистической либо коммунистической ориентации, но эта группа, по их мнению, была иной. Гитлер заметил, что «совершенно ничего не слышал о ней». И все же он знал одного из тех, кто должен был выступать на собрании партии, в деятельности которой ему поручили разобраться.

За несколько недель до этого на одном из занятий по общеобразовательной подготовке Гитлер прослушал лекцию Готфрида Федера, инженера-строителя, фанатично увлекавшегося экономикой. Лектор был одержим идеей, что большинство экономических проблем Германии коренится в так называемом «спекулятивном» капитале в противовес «созидательному и продуктивному» капиталу. Федер ратовал за устранение капитала первого типа и с этой целью создал в 1917 году организацию «Германская лига борцов за искоренение процентного рабства». На Гитлера, не разбиравшегося в экономике, выступление инженера произвело сильное впечатление. В требовании Федера «искоренить процентное рабство» Гитлер узрел «важную предпосылку создания новой партии... и ощутил мощный призыв к предстоящей борьбе».

Тем не менее вначале он не придавал особого значения деятельности рабочей партии Германии. Он пошел на собрание, выполняя приказ. Собрание, по его мнению, было скучным – в темноватом зале пивного бара «Штернекерброй» сидело человек двадцать пять.

«В то время многие, кого не удовлетворяло происходящее, считали, что надо создать новую партию, – писал Гитлер. – Повсюду, как грибы, стали расти новые организации, чтобы по прошествии какого-то времени незаметно исчезнуть. Именно так я и подходил тогда к рабочей партии Германии».

Когда Федер закончил выступление и Гитлер хотел было уйти, вскочил некий профессор и стал оспаривать аргументы Федера, ратуя за то, чтобы Бавария отделилась от Пруссии и вместе с Австрией образовала новое Южно-Германское государство. Подобные идеи были тогда популярны в Мюнхене, но высказанное предложение взбесило Гитлера и он взял слово, чтобы изложить свою точку зрения. Гитлер говорил, вероятно, так резко, что профессор покинул собрание «мокрый, как пудель», а присутствующие с удивлением разглядывали незнакомого молодого оратора. Кто-то – Гитлер не запомнил фамилии, – прихрамывая, подошел к нему и сунул в руки небольшую брошюру.

Это был Антон Дрекслер, слесарь по специальности, которого, пожалуй, можно считать основателем национал-социализма. Болезненный и неказистый Дрекслер, не получивший надлежащего образования, имеющий пусть неглубокие и противоречивые, однако самостоятельные суждения, плохой писатель и никудышный оратор, работал в ту пору в железнодорожных мастерских Мюнхена.

7 марта 1918 года он создал «комитет независимых рабочих» для борьбы с марксизмом свободных профсоюзов и агитации за «справедливый» мир для Германии. Комитет фактически был ответвлением более широкого движения, возникшего на севере Германии под названием «Ассоциация по поддержанию мира среди рабочих». (В Германии вплоть до 1933 года существовало очень много инициативных групп, имевших весьма претенциозные названия.)

Дрекслер никогда не собирал под свои знамена более сорока человек, поэтому в январе 1919 года он объединил комитет с аналогичной группой – политическим кружком рабочих, который возглавлял журналист Карл Харрер. Новая организация, насчитывавшая менее ста членов, именовала себя рабочей партией Германии. Первым ее председателем стал Харрер. В «Майн кампф» Гитлер мало говорит о своих бывших соратниках, однако воздает должное Харреру, называя его «честным и, несомненно, широко образованным» человеком, сожалея, правда, что тот не обладал ораторским искусством.

На следующее утро Гитлер внимательно изучил брошюру, которую всучил ему Дрекслер. Этот эпизод он подробно описывает в «Майн кампф».

Было пять часов утра. Гитлер проснулся и, как обычно, чуть приподнявшись на койке в казарме 2-го пехотного полка, наблюдал за тем, как мыши подбирали крошки хлеба, специально разбросанные им по полу накануне. «Мне в своей жизни довелось испытать такую нищету, – замечает Гитлер, – что я хорошо представлял себе голод и то удовольствие, которое получали эти маленькие создания». Он вспомнил о брошюре и принялся за чтение. Брошюра называлась «Мое политическое пробуждение». К немалому удивлению Гитлера, в ней содержались идеи, над которыми он задумывался в последние годы.

Главную задачу Дрекслер видел в создании такой политической партии, которая опиралась бы на широкие массы рабочего класса, но в отличие от социал-демократов носила бы националистический характер. В свое время он являлся членом Патриотического отечественного фронта, однако вскоре мелкобуржуазные настроения, преобладавшие в партии, которая, по-видимому, вообще не имела связи с народными массами, разочаровали его. В Вене, как мы уже отмечали ранее, Гитлер стал с презрением относиться к буржуазии по той же причине – из-за ее полного безразличия к интересам рабочего класса и их семей и социальным проблемам. Таким образом, идеи Дрекслера определенно привлекли внимание Гитлера.

В тот же день он получил почтовую открытку, из которой с удивлением узнал, что принят в рабочую партию Германии. «Я не знал, смеяться мне или сердиться, – вспоминал позднее Гитлер. – У меня не было никакого желания вступать в уже существующую партию, поскольку я хотел создать свою собственную. Поэтому это предложение я расценил как самоуверенное и неподходящее».

Гитлер собрался было ответить письменным отказом, но «любопытство взяло верх» и он решил пойти на заседание комитета, куда его пригласили, и лично объяснить причины, почему он не хочет вступать в эту нелепую малочисленную организацию.

«Пивная, где должно было проходить собрание, носившая название «Цумальтен-розенбад», находилась на Херренштрассе и представляла собой крайне запущенное заведение... Я миновал плохо освещенный зал, в котором не было ни души, и, открыв дверь в конце зала, очутился лицом к лицу с членами комитета. За столом при слабом свете газовой лампы сидели четыре молодых человека. Среди них находился автор брошюры, который самым радушным образом поздоровался со мной и поздравил с принятием в члены рабочей партии Германии.

Я был действительно несколько обескуражен. Затем зачитали протокол последнего собрания и выразили секретарю вотум доверия, заслушали отчет казначея – в общей сложности ассоциация располагала суммой в семь марок пятьдесят пфеннигов – и утвердили его. Все соответствующим образом было занесено в протокол. Первый председатель партии ознакомил собравшихся с ответами на письма из Киля, Дюссельдорфа и Берлина, которые были одобрены единогласно. Потом сделали сообщение о поступившей почте... Какой ужас! Клуб самого низкого пошиба... Стоило ли вступать в эту организацию?»

И все же эти потрепанные жизнью, жалкие люди, собравшиеся в плохо освещенной комнате, чем-то привлекли Гитлера – «желанием создать новое движение, более мощное, чем партия в привычном смысле этого слова».

В тот вечер Гитлер вернулся в казарму, размышляя «над труднейшим вопросом своей жизни: «Следует ли вступать в партию?» Разум подсказывал ему, что лучше отклонить предложение, но в то же время... Даже незначительная организация в состоянии предоставить молодому человеку, полному энергии и идей, возможность «по-настоящему проявить свою активность». Гитлер задумался над тем, что он может сделать «для достижения данной цели»:

«Меньше всего меня смущало то, что я беден и не имею средств к существованию, больше беспокоило, что я принадлежал к безымянной толпе, был одним из миллиона, чья жизнь или смерть оставляет совершенно равнодушными даже их ближайших соседей. Помимо всего неизбежно возникали проблемы, связанные с отсутствием надлежащего образования.

После двух дней волнений и размышлений я в конце концов пришел к выводу, что мне надо сделать этот шаг.

Это было самое важное решение, которое я принял в своей жизни. С этого момента для меня не было и не могло быть пути назад». Адольфа Гитлера тут же приняли седьмым членом комитета рабочей партии Германии.

Следует здесь упомянуть о двух членах данной малочисленной партии, которые сыграли важную роль в становлении Гитлера. Капитан Эрнст Рем, служивший в штабе 7-го окружного командования армии в Мюнхене, вступил в партию раньше Гитлера. Коренастый, с бычьей шеей и маленькими глазками, со шрамами на лице, типичными для кадрового офицера, – часть носа ему оторвало пулей в 1914 году, – Рем увлекался политикой и от природы был неплохим организатором. Как и Гитлер, он испытывал жгучую ненависть к демократической республике и «преступникам Ноября», приложившим руку к ее провозглашению.

Рем мечтал восстановить сильную националистическую Германию и, как Гитлер, считал, что это в состоянии сделать только партия, опирающаяся на поддержку низших классов, выходцем из которых (в отличие от большинства офицеров) он был. Этот решительный, неистовый гомосексуалист сформировал первый нацистский взвод головорезов, вскоре превратившийся в армию штурмовиков, которой он и командовал вплоть до 1934 года, когда был расстрелян с санкции Гитлера.

Рем не только привел в быстро растущую партию многих бывших военных и добровольцев свободного корпуса, которые образовали костяк организации в первые годы ее существования, но и, находясь на действительной службе, обеспечивал защиту Гитлеру и его движению, а иногда и поддержку властей. Без содействия Рема Гитлеру вряд ли удалось бы развернуть широкую кампанию по подстрекательству населения к свержению республиканского режима. Гитлер, безусловно, не смог бы столь безнаказанно прибегать к террору и запугиванию, если бы не терпимость баварского правительства и полиции.

Дитриха Экарта, который на двадцать один год был старше Гитлера, часто называли духовным отцом национал-социализма. Остроумный журналист, посредственный поэт и драматург, он перевел «Пер Гюнта» Ибсена на немецкий язык и написал несколько пьес, которым не суждено было увидеть света ramпы. Экарт в Берлине, подобно Гитлеру в Вене, вел богемный образ жизни и пристрастился к спиртному и морфию. Какое-то время он находился в психиатрической лечебнице, где ему удалось наконец поставить свои драмы, используя в качестве актеров содержащихся там больных.

В конце войны Экарт вернулся в Баварию. Там, в винном погребе «Бреннесель», расположенном в Швабинге, артистическом квартале Мюнхена, он во всеуслышание разглагольствовал о превосходстве арийцев и призывал к уничтожению евреев и свержению «свиней», правящих в Берлине.

Хайден, работавший в ту пору журналистом в Мюнхене, приводит высказывание Экарта, с пафосом обратившегося к завсегдатаям винного погреба «Бреннесель» в 1919 году: «Возглавить нашу организацию должен человек, который бы не испугался пулеметной очереди. Надо нагнать страха на всю эту чернь. Нам не следует использовать военных, поскольку народ их больше не уважает. Лучше всего подошел бы какой-нибудь рабочий, умеющий говорить... Он не должен быть слишком умным... Лучше, если это будет холостяк, тогда нам легче подыскать ему женщин».

Вполне естественно, что поэт и большой любитель спиртного нашел в лице Адольфа Гитлера именно того человека, которого искал. Экарт стал близким другом и советчиком Гитлера, снабжал его книгами, помогал улучшить как стиль письма, так и разговорный немецкий. Он ввел его в круг своих знакомых, в число которых входили не только состоятельные люди, с готовностью вносившие деньги в фонды партии и материально поддерживавшие самого Гитлера, но и такие будущие помощники фюрера как Рудольф Гесс и Альфред Розенберг. Гит-

лер сохранил уважение к Экарту, который умер от белой горячки в декабре 1923 года, и в последних словах «Майн кампф» выразил признательность своему эксцентричному наставнику, назвав «одним из лучших, кто посвятил жизнь пробуждению нашего народа своим творчеством, помыслами и, наконец, своими делами».

Так выглядело странное собрание людей, стоявших у истоков национал-социализма, создавших, не отдавая себе в том отчета, движение, которое за тринадцать лет охватит самую мощную страну в Европе и приведет к установлению в Германии Третьего Рейха.

Недалекий слесарь Дрекслер заложил основы движения, пьяный поэт Экарт развил определенные «духовные» ценности, чудаковатый экономист Федер сформировал то, что считалось идеологией, гомосексуалист Рем обеспечил движению поддержку военных и ветеранов войны.

Однако задачу по превращению скромного дискуссионного клуба в то, что вскоре станет мощной политической партией, взял на себя на данном этапе не кто иной, как бывший бомж Адольф Гитлер, которому в то время было тридцать лет и которого еще никто не знал. Все идеи, которые Гитлер вынашивал со времени голодного одиночества в Вене, теперь можно было осуществить на практике, и внутренняя энергия, скрытая от посторонних глаз, прорвалась наружу. Он подтолкнул свой скромный комитет к организации многочисленных митингов. Гитлер сам печатал на машинке и распространял приглашения. Впоследствии он вспоминал, как однажды, раздав восемьдесят таких приглашений, они «сидели и ждали приглашенных». Через час «председатель» должен был открыть «митинг». Нас снова было семеро, семеро старых друзей».

Но Гитлер не терял надежды. Он увеличил количество приглашений, печатая их на ротаторе, и, чтобы собрать средства, дал объявление в местной газете. Успех, по его словам, был просто поразительный – на митинг пришло сто одиннадцать человек. Гитлер впервые должен был выступить публично после приветствия «мюнхенского профессора». Харрер, который в то время формально возглавлял партию, возражал.

«Этот господин, в честности которого в принципе нет оснований сомневаться, – писал позднее Гитлер, – был твердо уверен, что я в состоянии выполнять отдельные поручения, но никоим образом не выступать с речами. Я говорил в течение получаса, и то, что я раньше лишь интуитивно ощущал в себе, сейчас воплотилось в реальность: я действительно мог выступать».

По утверждению Гитлера, аудитория была буквально наэлектризована его пламенной речью, энтузиазм присутствовавших вылился в жертвования в размере трехсот марок, которые на какое-то время помогли решить финансовые проблемы партии.

В начале 1920 года Гитлер занялся пропагандистской работой, то есть деятельностью, о которой подумывал еще в Вене, осознав всю ее важность для социалистической и христианско-социальной партий. Гитлер сразу же приступил к организации крупнейшего митинга, о котором столь малочисленная партия раньше и не мечтала. Он должен был состояться 24 февраля 1920 года в известном пивном заведении «Хофбройхаус», имевшем две тысячи посадочных мест. Коллеги Гитлера по партии сочли его сумасшедшим. Харрер в знак протеста сложил с себя полномочия председателя и был заменен Дрекслером, который довольно скептически отнесся к планам Гитлера.

Впоследствии Гитлер подчеркивал, что руководил подготовкой митинга лично. И действительно, это событие так много значило для него, что первый том «Майн кампф» он закончил подробным описанием митинга, поскольку именно тогда «партия, выйдя за рамки небольшого клуба, впервые оказала определяющее влияние на самый существенный фактор нашего времени – общественное мнение».

Гитлер не был даже запланирован в программе митинга в качестве основного докладчика. Эта роль была уготована некоему доктору Иоганнесу Дингфельдеру, врачу-гомеопату, известному пустозвону. Аудитория на его выступление не отреагировала. Затем слово взял Гитлер. Вот как он сам пишет об этом:

«В зале стоял шум, то тут, то там вспыхивали потасовки. Группа наиболее верных боевых товарищей и наших сторонников пыталась урезонить хулиганствующие элементы... коммунистов и социалистов... Потребовалось время, пока в зале навели порядок. Тогда только я начал говорить. Через полчаса аплодисменты заглушили отдельные вопли и крики... Когда четыре часа спустя зал опустел, я осознал, что теперь основные цели нашего движения уже не останутся без внимания, поскольку они завладели умами немецкого народа».

В ходе выступления Гитлер впервые огласил двадцать пять пунктов программы рабочей партии Германии. Программа эта была на скорую руку составлена Дрекслером, Федером и Гитлером. Большинство каверзных вопросов, которые задавали Гитлеру, в действительности были направлены против отдельных положений программы, но сам Гитлер считал, что ее приняли полностью. С 1 апреля 1920 года она стала официальной программой теперь уже национал-социалистической рабочей партии Германии.

Это, безусловно, сборная солянка, приготовленная для рабочих, мелкой буржуазии и крестьян. Большинство положений к моменту прихода партии к власти были забыты. Многие авторы, пишущие о Германии, насмеялись над этим, и нацистский вождь впоследствии приходил в смущение, когда ему напоминали о некоторых положениях программы. И все же, как в случае с основными принципами, изложенными в «Майн кампф», наиболее важные ее положения в Третьем Рейхе были выполнены, что имело страшные последствия для миллионов людей как в самой Германии, так и за ее пределами. В первом же пункте программы содержится требование об объединении всех немцев в единую великую Германию. Разве не на этом настаивал рейхсканцлер Гитлер, когда присоединил Австрию с шестью миллионами немцев и захватил Судеты, где проживало три миллиона немцев? И разве не требование фюрера вернуть Германии Данциг и другие области Польши, в которых большую часть населения составляли немцы, привело к нападению на нее и развязыванию Второй мировой войны? И разве не кроется одна из причин мировой трагедии в том, что в период между войнами многие либо игнорировали, либо высмеивали нацистские цели, которые пытался изложить в программе Гитлер?

Безусловно, антисемитские положения программы, обнародованной 24 февраля 1920 года в мюнхенской пивной, явились довольно тревожным сигналом. Евреев нельзя принимать на службу, допускать в прессу, надо отказывать им в получении гражданства. Приехавшие в Германию после 2 августа 1914 года должны были покинуть страну.

Многие пункты партийной программы своей демагогической направленностью, несомненно, отвечали настроениям низших классов, в тяжелые для них времена с симпатией относившихся к радикальным и даже социалистическим лозунгам. Одиннадцатый пункт, например, предусматривал отмену нетрудовых доходов; двенадцатый пункт – национализацию трестов; тринадцатый – дележ прибыли крупных промышленных предприятий с государством; четырнадцатый – ликвидацию земельной ренты и спекуляции землей. В восемнадцатом пункте содержалось требование карать смертью изменников, ростовщиков и спекулянтов. Шестнадцатый пункт, призывая к сохранению «здоровой буржуазии», настаивал на передаче универмагов в общественную собственность и в аренду мелким торговцам по низкой цене.

Данные требования были включены в программу по настоянию Дрекслера и Федера, которые, очевидно, по-настоящему верили в «социализм» национал-социалистической партии. Именно эти идеи приводили Гитлера в замешательство, когда крупные промышленники и землевладельцы начали довольно основательно пополнять партийную кассу, в результате чего ни одно из этих требований, естественно, не было осуществлено.

Наконец, следует отметить два положения программы, которые Гитлер выполнил, как только стал канцлером. Второй пункт содержал требование отменить Версальский и Сен-Жерменский мирные договоры, а последний, двадцать пятый пункт предусматривал «создание сильной централизованной государственной власти». Эти положения так же, как пункты, требующие объединения всех немцев в рейхе, были включены в программу партии по настоянию

Гитлера и свидетельствуют о том, что даже тогда, когда партия была едва известна за пределами Мюнхена, Гитлер смотрел далеко вперед.

В тот период сепаратистские настроения в Баварии были очень сильны, и баварцы, постоянно конфликтовавшие с центральным правительством в Берлине, выступали за меньшую, а не за большую централизацию, требуя предоставления Баварии самостоятельности.

На практике все так и выглядело: указания из Берлина не имели на местах почти никакой силы. В перспективе Гитлер хотел прийти к власти не только в Баварии, но и во всем рейхе и придать этой власти характер диктатуры, необходимой, судя по его предыдущим высказываниям, сильному централизованному органу управления, способному покончить с полуавтономией земель, которые во времена Веймарской республики и империи Гогенцоллернов имели собственные парламенты и правительства.

Одним из первых демаршей Гитлера после прихода к власти 30 января 1933 года явилась незамедлительная реализация вышеупомянутого положения программы партии, замеченного и всерьез воспринятого в свое время немногими. И никто уже не смог обвинить Гитлера в том, что он заранее не поставил об этом в известность общественность.

Зажигательных речей, а также радикальной программы при всей их важности для партии, делавшей свои первые шаги, было бы недостаточно, чтобы привлечь внимание и обеспечить поддержку широких масс. Поэтому Гитлер направил усилия на достижение большего, гораздо большего. Именно тогда начали проявляться его незаурядные способности. Он считал, что массам нужны не только идеи – несколько простых идей, которые можно внушать им постоянно, – но и символы, которые всколыхнули бы их веру. Нарядность и красочность должны были привлечь массы, как и акты насилия и террора, которые в случае успешной реализации способствовали бы пополнению партийных рядов (разве не сила всегда импонировала немцам?) и вселяли в них уверенность в своем превосходстве над слабыми.

В Вене Гитлера привлекал, по его собственному выражению, «постыдный внутренний и физический страх», который использовали, по его мнению, социал-демократы в борьбе со своими политическими противниками. Теперь этим страхом он решил воспользоваться для укрепления позиций собственной партии. Поначалу на митинги приглашали бывших военных, чтобы они следили за порядком и в случае необходимости выставляли крикунов за дверь.

Летом 1920 года, вскоре после того как к названию «рабочая партия Германии» добавили «национал-социалистическая» и она стала именоваться национал-социалистической рабочей партией Германии (сокращенно НСДАП), Гитлер сколотил из числа отъявленных головорезов и ветеранов войны «группы порядка», которые возглавил часовщик Эмиль Морис, в прошлом судимый. Чтобы избежать репрессий со стороны берлинского правительства, группы какое-то время скрывали свою деятельность под вывеской «гимнастической и спортивной секции» партии.

5 октября 1921 года они официально были переименованы в штурмовые отряды. Штурмовиков, одетых в коричневую униформу, набирали в основном из числа преступных элементов добровольческого корпуса. Командование штурмовыми отрядами вверили Иоганну Ульриху Клиниху, подручному пресловутого капитана Эрхардта, который привлекался по делу об убийстве Эрцбергера и лишь недавно был освобожден из тюрьмы.

Эти отъявленные негодяи в униформе, не довольствуясь поддержанием порядка на митингах нацистской партии, начали разгонять митинги, организуемые другими партиями. Однажды в 1921 году штурмовики, возглавляемые Гитлером, пришли на митинг, где должен был выступать баварский федералист по фамилии Баллерштедт, и избили его. По приговору суда Гитлер провел месяц в заключении. Выйдя из тюрьмы, он предстал перед согражданами в ореоле мученика, пострадавшего за общее дело, и приобретя еще большую популярность.

«Прекрасно, – хвастался Гитлер перед полицейскими. – Мы добились того, чего хотели: Баллерштедт так и не получил слова».

За несколько месяцев до случившегося Гитлер, выступая в одной из аудиторий, сказал: «Национал-социалистическое движение будет и впредь безжалостно пресекать – в случае необходимости силой – попытки провести митинги или выступления, которые могут неблагоприятно повлиять на сознание наших соотечественников».

Летом 1920 года Гитлер, в прошлом неудавшийся художник, а теперь набирающий силу пропагандист, выдвинул идею, которую можно назвать гениальной. По его мнению, партии не хватало эмблемы, флага, символа, то есть того, что четко отражало бы цели новой организации и завладело воображением масс. Массам, считал Гитлер, нужно некое развевающееся знамя, чтобы, устремляясь за ним, сражаться под его сенью. После длительных раздумий и бесчисленных прикидок он остановил свой выбор на флаге красного цвета с белым кругом посередине, на фоне которого была вытеснена черная свастика. Кресту с загнутыми под прямым углом концами, заимствованному из древности, суждено было стать устрашающим символом нацистской партии и в конечном счете нацистской Германии. Каким образом у него возникла идея использовать данный символ для флага и для эмблемы партии – Гитлер обходит в «Майн кампф» молчанием.

Крест с загнутыми концами – явление не новое, он встречается с момента появления человека на земле. Его изображение находили во время раскопок на развалинах Трои, Египта, Китая. Я лично видел его в древних индуистских и буддистских храмах. В период новой истории символ служил официальной эмблемой таких прибалтийских государств, как Эстония и Финляндия, где встречался немцам, воевавшим в добровольческом корпусе в 1918–1919 годах. Крест изображался и на железных касках бойцов бригады Эрхардта, вошедших в Берлин во время Капповского путча в 1920 году. Не подлежит сомнению, что Гитлер встречал его в Австрии на эмблемах некоторых антисемитских партий и на касках солдат бригады Эрхардта, вступивших в Мюнхен⁷.

Гитлер отмечал, что среди многочисленных проектов, предложенных ему членами партии, практически везде присутствовала свастика, а некий зубной врач из Штернберга представил эскиз флага, который «был весьма недурен и довольно близок к моему собственному». Что касается цвета флага, то Гитлер, естественно, отверг черный с красным и золотым, символизирующие независимую Веймарскую республику. Он отклонил также предложение об использовании старого имперского флага, где сочетались красный, белый и черный цвета. Но само цветовое сочетание Гитлеру нравилось – не только потому, что «это была самая лучшая из существующих гармоний», но и потому, что это были цвета Германии, за которую он воевал. Однако необходимы были какие-то изменения, поэтому и появилась свастика.

Гитлер упивался своим «уникальным творением». В «Майн кампф» он провозглашал:

«Это был настоящий символ! Красный цвет олицетворял социальную идею движения, белый – националистическую, свастика – цель борьбы за победу арийской расы».

Вскоре штурмовики и члены партии стали носить на рукаве повязку с изображением свастики. Через два года появилось знамя нацистской партии, которое несли во время публичных шествий и которое украшало трибуны во время массовых митингов. Эмблема, заимствованная у древних римлян, состояла из черной металлической свастики, обрамленной серебряным венком, над которым возвышался орел, а внизу фигурировало сокращенное название партии – НСДДП на металлической прямоугольной основе, украшенной бахромой и кистями, и флаг со свастикой, на котором красовался лозунг: «Германия, пробудись!»

Эти символы, возможно, и не принадлежали к атрибутам высокого искусства, однако отменно служили целям пропаганды. Нацисты имели теперь символ, которого не было ни у одной партии. Крест с загнутыми прямоугольными концами, похоже, сам по себе обладал

⁷ Этот перечень легко продолжить: на банкнотах Временного правительства России, на обложке поэтического сборника Константина Бальмонта... – *Изд.*

некой мистической силой, он как бы побуждал действовать мелкую буржуазию, еще недавно пребывавшую в неуверенности и неопределенности. Мелкая буржуазия начала спланиваться под знаменем этой партии.

Восхождение «фюрера»

Летом 1921 года молодой многообещающий активист партии, проявивший свои удивительные способности не только как оратор, но и как организатор и пропагандист, стал бесспорным лидером партии.

В начале лета Гитлер отправился в Берлин, чтобы установить связи с националистскими элементами на севере Германии и выступить в клубе, являвшемся духовным центром националистов: хотел выяснить возможности распространения нацистского движения за пределами Баварии.

Его отсутствие члены комитета нацистской партии сочли вполне подходящим для смены руководства. Стиль работы Гитлера был, по их мнению, диктаторским. Они предлагали объединиться с аналогично настроенными группами на юге Германии, в частности с социалистической партией Германии, которую создавал в Нюрнберге Юлиус Штрейхер, печально известный гонимый на евреев, смертельный враг и соперник Гитлера. Члены комитета считали, что, если удастся объединить эти возглавляемые честолюбивыми лидерами группы с нацистской партией, влияние Гитлера ослабнет.

Почувствовав угрозу своему положению в партии, Гитлер поспешил вернуться в Мюнхен, чтобы расстроить интриги этих «глупых безумцев», как он назвал их в «Майн кампф». Он заявил, что готов выйти из партии. Но этого, как быстро сообразили члены комитета, не могла себе позволить партия. Гитлер был не только наиболее сильным оратором, но и ее лучшим организатором и пропагандистом. Кроме того, именно ему удавалось собрать для организации значительные финансовые средства. Члены комитета полагали, что, если Гитлер выйдет из партии, набирающая силу нацистская партия распадется. Поэтому отставка его не была принята. Гитлер же, убедившись в прочности занимаемых им позиций, добился полной капитуляции остальных главарей партии. Он потребовал предоставления ему диктаторских полномочий, претендуя на роль единственного лидера партии, настаивал на роспуске самого комитета и прекращении заигрываний с группой Штрейхера.

По мнению членов комитета, Гитлер зашел слишком далеко. Подстрекаемые основателем партии Антоном Дрекслером, они составили обличительный документ против Гитлера и распространили его. В нем содержались самые страшные обвинения, когда-либо предъявленные Гитлеру его товарищами по партии – теми, кто хорошо его знал.

«Жажда власти и личные амбиции заставили господина Адольфа Гитлера вернуться и занять свой прежний пост после шестинедельного пребывания в Берлине, цель которого до сих пор не ясна. Он считал, что пришло время внести в наши ряды сумятицу и раскол, опираясь на смутьянов, стоящих за его спиной, и играя тем самым на руку евреям и их друзьям. С каждым днем становилось все более очевидно, что цель его проста – использовать национал-социалистическую партию как трамплин для достижения собственных сомнительных целей...

Особенно наглядно свидетельствует об этом ультиматум, посланный руководителям партии несколько дней назад, в котором Гитлер среди прочего требует сделать его единственным лидером партии и распустить членов комитета, включая слесаря Антона Дрекслера, ее основателя и вождя...

А как он вел себя во время этой кампании? По-еврейски! Искажал и извращая факты... Национал-социалисты, задумайтесь! Не совершайте непоправимых ошибок! Гитлер – самый настоящий демагог... Он считает, что сможет и впредь предлагать вам всякого рода истории, в которых есть все что угодно, кроме правды».

Хотя выдвинутые обвинения несколько ослаблены глупым антисемитизмом (Гитлер вел себя «по-еврейски»!), в целом они справедливы. Однако публикация документа не дала противникам Гитлера желаемых результатов. Он сразу подал в суд, обвинив авторов в клевете, и Дрекслер вынужден был публично отказаться от обвинений. На двух специальных собраниях партии Гитлер выдвинул условия перемирия: в устав партии необходимо внести изменения о роспуске комитета и предоставлении ему диктаторских полномочий председателя.

Оскорбленного Дрекслера сделали почетным председателем, и вскоре он перестал интересоваться делами партии. «То была победа рыцаря над круглоголовыми», – писал позднее Хайден. Но это было нечто большее. Тогда же, в июле 1921 года, провозгласили «принцип вождя», который вначале был узаконен в нацистской партии, а затем и в Третьем Рейхе. На германской сцене появился «фюрер».

«Фюрер» приступил к реорганизации партии. От полутемного пивного зала «Штернекер-брой», который, по словам Гитлера, больше походил на мрачный склеп, пришлось отказаться. Партия заняла более светлое и просторное помещение на Корнелиусштрассе. В рассрочку купили подержанную пишущую машинку «Адлер», приобрели сейф, шкафы для картотеки, мебель, установили телефон и наняли постоянного секретаря.

В партию начали поступать средства. Почти год назад, в декабре 1920 года, партия приобрела малотиражную газету «Фёлькишер беобахтер». Газета безнадежно увязла в долгах, выходила два раза в неделю и публиковала светскую хронику антисемитского содержания. Откуда поступили шестьдесят тысяч марок для покупки газеты, Гитлер держал в тайне, однако доподлинно известно, что Экарт и Рем убедили генерал-майора Риттера фон Эппа, члена нацистской партии и начальника Рема в рейхсвере, раздобыть денег. Вполне вероятно, что средства поступили из засекреченных военных фондов. С начала 1923 года «Фёлькишер беобахтер» стала выходить ежедневно, проповедуя идеи и взгляды партии. Но чтобы ежедневно выпускать политическую газету, требовались дополнительные ассигнования, и они поступали из довольно странных источников, как считал кое-кто из «грубых, неотесанных членов партии пролетарского происхождения». Например, от фрау Елены Бехштайн, жены состоятельного фабриканта музыкальных инструментов. Бехштайн с первой встречи понравился молодой смутьян, и она приглашала Гитлера останавливаться в их доме, когда он наведывался в Берлин, устраивала приемы, на которых он мог встретить богачей, и выделяла большие суммы на развитие движения. Часть денег, необходимых для финансирования новой ежедневной газеты, поступала от фрау Гертруды фон Зайдлиц, уроженки Прибалтики, которая владела несколькими процветающими бумажными фабриками в Финляндии. В марте 1923 года выпускник Гарвардского университета Эрнст (Путци) Ханфштенгль, американец по матери, чья образованная и состоятельная семья владела в Мюнхене издательством, выпускающим книги по искусству, дал партии взаймы тысячу долларов для погашения закладной на «Фёлькишер беобахтер».

В период инфляции это была в переводе на марки огромная сумма. И партия, и ее газета получили колоссальную финансовую поддержку. Однако дружеское расположение семьи Ханфштенгль выходило за рамки предоставления финансовой помощи. Это было одно из первых состоятельных семейств Мюнхена, которое открыло двери своего дома молодому политику. Путци стал приятелем Гитлера и со временем при содействии фюрера возглавил управление зарубежной информации нацистской партии.

Большинство тех, кому было суждено стать ближайшими сподвижниками Гитлера, в то время уже являлись членами партии или вскоре вступят в нее. Рудольф Гесс состоял в партии с 1920 года. Сын немецкого оптового торговца, проживавшего в Египте, Гесс провел там первые четырнадцать лет своей жизни, а затем переехал в Рейнскую область, чтобы продолжить учебу. В годы войны он некоторое время служил вместе с Гитлером в полку Листа, хотя тогда они еще не были знакомы, а после второго ранения стал летчиком. По окончании войны Гесс поступил в Мюнхенский университет на экономический факультет, однако большую часть времени тратил

на распространение антисемитских листовок и участие в стычках с разными вооруженными бандами, которых было в тот период в Баварии предостаточно. Гесс оказался в самой гуще перестрелки, когда 1 мая 1919 года в Мюнхене свергали советское правительство; его даже ранило в ногу.

В один из вечеров год спустя Гесс отправился на митинг, где выступал Гитлер, увлекся его красноречием и решил вступить в нацистскую партию. Вскоре он стал близким другом Гитлера, его преданным последователем и секретарем. Именно Гесс познакомил Гитлера с геополитическими взглядами генерала Карла Хаусхофера, в ту пору профессора геополитики Мюнхенского университета.

Гитлера взволновало эссе Гесса на тему «Что должен представлять собой человек, которому суждено вернуть Германии ее прошлое величие?», отмеченное премией.

«Когда от бывшего правительства не останется и следа, новую власть сможет установить лишь человек, вышедший из недр народа...

Чем глубже корни диктатора в широких массах, тем лучше он понимает, как обходиться с ними в психологическом плане. Чем больше будут доверять ему рабочие, тем больше сторонников завоюет он среди этих наиболее энергичных слоев населения. Сам же он с массами ничего общего иметь не будет, поскольку, как любой великий деятель, он – прежде всего личность... В случае необходимости он не содрогнется перед кровопролитием. Серьезные вопросы всегда решаются кровью и железом... Для достижения своей цели он готов пожертвовать самыми близкими друзьями... Законодатель обязан обладать неумолимой решительностью и твердостью... Если понадобится, он должен топтать их... солдатскими сапогами...»

Это был словесный портрет лидера, каким Гитлер в тот момент еще не являлся, однако хотел стать и стал. Вполне естественно, что он заинтересовался молодым человеком. При всей своей серьезности и усердии Гесс был заурядным исполнителем, с готовностью и фанатизмом воспринимавшим любые безумные идеи. До самых последних дней он оставался одним из наиболее лояльных последователей Гитлера и принадлежал к числу тех немногих, кого не снедали личные амбиции.

Альфред Розенберг, хотя его зачастую называли «интеллектуальным вождем» нацистской партии и «философом», также был человеком весьма средних способностей. С некоторым основанием его можно считать русским. Подобно многим русским интеллектуалам, он был выходцем из Прибалтики. Родился Розенберг в семье башмачника 12 января 1893 года в Эстонии, которая с 1721 года входила в состав Российской империи, в Ревеле (ныне Таллин). Он предпочел продолжить учебу не в Германии, а в России и получил диплом архитектора, окончив в 1917 году Московский университет. Розенберг жил в Москве, когда большевики совершили революцию, и не исключено, как впоследствии заявляли его противники по нацистской партии, что он подумывал стать молодым революционером-большевиком. Однако в феврале 1918 года Розенберг вернулся в Ревель и хотел вступить добровольцем в германскую армию, когда немцы заняли город. Но в армию его не взяли как «русского», и в конце 1918 года Розенберг перебрался в Мюнхен, где первое время, вращаясь в кругах белых эмигрантов, проявлял большую активность.

В тот период Розенберг познакомился с Дитрихом Экартом, а через него с Гитлером и в конце 1919 года вступил в партию. Совершенно очевидно, что человек, имеющий диплом архитектора, мог произвести впечатление на того, кому не удалось даже поступить в архитектурный институт. Эрудиция Розенберга также поразила Гитлера, и ему понравилась в молодом человеке ненависть, которую тот питал по отношению к евреям и большевикам. Незадолго до смерти Экарта, в конце 1923 года, Гитлер назначил Розенберга редактором «Фёлькишер беобахтер» и в течение многих лет продолжал поддерживать этого мнимого философа, сделав его идеологом нацистского движения и одним из главных авторитетов в области внешней политики.

Как и Рудольф Гесс, Герман Геринг приехал в Мюнхен по окончании войны, чтобы изучать экономику в университете, и подпал под влияние Адольфа Гитлера. Один из национальных героев, последний командир прославленной истребительной эскадрильи «Рихтхофен», Герман Геринг труднее, чем другие ветераны войны, приспособился к будням мирной жизни.

Какое-то время он работал пилотом на транспортных самолетах в Дании, потом в Швеции. Однажды Геринг перевозил графа Эрика фон Розена в его поместье, расположенное под Стокгольмом, и, остановившись там в качестве гостя, влюбился в сестру графа Карин фон Кантцов, урожденную баронессу Фок, признанную красавицу Швеции. Однако возникли кое-какие осложнения. Карин страдала эпилепсией, была замужем и имела восьмилетнего сына. Тем не менее ей удалось расторгнуть брак и выйти замуж за галантного молодого летчика. Весьма состоятельная особа вместе с новым супругом перебралась в Мюнхен, где они жили ни в чем себе не отказывая и где Геринг начал посещать занятия в университете.

Это продолжалось недолго. В 1921 году Геринг встретился с Гитлером и вступил в нацистскую партию. Он делал щедрые взносы в казну партии, субсидировал самого Гитлера, энергично помогал Рему организовывать штурмовые отряды, а через год стал руководить ими. Множество менее известных лиц, в большинстве своем с весьма сомнительной репутацией, объединились вокруг партийного диктатора. Макс Аманн, в прошлом унтер-офицер и начальник Гитлера, когда тот служил в полку Листа, несмотря на неотесанность и дубоватость, оказался довольно способным организатором. Его назначили управляющим делами партии и газеты «Фёлькишер беобахтер», и Аманну довольно быстро удалось навести порядок в финансовых средствах партии и газеты.

Своим личным телохранителем Гитлер выбрал Ульриха Графа, борца-любителя, ученика мясника и известного дебошира. Придворным фотографом, который на протяжении долгих лет один снимал фюрера, Гитлер сделал хромого Генриха Гофмана, по-собачьи преданного ему, благодаря чему Гофман стал миллионером.

Другим приближенным Гитлера был скандалист Кристиан Вебер, торговец лошадьми, в прошлом вышибала в одном из дешевых мюнхенских ресторанов, большой любитель пива и спиртного. В те дни близким к Гитлеру человеком считался и Герман Эссер, который, как и фюрер, славился ораторским искусством и антисемитскими статьями, занимавшими видное место на страницах «Фёлькишер беобахтер». Эссер не делал секрета из того, что какое-то время жил на средства своих любовниц. Пресловутый мастер шантажа, он прибегал к угрозам «разоблачения» даже по отношению к товарищам по партии, которые в чем-то перешли ему дорогу. Некоторые более порядочные члены партии настолько не переносили Эссера, что потребовали его исключения.

«Я знаю, что Эссер негодяй, – публично заявил Гитлер. – Однако я буду держать его до тех пор, пока он мне нужен». Так относился Гитлер почти ко всем своим соратникам, независимо от того, каким бы темным ни было их прошлое, да и настоящее. Для Гитлера не имело значения, являлись ли они убийцами, сутенерами, извращенцами, наркоманами или просто дебоширами, пока они служили достижению его целей.

Так, например, Гитлер почти до самого конца держал при себе Юлиуса Штрейхера. Этому развращенному садисту, в прошлом преподавателю начальной школы, в период с 1922 по 1939 год, когда наконец закатилась его звезда, сопутствовала дурная слава среди окружения фюрера.

Известный развратник, похвалявшийся любовными похождениями и шантажировавший даже мужей своих бывших любовниц, прославился и разбогател на том, что был отъявленным фанатиком-антисемитом. Его пресловутый еженедельник «Дер штюрмер» преуспевал, публикуя сенсационные, сомнительного толка истории о преступлениях, совершенных сексуально озабоченными евреями, и о еврейских «ритуальных убийствах». Непристойные статьи ежене-

дельника вызывали отвращение у многих нацистов. Штрейхер был также печально известен своим увлечением порнографией.

Штрейхер прославился в качестве некоронованного короля Франконии со штаб-квартирой в Нюрнберге, где его слово было законом и где всякий, кто вставал на его пути или вызывал его недовольство, мог оказаться за решеткой и подвергнуться пыткам. Только на скамье подсудимых в Нюрнберге, где проходил суд над военными преступниками, я увидел Штрейхера без хлыста, обычно же он держал его в руке или за поясом и, посмеиваясь, хвастался, как порол неугодных.

Таким было окружение Гитлера в первые годы кампании, направленной на установление диктаторской власти в Германии – стране, подарившей человечеству Лютера, Канта, Гете и Шиллера, Баха, Бетховена и Брамса.

1 апреля 1920 года, в день, когда рабочая партия Германии была переименована в национал-социалистическую рабочую партию, Гитлер навсегда оставил службу в армии. Впоследствии он все свое свободное время посвятит работе в нацистской партии, хотя ни тогда, ни позже не будет получать за это зарплату.

На что же в таком случае жил Гитлер? Члены партии иногда сами задавали этот вопрос. В обвинении, составленном в июле 1921 года членами партийного комитета, не согласными с Гитлером, этот вопрос был сформулирован со всей прямотой: «Если кто-то из членов партии спрашивал Гитлера о том, на какие средства он живет или чем он занимался в прошлом, он раздражался и возмущался. До сих пор на эти вопросы не получено определенного ответа. Таким образом, его совесть не может быть чиста, особенно если учитывать, что многочисленные знакомства с дамами, в присутствии которых он нередко называл себя «королем Мюнхена», стоят немалых денег».

Гитлер ответил на эти вопросы в ходе судебного разбирательства по делу о клевете, которое он возбудил против авторов обвинения. На вопрос, заданный в суде относительно средств его существования, он ответил следующим образом: «Я выступаю на митингах национал-социалистической партии бесплатно. Но мне также приходится выступать и в других организациях... и тогда, разумеется, я получаю гонорар. Обедаю я поочередно с различными товарищами по партии. Кроме того, мне оказывают скромную помощь несколько друзей по партии».

Подобное утверждение, вероятно, было недалеко от истины. Такие весьма состоятельные друзья Гитлера, как Дитрих Экарт, Геринг и Ханфштенгль, несомненно, «давали деньги в долг» для оплаты квартиры, покупки одежды и продуктов питания. Потребности же Гитлера были весьма скромными. До 1929 года он занимал двухкомнатную квартиру на Тирштрассе в районе рядом с рекой Изар, где проживала мелкая буржуазия. Зимой Гитлер носил старый плащ, хорошо известный впоследствии по многочисленным фотографиям. Летом его часто можно было встретить в кожаных шортах, которые так любят баварцы.

В 1923 году Экарт и Эссер случайно натолкнулись на постоянный двор «Платтерхоф» под Берхтесгаденом и превратили его в летнюю резиденцию Гитлера и его друзей. Гитлеру очень понравилось живописное местечко в горах; впоследствии он построил здесь себе большую виллу – «Бергхоф», ставшую ему родным домом, где в предвоенные годы он проводил большую часть времени.

Однако в те бурные годы (1921–1923) у Гитлера оставалось мало времени для отдыха и развлечений. Нужно было создавать партию и контролировать ситуацию в ней вопреки завистливым соперникам, столь же беспринципным, как и сам Гитлер. НСДАП являлась в то время не единственной партией среди многих движений правых в Баварии, которая боролась за общественное признание и поддержку.

В обязанность любого политического деятеля входит анализ и использование в своих целях стремительного хода событий и постоянно меняющихся ситуаций. В апреле 1923 года союзники представили Германии счет по репарациям на огромную сумму в размере 132 мил-

лиардов золотых марок, то есть 33 миллиардов американских долларов, что буквально всколыхнуло страну, поскольку она, естественно, не могла выплатить такие деньги.

Курс марки (обычно за четыре немецкие марки давали один доллар) начал падать. К лету 1921 года он упал до соотношения 75:1, а через год – 400:1.

В августе 1921 года был убит Эрцбергер, в июне 1922 года совершено покушение на Филипа Шейдемана – социалиста, провозгласившего Веймарскую республику. 24 июня был застрелен на улице министр иностранных дел Ратенау. Во всех трех убийствах оказались замешаны представители крайне правых. Непрочное правительство страны, находящееся в Берлине, наконец ответило на этот вызов, приняв специальный закон по охране республики, предусматривавший суровые наказания за политические акты насилия. Берлин потребовал роспуска многочисленных военных формирований, а также прекращения политического гангстеризма.

Баварскому правительству, которое возглавлял граф Лерхенфельд, известный умеренными взглядами и заменивший на этом посту в 1921 году экстремиста Кара, трудно было придерживаться линии общенационального правительства. Когда оно попыталось провести в жизнь закон против терроризма, правые, к числу которых принадлежал теперь и Гитлер, организовали заговор по низвержению Лерхенфельда и марш протеста в Берлин, чтобы свергнуть республику.

Демократическая Веймарская республика оказалась в тяжелом положении, самому ее существованию постоянно угрожали не только правые, но и левые экстремисты.

Глава 3

Версаль, Веймар и «пивной путч»

Большинство населения стран-союзниц, победивших в войне, расценивало провозглашение 9 ноября 1918 года республики в Берлине как начало новой эры для немецкой нации. Американский президент Вудро Вильсон в посланиях, предшествовавших подписанию перемирия, настаивал на свержении милитаристской автократии Гогенцоллернов, и немцы, пусть неохотно, похоже, подчинились этому требованию. Кайзер вынужден был отречься от престола и спастись бегством; монархия оказалась низложена, все существующие в Германии династии лишены власти, провозглашено республиканское правительство.

9 ноября, после обеда, так называемые социал-демократы большинства, возглавляемые Фридрихом Эбертом и Филипом Шейдеманом, собрались в Берлине, в рейхстаге, сразу после отречения кайзера и ухода в отставку канцлера принца Макса Баденского. Социал-демократы обсуждали, как им поступить.

Эберт, шорник по профессии, ратуя за установление конституционной монархии британского типа, считал, что власть должна перейти к одному из сыновей Вильгельма. Эберт, хотя и являлся лидером социалистов, питал отвращение к революционным преобразованиям общества. «Я ненавижу революцию как грех», – однажды заявил он.

Однако революционные настроения витали в воздухе. Столица была охвачена всеобщей забастовкой. В нескольких кварталах от рейхстага, вниз по улице Унтер-ден-Линден, члены «Союза Спартака» под руководством левых социалистов Розы Люксембург и Карла Либкнехта заседали в императорском дворце, готовясь провозгласить советскую республику. Когда об этом узнали социал-демократы, нахолившиеся в здании рейхстага, они пришли в ужас. Необходимо было незамедлительно принять меры, чтобы упредить спартаковцев.

У Шейдемана созрел план. Не посоветовавшись с товарищами, он бросился к окну, выходящему на Кёнигсплац, где в тот момент собралась большая толпа, и, высунувшись, как бы в порыве вдохновения от собственного имени провозгласил республику. Эберт был разгневан. Он все еще надеялся каким-то образом спасти монархию.

Именно так, вроде по счастливой случайности, и возникла германская республика. Если сами социалисты и не были убежденными сторонниками республиканского строя, то довольно трудно ожидать этого от консерваторов. Последние, однако, сняли с себя ответственность за случившееся. Вместе с военачальниками Людендорфом и Гинденбургом они навязали политическую власть колеблющимся социал-демократам.

Таким образом, им удалось переложить на плечи лидеров рабочего класса бремя ответственности за подписание договора о капитуляции, а впоследствии и мирного договора, тем самым поставив им в вину поражение Германии и все лишения и страдания, выпавшие на долю немецкого народа в результате проигранной войны и навязанного победителями мира. Дешевый трюк, распознать смысл которого не составило бы труда даже для ребенка, однако в Германии он удался. Республику с самых первых шагов обрекли на гибель. Но это, очевидно, не было неизбежно. В ноябре 1918 года социал-демократы, обладая всей полнотой власти, могли быстро заложить основы стабильной демократии, но для этого им требовалось подавить или по крайней мере нейтрализовать сопротивление сил, поддерживающих империю Гогенцоллернов и не проявляющих лояльность по отношению к демократической Германии. К ним относились феодальные землевладельцы-юнкеры и другие представители высшей знати, магнаты, управлявшие крупными промышленными картелями, воинствующие кондотьеры добровольческого корпуса, высокопоставленные чиновники имперской гражданской службы и прежде всего военные и члены генерального штаба.

Социал-демократам предстояло положить конец существованию многих крупных поместий, которые превратились в убыточные и неэкономичные, ликвидировать промышленные монополии и картели, очистить чиновничий аппарат, судебные и полицейские органы, университеты и армию от всех, кто не желал честно служить новому, демократическому строю.

Однако социал-демократам, в большинстве своем оставшимся наивными профсоюзными деятелями, которые привыкли повиноваться старым органам власти, что, кстати, вошло в плоть и кровь немцев – выходцев из различных классов, это оказалось не по плечу. Они начали передавать свои полномочия той силе, которая являлась доминирующей в современной Германии, а именно армии. Потерпев поражение на полях сражений, военные все еще надеялись сохранить свои позиции внутри страны и покончить с революцией. Во имя достижения этих целей руководство армии действовало быстро и решительно.

В ночь на 9 ноября 1918 года, через несколько часов после провозглашения республики, в кабинете Эберта в рейхсканцелярии в Берлине раздался телефонный звонок. Это был особый телефон – специальная секретная линия связи со ставкой верховного главнокомандующего в Спа. Эберт находился в кабинете один. Он поднял трубку.

– Говорит Грёнер, – раздался властный голос.

Услышанное поразило шорника, который все еще находился под впечатлением событий минувшего дня: неожиданно и без согласия с его стороны на Эберта возложили политические полномочия.

Генерал Вильгельм Грёнер сменил Людендорфа на посту первого генерал-квартирмейстера. Еще раньше, в тот самый день, когда фельдмаршал фон Гинденбург колебался, именно генерал информировал кайзера о том, что войска ему больше не подчиняются и ему следует подать в отставку, – смелый поступок, который военная элита ему так и не простила. Эберт и Грёнер относились друг к другу с взаимным уважением – генерал, отвечавший с 1916 года за военное производство, работал с лидером социалистов в тесном контакте. В начале ноября, за несколько дней до описываемых событий, они обсуждали в Берлине, как спасти монархию и отечество.

И вот в критический для отечества момент их связала секретная телефонная линия. И именно тогда руководитель социалистов и второй по положению в германской армии человек заключили соглашение, которому, несмотря на то, что оно в течение многих лет оставалось для общественности тайной, суждено было определить судьбы нации. Эберт согласился покончить с анархией и большевизмом и сохранить традиционную роль армии. Грёнер со своей стороны заверил его в поддержке военных, которые будут содействовать укреплению нового правительства и реализации его цели.

Эберт и его коллеги-социалисты наверняка опасались повторения того, что совсем недавно произошло в России. Они не хотели становиться германскими керенскими. Они не желали уступать власть большевикам. По всей Германии возникали Советы солдатских и рабочих депутатов, которые, как в России, начали брать власть в свои руки.

10 ноября эти группы избрали Совет народных уполномоченных с Эбертом во главе, который в течение некоторого времени находился у власти. В декабре в Берлине собрался съезд Советов Германии, который потребовал отставки Гинденбурга, роспуска регулярной армии и замены ее гражданской гвардией, в которой офицеры избирались бы рядовыми солдатами, осуществления контроля над гвардией силами Советов.

Гинденбург и Грёнер сочли эти требования неприемлемыми и отказались признать полномочия съезда Советов, а сам Эберт ничего не предпринял для выполнения этих требований. Однако армия, борясь за свое существование, настаивала на принятии правительством, которое она согласилась поддерживать, более решительных мер.

За два дня до Рождества народная дивизия морской пехоты, находившаяся в тот момент под контролем коммунистов из «Союза Спартака», заняла Вильгельмштрассе, захватила рейхс-

канцелярию и нарушила телефонную связь. Но секретная телефонная линия, связывающая рейхсканцелярию с генеральным штабом, продолжала действовать, и Эберт, воспользовавшись ею, обратился за помощью. Военные пообещали освободить их силами Потсдамского гарнизона, однако моряки, поднявшие мятеж, не стали этого дожидаться и вернулись в казармы, размещавшиеся на конном дворе императорского дворца, который по-прежнему удерживали спартаковцы.

«Союз Спартака» во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург подталкивал к созданию советской республики. Нарастала и военная мощь спартаковцев в Берлине. В сочельник дивизия морской пехоты довольно легко отразила попытку регулярных войск выбить ее из императорских конюшен.

Гинденбург и Грёнер оказывали на Эберта давление, требуя, чтобы тот, соблюдая условия соглашения, подавил сопротивление большевиков. Лидер социал-демократов только этого и ждал. На третий день рождества он назначил Густава Носке министром обороны Германии, и с этого момента события развивались в такой логической последовательности, какой и ожидали от действий нового министра. Носке, мясник по профессии, проложивший себе путь в профсоюзное движение и социал-демократическую партию, в 1906 году стал депутатом рейхстага, где был признан экспертом партии по военным вопросам. Его по праву считали ярким националистом и человеком сильной воли. Принц Макс Баденский воспользовался его помощью, чтобы подавить мятеж на флоте в Киле в первые дни Ноябрьской революции, с чем Носке успешно справился. Коренастый, с тяжелой челюстью, обладавший завидной физической силой и энергией, он в начале января 1919 года нанес решительный удар. Во время «кровавой недели» (с 10 по 17 января), как ее называли в Берлине, войска регулярной армии и добровольческого корпуса под руководством Носке и под командованием генерала фон Лютвица разгромили спартаковцев. Роза Люксембург и Карл Либкнехт были захвачены и убиты офицерами гвардейской кавалерийской дивизии.

Как только в Берлине стихли бои, по всей Германии прошли выборы в Учредительное национальное собрание, которое должно было подготовить новую конституцию. Выборы, состоявшиеся 19 января 1919 года, показали, что средние и высшие слои общества осмелели за два с небольшим месяца, прошедшие после революции. Социал-демократы (социал-демократы большинства и независимые социалисты), единолично правившие страной, поскольку ни одна из партий не желала разделить с ними бремя забот, набрали 13 миллионов 800 тысяч голосов из 30 миллионов и получили в Национальном собрании 185 мест из 421, что составляло значительно меньше необходимого большинства. Стало очевидно, что новую Германию нельзя построить лишь с помощью рабочего класса.

Две буржуазные партии – партия «Центр», представлявшая собой политическое движение римской католической церкви, и демократическая партия, возникшая в декабре в результате слияния старой прогрессивной партии и левых национал-либералов, набрали 11,5 миллиона голосов и получили 165 мест в Национальном собрании. Консерваторы, лидеры которых во время Ноябрьской революции затаились или, подобно графу фон Вестарпу, обратились за защитой к Эберту, несмотря на сокращение численного состава, доказали, что с ними вовсе не покончено. Переименовав себя в немецкую национальную народную партию, они набрали свыше 3 миллионов голосов и получили 44 депутатских места. Союзники правых консерваторов, национал-либералы, именовавшиеся теперь немецкой народной партией, получили почти 1,5 миллиона голосов и 19 мест в собрании. Обе консервативные партии, хотя и находились в меньшинстве, набрали в Национальном собрании достаточно голосов, чтобы их слышали.

Конституция, принятая заседавшим в Веймаре Национальным собранием 31 июля 1919 года после шестимесячного обсуждения и ратифицированная президентом 31 августа, на бумаге являлась самым либеральным и демократичным документом XX века, в техническом отношении почти совершенным, полным оригинальных и достойных восхищения приемов,

которые, казалось, гарантировали почти совершенную демократию. Идея создания правительственного кабинета была заимствована у Англии и Франции, образ наделенного большими полномочиями президента родился под влиянием опыта США, представление о референдуме – из опыта Швейцарии. Разработали замысловатую систему пропорционального представительства и голосования списком, с тем чтобы предотвратить напрасную потерю голосов избирателей и обеспечить право быть представленными в парламенте национальным меньшинствам.

Формулировки статей Веймарской конституции для любого демократически настроенного человека звучали свежо и многозначительно. Народ объявлялся суверенным: «Политическая власть исходит от народа». Избирательное право предоставлялось мужчинам и женщинам в возрасте более двадцати лет. «Все граждане Германии равны перед законом... Свобода личности неприкосновенна... Каждый вправе свободно выражать собственное мнение... Все в Германии имеют право создавать ассоциации или общества... Все жители рейха пользуются полной свободой совести и вероисповедания...»

Казалось, нет в мире людей более свободных, чем немцы, нет правительства более демократичного и либерального, чем нынешнее. Так выглядело, по крайней мере, на бумаге.

Теневая сторона Версальского договора

До завершения работы над Веймарской конституцией произошло событие, имевшее гибельные последствия для конституции и республики, которую собрались создать. Этим событием явилось заключение Версальского договора. В первые мирные дни, исполненные хаоса и беспокойства, народ, вероятно, мало волновали последствия поражения Германии в войне. А если и волновали, то немцы, видимо, самодовольно верили, да и союзники убеждали их в этом, что, свергнув династию Гогенцоллернов, избавившись от большевиков и приступив к формированию демократического республиканского правительства, они вправе рассчитывать на заключение справедливого мирного договора, в котором точкой отсчета являлось бы не поражение Германии в войне, а знаменитые «четырнадцать пунктов» президента Вильсона.

Похоже, немцы не хотели вспоминать о том, что произошло год назад, 3 марта 1918 года, когда празднующее в ту пору свою победу верховное командование Германии навязало потерпевшей поражение России в Брест-Литовске унижительный мирный договор.

По условиям договора Россия лишалась территории, примерно равной территории Австро-Венгрии и Турции, вместе взятых, на которой проживало 56 миллионов человек, или 32 процента всего населения; лишалась трети всех железных дорог, 73 процентов залежей железной руды, 89 процентов общего производства угля, более 5 тысяч заводов и промышленных предприятий. Кроме того, Россия обязана была выплатить Германии контрибуцию в размере 6 миллиардов марок.

Час расплаты наступил для немцев в конце весны 1919 года. Условия Версальского договора, составленные союзниками без какого-либо обсуждения с немецкой стороной, были опубликованы в Берлине 7 мая. Договор явился сокрушительным ударом для народа, который не желал отказываться от иллюзий до последнего момента. По всей стране были организованы массовые митинги, на которых выступающие протестовали против условий договора и требовали, чтобы Германия отказалась ставить под ним свою подпись. Шейдеман, ставший рейхсканцлером на Веймарском учредительном собрании, гневно воскликнул: «Да отсохнет рука у подписавшего этот договор!»

8 мая Эберт, президент временного правительства, и члены правительства публично назвали условия договора «неосуществимыми и невыносимыми». На следующий день германская делегация в Версале направила негнбавемому Клемансо послание, в котором объявляла, что данный договор является «неприятным для любой нации».

Что же неприемлемого было в этом договоре? Согласно условиям Версальского договора Германия возвращала Франции Эльзас и Лотарингию, Бельгии – часть территории, Дании – часть Шлезвига (после плебисцита), которую в прошлом веке, одержав победу в войне, отобрал у нее Бисмарк. Польше возвращались земли (часть из них только после плебисцита), которые были захвачены Германией при ее разделе. Этот пункт договора больше всего выводил из себя немцев не только потому, что они возражали против отделения части Восточной Пруссии от Германии коридором, который давал Польше выход к морю, но и потому, что они презирали поляков, считая их низшей расой. Не меньше злило немцев и то обстоятельство, что по условиям договора ответственность за развязывание войны ложилась на Германию и им надлежало выдать союзникам кайзера Вильгельма II и восемьсот других военных преступников.

Размер репараций предстояло определить позднее, однако первый взнос – 5 миллиардов долларов золотом необходимо было внести в период с 1919 по 1921 год. Кроме того, вместо выплаты репараций наличными предусматривалось, что некоторые суммы будут погашены натурой – углем, судами, лесом, скотом и так далее.

Однако самое обидное в Версальском договоре, по мнению немцев, состояло в том, что Германию практически разоружили⁸, а это лишало ее гегемонии в Европе. Тем не менее ненавистный Версальский договор в отличие от договора, навязанного Германией России, позволял рейху сохранить в целом свой географический и экономический статус, а также политическое единство и потенциальную мощь великой державы.

Временное правительство в Веймаре, не считая Эрцбергера, который настаивал на принятии договора на том основании, что условия его в скором времени можно будет легко обойти, решительным образом возражало против Версальского «диктата», как его теперь называли. Подобная позиция правительства опиралась на мнение подавляющего большинства населения, придерживающегося как правых, так и левых взглядов.

Однако депутаты понимали, что если условия договора будут отклонены, армия не сможет противостоять нападению союзников с запада.

Союзники же требовали от Германии однозначного ответа. 16 июня они поставили немцам ультиматум: либо условия договора принимаются к 24 июня, либо соглашение о перемирии теряет силу, и тогда союзники «предпримут шаги, которые сочтут целесообразными для соблюдения положений договора».

Национальное собрание большинством голосов одобрило подписание мирного договора. Решение собрания было передано Клемансо лишь за девятнадцать минут до истечения срока ультиматума союзников. Через четыре дня, 28 июня 1919 года, мирный договор был подписан в Зеркальном зале Версальского дворца.

Разделенный дом

С этого дня Германия напоминала разделенный дом. Консерваторы не приняли ни мирный договор, ни республику, которая ратифицировала его. Военные, за исключением генерала Грёнера, в конечном счете тоже не одобрили этих шагов, хотя и дали присягу поддерживать новый демократический строй и окончательное решение о подписании Версальского мирного договора исходило от них. Вне зависимости от Ноябрьской революции консерваторы по-прежнему управляли экономикой страны. Они владели промышленными предприятиями, крупными земельными участками и большей частью германского капитала. Их богатство могло быть использовано – и практически использовалось – для финансовой поддержки политиче-

⁸ Вооруженные силы Германии ограничивались стотысячной армией добровольцев, зачисляемых на долгосрочную службу; запрещалось иметь на вооружении самолеты и танки. Генеральный штаб подлежал роспуску. Военно-морской флот ограничивался небольшими силами; не допускалось строительство подводных лодок и судов водоизмещением более 10 тысяч тонн.

ских партий и политической прессы, которая с этого дня направила свои усилия на подрыв республики.

Военные начали обходить положения мирного договора, связанные с ограничением вооружений, еще до того как на нем высохли чернила. Робость и близорукость лидеров социалистов позволили кадровым офицерам не только сохранить в армии старые прусские порядки, но и стать фактическим центром политической власти новой Германии.

Армия практически до последних дней недолго просуществовавшей республики не делала ставку на какое-либо политическое движение. Но под командованием генерала Ганса фон Секта, талантливого военачальника, создателя стотысячного германского рейхсвера, армия, хотя и немногочисленная по составу, стала государством в государстве, сохраняя свою независимость от правительства страны. В соответствии с положением Веймарской конституции армию можно было подчинить кабинету министров и парламенту, как это имело место в отношении военных ведомств в других западных странах. Однако она не желала подчиняться. В то же самое время командный состав не был свободен от монархистских, антиреспубликанских настроений.

То обстоятельство, что законно избранное правительство не смогло создать новую армию, верную демократическому духу и подчиняющуюся кабинету министров и рейхстагу, стало для республики роковым, как показало время.

Неспособность провести чистку правовых органов явилась еще одним просчетом правительства. Слуги правосудия сделали одним из центров контрреволюции, используя судебную власть в реакционных политических целях. «Нельзя не прийти к выводу, – заявлял историк Франц Нойман, – что использование судебных органов в политических целях стало самой позорной страницей в жизни германской республики».

После Капповского путча 1920 года правительство предъявило 705 лицам обвинение в государственной измене, но лишь один из них – начальник берлинской полиции был приговорен к пяти годам почетного заключения. Когда власти Пруссии лишили его пенсии, верховный суд принял решение о ее восстановлении. В декабре 1926 года германский суд постановил выплатить генералу фон Лютвицу, военному главарю Капповского путча, пенсию, причитающуюся ему за тот период, когда он открыто выступал против правительства, и за те пять лет, в течение которых он скрывался от правосудия в Венгрии.

В то же самое время сотни немецких либералов были приговорены к длительным срокам тюремного заключения по обвинению в измене, поскольку в своих выступлениях в печати или на митингах раскрывали и осуждали постоянные нарушения Версальского договора со стороны армии. Обвинения в предательстве безжалостно предъявлялись сторонникам республики.

Представителей же правых взглядов, которые пытались свергнуть республику, как в этом вскоре смог убедиться Адольф Гитлер, вообще не лишали свободы либо они отделялись легкими приговорами. Даже в отношении уголовников, если они принадлежали к правым, а их жертвами оказывались демократы, судебные инстанции были довольно снисходительны или, как часто случалось, им удавалось бежать из мест заключения при помощи армейских офицеров и правых экстремистов.

Таким образом, умеренным социалистам, поддерживаемым демократами и католиками-центристами, пришлось возглавить республику, устои которой расшатывались с самых первых ее шагов. Им приходилось сносить ненависть, нападки, а иногда и служить мишенью для противников, число и решимость которых постоянно возрастали.

«В душе народа, – заявлял Освальд Шпенглер, прославившийся после выхода своей книги «Падение Запада» («Закат Европы»), – Веймарская конституция уже обречена».

Тем временем в Баварии молодой смутьян Адольф Гитлер осознавал силу нового националистического движения, которое впоследствии использовал и возглавил. Этому в значи-

тельной степени содействовал естественный ход событий, в частности падение курса немецкой марки и оккупация французами Рурской области. Курс марки, как уже отмечалось, падал начиная с 1921 года, когда соотношение марки к американскому доллару составляло 75:1, на следующий год – 400:1, а к началу 1923 года – 7000:1. Уже осенью 1922 года правительство Германии обратилось к союзникам с просьбой предоставления моратория на выплату репараций. Просьба была отвергнута французским правительством Пуанкаре. Когда Германия не произвела поставки леса, твердолюбый французский премьер-министр, являвшийся в годы войны президентом, отдал войскам приказ оккупировать Рурскую область. Рур – промышленный центр Германии, после передачи Верхней Силезии Польше обеспечивавший четыре пятых добычи угля и производства стали для рейха, оказался отрезан от остальной страны.

Удар, парализовавший экономику Германии, способствовал такому сплочению населения, какого оно не знало с 1914 года. Рабочие Рура объявили всеобщую забастовку и получили финансовую помощь от берлинского правительства, которое призвало бастующих к пассивному сопротивлению. При поддержке армии развернулись партизанские действия и саботаж. Французы ответили на это арестами, депортациями и даже смертными приговорами. Но в Руре ничего не изменилось.

Бедственное положение германской экономики ускорило окончательную девальвацию марки. К моменту оккупации Рурской области в январе 1923 года курс марки упал до 18 тысяч за один доллар, к 1 июля – до 165 тысяч, к 1 августа – до миллиона. К ноябрю, когда, по мнению Гитлера, пробил его час, за один доллар давали уже 4 миллиарда марок, и это еще был не предел. Германская валюта практически полностью обесценилась.

Покупательная способность заработной платы была сведена к нулю. Сбережений буржуазии и рабочего класса больше не существовало. Но было потеряно нечто более важное – вера народа в экономическую структуру германского общества. Чего стоили устои и деятельность такого общества, которое поощряло сбережения и вклады и торжественно провозглашало их гарантированный возврат владельцам, а затем отказывалось от выплат? Не являлось ли это простым обманом населения?

И разве не демократическая республика, которая сдалась врагу и приняла на себя ответственность за бремя репараций, повинна во всех бедствиях? К несчастью, что ставило под вопрос ее существование, республика действительно несла определенную ответственность. Инфляцию можно было приостановить простым сбалансированием бюджета – трудной, но вполне выполнимой операцией. Это могло бы обеспечить адекватное налогообложение, однако новое правительство не решалось установить его. В конечном счете стоимость войны – 164 миллиарда немецких марок – не была погашена хотя бы частично прямым налогообложением, 93 миллиарда марок были получены за счет военных займов, 29 миллиардов – за счет ценных бумаг казначейства, а остальная сумма – за счет увеличения выпуска бумажных денежных знаков. Вместо резкого повышения налогов для тех, кто мог их платить, республиканское правительство в 1921 году фактически сократило налоги.

С этого момента правительство, подстегиваемое крупными промышленниками и землевладельцами, которые лишь выигрывали от того, что народные массы терпели финансовый крах, умышленно шло на понижение курса марки, чтобы освободить государство от долгов, избежать выплаты репараций и саботировать действия французов в Рурской области.

Широкие народные массы не осознавали, что промышленные воротилы, армия и государство в результате валютного кризиса остались в выигрыше. Им было известно, что даже крупный банковский счет не позволял купить жалкого пучка моркови, полпакета картофеля, несколько унций сахара и полкилограмма лука. Они знали, что каждый из них стал банкротом. Они поняли, что такое голод, ежедневно сталкиваясь с ним. И они в отчаянии обвиняли во всем случившемся республику.

Переворот в Баварии

«Правительство преспокойно продолжает печатать жалкие денежные знаки, поскольку прекращение этого процесса означало бы конец правительства, – кричал Гитлер. – Приостанови оно печатание, а именно в этом залог стабилизации марки, и мошенничество сразу станет достоянием гласности... Поверьте мне, наши страдания и нищета только усугубляются. А негодяи выйдут сухими из воды. Причина простая: само государство стало крупнейшим мошенником и проходимцем. Государство грабителей!.. Когда потрясенный народ узнает, что ему придется голодать, имея миллиарды, он неминуемо сделает следующий вывод: мы не станем больше подчиняться государству, которое зиждется на обманной идее большинства. Нам нужна диктатура...»

Безусловно, невзгоды и сомнения, связанные с безумной инфляцией, подтолкнули миллионы немцев к такому выводу, а Гитлер был готов вести массы за собой: обстановка хаоса 1923 года предоставила неповторимую возможность свергнуть республику. Но определенные трудности встали бы на пути Гитлера, возглавь он контрреволюцию, в чем он был заинтересован постольку, поскольку жаждал власти.

Прежде всего нацистская партия, несмотря на то что численность ее членов росла с каждым днем, являлась далеко не самым влиятельным политическим движением Баварии, а за пределами данной земли вообще была не известна. Разве столь незначительная партия в состоянии совершить переворот и свергнуть республику? Гитлер, которого не очень смущали подобные трудности, считал, что нашел выход из создавшейся ситуации. Он мог бы объединить под своим руководством все антиреспубликанские националистические силы Баварии. Затем при поддержке баварского правительства, вооруженных формирований и частей рейхсвера, дислоцированных в Баварии, он мог возглавить марш на Берлин – подобно Муссолини, вошедшему год назад в Рим, – и свергнуть Веймарскую республику. Легкая победа Муссолини вызывала зависть.

Оккупация французами Рурской области, хотя и подогрела ненависть немцев к своему традиционному врагу и, таким образом, содействовала возрождению националистических настроений, усложняла задачу Гитлера. Эти события способствовали объединению германской нации вокруг республиканского правительства в Берлине, которое решило дать отпор Франции. Гитлер меньше всего хотел этого. Целью его было свержение республики. А Францией он, очевидно, намеревался заняться после того, как в Германии произойдет националистическая революция и будет установлен диктаторский режим.

Вопреки бытовавшему в ту пору общественному мнению Гитлер решил занять непопулярную позицию: «Нет! Покончить надо не с Францией, а с предателями отечества. Долой преступников Ноября! – таков должен быть наш лозунг».

Первые месяцы 1923 года Гитлер посвятил распространению данного лозунга. В феврале в значительной степени благодаря организаторскому таланту Рема четыре вооруженных «патриотически настроенных формирования» Баварии слились с нацистами и образовали так называемое «Рабочее объединение союзов борьбы за Отечество» под политическим руководством Гитлера. В сентябре была создана более мощная группа под названием «Немецкий союз борьбы», одним из трех главарей которой являлся Гитлер.

Эта организация возникла во время крупного массового митинга, состоявшегося в Нюрнберге 2 сентября, в годовщину победы, одержанной Германией в 1870 году под Седаном. На митинге присутствовали большинство профашистски настроенных групп из Южной Германии, и Гитлеру даже похлопали, когда он произнес гневную речь против национального правительства. Открыто были провозглашены цели «Немецкого союза борьбы»: свержение республики и отказ от Версальского договора.

На нюрнбергском сборище Гитлер стоял на трибуне рядом с генералом Людендорфом. И это было не случайно. Молодой нацистский вождь уже некоторое время обхаживал героя войны, который однажды позволил использовать его славное имя организаторам Капповского путча и, поскольку он по-прежнему поддерживал контрреволюцию, мог не устоять перед соблазном и одобрить план, зарождавшийся в голове Гитлера. Старый генерал не обладал тонким политическим чутьем, зато не скрывал своего презрения к баварцам, кронпринцу Рупрехту, баварскому самозванцу и католической церкви, влияние которой здесь по сравнению с другими землями Германии было наиболее сильным.

Все это знал Гитлер, но это не противоречило его задачам. Он не стремился к тому, чтобы Людендорф стал политическим лидером националистической контрреволюции, – роль, на которую, как известно, претендовал герой войны. Гитлер добивался, чтобы эту роль отвели ему самому. Однако имя Людендорфа, его авторитет в военных кругах и в среде консерваторов всей Германии могли оказаться весьма полезными для провинциального политика, пока еще не известного за пределами Баварии. Поэтому Гитлер и предусмотрел Людендорфа в своем плане действий.

Осенью 1923 года в Германской республике и в земле Бавария сложилась кризисная ситуация. 26 сентября канцлер Густав Штресеман объявил о прекращении пассивного сопротивления в Рурской области и возобновлении выплаты Германией репараций. Этот бывший глашатай Гинденбурга и Людендорфа, стойкий консерватор, а в душе монархист, пришел к выводу, что для спасения Германии, объединения и восстановления ее былой мощи необходимо хотя бы на какое-то время признать республику, договориться с союзниками и в период затишья возродить экономический потенциал страны. Дальнейшее движение по нынешнему пути приведет лишь к развязыванию гражданской войны, а возможно, и к полному истреблению германской нации.

Отказ от сопротивления французам в Рурской области и взятие на себя бремени выплаты репараций вызвали волну гнева и истерии среди германских националистов. Коммунисты, также набиравшие силу, присоединились к ним в яростных нападках на республику. Штресеман столкнулся с серьезной оппозицией в лице как крайне правых, так и крайне левых. Предвидя это, он добился введения президентом Эбертом чрезвычайного положения в стране в тот день, когда было объявлено об изменении политического курса в отношении Рурской области и вопроса о репарациях. С 26 сентября 1923 года по февраль 1924 года исключительными полномочиями в Германии в соответствии с чрезвычайным положением оказались наделены министр обороны Отто Гесслер и начальник управления сухопутными силами рейхсвера генерал фон Сект. Эти полномочия на практике сделали генерала и армию диктаторами.

Бавария же не изъявляла желания следовать такому решению. Баварский кабинет министров, возглавляемый Ойгеном фон Книллингом, 26 сентября объявил о введении на территории земли чрезвычайного положения и назначил правого монархиста и бывшего премьер-министра Густава фон Кара комиссаром земли Бавария, наделив его диктаторской властью.

В Берлине опасались отделения Баварии от рейха, восстановления монархии Виттельсбахов, а также образования совместно с Австрией Южно-Германского государства. Президент Эберт поспешно собрал заседание кабинета министров и пригласил на него генерала фон Секта. Эберт хотел выяснить, какую позицию занимают военные. Сект откровенно заявил ему: «Армия, господин президент, поддерживает меня».

Слова начальника управления сухопутных сил, произнесенные ледяным тоном и с каменным выражением лица, не смутили, как можно было предположить, президента Германии и рейхсканцлера. Они уже признали за армией статус государства в государстве, ведь тремя годами ранее, как уже отмечалось, когда войска Каппа заняли Берлин и к Секту обратились

с аналогичным предложением, армия поддержала не республику, а генерала. Теперь, в 1923 году, вопрос состоял лишь в том, какую позицию займет сам генерал фон Сект.

К счастью для республики, он предпочел поддержать ее, но не потому, что верил в республиканский строй и его демократические принципы, а потому, что считал: в данный момент поддержка существующего режима необходима для сохранения армии, которой угрожали перевороты в Баварии и на севере страны, и для спасения Германии от губительной гражданской войны. Секту было известно, что часть командного состава армейской дивизии в Мюнхене приняла сторону баварских сепаратистов. Знал он и о заговоре «черного рейхсвера» во главе с майором Бухрукером, бывшим офицером генерального штаба. Цель заговора состояла в захвате Берлина и свержении республиканского правительства. Таким образом, генерал руководствовался холодным расчетом, намереваясь довести армию до нужной кондиции и ликвидировать угрозу гражданской войны.

В ночь на 30 сентября 1923 года войска «черного рейхсвера» под командованием майора Бухрукера захватили три форта восточнее Берлина. Сект отдал приказ силам регулярной армии окружить заговорщиков, и после двухдневного сопротивления Бухрукер сдался. Его судили по обвинению в государственной измене и приговорили к десяти годам заключения в крепости. «Черный рейхсвер», созданный самим Сектом под кодовым названием «Трудовые отряды» в целях скрытого увеличения численности стотысячного рейхсвера, был распущен.

Затем Сект все свое внимание уделил угрозе коммунистических выступлений в Саксонии, Тюрингии, Гамбурге и Руре. Что касается подавления левых сил, то здесь в лояльности армии сомневаться не приходилось. В Саксонии местный командующий силами рейхсвера арестовал правительство, в которое наряду с коммунистами входили социалисты, и власть была передана рейхскомиссару. В Гамбурге и других районах выступления коммунистов подавлялись быстро и жестоко.

В Берлине в то время полагали: сравнительно легкая расправа над большевиками лишила баварских заговорщиков оснований заявлять, будто они действительно стремятся спасти республику от коммунизма, и теперь они готовы признать полномочия национального правительства. Однако на деле этого не произошло.

Бавария по-прежнему враждебно относилась к Берлину. В тот период она находилась под диктаторской властью триумvirата: комиссара Баварии Кара, командующего силами рейхсвера в Баварии генерала Отто фон Лоссова и начальника полиции полковника Ганса фон Сейсера. Кар отказался признать, что введенное в Германии президентом Эбертом чрезвычайное положение действительно и в отношении Баварии. Он отказался выполнять какие-либо приказы, исходящие из Берлина. Когда национальное правительство потребовало закрыть гитлеровскую газету «Фёлькишер беобахтер» в связи с яростными нападками на республику в целом и на Секта, Штреземана и Гесслера в частности, Кар с презрением отклонил это требование.

Второе распоряжение из Берлина относительно ареста трех главарей действующих на территории Баварии вооруженных банд – капитана Хайса, капитана Эрхардта («героя» Капповского путча) и лейтенанта Россбаха (гомосексуалиста, приятеля Рема) – также было оставлено Каром без внимания. Сект, терпению которого пришел конец, приказал генералу фон Лоссову закрыть нацистскую газету и арестовать трех военных добровольческого корпуса. Однако генерал, будучи баварцем по рождению и нерешительным политиком, под влиянием красноречия Гитлера и настойчивости Кара заколебался. 24 октября Сект отстранил Лоссова от командования и назначил на его место генерала Кресса фон Крессенштейна. Кар, однако, не захотел согласиться с подобным диктатом Берлина. Он объявил, что Лоссов останется командующим силами рейхсвера в Баварии и, не только бросив вызов Секту, но и пренебрегая положениями статей конституции, потребовал от офицеров и рядовых специальной присяги на верность баварскому правительству.

В Берлине это расценили не только как политический акт, но и как военный бунт. Генерал фон Сект был теперь полон решимости положить конец подобным выступлениям. Он направил недвусмысленное предупреждение баварскому триумвирату, Гитлеру и вооруженным отрядам, что любое их выступление будет подавлено силой. Но отступать нацистскому главарю было слишком поздно. Его оголтелые сторонники требовали решительных действий. Лейтенант Вильгельм Брюкнер, один из начальников штурмовых отрядов СА, призвал Гитлера немедленно выступить. «Настал день, – предупреждал он, – когда я уже не в состоянии сдерживать своих людей. Если сейчас ничего не произойдет, они просто уйдут от нас».

Гитлер тоже понимал, что, если Штресеману удастся выиграть время и приступить к осуществлению мероприятий по восстановлению спокойствия в стране, шансы будут упущены. Он обратился к Кару и Лоссову с предложением предпринять марш на Берлин до того, как Берлин пойдет на Мюнхен. Кроме того, Гитлер начал подозревать, что триумвират либо утратил решимость, либо планирует сепаратистский переворот без его участия в целях отделения Баварии от рейха. Против этого Гитлер, одержимый идеями создания сильного рейха, объединенного под эгидой национализма, категорически возражал.

Кар, Лоссов и Сейсер после предостережения Секта заколебались. Они не были заинтересованы в проведении бессмысленной акции, которая могла подорвать их собственные позиции. 6 ноября они проинформировали «Немецкий союз борьбы», в котором Гитлер был ведущей политической фигурой, что не намерены втягиваться в поспешные действия и сами примут решение о том, когда и как действовать. Это решение Гитлер расценил как сигнал, что пора брать инициативу в свои руки. Однако он не располагал поддержкой, чтобы осуществить путч собственными силами. Ему требовалось заручиться помощью со стороны баварского правительства, армии и полиции – урок, который фюрер вынес за годы лишений, проведенные в Вене.

Гитлеру было необходимо каким-то образом заставить Кара, Лоссова и Сейсера действовать заодно с ним, когда уже нельзя будет повернуть назад. Требовалась смелость, даже некоторая опрометчивость, и Гитлер к тому времени мог доказать, что обладает этими качествами. Фюрер решил захватить тройку в качестве заложников и вынудить их использовать свою власть для удовлетворения его требований.

Эту мысль подсказали Гитлеру два беженца из России – Розенберг и Шейбнер-Рихтер. Последний, взяв титул и фамилию жены, величал теперь себя не иначе как Макс Эрвин фон Шейбнер-Рихтер. Этот весьма сомнительный тип, как и Розенберг, провел большую часть жизни в прибалтийских провинциях России. После войны вместе с другими беженцами он переехал в Мюнхен, где вступил в нацистскую партию и сделался одним из приближенных Гитлера. 4 ноября, в день поминовения павших, в центре Мюнхена должен был состояться военный парад. В прессе объявили, что не только кронпринц Рупрехт, но и Кар, Лоссов и Сейсер примут парад на трибуне, которая будет установлена на узкой улице, идущей от Фельдхернхалле. Шейбнер-Рихтер и Розенберг предложили Гитлеру следующий план действий: несколько сот штурмовиков с пулеметами, доставленные на грузовиках, перекрывают узкую улочку до появления участвующих в параде войск. Гитлер поднимается на трибуну, провозглашает революцию и под дулом пистолета вынуждает почетных гостей принять революцию и содействовать тому, чтобы он стал ее вождем. План Гитлер с восторгом одобрил.

Однако в назначенный день, когда Розенберг прибыл на место планируемой акции с целью провести рекогносцировку, то, к своему величайшему сожалению, обнаружил, что узкая улочка охраняется хорошо вооруженным отрядом полиции.

В прессе появилось краткое сообщение, что по просьбе ряда деловых организаций Мюнхена Кар выступит на митинге в «Бюргербройкеллер», огромном пивном зале на юго-востоке города. Эта встреча должна была состояться вечером 8 ноября.

В заметке указывалось, что выступление комиссара будет посвящено программе баварского правительства. На митинге предполагалось также присутствие генерала Лоссова, полковника Сейсера и других известных деятелей.

Гитлер поспешно принял решение, исходя из следующих двух соображений: во-первых, он подозревал, что Кар может использовать встречу для провозглашения независимости Баварии и возведения на баварский престол династии Виттельсбахов; во-вторых, встреча в «Бюргербройкеллер» предоставляла возможность, которая не была использована 4 ноября, – захватить всех членов триумvirата и под дулом пистолета вынудить их перейти на сторону нацистов и совершить революционный переворот.

«Пивной путч»

8 ноября 1923 года, примерно без четверти девять вечера, после того как Кар уже полчаса говорил перед трехтысячной оравой бюргеров, сидящих за деревянными столами и попивающих пиво из больших глиняных кружек, штурмовики СА окружили «Бюргербройкеллер» и Гитлер стремительно вошел в зал. Пока его люди устанавливали пулемет у входа, он вскочил на стол и, чтобы привлечь внимание, выстрелил в воздух. Кар прервал свое выступление. Собравшиеся обернулись узнать, в чем дело.

Гитлер при помощи Гесса и Ульриха Графа, в прошлом мясника, борца и скандалиста, а ныне телохранителя фюрера, стал пробираться к трибуне. Майор полиции попытался остановить его, но Гитлер пригрозил ему пистолетом и прошел вперед. Кар, по словам очевидцев, выглядел «бледным и растерянным». Он сошел с трибуны, и Гитлер занял его место.

– Началась национальная революция! – провозгласил фюрер. – Здание занято шестьюстами хорошо вооруженными бойцами. Никому не разрешается покидать зал. Если вы немедленно не успокоитесь, я прикажу установить на балконе пулемет. Правительство Баварии и правительство рейха низложены и сформировано временное правительство страны. Казармы рейхсвера и полиции заняты. Отряды армии и полиции вступают в город под знаменем со свастикой.

Последнее утверждение не соответствовало истинному положению дел – Гитлер просто блефовал. Однако в замешательстве никто ничего толком не понимал. Пистолет у Гитлера был настоящий, и он из него стрелял. Штурмовики с винтовками и пулеметами были вполне реальны. Гитлер отдал распоряжение Кару, Лоссову и Сейсеру следовать за ним в помещение, расположенное рядом со сценой. Подталкиваемые штурмовиками три высших должностных лица Баварии под удивленными взорами толпы подчинились требованию Гитлера.

Но одновременно в зале нарастало недовольство. Многие бизнесмены по-прежнему считали Гитлера выскочкой. Кто-то из присутствующих крикнул полиции:

– Не будьте трусами, как в 1918 году! Стреляйте!

Однако полицейские, видя, как покорно подчинилось их начальство и как штурмовики СА заняли зал, не оказывали какого-либо сопротивления. Гитлер устроил так, что Вильгельм Фрик, нацистский доносчик, служивший в полицейском управлении, позвонил по телефону в пивную дежурному полицейскому и распорядился, чтобы полицейские не вмешивались, а только информировали о происходящих событиях. Обстановка в зале накалялась, и Геринг счел необходимым подняться на трибуну, чтобы успокоить собравшихся.

– Вам нечего бояться! – прокричал он. – У нас самые дружелюбные намерения, поэтому вам нечего беспокоиться! Пейте на здоровье свое пиво!

Геринг сообщил также присутствующим, что в соседней комнате в данное время формируется новое правительство. Формирование проходило под дулом пистолета Адольфа Гитлера.

Как только фюрер собрал заложников в соседней комнате, он заявил:

– Никто не выйдет отсюда живым без моего разрешения.

Затем он сообщил, что все займут ключевые посты либо в правительстве Баварии, либо в правительстве рейха, которое он сформирует вместе с Людендорфом. С Людендорфом? В тот же вечер Гитлер отправил Шейбнера-Рихтера в Людвигсхее, чтобы незамедлительно доставить в пивной зал прославленного генерала, который понятия не имел о нацистском заговоре.

Трое заложников вначале вообще отказывались говорить с Гитлером. Он же продолжал их уговаривать: надо примкнуть к нацистскому движению, провозгласить революцию и новое правительство; все трое получают назначения, санкционированные Гитлером, либо в случае отказа «лишатся права на жизнь». Кару было предложено стать регентом Баварии, Лоссову – министром национальной армии, Сейсеру – министром внутренних дел рейха. Однако перспектива получить столь высокие назначения не прельстила тройку – никто ничего не ответил.

Затянувшееся молчание вывело Гитлера из себя – он стал размахивать перед ними пистолетом:

– У меня тут четыре патрона: три пули – для моих соратников в случае их предательства, последняя – для меня самого! – Приставив пистолет к виску, Гитлер кричал: – Если я не одержу победу до завтрашнего вечера, я покончу с собой!

Кар не был яркой личностью, но был сильным человеком.

– Господин Гитлер, – ответил он, – вы можете застрелить меня или дать распоряжение о моем убийстве. Умру я или нет, не столь важно...

Сейсер упрекал Гитлера в том, что фюрер нарушил данное им честное слово не поднимать путч против полиции.

– Да, это так, – заметил Гитлер. – Прошу меня простить, но я вынужден был поступить таким образом в интересах отечества.

Генерал фон Лоссов хранил презрительное молчание. Когда Кар стал что-то тихонько нашептывать ему на ухо, Гитлер возмутился:

– Прекратите! Запрещаю переговариваться без моего разрешения!

Однако он немногого достиг своими уговорами. Никто из трех власть имущих Баварии не согласился встать на его сторону даже под дулом пистолета. Развитие путча шло явно не по плану. Тогда Гитлер решил действовать экспромтом. Не произнося ни слова, он устремился в зал, вскарабкался на трибуну и, представ перед угрюмой толпой, объявил, что члены триумвирата, находящиеся в соседней комнате, согласились образовать вместе с ним новое правительство.

– Правительственный кабинет Баварии, – прокричал Гитлер, – распущен... Правительство преступников Ноября и президент объявляются низложенными. Сегодня здесь, в Мюнхене, будет провозглашено новое национальное правительство. Сразу будет создана германская национальная армия... Предлагаю, пока не будут сведены счеты с преступниками Ноября, доверить мне руководство политикой национального правительства. Людендорф возглавит командование германской национальной армии... В задачу временного национального правительства Германии входит организация марша на Берлин, этот грешный Вавилон, во имя спасения немецкого народа... Завтрашний день станет свидетелем торжества национального правительства Германии либо нашего поражения и гибели!

Не в первый и, безусловно, не в последний раз Гитлер мастерски прибег ко лжи, и это сработало. Когда присутствующие услышали о том, что Кар, генерал фон Лоссов и начальник полиции фон Сейсер встали на его сторону, настроение зала быстро изменилось. Послышались громкие одобрительные возгласы, которые подействовали на трех заложников, по-прежнему запертых в маленькой комнате рядом со сценой.

Шейбнёр-Рихтер в этот момент, словно по мановению волшебной палочки, представил на всеобщее обозрение генерала Людендорфа. Герой войны был разгневан, поскольку Гитлер ни о чем не предупредил его заранее, а когда, находясь в комнате рядом со сценой, узнал, что не он, а бывший ефрейтор должен стать диктатором Германии, его возмущению не было предела.

Но это не очень смутило Гитлера. Людендорф поддержал своим авторитетом безрассудное начинание и помог перетянуть на сторону нацистов трех несговорчивых баварских руководителей, которые до настоящего времени отказывались подчиниться его домогательствам и угрозам. Это и попытался сделать Людендорф.

Генерал заявил, что на карту поставлены интересы нации, и призвал трех господ к сотрудничеству. Под влиянием генерала тройка поддалась уговорам, хотя Лоссов впоследствии отрицал, будто дал согласие подчиниться Людендорфу.

Кар какое-то время настаивал на восстановлении столь дорогой его сердцу монархии Виттельсбахов. В конце концов он заявил, что согласен сотрудничать в качестве «представителя короля».

Своевременное появление Людендорфа спасло Гитлера. Окрыленный счастливой развязкой, он вывел на трибуну остальных руководителей, и каждый обратился к собравшимся с краткой речью и дал присягу на верность новому режиму. Присутствующие в приступе восторга взобрлись на стулья и столы. Гитлер сиял от удовольствия. «Лицо его выражало детскую, неподдельную радость, которую трудно забыть», – писал впоследствии известный историк, присутствовавший при этом.

Вновь взойдя на трибуну, Гитлер обратился к залу с заключительной речью:

– Я хочу выполнить сейчас клятву, данную пять лет назад, когда я находился на лечении в госпитале, ослепший после контузии: изо всех сил бороться за низвержение преступников Ноября, пока на руинах ныне несчастной Германии не будет восстановлена сильная, великая, свободная и совершенная Германия.

Собравшиеся стали расходиться. У выхода Гесс при помощи штурмовиков задержал ряд членов бывшего баварского правительства и других видных деятелей, пытавшихся скрыться в толпе. Гитлер присматривал за Каром, Лоссовом и Сейсером. Тогда же пришло сообщение о стычке штурмовиков одного из боевых подразделений «Бунд Оберланд» с регулярными формированиями в казармах инженерно-саперных войск. Гитлер принял решение отправиться на место событий и лично урегулировать проблему, оставив Людендорфа главным в пивном зале.

Это решение оказалось для Гитлера роковым. Первым удалось улизнуть Лоссову. Он сообщил Людендорфу, что ему срочно надо попасть в свой кабинет в штабе армии и дать необходимые распоряжения. Когда Шейбнер-Рихтер начал возражать, Людендорф резко прервал его:

– Я запрещаю вам ставить под сомнение слово, данное германским офицером.
Кару и Сейсеру также удалось скрыться.

Когда Гитлер в хорошем настроении вернулся в «Бюргербройкеллер», то обнаружил, что высокопоставленные птишки упорхнули. Это был первый удар за вечер, ошеломивший фюрера. Гитлер искренне надеялся, что «министры» его правительства активно принялись за работу, а Людендорф вместе с Лоссовом готовят план похода на Берлин.

Оказалось, ничего не было сделано. Вооруженным силам не удалось занять даже Мюнхен. Рем, возглавлявший отряд штурмовиков боевого подразделения «Военное знамя рейха», занял здание штаб-квартиры сухопутных сил в военном министерстве на Шёнфельдштрассе, однако другие объекты стратегического назначения захвачены не были, в том числе и здание телеграфа, откуда сообщение о перевороте ушло в Берлин. Генерал фон Сект передал в ответ по телефону приказ баварской армии подавить путч.

Не считая нескольких случаев дезертирства среди младших офицеров и рядовых, симпатизировавших Гитлеру и Рему, высший офицерский состав во главе с генералом фон Данне-ром, командующим Мюнхенским гарнизоном, был не только готов выполнить распоряжение Секта, но и сильно возмущен подобным обращением с генералом фон Лоссовом. По неписаным армейским законам гражданское лицо, угрожавшее генералу оружием, заслуживало

расправы на месте. Из штаба, расположенного в казармах 19-го пехотного полка, где Лоссов присоединился к Даннеру, полетели приказы другим гарнизонам о направлении в город подкреплений. К рассвету войска регулярной армии окружили плотным кольцом силы Рема в здании министерства обороны.

Перед этим Гитлер и Людендорф встретились с Ремом в здании министерства, чтобы оценить сложившуюся ситуацию. Рем очень удивился, узнав, что, кроме него, никто не предпринял действий с целью занять ключевые объекты в городе. Гитлер безуспешно пытался восстановить связь с Лоссовым, Каром и Сейсером. В казармы 19-го пехотного полка по поручению Людендорфа были посланы связные, но они не вернулись. Пёнера, бывшего начальника мюнхенской полиции, а теперь сторонника Гитлера, вместе с майором Хюнлейном и группой штурмовиков СА направили занять штаб полиции. Там их сразу арестовали.

А что в это время думал Густав фон Кар – глава баварского правительства? Покинув зал «Бюргербройкеллер», он быстро пришел в себя и осмелел. Не желая вновь подвергаться опасности и становиться заложником Гитлера, Кар перевел правительство в Регенсбург. Однако перед этим он приказал развесить по всему Мюнхену плакаты следующего содержания:

«Предательство и вероломство честолюбцев превратили демонстрацию, призванную содействовать пробуждению национального самосознания, в разгул отвратительного насилия. Признания, вырванные у меня, генерала фон Лоссова и полковника Сейсера под дулом пистолета, не имеют законной силы. Национал-социалистическую рабочую партию Германии, а также боевые отряды «Оберланд» и «Военное знамя рейха» считать распущенными».

С наступлением ночи стало ясно, что триумф, который накануне вечером казался Гитлеру столь близким и столь легкодостижимым, не состоялся. Исчезли предпосылки успешного осуществления политической революции, на чем всегда настаивал Гитлер, – поддержка действующих институтов власти, таких как армия, полиция, политическая группа, находящаяся у власти. Даже магическое имя Людендорфа, как выяснилось, не могло привлечь на их сторону вооруженные силы Баварии. Гитлер высказал предположение, что ситуацию, вероятно, можно исправить в том случае, если они с генералом Людендорфом переберутся в сельскую местность под Розенхайм и сумеют сплотить крестьян в вооруженные отряды, чтобы предпринять наступление на Мюнхен. Однако Людендорф категорически возражал против такого решения.

Существовал и иной способ, посредством которого можно было предотвратить катастрофу. Впервые услышав о путче, кронпринц Рупрехт, ярый враг Людендорфа, сделал краткое заявление, призвав к его немедленному подавлению. Гитлер решил обратиться к кронпринцу, чтобы тот переговорил с Лоссовым и Каром и помог мирному урегулированию вопроса на почетных условиях. С этой деликатной миссией в замок Виттельсбахов, расположенный под Берхтесгаденом, отправили на рассвете лейтенанта Нейнцера, друга Гитлера и Рупрехта. Не найдя машины, лейтенант вынужден был дожидаться поезда и добрался к месту назначения только после полудня. К этому моменту события приняли такой оборот, которого не ожидали ни Гитлер, ни Людендорф.

Гитлер планировал путч, а не гражданскую войну. Несмотря на сильное возбуждение, он в достаточной степени контролировал себя, чтобы понять, что у него нет сил справиться с полицией и армией. Он хотел делать революцию вместе с армией, а не против нее. Хотя Гитлер и предстал кроважидным в своих последних выступлениях и в эпизоде, когда угрожал баварской тройке револьвером, его отпугивала мысль, что люди, объединенные ненавистью к республике, начнут пускать кровь друг другу.

Такой же позиции придерживался и Людендорф. Своей жене генерал рассказывал, что с удовольствием вздернул бы президента Эберта и компанию и наблюдал, как они будут болтаться на виселице. Однако он был против того, чтобы убивать полицейских и солдат, которые, по крайней мере в Мюнхене, верили, как и он, в национальную контрреволюцию.

Людендорф предложил отчаявшемуся молодому главарю нацистской партии свой собственный план, который позволил бы им добиться победы и в то же время избежать кровопролития. Он был уверен, что германские солдаты и даже германские полицейские, в прошлом в основном солдаты, никогда не посмеют открыть огонь по легендарному командиру, которому они обязаны крупными победами как на восточном, так и на западном фронте. При поддержке сторонников они с Гитлером направятся в центр города и займут его. Людендорф считал, что полиция и армия не станут оказывать сопротивления, перейдут на его сторону и будут выполнять его приказы.

Хотя Гитлер несколько скептически оценивал план генерала, он дал согласие на его осуществление. Очевидно, другого выхода не было. Кронпринц, как отметил Гитлер, так и не откликнулся на его просьбу выступить в качестве посредника.

Около одиннадцати часов утра 9 ноября, в день провозглашения Германской республики, Гитлер и Людендорф вывели трехтысячную колонну штурмовиков из парка в районе «Бюргербройкеллер» и направили ее в центр Мюнхена. Рядом с ними в первом ряду маршировали руководитель СА Геринг, Шейбнер-Рихтер, Розенберг, телохранитель Гитлера Ульрих Граф и с десятков других нацистских вожаков и главарей «Немецкого союза борьбы». Впереди колонны развевались знамя со свастикой и знамя «Бунд Оберланд».

Чуть поодаль от первых рядов демонстрантов двигался грузовик с пулеметчиками. Штурмовики несли на плече карабины с примкнутыми штыками. Гитлер размахивал револьвером. Войско, безусловно, было не самым грозным, но Людендорф, имевший большой опыт командования миллионами отборных германских частей, видимо, считал, что для выполнения его плана этого вполне достаточно.

Пройдя несколько сот метров, бунтовщики встретили на своем пути первое препятствие. На мосту Людвига, проложенном через реку Изар, который вел в центр города, дорогу им преградил отряд вооруженной полиции. Геринг устремился вперед и, обращаясь к начальнику полицейского отряда, стал угрожать расстрелом заложников, которые, по его словам, находились в хвосте колонны, если полицейские откроют огонь по его людям. В течение ночи Гессу и его подручным удалось захватить на всякий случай нескольких заложников, в том числе двух членов правительства. Начальник полицейского отряда, вероятно, поверил Герингу и пропустил колонну через мост.

На Мариенплац колонна нацистов наткнулась на большую толпу, слушавшую разглагольствования Юлиуса Штрейхера – яркого антисемита из Нюрнберга, который направился в Мюнхен, как только услышал о путче. Не желая оставаться в стороне от революции, он быстро закончил свою речь и присоединился к бунтовщикам, встав в колонну за Гитлером.

После полудня демонстранты достигли своей цели – здания министерства обороны, где Рема и его штурмовиков окружали солдаты рейхсвера. До сих пор ни осаждавшие, ни осажденные не произвели ни единого выстрела. Рем и его люди служили в прошлом в армии, и многие из их боевых товарищей находились по другую сторону колючей проволоки. Ни у кого не было желания прибегать к кровопролитию.

Чтобы добраться до здания министерства обороны и освободить Рема, Гитлер и Людендорф повели колонну по узкой улице Резиденцштрассе, которая сразу за Фельдхернхалле, выходила на просторную площадь Одеонплац. В конце улицы путь им преградил отряд полицейских численностью около ста человек, вооруженных карабинами. Полицейские заняли выгодную позицию и на этот раз не были намерены уступить.

Нацисты вновь попытались добиться своего уговорами. Телохранитель Гитлера Ульрих Граф сделал шаг вперед и прокричал начальнику полицейского отряда:

– Не стреляйте! Идет его превосходительство Людендорф!

Гитлер тоже не молчал.

– Сдавайтесь! Сдавайтесь! – призывал он.

Однако неизвестный полицейский офицер и не думал сдаваться. Имя Людендорфа, по всей вероятности, не произвело на него магического действия: он служил в полиции, а не в армии.

Какая из сторон выстрелила первой – впоследствии так и не было установлено. Каждая обвиняла противников. Один из свидетелей утверждал, что первым выстрелил из своего револьвера Гитлер, другой считал, что это был Штрейхер. Многие нацисты позднее уверяли автора данной книги, что именно этот поступок побудил их стать сторонниками Гитлера⁹.

Так или иначе, выстрел был сделан, и сразу вспыхнула перестрелка – надежды Гитлера вмиг развеялись. Упал на мостовую смертельно раненный Шейбнер-Рихтер. Геринг получил серьезную рану в бедро. Через минуту пальба прекратилась, но мостовую устилали тела – шестнадцать нацистов и трое полицейских были убиты или смертельно ранены, насчитывалось много раненых, остальные, включая самого Гитлера, спасая собственную жизнь, припали к мостовой.

Но один человек являлся исключением, и если бы его примеру последовали другие, все могло бы сложиться по-иному. Генерал Людендорф не бросился на землю. Он гордо выпрямился, как предписывали лучшие военные традиции, а затем вместе со своим адъютантом майором Штреком спокойно прошел под дулами винтовок полицейских на Одеонплац. Людендорф, видимо, производил впечатление одинокого странника, потому что никто из нацистов не последовал за ним, даже их вожак Адольф Гитлер.

Будущий канцлер Третьего Рейха первым попытался скрыться. Когда колонна приближалась к полицейскому кордону, Гитлер левой рукой сжимал правую руку Шейбнера-Рихтера (несколько странный, однако показательный жест), и когда тот упал, то потянул за собой и фюрера. Гитлер, очевидно, считал, что ранен: он почувствовал резкую боль, как потом выяснилось, из-за того, что вывихнул плечо. Но факт остается фактом: по свидетельству одного из нацистов, находившегося в колонне, доктора Вальтера Шульца, и по свидетельству некоторых других очевидцев, Гитлер «первым вскочил и бросился наутек», оставив на улице убитых и раненых товарищей. Он прыгнул в ожидавшую его машину и помчался в загородный дом семьи Ханфштенгль в Уффинге, где жена хозяина и его сестра ухаживали за Гитлером до его ареста, который был произведен спустя два дня.

Людендорфа арестовали на месте событий. Он презирал бунтовщиков, у которых не хватило мужества пойти за ним, а разочарование в военных, не вставших на его сторону, было столь велико, что генерал поклялся впредь никогда не отвечать на приветствие германских офицеров и никогда не носить военную форму.

Раненому Герингу первую помощь оказал еврей – владелец расположенного поблизости банка, куда его отнесли. Затем жена переправила его через австрийскую границу и поместила в госпиталь в Инсбруке. Гесс также бежал в Австрию. Рем сдался в здании министерства обороны спустя два часа после поражения у Фельдхернхалле.

В течение нескольких дней все главари бунтовщиков, за исключением Геринга и Гесса, были задержаны и посажены в тюрьму. Нацистский путч потерпел фиаско. Партию распустили. Национал-социализму, судя по всему, пришел конец. Властолюбивый главарь движения, бросившийся бежать при первых же выстрелах, казалось, полностью дискредитировал себя, а его сногшибательная карьера завершилась.

⁹ Спустя несколько лет, мотивируя назначение Штрейхера нацистским главарем Франконии, несмотря на возражения многих соратников по партии, Гитлер заявил: «Возможно, найдутся один или два человека, которым не нравится форма носа Штрейхера. Но в тот день, когда он лежал рядом со мной на мостовой Фельдхернхалле, я поклялся, что не брошу его, пока он не бросит меня».

Суд за измену

Однако, как показали последующие события, карьера Гитлера просто прервалась, причем ненадолго. Гитлер обладал достаточной проницательностью, чтобы понять, что данный процесс отнюдь не положит конец его карьере, а предоставит ему платформу, с которой он сможет не только развенчать скомпрометированные органы власти, арестовавшие его, но и – что еще важнее – прославить свое имя далеко за пределами Баварии, а практически и самой Германии.

Гитлеру было хорошо известно, что зарубежные корреспонденты, а также журналисты ведущих германских газет съехались в Мюнхен, чтобы освещать судебный процесс, который начался 26 февраля 1924 года. Специальное судебное разбирательство проходило в здании старого пехотного училища на Блютенбургштрассе.

Когда процесс через двадцать четыре дня закончился, Гитлеру удалось обратить поражение в победу и перед лицом общественности переложить вину на Кара, Лоссова и Сейсера. Гитлер поражал немцев своим красноречием и страстной верой в национализм, его фамилия не сходила со страниц газет.

Хотя Людендорф был, очевидно, самым известным из десяти подсудимых, Гитлеру сразу удалось привлечь к себе всеобщее внимание. До самого конца процесса он занимал в зале суда доминирующее положение. Франц Гюртнер, баварский министр юстиции, старый друг и покровитель нацистского главаря, позаботился о том, чтобы судебные чиновники относились к его выходкам снисходительно. Гитлеру разрешалось прерывать выступающих так часто, как он того хотел, вести перекрестный допрос свидетелей и выступать в любое время и как угодно долго. Его вступительная речь продолжалась четыре часа, но это было лишь начало его длительных разглагольствований.

Гитлер не был намерен, как он утверждал впоследствии, повторять ошибки тех, кто в ходе судебного процесса по делу о Капповском путче заявляли, что «они ничего не знали и ничего не хотели предпринять. Это и погубило мир буржуазии – отсутствие мужества отстоять свои действия... сказать судьбе: «Да, мы хотели именно этого – хотели уничтожить государство».

Теперь же, выступая перед судьями и представителями мировой прессы, Гитлер провозглашал:

– Я один несу за все ответственность. Но это вовсе не означает, что я – преступник. Если меня судят здесь как революционера, то я и являюсь революционером, борющимся против революции 1918 года. А по отношению к тем, кто выступает против предателей, нельзя выдвигать обвинение в государственной измене.

В противном случае тройка, возглавляющая правительство, армию и полицию Баварии и готовившая вместе с ним, Гитлером, заговор против национального правительства, виновна в не меньшей степени, чем он, и должна находиться рядом с ним на скамье подсудимых, а не выступать в качестве главных свидетелей обвинения. Довольно ловко Гитлер направил обвинение против членов триумvirата, которые, чувствуя вину, держались неуверенно.

«Одно доподлинно известно: Лоссов, Кар и Сейсер преследовали те же цели, что и мы, – покончить с правительством рейха... Если наши действия классифицировать как государственную измену, сие означает, что все это время Лоссов, Кар и Сейсер вместе с нами совершали государственную измену, поскольку в течение прошедших недель мы ни о чем другом не говорили, кроме как о выполнении тех поставленных задач, в которых нас теперь обвиняют».

Тройка вряд ли могла опровергнуть это утверждение, потому что так оно и было на самом деле. Кар и Сейсер не смогли парировать язвительных нападок Гитлера. Лишь генерал фон Лоссов стойко защищался.

– Я не был их подручным, – заявил он в суде. – Я занимал высокий государственный пост.

Затем генерал с презрением, на какое только был способен кадровый военный, обрушился на бывшего ефрейтора, этого безработного выскочку, чьи далеко идущие амбициозные планы привели к тому, что он попытался диктовать свои условия армии и государству. «До чего докатился этот беспринципный демагог, – возмущался генерал, – хотя не так давно он заявлял, что хотел бы быть «барабанщиком» патриотического движения».

Барабанщиком? Гитлер знал, что ответить на это.

«Сколь низменны мысли маленьких людей! Поверьте, я не рассматриваю получение министерского портфеля как нечто желанное. Я не считаю достойным великого деятеля пытаться войти в историю, став каким-то министром... С самого начала моя цель в тысячу раз превосходила желание сделаться просто министром. Я хотел стать искоренителем марксизма. Я намерен достичь этой цели, и, если я добьюсь ее, должность министра применительно ко мне будет нелепой».

В качестве примера Гитлер сослался на Вагнера:

«Когда я впервые стоял у могилы Рихарда Вагнера, мое сердце переполняла гордость за человека, который запретил делать на своем надгробии какие-либо надписи в духе «Здесь покоится тайный советник, дирижер, его превосходительство барон Рихард фон Вагнер». Я был горд тем, что это имя, как и многие другие, вошло в историю без титулов. Я хотел стать барабанщиком в те дни не из скромности. В этом было мое высочайшее предназначение, остальное не имело смысла».

Гитлера обвиняли в том, что он из барабанщика хотел сразу сделаться диктатором. Он этого и не отрицал. Так распорядилась судьба.

«Человека, рожденного быть диктатором, не принуждают стать им. Он желает этого сам. Его не двигают вперед, он движется сам. Ничего нескромного в этом нет. Разве нескромно рабочему братья за тяжелую работу? Разве предосудительно человеку с высоким лбом мыслителя думать и мучиться по ночам, пока он не подарит миру свое открытие? Тот, кто ощущает, что призван вершить судьбами народа, не вправе говорить: «Если вы позовете меня, я буду с вами». Нет! Долг его в том, чтобы самостоятельно сделать первый шаг».

Гитлеру грозило длительное тюремное заключение за государственную измену, но его уверенность в себе, в призвании «вершить судьбами народа» оставалась непреклонной. В ожидании судебного процесса Гитлер проанализировал причины поражения путча и поклялся, что в будущем не допустит подобных ошибок. Вспоминая об этом тринадцать лет спустя, когда он добился цели, Гитлер говорил своим старым соратникам, собравшимся в «Бюргербройкеллер», чтобы отметить годовщину путча:

«Я твердо могу сказать, что это было самое поспешное решение, принятое мною в жизни. Когда я сегодня думаю о случившемся, у меня голова идет кругом... Если взглянуть на отряды, маршировавшие в 1923 году, с нынешних позиций, вы бы спросили: «Из какой исправительной тюрьмы они сбежали?...»

Однако судьба отнеслась к нам благосклонно. Она не позволила увенчаться успехом нашему начинанию, которое в случае победы в конце концов неизбежно провалилось бы из-за внутренней незрелости нашего движения тех дней и его слабой организации и идеологической платформы... Мы признали, что недостаточно свергнуть старое государство, необходимо предварительно подготовить создание государства нового, которое могло бы взять власть...

В 1933 году вопрос заключался уже не в насильственном свержении государства; к тому времени было создано новое государство, и надо было лишь разрушить то, что оставалось от старого строя. На это потребовалось всего несколько часов».

В ходе судебного процесса, полемизируя с судьями и обвинителями, Гитлер воображал, как надо строить новое нацистское государство. Прежде всего необходимо, чтобы на этот раз германская армия была заодно с ними, а не против. В своей заключительной речи Гитлер постарался обыграть идею примирения с вооруженными силами, ни словом не упрекнув военных.

«Я верю, что придет час, когда люди, стоящие сегодня на улице под нашим знаменем со свастикой, объединятся с теми, кто стрелял в них... Когда я узнал о том, что в нас стреляли «зеленые» полицейские, я с удовлетворением отметил, что кровью запятнали себя не вооруженные силы рейхсвера. Честь рейхсвера безупречна, как и прежде. Однако пройдет час, когда и офицеры, и рядовые рейхсвера перейдут на нашу сторону».

Предсказание было довольно верным, но в этот момент Гитлера прервал председатель суда:

– Господин Гитлер, вы утверждаете, что «зеленая» полиция запятнала себя. Я возражаю.

Подсудимый не обратил ни малейшего внимания на это замечание. Заключительную речь, которую собравшиеся слушали затаив дыхание, Гитлер закончил такими словами:

«Созданная нами армия растет изо дня в день... Я с гордостью и надеждой вынашиваю планы, что наступит час, когда эти еще не сформированные роты станут батальонами, батальоны – полками, полки – дивизиями, когда старые кокарды извлекут из грязи и старые знамена будут развеиваться на ветру, тогда и произойдет примирение наших рядов на фоне посланного нам Всевышним последнего испытания, которое мы с готовностью встретим».

Обратив свой горячий взгляд на судей, Гитлер заявил:

«Господа, не вам предстоит вынести нам приговор. Этот вердикт вынесет вечный суд истории. Приговор, который вынесете вы, мне известен. Однако тот, другой суд не будет задавать нам вопросов: совершили вы государственную измену или нет? Тот суд будет судить нас, генерал-квартирмейстера старой армии [Людендорфа], его офицеров и солдат как немцев, которые желали только блага своему народу и отечеству, хотели сражаться и умереть. Вы вправе признать нас тысячу раз виновными, однако богиня вечного суда истории лишь улыбнется и в ключья разорвет постановление государственного прокурора и решение вашего суда. Она оправдает нас».

Однако решения – их трудно назвать приговором – судей, вершивших в то время правосудие, мало чем отличались от вердикта истории. Людендорфа оправдали. Гитлера и других подсудимых признали виновными. Но, несмотря на положение закона (статья 81 Уголовного кодекса Германии, в которой говорилось, что «любое лицо, пытающееся силой изменить конституцию Германского Рейха или одной из земель Германии, наказуемо и приговаривается к пожизненному заключению»), Гитлера приговорили к пяти годам лишения свободы в старой крепости Ландсберг.

Даже неопытные судьи возражали против суровости данного приговора, но председательствующий заверил их в том, что узника освободят на поруки после того, как он отбудет в крепости шесть месяцев. Попытки полиции добиться депортации Гитлера как иностранца – он по-прежнему имел австрийское гражданство, – ни к чему не привели. Решение суда было вынесено 1 апреля 1924 года. А через девять месяцев, 20 декабря, Гитлера выпустили из тюрьмы и он смог возобновить борьбу за свержение демократического строя. Наказание за государственную измену, если речь шла о крайне правых, не являлось чрезмерно строгим, несмотря на положения закона, и это понимали многие враги республики.

Благодаря путчу, хотя он и потерпел фиаско, Гитлер приобрел общенациональную известность и в глазах многих выглядел патриотом и героем. Нацистская пропаганда вскоре заговорила о путче как о великом этапе развития нацистского движения. Ежегодно после прихода к власти, даже после начала Второй мировой войны, фюрер приезжал в Мюнхен, чтобы вечером 8 ноября выступить в пивном зале перед старыми борцами, то есть теми, кто бросился вслед за ним в авантюру, обернувшуюся позднее ужасной катастрофой. В 1935 году Гитлер, будучи уже рейхсканцлером, распорядился вырыть тела шестнадцати нацистов, погибших в непродолжительной перестрелке с полицией, и поместить их в саркофаги в Фельдхернхалле, ставшем национальной святыней. Открывая этот мемориал, Гитлер сказал: «Отныне

они обрели бессмертие... Они олицетворяют Германию и стоят на страже нашего народа. Они покоятся здесь как истинные рыцари нашего движения».

Фюрер не вспомнил, и никто из присутствующих, видимо, не захотел вспоминать о том, что именно этих боевых товарищей Гитлер оставил умирать на улице, в то время как сам поднялся с тротуара и предпочел спастись бегством.

Летом 1924 года в старой крепости Ландсберг, расположенной в верховьях реки Лех, Адольф Гитлер, с которым обходились как с почетным гостем, предоставив ему отдельную комнату с прекрасным видом, освободившись от многочисленных посетителей, приходивших выразить ему свое почтение и преподнести подарки, вызвал к себе преданного Рудольфа Гесса, вернувшегося наконец в Мюнхен и получившего срок, и начал диктовать ему главы своей книги¹⁰.

¹⁰ До приезда Гесса предварительные записи под диктовку Гитлера вел Эмиль Морис, бывший заключенный, часовщик по специальности, первый командир нацистских боевых отрядов.

Глава 4

Воззрения Гитлера и истоки Третьего Рейха

Гитлер хотел назвать свою книгу «Четыре с половиной года борьбы с ложью, глупостью и трусостью», но Макс Аманн, практичный директор нацистского издательства, который должен был издавать ее, возражал против столь тяжеловесного и малопривлекательного заголовка и урезал его. Книга получила название «Моя борьба» («Майн кампф»). Содержание ее разочаровало Аманна: он надеялся заполучить страстную исповедь Гитлера, где описывалось бы, как он из безвестного венского «рабочего» превратился в известную всему миру фигуру. Как уже отмечалось, в книге немного автобиографического материала.

Издатель рассчитывал также на то, что Гитлер даст свою трактовку «пивного путча», драматизм и двойственность которого, по его убеждению, заинтересовали бы читателя. Однако Гитлер в этом вопросе проявил чрезмерную осторожность и не стал ворошить прошлое в тот момент, когда влияние партии заметно упало¹¹.

Поэтому в «Майн кампф» практически не упоминается о неудачном путче.

Первый том «Майн кампф» был опубликован осенью 1925 года. Книга объемом четыреста страниц стоила двенадцать марок – почти вдвое дороже большинства книг, выпускаемых в то время в Германии. Она не сразу стала бестселлером. Аманн, правда, хвастался, что в первый год после выхода книги в свет было продано 23 тысячи экземпляров и что в последующие годы доходы возросли. Однако данное заявление было воспринято в антинацистских кругах скептически.

На основании захваченной союзниками в 1945 году документации о выплате гонораров нацистским издательством «Эйер ферлаг» можно привести фактические данные о продаже «Майн кампф». В 1925 году было продано 9 тысяч 473 экземпляра, затем в течение трех лет количество проданных книг ежегодно сокращалось. В 1926 году оно упало до 6 тысяч 913 экземпляров, в 1927 году – до 5 тысяч 607, а в 1928 году составило лишь 3 тысячи 15 экземпляров, учитывая оба тома. В 1929 году число проданных книг несколько возросло – до 7 тысяч 664 экземпляров. С увеличением фондов нацистской партии в 1930 году, когда на прилавках появилось недорогое однотомное издание «Майн кампф» за восемь марок, продажа книг возросла до 54 тысяч 86 экземпляров. На следующий год количество проданных книг несколько сократилось (50 тысяч 807) и в 1932 году достигло 90 тысяч 351 экземпляра.

Гонорары Гитлера – основной источник его доходов – начиная с 1925 года и во все последующие годы составляли значительную сумму, если учесть средние ставки за эти семь лет. Однако их трудно сравнивать с гонорарами, полученными в 1933 году, когда Гитлер стал рейхсканцлером. За первый год пребывания Гитлера у власти продали миллион экземпляров «Майн кампф», и доходы фюрера от роялти (гонорар в виде авторских отчислений), которые с 1 января 1933 года возросли с 10 до 15 процентов цены каждого проданного экземпляра, превысили миллион марок. Гитлер сделался самым состоятельным автором в Германии и впервые почувствовал себя миллионером¹².

¹¹ «Нет смысла, – писал он в конце второго тома, – беречь раны, которые, судя по всему, еще не до конца зажили... нет нужды винить тех, кто в глубине души, вероятно, был не меньше предан своей стране и кто просто не нашел или не смог понять общий курс». Столь злопамятным человеком, каким был Гитлер, в данном случае проявлена неожиданная терпимость по отношению к тем, кто подавил поднятый им путч и упрятал его за решетку, либо, принимая во внимание то, что произошло позднее с Каром и другими его противниками, данное утверждение свидетельствует о силе воли Гитлера – способности сдерживаться на какое-то время по тактическим соображениям. В любом случае Гитлер воздержался от каких-либо встречных обвинений.

¹² Как у большинства писателей, у Гитлера возникали определенные трудности с уплатой налогов – по крайней мере, как мы увидим, до тех пор, пока он не стал диктатором.

За исключением Библии, ни одна книга не продавалась в таких количествах в период нацистского правления, когда немногие семьи чувствовали себя в безопасности, не выставив книгу на почетное место у себя в доме. Считалось почти обязательным – и, безусловно, разумным – дарить «Майн кампф» жениху и невесте к свадьбе, а школьнику по окончании школы любого профиля. К 1940 году, спустя год после начала Второй мировой войны, в Германии было продано 6 миллионов экземпляров этой нацистской библии.

Вовсе не обязательно, что каждый немец, купивший «Майн кампф», прочел ее. Я слышал от многих убежденных нацистов, что им было трудно читать эту книгу, и не так уж мало немцев в частной беседе признавались, что не смогли осилить до конца высокопарный опус в 782 страницы. Можно, по всей вероятности, утверждать, что если бы большее число немцев, не являвшихся членами нацистской партии, прочли эту книгу до 1933 года, а государственные деятели разных стран внимательно изучили ее, пока еще не было поздно, то и Германию, и весь мир удалось бы спасти от катастрофы.

Какие бы обвинения ни предъявлялись Адольфу Гитлеру, никто не может обвинить его в том, что он не описал подробно ту Германию, которую намеревался создать в случае прихода к власти, и тот мировой порядок, который собирался установить благодаря завоеваниям германской армии. Наметки Третьего Рейха, более того, варварского «нового порядка», насаждаемого Гитлером в покоренной Европе в годы его триумфа со всей вопиющей жестокостью, пространно и подробно излагаются на страницах этой откровенной книги.

Как отмечалось ранее, основные воззрения сформировались у Гитлера в двадцатилетнем возрасте в Вене, и впоследствии, как он сам признавался, ему не пришлось многому учиться и коренным образом менять что-либо.

Когда в 1913 году Гитлер в возрасте 24 лет уехал из Австрии в Германию, он испытывал страстное влечение к германскому национализму и ненависть к демократии, марксизму и евреям; он был убежден, что само провидение избрало арийцев, прежде всего немцев, высшей расой.

В «Майн кампф» Гитлер изложил свои взгляды применительно к конкретной проблеме – возвращение побежденной и расчлененной Германии места под солнцем, какое ей не доводилось занимать во все предшествующие периоды своей истории, и создание государства нового типа. Такое государство, по мнению Гитлера, должно зиждиться на расовом принципе и объединять всех немцев, в том числе проживающих за пределами рейха, устанавливать диктаторскую власть фюрера, то есть власть самого Гитлера, подкрепляя ее системой руководителей меньшего ранга, получающих распоряжения сверху и передающих их низшему звену.

В книге, таким образом, во-первых, даются наметки будущего германского государства и методы, благодаря которым оно в один прекрасный день станет «хозяином всей земли», как пишет об этом автор на последней странице; во-вторых, излагаются взгляды, жизненная концепция, *Weltanschauung* (мировоззрение), если пользоваться любимым выражением Гитлера.

Разумеется, любой нормальный человек XX века воспримет такой взгляд на мир как нелепую мешанину, состряпанную неискушенным, необразованным неврастеником. Но важно отметить, что данное мировоззрение было фанатично подхвачено миллионами немцев и привело страну к полному краху. В нем кроется также причина гибели миллионов ни в чем не повинных, порядочных людей как в самой Германии, так и за ее пределами.

Каким же образом новому рейху предстояло восстановить свое положение мировой державы и затем покорить мир? Гитлер размышляет над этим вопросом в первом томе «Майн кампф», большая часть которого была написана им в крепости в 1924 году, а затем довольно подробно останавливается на данных проблемах во втором томе, законченном в 1926 году.

Прежде всего, полагал Гитлер, необходимо свести счеты с Францией, «этим безжалостным, смертельным врагом немецкого народа». Франция, по мнению Гитлера, всегда видит свою

задачу в том, чтобы расчленил и расшатать Германию, разбить ее на отдельные мелкие земли. Это настолько очевидно, добавлял он, что «если бы я был французом... я не мог бы и не хотел поступить иначе, чем Клемансо». Таким образом, надлежало «энергично и окончательно рассчитаться с Францией... провести последний решающий бой... только тогда мы сможем положить конец этой вечной и в сущности такой бесплодной борьбе между нами и Францией, разумеется, допуская, что Германия фактически рассматривает поражение Франции лишь в качестве одного из средств, с помощью которого немецкий народ впоследствии сможет значительно расширить владения в других районах».

Расширить владения в других районах? Где? Таким образом Гитлер вплотную подходит к главной концепции внешней политики Германии, которую столь добросовестно проводил в жизнь, став правителем рейха.

«Германия, – откровенно заявлял он, – должна увеличить свою территорию на Востоке – в основном за счет России».

В первом томе «Майн кампф» Гитлер много внимания уделил рассмотрению вопроса о жизненном пространстве. Данная тема занимала его до самых последних дней. Империя Гогенцоллернов, по его убеждению, допустила ошибку, стремясь завоевать колонии в Африке: «Территориальную политику нельзя проводить за счет разных камерунов, в настоящее время она должна решаться главным образом в Европе». Однако все земли в Европе к тому моменту были уже заняты. Верно, признавал Гитлер, однако природа не зарезервировала эти земли для будущего владения какой-либо определенной нацией или расой; напротив, эти земли предназначаются тому народу, который сможет захватить их силой.

А что делать, если возражают нынешние владельцы? Тогда вступает в силу закон самосохранения: чего нельзя достичь мирным путем, надо получить с помощью кулаков.

Объясняя недалекость внешней политики Германии перед Первой мировой войной, Гитлер заявлял, что приобретение новых земель «возможно лишь на Востоке... Желание получить земли в Европе может быть реализовано главным образом за счет России. Это означает, что новому рейху предстоит снова отправиться в поход по стопам древних тевтонских рыцарей и с помощью германского меча обрести землю для германского плуга и хлеб насущный для нации».

Словно усомнившись, что недостаточно четко изложил свои мысли в первом томе, Гитлер возвращается к этому вопросу в томе втором:

«Лишь достаточно большое пространство на земле предоставляет нации свободу существования... Невзирая на «традиции» и предрассудки, национал-социалистическое движение должно найти в себе мужество объединить наш народ и свои силы для продвижения по пути, который поможет вывести нацию из существующих ограниченных рамок жизненного пространства на новые просторы и земли... Национал-социалистическое движение должно стремиться покончить с диспропорцией между численностью нашего населения и нашей территорией, рассматривая последнюю в качестве источника пропитания и основы для политики с позиции силы... Нам надо неуклонно придерживаться нашей цели... чтобы обеспечить германский народ жизненным пространством и землей, на что он имеет полное право».

На какое, собственно, пространство мог претендовать германский народ? Гитлер презрительно отмечал, что буржуазия, «которая полностью лишена творческого политического видения будущего», разглагольствовала о восстановлении Германии в границах 1914 года.

«Требование о восстановлении границ 1914 года – это политический абсурд таких размеров, последствия которого делают его равным преступлению. Данное требование совершенно не учитывает того факта, что границы рейха 1914 года отнюдь не соответствовали исторической логике. В действительности они не могли считаться ни всеобъемлющими с точки зрения объединения немецкой нации, ни разумными с позиций военной целесообразности. Границы не являлись результатом взвешенных политических актов, а сложились на момент политиче-

ской борьбы, которая далеко не окончена... С не меньшим, а во многих случаях и с большим основанием в качестве примера можно взять любой другой год в истории Германии и провозгласить восстановление границ того времени целью внешней политики».

«Исходный год» Гитлера относится к XIII веку, когда германцы оттеснили славян на восток. Подобное продвижение на восток следовало возобновить.

«В настоящее время в Европе проживает восемьдесят миллионов немцев! Текущую внешнеполитическую деятельность можно признать правильной лишь в том случае, если через сто лет на земле будут проживать двести пятьдесят миллионов немцев».

Все они будут жить в новых границах большого рейха. Очевидно, каким-то народам придется потесниться, чтобы разместить так много немцев. Что это за народы?

«Таким образом, мы, национал-социалисты... начинаем там, где закончили битву шесть веков назад. Мы приостановим бесконечную миграцию немцев на юг и запад и обратим наш взор на земли, расположенные на востоке.

Говоря сегодня о жизненном пространстве в Европе, мы в основном можем иметь в виду лишь Россию и ее вассальные пограничные государства».

Судьба, как отмечал Гитлер, в данном случае благосклонна к Германии. Россия оказалась в руках большевиков, что, по его словам, фактически означало ее передачу евреям. «Огромная империя на Востоке, – ликовал Гитлер, – близка к краху. Свержение еврейского правления в России положит в свою очередь конец России как государству».

Обширные степи на Востоке, подчеркивал Гитлер, можно захватить сравнительно легко после поражения России, которое немцам будет стоить не так много крови.

Мог ли кто-либо утверждать, что эти наметки будущих планов Гитлера не отличались ясностью и точностью? Франция будет сокрушена, однако это имеет второстепенное значение по сравнению с устремлением Германии на Восток. В первую очередь будут захвачены земли на Востоке, непосредственно прилегающие к Германии, где преобладало немецкое население. Какие земли имелись в виду? Разумеется, Австрия, Судетская область в Чехословакии и западная часть Польши, включая Данциг. После этого настанет черед и самой России.

Почему же все в мире были так удивлены, когда рейхсканцлер Гитлер спустя несколько лет приступил к осуществлению этих задач?

Идеи Гитлера, изложенные в «Майн кампф», относительно структуры будущего нацистского государства носят менее конкретный характер. Он достаточно ясно дал понять: в будущем нет места для разной «демократической чепухи» и Третий Рейх будет руководствоваться «принципом фюрера», что означало установление диктатуры. В книге Гитлера почти ничего не сказано об экономике. Она нагоняла на Гитлера тоску, и он никогда не пытался углубить свои познания в этой области, ограничиваясь лишь обыгрыванием сумасбродных идей чудакотого Готфрида Федера, выступавшего против «принудительного налогообложения».

Гитлера интересовала лишь политическая власть. Экономика сама о себе как-нибудь позаботится.

«Государство не имеет ничего общего с конкретной экономической концепцией или развитием... Государство является расовым организмом, а не экономической организацией... Внутренняя сила государства лишь в редких случаях совпадает с так называемым экономическим процветанием; последнее, как свидетельствуют бесчисленные примеры, очевидно, указывает на приближающийся крах государства... Пруссия с исключительной наглядностью подтверждает, что не материальные средства, а лишь идейные ценности позволяют создать государство. Только при их наличии может благоприятно развиваться экономическая жизнь. Всегда, когда в Германии отмечался политический подъем, экономические условия начинали улучшаться, и всегда, когда экономические условия становились первостепенной заботой народа, а идейные ценности отходили на второй план, государство разваливалось и вскоре воз-

никали экономические трудности. До сих пор никогда в основе государства не лежали мирные экономические средства...» Поэтому, заявил Гитлер, выступая в 1923 году в Мюнхене, «никакая экономическая политика невозможна без меча, никакая индустриализация невозможна без применения силы».

Несмотря на то что нацистская партия провозглашалась «социалистической», Гитлер еще более туманно писал о «социализме», каким он представлял его себе в новой Германии. И это неудивительно, если учесть данное Гитлером определение «социалиста» в выступлении 28 июля 1922 года:

«Тот, кто готов рассматривать цели нации как свои собственные в той мере, когда для него нет более высокого идеала, чем благосостояние нации; тот, кто понимает наш государственный гимн «Германия превыше всего» в том смысле, что для него нет в мире ничего выше его Германии, народа и земли, тот является социалистом».

Значительная помощь по редактированию и даже доработке текста со стороны не менее трех советников отнюдь не мешала Гитлеру перескакивать в «Майн кампф» с одного вопроса на другой. Рудольф Гесс, который записал большую часть книги под диктовку сначала в тюрьме крепости Ландсберг, а затем в «Хаус Вахенфельде» под Берхтесгаденом, делал все возможное, чтобы улучшить рукопись, но был не в состоянии противостоять фюреру. Больше повезло в этом отношении отцу Бернхарду Штемпфле, бывшему члену ордена Святого Иеронима, журналисту-антисемиту, пользовавшемуся дурной славой в Баварии. Этот странный священнослужитель, о котором я расскажу позднее, исправил грамматические ошибки, допущенные Гитлером, отредактировал рукопись и убрал отдельные места, убедив автора, что они нежелательны с политической точки зрения. Третьим советником был Йозеф Черны, чех по происхождению, сотрудник нацистской газеты «Фёлькишер беобахтер», чья поэзия, направленная против евреев, привлекала Гитлера. Черны оказался полезен в редактировании первого тома «Майн кампф» для второго издания, в котором были сняты или изменены некоторые щекотливые выражения и фразы; внимательно работал он и с корректурой второго тома «Майн кампф».

Тем не менее в книге осталось немало пространных отступлений. Гитлер настаивал на импровизационном изложении своих мыслей практически по любому вопросу, включая культуру, образование, театр, кино, сатиру, искусство, литературу, историю, секс, семью, проституцию и сифилис.

Так, проблеме сифилиса Гитлер посвятил десять напыщенных страниц, провозгласив, что главной задачей партии, а не просто одной из задач, является искоренение его. Для борьбы с этой страшной болезнью Гитлер потребовал мобилизации всех пропагандистских ресурсов страны. «Все, – говорил Гитлер, – зависит от решения этого вопроса». Он подчеркивал, что проблема сифилиса и проституции может быть решена путем упрощения процедуры вступления в брак в более раннем возрасте. При этом Гитлер предвосхищает евгенику Третьего Рейха, уповая на то, что «семья не является самоцелью, а служит более высокой задаче: увеличению и сохранению человеческого рода и расы. Именно в этом состоит смысл семьи и ее задача».

Ссылки на сохранение рода человеческого и расы в «Майн кампф» подводят нас к рассмотрению второй основополагающей концепции – мировоззрения Гитлера, которое многие историки, особенно в Англии, считали примитивной формой дарвинизма. На самом же деле, как мы убедимся, истоки его коренятся в истории и философии Германии. Подобно Дарвину, но как и многие немецкие философы, историки, короли, генералы и государственные деятели, Гитлер рассматривал жизнь как вечную борьбу, а мир – как джунгли, где выживает самый выносливый и правит самый сильный, «где одно существо кормится за счет другого и где гибель более слабого предполагает выживание более сильного».

«Майн кампф» изобилует высказываниями подобного рода: «В конечном счете верх может одержать лишь жажда самосохранения... Человечество достигло своего величия в вечной борьбе, а погибнет от вечного мира... Природа... создает живые существа на земле и

наблюдает за произвольной силовой игрой. Затем вверяет бразды правления своему любимому дитяти, самому сильному, мужественному и трудолюбивому... Сильнейший занимает господствующее положение и не допускает смещения с более слабым, что может повредить его собственному величию. Только слабый от рождения считает такой подход жестоким...»

По мнению Гитлера, сохранение культуры «обусловлено строгим законом необходимости, право на победу имеют самые лучшие и самые сильные мира сего. Пусть те, кто хочет жить, вступают в борьбу, а те, кто не хочет бороться в этом мире вечной борьбы, не заслуживают права на жизнь. Хотя это жестоко, но это жизнь!»

А кто же это «любимое дитя природы, самое сильное, мужественное и трудолюбивое», которому Провидение вверило «бразды правления»? Арийцы. Тут мы подходим к самой сути нацистской идеи о расовом превосходстве, нашедшей отражение в «Майн кампф», к концепции о высшей расе, на которой основывался Третий Рейх и «новый порядок» Гитлера в Европе.

«Вся человеческая культура, все достижения искусства, науки и техники, свидетелями которых мы сегодня являемся, почти исключительно – плоды творчества арийцев. Один лишь этот факт вполне обоснованно подтверждает вывод о том, что именно ариец – родоначальник высшего гуманизма, а следовательно, и прообраз всего того, что мы понимаем под словом «человек». Он – Прометей человечества, со светлого чела которого во все времена слетали искры гениальности, всегда заново разжигающие огонь знаний, освещающий мглу мрачного невежества, что позволило человеку возвыситься над всеми другими существами Земли... Именно он заложил основы и воздвиг стены всех великих сооружений человеческой культуры».

Каким же образом ариец достиг столь многого и добился такого превосходства? Гитлер ответил на этот вопрос следующим образом: растоптав других. Подобно многим немецким мыслителям XIX века, Гитлер упивался садизмом (и его противоположностью – мазохизмом), который всегда был довольно труден для понимания иностранным исследователям, занимающимся изучением немецкого духа.

«Следовательно, для формирования более высоких культур одной из самых главных предпосылок является наличие людей низшего типа... Несомненно, первые человеческие цивилизации в меньшей степени основывались на укрощении животных, нежели на использовании человеческих существ низшего типа. Только после порабощения низших рас та же участь постигла животных. Поэтому вначале в плуг впрягли поверженного противника, а потом уже лошадь. Таким образом, неудивительно, что первые культуры возникали там, где арийцы, сталкиваясь с людьми низшего типа, покоряли и подчиняли их своей воле... До тех пор, пока ариец будет сохранять господствующее положение, он останется не только властелином, но и хранителем и создателем культуры».

Затем в историческом развитии общества произошли изменения, о которых Гитлер считал нужным предупредить германцев: «По мере того как покоренные народы поднимали голову и достигали уровня своих поработителей (на том этапе, видимо, переняв их язык), грань между хозяином и слугой стала стираться».

Но то, что они овладели языком господина, было еще не самое худшее: «Ариец перестал следить за чистотой своей крови и тем самым лишился рая, который для себя создал. Ариец погряз в кровосмешении с другими расами и постепенно потерял свои творческие задатки».

По мнению молодого нацистского главаря, именно в этом заключалась кардинальная ошибка.

«Кровосмешение и соответствующее понижение расового уровня является единственной причиной вымирания древних цивилизаций; люди гибнут не в результате проигранных войн, а из-за утраты сопротивляемости организма, которая присутствует лишь в чистокровной личности. Все, кто не принадлежит к высшей расе, составляют отбросы».

Таковыми отбросами были евреи и славяне. Со времени, когда Гитлер станет диктатором и победителем, он запретит браки немцев с представителями других рас, хотя даже четвероклассник мог без труда объяснить фюреру, что в самих германцах течет немало славянской крови, особенно в выходцах из восточных провинций Германии. Следует еще раз подчеркнуть, что в претворении расовых идей Гитлер оставался верен себе. Согласно «новому порядку», который в ходе Второй мировой войны стал насаждаться среди славянских народов, чехи, поляки и русские являлись – и таковыми им суждено было оставаться навсегда в случае, если пресловутый «новый порядок» продолжал бы функционировать и дальше, – подневольными чернорабочими у своих германских господ.

Человеку, столь слабо разбиравшемуся в истории и антропологии, как Гитлер, ничего не стоило сделать из немцев современных арийцев и таким образом превратить их в высшую расу. Для Гитлера германцы являлись «высшей человеческой расой на Земле» и таковыми останутся при условии, если не только «приложат усилия к тому, чтобы выводить новые породы собак, лошадей и кошек, но и позаботятся о чистоте своей крови».

Одержимость расовыми проблемами привела Гитлера к отстаиванию идеи «народного» государства. Какое, в сущности, государство имелось в виду или предполагалось создать – мне так и не удалось понять, несмотря на неоднократное чтение «Майн кампф» и присутствие на выступлениях самого фюрера, посвященных данному вопросу, где я не раз слышал, как диктатор заявлял, что именно эта мысль является главной в его философии.

Немецкое слово «фольк» не поддается точному переводу. Обычно его переводят как «нация» или «народ», однако в немецком языке данное слово имеет несколько иной, более глубокий смысл и означает скорее примитивное родовое сообщество людей, объединившихся по кровному и земельному признаку. В «Майн кампф» Гитлер, преодолевая трудности, пытается дать определение народного государства, заявляя, например, что он постарается объяснить «народную» концепцию, чтобы покончить со всеми прочими трактовками, а затем пускается в разглагольствования на другие темы. Наконец, он пытается дать такое определение:

«В отличие от буржуазного и марксистско-еврейского мировоззрения народная философия рассматривает значение человечества в его базовых расовых элементах. В государстве она видит лишь одно из средств для достижения конечной цели, считая, что эта цель состоит в сохранении расового существования человека. Следовательно, данная философия никоим образом не исходит из равноправия рас, а наряду с их различием признает высшие либо низшие расовые ценности и считает себя обязанной содействовать торжеству лучших и более сильных рас. Она предполагает подчинение низших и более слабых рас в соответствии с вечным порядком, господствующим во Вселенной. Таким образом, настоящая философия в принципе отвечает основной идее аристократической натуры и исходит из обязательности данного закона для всех, а также учитывает не только различную ценность рас, но и различную ценность отдельных лиц. Согласно этой философии из масс важно выдвигать индивидуальность и таким образом... создавать некое организующее начало. Она верит в необходимость идеализации человечества, в которой видит лишь предпосылку существования рода человеческого. Однако она не может дать право на существование какой-либо этической идеи, если эта идея представляет угрозу расовому существованию носителей более высокой этики. Ибо в мире, населенном неполноценными особями и черномазыми, любые гуманные воззрения, какими бы прекрасными и величественными они ни были, а также любые идеи относительно идеального будущего нашего человечества утрачены раз и навсегда...»

Следовательно, немецкая жизненная философия соответствует исконному желанию природы, поскольку воссоздает свободную игру сил, которые способны привести к постоянному взаимному улучшению рода, пока наконец лучшие представители человечества, добившись господства на нашей планете, не станут располагать полной свободой действий в тех владениях, которые частично выходят за ее пределы.

Мы все ощущаем, что в отдаленном будущем человечество столкнется с проблемами, решить которые будет под силу лишь высшей расе – властителям всей планеты».

«Таким образом, – заявляет далее Гитлер, – высшей целью народного государства является забота о сохранении тех первоначальных расовых элементов, которые наследуют культуру и закладывают основы красоты и достоинства высшей человеческой расы».

Гитлер снова подходит к проблеме евгеники: «Народное государство... ставит расовый вопрос в центр своего внимания. Оно прилагает усилия к тому, чтобы сохранять чистоту расы... следит за тем, чтобы детей рожали лишь здоровые люди, ибо страшный позор – производить на свет детей больными и немощными родителями и большая честь – отказаться от этого. И наоборот, предосудительным следует считать нежелание производить здоровых детей для нации. В этом случае народное государство должно выступить в роли гаранта грядущих поколений, перед лицом которых желания и эгоизм отдельного лица надо отбрасывать в сторону и подавлять... Народное государство, таким образом, начинается с повышения роли семьи с целью покончить с постоянным загрязнением расы и превратить ее в институт, призванный производить на свет божественные создания, а не уродов, нечто среднее между человеком и обезьяной».

Фантастичная концепция Гитлера относительно народного государства повлекла за собой довольно много прочих пространных высказываний, которые, по мнению фюрера, были призваны содействовать тому, чтобы немцы стали хозяевами земли, – он был одержим идеей доминирующей роли Германии. В одном из подобных высказываний Гитлер утверждает, что неспособность немцев сохранить свою расовую исключительность лишила их «мирового господства. Если бы германский народ обладал родовым единством, присущим другим народам, то в настоящее время Германский Рейх, несомненно, владел бы миром».

Поскольку народное государство основывается на расовом признаке, «Германский Рейх включает всех немцев» – основное положение концепции Гитлера, которое он не забыл, придя к власти, а напротив, сразу стал проводить в жизнь.

Так как народное государство строится на идее «аристократической натуры», для демократии в данной концепции нет места и ее должен заменить «принцип фюрера». Третьему Рейху необходимо взять на вооружение авторитаризм прусской армии: «власть начальника над подчиненными и подчинение нижестоящих вышестоящим».

«Решения большинством не предусмотрены, решения принимаются только ответственными лицами... Разумеется, каждый руководитель в своем распоряжении будет иметь штат советников, но решение принимается им единолично... только он один располагает полномочиями и правом отдавать распоряжения... Невозможно обойтись без парламента, однако его роль – давать советы... Ни в одной из палат не будет голосований. Палаты являются рабочими органами, а не орудиями голосования. Данный принцип – абсолютное подчинение, безоговорочно слитое с полной властью, – постепенно сформирует элиту руководителей, создание которой в нынешних условиях, в эпоху безответственного парламентаризма, совершенно немислимо».

Таковы были идеи Адольфа Гитлера, откровенно и грубо изложенные им в дни пребывания в крепости Ландсберг, когда он смотрел на цветущие фруктовые сады в верховьях реки Лех¹³, или позднее, в 1925–1926 годах, когда, отдыхая на балконе комфортабельной гостиницы в Берхтесгадене, взирал на гористые Альпы, за которыми лежала его родная Австрия. Он диктовал свои тирады преданному Рудольфу Гессу и мечтал о Третьем Рейхе, который создаст,

¹³ «Если бы я не попал в тюрьму, – отмечал впоследствии Гитлер, – я никогда бы не написал «Майн кампф». В тот период у меня появилась возможность более глубоко осмыслить понятия, в отношении которых у меня имелись лишь чисто интуитивные догадки... В ту пору я пришел к убеждению, что нам уже не удастся взять власть силой, хотя многим моим сторонникам так и не было дано этого понять. Государство имело достаточно времени для консолидации сил, к тому же обладало боевыми средствами».

взяв за основу свои идеи, и которым будет править железной рукой. Что в один прекрасный день он построит свой рейх и будет управлять им – не вызывало у Гитлера сомнений. Им овладело неистовое чувство осознания своей миссии, хорошо знакомое столь многим талантливым людям, которые всегда существовали на протяжении веков и появлялись вроде бы неизвестно откуда. Гитлер объединит избранную нацию, которая до этого никогда не была политически единой. Он очистит расу, сделает сильной, и она станет господствовать на земле.

Что это? Незрелый дарвинизм? Садистская фантазия? Безответственный эгоизм? Мания величия? Да, тут всего понемногу. Но было и нечто большее. Мысли и страсти Гитлера, заблуждения, овладевшие его воспаленным сознанием, – все уходит своими корнями в глубь истории и философии Германии. Нацизм и Третий Рейх по существу были не чем иным, как логическим продолжением германской истории.

Исторические корни Третьего Рейха

В начале сентября, в разгар ежегодных собраний членов нацистской партии в Нюрнберге, я часто видел лоточников, торгующих почтовыми открытками с изображением Фридриха Великого, Бисмарка, Гинденбурга и Гитлера. Надпись на открытках гласила: «Что завоевал король, укрепил князь, защитил фельдмаршал, спас и объединил солдат». Таким образом, Гитлер-солдат изображался не только человеком, спасшим и объединившим Германию, но и преемником этих известных деятелей, возвеличивших нацию.

Подразумеваемая преемственность германской истории, достигшая кульминации во времена правления Гитлера, воспринималась широкими массами как нормальное явление. Само название «Третий Рейх» призвано было подчеркнуть эту мысль. Первым Рейхом считалась средневековая Священная Римская империя; Вторым – империя, созданная Бисмарком в 1871 году после победы Пруссии над Францией. Оба рейха прославили Германию. Как заявляла нацистская пропаганда, Веймарская республика смешала это доброе имя с грязью, а Гитлер обещал, что Третий Рейх восстановит былую славу нации. Таким образом, гитлеровская Германия изображалась как логическое продолжение всей предыдущей истории или по крайней мере всего того, чем можно было гордиться.

Но бывший венский бродяга, какими бы бессистемными ни были его знания, достаточно хорошо знал историю, чтобы понимать, что Германия терпела в прошлом и поражения, поражения, которые рассматривались как победы Франции и Англии. Гитлер никогда не забывал о том, что в конце средних веков, в период, когда Англия и Франция завершали объединение нации, Германия оставалась странным конгломератом примерно из трехсот отдельных государств. Национальная раздробленность в значительной степени сказалась на ходе развития Германии с конца средних веков до середины XIX столетия, что сильно отличало ее от других крупных стран Западной Европы. В XVI и XVII веках в результате введения Реформации к отсутствию политического и династического единства добавились ожесточенные религиозные распри. В этой книге не хватит места, чтобы должным образом поведать об огромном влиянии на немцев и всю последующую историю Германии Мартина Лютера – саксонского крестьянина, ставшего августинским монахом и положившего начало Реформации в стране.

Попутно все же надо заметить, что этот великий, но сумасбродный гений, ярый антисемит и противник римской католической церкви, в буйном характере которого нашли отражение лучшие и худшие черты германской нации – грубость, резкость, фанатизм, нетерпимость, жажда насилия и вместе с тем честность, простота, сдержанность, страсть к знаниям, любовь к музыке и поэзии, стремление к праведности, – оставил в сознании немцев, как во благо, так и во вред, след более неизгладимый и роковой, чем любой другой деятель до и после него.

Своими проповедями и прекрасным переводом Библии Лютер обогатил современный немецкий язык, пробудил в народе не только новое протестантское видение христианства, но и

пламенный немецкий национализм, внушил немцам, по крайней мере относительно религии, мысль о свободе совести каждого.

Однако трагедия состояла в том, что в крестьянских восстаниях, в значительной степени инспирированных самим Лютером, он занимал сторону князей. Все это (как и страсть Лютера к политической автократии) содействовало появлению бездумного провинциального политического абсолютизма, в результате чего большая часть немецкой нации была разорена и впала в состояние страшной спячки и унижающего человеческого достоинства раболепия. Но самое ужасное, видимо, состояло в том, что это помогло увековечить бессмысленное разделение не только между классами, но и между различными династическими и политическими группировками германской нации. Возможность объединения Германии была отодвинута на века.

Тридцатилетняя война и Вестфальский мир 1648 года, завершивший ее, нанесли стране такой сокрушительный удар, от которого ей так никогда и не удалось оправиться. Тридцатилетняя война была последней крупной религиозной войной в Европе, которая еще до своего окончания из конфликта между протестантами и католиками переросла в запутанную борьбу династий – между австрийскими Габсбургами (католиками) с одной стороны и французскими Бурбонами (католиками) и шведской монархией (протестантами) с другой. В результате жестоких боев Германия оказалась опустошенной, города и деревни были разрушены и разграблены, население истреблено. По подсчетам, в ходе этой варварской войны погибла треть германской нации.

Вестфальский мир для будущего Германии явился таким же гибельным, как и сама война. Германские князья, вставшие на сторону Франции и Швеции, были признаны абсолютными правителями своих небольших владений, число которых достигло примерно 350, а император оставался формальным главой государства. Стремление к проведению реформ и жажда просвещения, охватившие Германию в конце XV – начале XVI веков, были задушены.

В тот период подлинной независимостью пользовались вольные города; феодализм отошел в прошлое, процветали искусство и торговля. Да и немецкие крестьяне пользовались большей свободой, чем крестьяне в Англии и Франции. Действительно, в начале XVI века Германия по праву считалась одним из оплотов европейской цивилизации.

После Вестфальского мира Германия была обречена на варварство как в Московии. Вновь ввели крепостное право, которое распространилось даже на те районы, где о нем раньше не имели понятия. Города утратили самоуправление. Крестьян, рабочих и бюргеров нещадно эксплуатировали князья, которые держали их в унижительном рабстве. Полностью приостановился процесс образования и развития искусств. Алчные правители без понимания относились к германскому национализму и патриотизму, подавляли любые проявления этих чувств у своих подданных. Развитие цивилизации в Германии застыло. Рейх, как заметил один историк, «искусственно стабилизировался на средневековом уровне беспорядков и слабости».

Германии не было суждено оправиться от этого удара. Принятие автократии, слепое повиновение правителям – мелким тиранам – глубоко укоренились в сознании немцев. Идеи демократии и парламентаризма, получившие столь быстрое развитие в Англии в XVII–XVIII веках и всколыхнувшие Францию в 1789 году, не затронули Германию. Политическая незрелость страны, ее раздробленность на множество мелких государств и изолированность немцев от бурных течений европейской мысли привели к отставанию Германии от других стран Запада. Естественное развитие нации тормозилось.

Это надо иметь в виду, чтобы понять тот гибельный путь, по которому впоследствии пошла страна, и то ущербное состояние духа, которым она пропиталась. В конечном счете германскую нацию выковала грубая сила и сплотила неприкрытая агрессия.

К востоку от Эльбы простиралась Пруссия. Во второй половине XIX века – века, ставшего свидетелем жалких попыток нерешительных либералов создать в 1848–1849 годах во

Франкфурте некое подобие демократической объединенной Германии, – Пруссия взяла судьбу Германии в свои руки. На протяжении столетий это германское государство находилось в стороне от основного направления развития истории и культуры Германии. Пруссия являлась как бы ошибкой истории. Возникла она как окраинное, пограничное государство Бранденбург на песчаных землях к востоку от Эльбы, с которых начиная с XI века силой оружия немцы постепенно оттесняли славян. В период правления бранденбургских князей Гогенцоллернов, которые мало чем отличались от военных авантюристов тех времен, славян, большей частью поляков, вытесняли в сторону Балтики. Население, оказывавшее сопротивление, либо уничтожали, либо превращали в безземельных крепостных.

Согласно императорскому указу в Германской империи князьям не разрешалось присваивать себе королевские титулы, но в 1701 году император согласился на избрание Фридриха III прусским королем в Кенигсберге.

К тому времени Пруссия благодаря своим военным усилиям превратилась в одно из ведущих государств Европы. Однако у нее не было ресурсов, которыми располагали другие страны, – земли Пруссии были неплодородны, лишены природных ископаемых, а население немногочисленно. Крупных городов и промышленности не было, культура развивалась медленно. Даже знатные люди не считались состоятельными, а безземельные крестьяне жили просто в скотских условиях.

Тем не менее Гогенцоллернам благодаря огромной силе воли и организаторскому таланту удалось создать спартанское военное государство, чья хорошо обученная армия одерживала одну победу за другой и чья макиавеллевская дипломатия временных союзов с любым более сильным в данный момент партнером способствовала неуклонному расширению территории Пруссии.

Так искусственно возникло государство, которое не было порождено ни движением народных масс, ни какой-либо идеологией, не считая жажды завоеваний. Абсолютная власть правителя, бюрократический аппарат с его ограниченными взглядами и армия с жестокой дисциплиной сплотили это государство. Две трети, а иногда и пять шестых государственного бюджета ежегодно шли на военные нужды, и армия при короле стала государством в государстве. «Пруссия, – заметил Мирабо, – это не государство с армией, а армия с государством».

И это государство, которое управляло с фабричной деловитостью и безжалостностью, стало всем. Люди значили в нем немного больше, чем винтики налаженного механизма. Не только короли и сержанты, обучавшие муштре, но и философы давали наставления и поучали, что смысл жизни состоит в послушании, работе, самопожертвовании и долге.

Даже Кант проповедовал, что долг предполагает подавление человеческих чувств; прусский поэт Виллибальд Алексис прославлял порабощение народа в эпоху правления Гогенцоллернов. Лессинг, который не разделял таких взглядов, писал: «Пруссия – самая рабская страна Европы».

Юнкерство, которому суждено было сыграть существенную роль в современной Германии, также являлось уникальным производным Пруссии. Юнкеры считали себя высшей расой. Именно они заняли захваченные у славян земли и создали на них крупные поместья, где работали ставшие безземельными крепостными славяне, положение которых не шло ни в какое сравнение с положением крестьянства Запада.

Аграрная система Пруссии коренным образом отличалась от аграрной системы западной части Германии и Западной Европы. На Западе дворяне, владевшие большей частью земли, получали от крестьян арендную плату или феодальные сборы. Причем крестьяне, хотя часто и являлись крепостными, имели определенные права и привилегии и могли (и в целом ряде случаев им это удавалось) со временем получить собственную землю и гражданскую свободу. На Западе крестьянство составляло значительную часть населения, и землевладельцы при всех их недостатках на досуге заводили знакомства и развивали культуру, что отражалось на их

образе жизни и способствовало утонченности манер, развитию мысли и искусств. Прусское юнкерство пренебрегало праздным образом жизни.

Юнкер сам усердно трудился и управлял своим большим поместьем под стать нынешнему директору фабрики. К безземельным крепостным он относился в сущности как к рабам и в своих огромных владениях считался полновластным хозяином. В Пруссии не было крупных городов и значительной буржуазной прослойки, как на Западе, поэтому юнкерство мало преуспело в культурном развитии.

В противоположность просвещенным господам Запада в юнкере получили развитие грубость, властность, высокомерие мужлана, необразованного и некультурного, которого отличали агрессивность, самодовольство, беспощадность, узость мышления, а также жажда мелочной наживы – другими словами, то, что некоторые немецкие историки отмечали в характере самого преуспевающего представителя юнкерства Отто фон Бисмарка.

Этому талантливому политику, апостолу «железа и крови», удалось в период с 1866 по 1871 год покончить с раздробленностью Германии, существовавшей почти тысячу лет, и насильно заменить ее Великой Пруссией, или, если можно так выразиться, прусской Германией. Уникальное создание Бисмарка – Германия, которую мы еще застали, почти целое столетие считалась трудным ребенком в европейской и мировой семье. Это нация одаренных, трудолюбивых людей, в которой сначала знаменитому Бисмарку, а затем кайзеру Вильгельму II и, наконец, Гитлеру при помощи военной элиты и безвестных интеллектуалов удалось привить жажду власти и владычества, страсть к безудержному милитаризму, презрение к демократии и свободе личности и стремление к автократии и деспотизму. В порыве вдохновения нация достигала больших высот, терпела поражения и возрождалась вновь, пока с разгромом Гитлера весной 1945 года, похоже, не потерпела крах, хотя, очевидно, слишком рано говорить об этом с полной уверенностью.

«Великие проблемы, стоящие перед нами сегодня, – заявил Бисмарк, став премьер-министром Пруссии в 1862 году, – нельзя решать принятием резолюций большинством, в чем состояла ошибка тех, кто находился у власти в 1848–1849 годах, а можно лишь «железом и кровью». Именно таким образом Бисмарк и пытался решать важные проблемы, хотя надо отметить, что он привнес в эту тактику определенный дипломатический лоск, зачастую, правда, весьма обманчивый. Целью Бисмарка было сокрушить либералов, поддержать власть консерваторов – иными словами, юнкерства, армии и государства – и превратить Пруссию в противовес Австрии в государство, играющее доминирующую роль не только в Германии, но и по возможности во всей Европе.

«Германию прельщает не прусский либерализм, – заметил Бисмарк депутатам прусского парламента, – а ее сила».

Прежде всего он создал прусскую армию и, когда парламент отказался проголосовать за выделение дополнительных ассигнований, сам нашел необходимые средства и в конечном счете распустил парламент. Усилив армию, Бисмарк провел одну за другой три войны. В результате первой – Датской войны 1864 года – герцогства Шлезвиг и Гольштейн отошли к Германии. Вторая – австро-прусская война 1866 года – имела далеко идущие последствия. Австрия, которая на протяжении веков занимала ведущее место среди германских государств, оказалась отстраненной от германских дел. Ей было отказано во вступлении в Северо-Германский Союз, к созданию которого приступил Бисмарк.

«В 1869 году, – писал известный немецкий ученый-политолог Вильгельм Репке, – Германия прекратила свое существование». Пруссия одним махом аннексировала все германские государства к северу от реки Майн (за исключением Саксонии), воевавшие против нее, в том числе герцогства Ганновер, Гессен, Нассау, Франкфурт и герцогства по Эльбе. Все другие германские государства к северу от Майна были насильно включены в Северо-Германский Союз. Пруссия простиралась теперь от Рейна до Кенигсберга и играла в союзе ведущую роль. В тече-

ние пяти лет после победы над французским императором Наполеоном III южные германские государства во главе с королевством Бавария вошли в прусскую Германию.

Венцом успехов Бисмарка явилось создание Второго Рейха 18 января 1871 года, когда прусского короля Вильгельма I объявили германским императором в Зеркальном зале Версальского дворца. Германия была объединена прусской военщиной и стала самой мощной державой континента, противостоять которой в Европе могла лишь Англия.

Но это оказалось роковым заблуждением. Германская империя, по словам Трейчке, была по существу не чем иным, как продолжением Пруссии. «Пруссия, – подчеркивал этот автор, – является решающим фактором... Воля империи есть не что иное, как воля прусского государства». Это соответствовало действительности и имело губительные последствия для самих немцев. Ход истории Германии с 1871 по 1933 год и, разумеется, вплоть до поражения Гитлера в 1945 году, за исключением периода Веймарской республики, – это результат бездумного бега по прямой.

Несмотря на демократический фасад, появившийся благодаря созданию рейхстага, члены которого избирались лицами мужского пола путем всеобщих выборов, Германская империя представляла собой милитаристскую автократию во главе с королем Пруссии, одновременно являвшимся германским императором. Рейхстаг обладал небольшими полномочиями, мало чем отличаясь от дискуссионного клуба, где депутаты излагали свои проблемы и вымаливали скудные поправки для тех слоев населения, интересы которых они представляли. Находившийся у престола кайзер обладал правами помазанника Божьего. Не далее как в 1910 году Вильгельм II провозгласил, что королевская корона «дарована милостью Божьей, а не разными парламентами, национальными собраниями и решениями народа». «Рассматривая себя проводником воли Всевышнего, – добавил он, – я буду поступать по своему усмотрению».

Парламент не являлся для него препятствием. Назначенный Вильгельмом II канцлер подчинялся королю, а не рейхстагу. Национальное собрание не могло ни свергнуть, ни отставить канцлера. Этой прерогативой обладал лишь монарх. Таким образом, в отличие от других западных стран, идеи демократии, независимого народа, верховной власти парламента не нашли своего развития в Германии даже с наступлением XX века.

И все же к 1912 году социал-демократы после многолетних преследований со стороны Бисмарка и императора стали крупнейшей партией в рейхстаге. Они во всеуслышание требовали установления парламентской демократии. Однако они оказались недееспособными. Несмотря на численное превосходство партии, социал-демократы по-прежнему были в меньшинстве.

Буржуазия, разбогатевшая на запоздалом и неравномерном развитии промышленной революции и ослепленная успехом милитаристской политики Бисмарка, предпочла материальный достаток любым устремлениям к политическим свободам, которые у нее, возможно, и имелись¹⁴.

Гитлер, как мы уже отмечали, в полной мере учел подобные настроения. В данном случае, как и в других вопросах, он многое почерпнул у Бисмарка. «Я изучил социалистическое законодательство Бисмарка, – писал он в «Майн кампф», – в частности, цели, сопротивление и успех данного законодательства».

¹⁴ В определенном смысле германский рабочий класс пошел на подобную сделку. В целях борьбы с социализмом Бисмарк в период с 1883 по 1889 год развернул программу социального обеспечения, не имеющую аналогов в других странах. Программа включала обязательное страхование рабочих по старости, по болезни, в связи с несчастными случаями и потерей трудоспособности. Хотя данная программа проводилась государством, финансировалась она за счет предпринимателей и рабочих. Нельзя утверждать, что программа приостановила влияние социал-демократов или профсоюзов, но она сильно отразилась на сознании рабочего, который постепенно стал придавать большее значение своей социальной обеспеченности, чем политическим свободам. В результате рабочие начали видеть в государстве, каким бы консервативным оно ни являлось, своего благодетеля и защитника.

Буржуазия приняла автократию Гогенцоллернов. Она с радостью склонилась перед бюрократией юнкерства и страстно приветствовала прусский милитаризм. Звезда Германии взошла, и немцы – почти все население – жаждали сделать все, что требовали от них хозяева, чтобы она не закатилась.

В конечном счете Гитлер, этот нищий австриец, оказался в их числе. Второй Рейх Бисмарка, несмотря на имеющиеся ошибки и «страшное разлагающее влияние», был для него величественным творением, в котором немцы наконец осознали самих себя.

«Разве не Германия, первая среди других стран, являет собой замечательный пример империи, которая создана исключительно на основе политики силы? Пруссия, положившая начало становлению империи, возникла в результате блистательного героизма, а не финансовых операций и коммерческих сделок. Рейх, в свою очередь, являлся лишь великолепной наградой активному политическому руководству и безграничному мужеству его солдат...»

Сам факт создания Рейха был словно освещен торжественностью события, которое всколыхнуло всю нацию. После целого ряда ни с чем не сравнимых побед во имя детей и внуков был создан Рейх как награда за бессмертный героизм... Рейх не был обязан своим появлением мошенничеству парламентских фракций, он поднялся над всеми другими государствами по велению свыше, ибо это торжественное событие произошло не в трескотне парламентских разглагольствований, а в яростных сражениях под Парижем. Было провозглашено, что немцы – князья и простые люди – полны решимости создать в будущем Рейх и вновь поднять корону империи на должную высоту... Государство Бисмарка создали не дезертиры и бездельники, а полки, сражавшиеся на фронтах.

Это замечательное явление и заряд внутренней энергии создали вокруг Рейха ореол исторической славы, которым могли гордиться – и то в редких случаях – только самые древние государства... Внешняя свобода гарантировала ежедневный достаток внутри страны. Нация обогатилась не только численно, но и материально. Честь государства и честь всего народа защищала и охраняла армия...»

Именно такую Германию Гитлер намеревался воссоздать. В «Майн кампф» он довольно подробно останавливается на причинах падения Второго Рейха: терпимость по отношению к евреям и марксистам, грубый материализм и эгоизм буржуазии, бесчестное влияние «низкопоклонников и льстецов», окружавших престол Гогенцоллернов, «безрассудная союзническая политика Германии», которая связала ее с деградирующими Габсбургами и ненадежными итальянцами вместо Англии, а также отсутствие основополагающей социальной и расовой политики.

И Гитлер обещал, что эти недостатки устранил национал-социализм.

Интеллектуальные корни Третьего Рейха

Откуда, помимо истории, черпал Гитлер свои идеи? Противники Гитлера как в самой Германии, так и за ее пределами были люди слишком занятые или слишком легкомысленные, чтобы всерьез обратить внимание, пока не поздно, на то, что он, подобно многим своим соотечественникам, каким-то образом впитал в себя странную мешанину безответственных, пропитанных манией величия идей германских мыслителей XIX века. А Гитлер, зачастую знакомясь с такими учениями из вторых рук – скажем, слышал о них от такого псевдофилософа, как Альфред Розенберг, или от своего друга, вечно пьяного поэта Дитриха Экарта, – подхватывал эти воззрения с лихорадочным восторгом неопита. Однако хуже всего было то, что он решил применить эти идеи на практике, если когда-либо представится такая возможность.

Мы уже знаем, какие мысли обуревали его: прославление войны и завоеваний и абсолютная власть авторитарного государства; вера в германцев как в высшую расу и ненависть к евреям и славянам; презрение к демократии и гуманизму. Эти взгляды не новы и не при-

надлежали Гитлеру, хотя впоследствии способы применения их были разработаны именно им. Подобные воззрения исходили от довольно странной плеяды образованных, но непоследовательных философов, историков и просветителей, которые владели умами немцев в прошлом веке. Это, как оказалось, имело губительные последствия не только для самих немцев, но и для большей части всего человечества.

К числу просвещенных немцев, разумеется, принадлежали наиболее выдающиеся представители взглядов и идеалов западного мира: Лейбниц, Кант, Гердер, Гумбольдт, Лессинг, Гёте, Шиллер, Бах и Бетховен, внесшие уникальный вклад в развитие западной цивилизации. Однако германская культура, господствовавшая в XIX веке, что совпало с расцветом прусской Германии, начиная с Бисмарка и кончая Гитлером, опирается в первую очередь на учения Фихте и Гегеля, затем на учения Трейчке, Ницше и Рихарда Вагнера. Немецкая культура испытала влияние и звезд меньшей величины, не последнее место среди которых по непонятным причинам заняли довольно странный француз и эксцентричный англичанин. Им удалось добиться духовного разрыва с Западом, который не был восстановлен и в XX веке.

В 1807 году, после унижающего поражения, которое понесла Пруссия от французской армии Наполеона I в сражении под Йеной, Иоганн Готлиб Фихте стал читать свои знаменитые «Речи к немецкой нации» в Берлинском университете, где он возглавлял кафедру философии. Его «Речи» пробудили от спячки и воодушевили разрозненную, побежденную нацию, и отголоски этих лекций можно было слышать даже во времена Третьего Рейха. Учение Фихте оказалось пьянящим вином для разуверившегося в своих силах народа. Согласно этому учению, романские народности, в особенности французы, и евреи являются упадочническими расами. Только германской нации дарована способность возродиться.

Немецкий язык Фихте считал самым чистым и наиболее самобытным. Под руководством немцев начинается расцвет новой исторической эпохи. Такова воля Божья. Всем будет руководить многочисленная элита, свободная от каких-либо моральных ограничений, свойственных индивидуумам. Некоторые из этих идей, как мы видели, изложены Гитлером в «Майн кампф».

После смерти Фихте в 1814 году его преемником в Берлинском университете стал Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Диалектика утонченной, доходящей до самой сути философии Гегеля вдохновляла Маркса и Ленина и способствовала таким образом развитию коммунистического мировоззрения. Вместе с тем возвеличивание Гегелем государства как верховной власти в жизни человека проложило дорогу Второму Рейху Бисмарка и Третьему Рейху Гитлера.

По Гегелю, государство есть все или почти все. Он утверждал также, что государство – высшее проявление «мирового духа», «мораль вселенной»; оно олицетворяет актуальность этической идеи, этической мысли как формы самосознания; государство безраздельно властвует над индивидуумом, высший долг которого состоит в том, чтобы быть членом государства, ибо право мирового духа выше всех особых привилегий...

Как же тогда следовало рассматривать счастье отдельного человека на земле? Гегель отвечает, что «мировая история – это не империя счастья». Периоды счастья, по заявлению философа, – это пустые страницы истории, поскольку они отражают периоды согласия, когда отсутствуют конфликты. Война является великим чистилищем. По мнению Гегеля, она содействует этическому здоровью народов, развращенных долгой жизнью в мире, подобно тому, как порывы ветра освобождают море от нечистот, накопившихся за время затянувшегося шторма.

Традиционные понятия морали и этики не должны препятствовать ни высшему государству, ни героям, которые возглавляют его. Согласно учению Гегеля, мировая история возвышается над всем остальным... Неуместные моральные устои не следует противопоставлять деяниям и свершениям, имеющим историческое значение. Раболепие перед личной добродетелью – скромностью, смирением, филантропией и терпением – не должно мешать им... Такая мощная сила как государство растопчет множество невинных цветков, сотрет в порошок многих, вставших на его пути.

Гегель предсказывал, что такое государство будет создано в Германии, когда она вновь обретет дарованную ей Всевышним силу. Он предвидел, что «час Германии» пробьет и ее великой миссией станет возрождение мира.

Читая Гегеля, понимаешь, какое вдохновение черпал Гитлер (впрочем, как и Маркс) в трудах философа, хотя был знаком с этими учениями лишь понаслышке. Следует особо подчеркнуть, что Гегель своей теорией «героев» – этих великих личностей, которым таинственное провидение вверило исполнение «воли мирового духа», вселил в Гитлера всепоглощающую уверенность в собственной миссии.

Генрих фон Трейчке появился в Берлинском университете позднее. С 1874 года вплоть до своей кончины в 1896 году Трейчке был профессором истории и пользовался огромной популярностью. Его лекции собирали множество восторженных поклонников, в число которых входили не только студенты, но и офицеры генерального штаба и представители юнкерской бюрократии.

Влияние Трейчке на мировоззрение немцев в последней четверти XIX века было велико и сохранялось во времена правления Вильгельма II, а фактически и Гитлера. Хотя Трейчке был выходцем из Саксонии, он стал ярым поклонником Пруссии, причем более истовым, нежели коренные жители Пруссии. Подобно Гегелю, он восхвалял государство и рассматривал его как высшую власть, однако формулировал свои взгляды более однозначно: народу, отдельным субъектам в стране отводилось места не больше, чем рабам. «Неважно, что вы думаете, – заявлял философ, – до тех пор, пока вы подчиняетесь».

Трейчке превзошел Гегеля, провозгласив войну высочайшим проявлением человеческой личности. В его представлении военная слава является основой всех политических достоинств; в богатой событиями памяти Германии военная слава Пруссии – это сокровище не менее драгоценное, чем лучшие творения поэтов и мыслителей. Трейчке утверждал, что проповедь мира в наши дни позорна и аморальна.

«Война есть не только политическая необходимость, но и теоретическая неизбежность, логический вывод. Концепция государства предопределяет концепцию войны, ибо суть государства – в его власти... Надежда на то, что война навсегда будет запрещена в мире, является не только абсурдной, но и глубоко безнравственной. Это привело бы к искоренению многих важных и возвышенных порывов человеческой души... Народ, оказавшийся во власти химеры – неосуществимой мечты о вечном мире, неизбежно будет деградировать и останется в полном одиночестве...»

Ницше, подобно Гёте, не очень лестно отзывался о немцах¹⁵. В других случаях воззрения этого гения, страдавшего манией величия, также отличаются от шовинистических взглядов немецких мыслителей XIX века. Действительно, Ницше считал большинство немецких философов, в том числе Фихте и Гегеля, «неумышленными мошенниками». Высмеивал он и «тартюфство старого Канта».

Немцы, писал Ницше в «Эссе о человеке», «не представляют, насколько они отвратительны», и он делал вывод, что, «куда бы ни вторгалась Германия, она разрушает культуру». Он считал, что христиане в той же мере, что и евреи, ответственны за «рабскую мораль», господствующую в мире. Ницше никогда не был антисемитом. Он высказывал иногда опасения по поводу будущего Пруссии, а в последние годы жизни, пока не лишился рассудка, тешил себя идеей создания всеевропейского союза и мирового правления.

Произведения Ницше полны, как отмечал Сантаяна, «гениального слабоумия» и «детского богохульства». Тем не менее нацистские писакы без устали превозносили Ницше. Гитлер

¹⁵ «Я часто испытывал, – сказал однажды Гете, – жгучую скорбь при мысли о немецком народе, отдельные представители которого в высшей степени достойны уважения, но в целом он производит жалкое впечатление. Сравнение немецкого народа с другими народами вызывает неприятное ощущение, которое я стараюсь преодолеть всеми возможными способами»

часто посещал его музей в Веймаре; свое благоговение перед философом он выражал в том, что позировал фотографам, с восторгом взирая на бюст великого мыслителя.

Имелись некоторые основания считать Ницше одним из родоначальников нацистского мировоззрения. Не этот ли философ обрушивался на демократию и парламенты, проповедовал культ власти, превозносил войну и провозглашал появление высшей расы и сверхчеловека? И не стало ли большинство высказанных им мыслей афоризмами? Всякий нацист с гордостью цитировал Ницше практически по любому мыслимому поводу.

По вопросам христианства: «Великое богохульство, чудовищное и глубочайшее извращение... Я рассматриваю его как вечное проклятие человечества... Христианство значит не больше типичного учения социалистов».

По вопросам государства, власти и внутреннего мира человека: «Общество никогда не понимало под добродетелью ничего иного, кроме стремления к власти, силе и порядку... Государство являет собой безнравственно слитое воедино... стремление к завоеваниям и мести... Общество не должно существовать ради самого себя, а лишь в качестве фундамента и опоры, с помощью которых избранная раса в состоянии возвыситься до более высоких задач... Не существует таких понятий, как право на жизнь, право на труд, право на счастье: в этом отношении человек ничем не отличается от самых ничтожных рабов»¹⁶.

Ницше пошел в своих рассуждениях дальше и в сочинении «Так говорил Заратустра» писал: «Ты идешь к женщине? Не забудь захватить с собой хлыст!» По поводу этого высказывания Бертран Рассел съязвил: «Девять женщин из десяти отобрали бы у него этот хлыст, и, понимая это, он избегал женщин...»

Ницше воспевал сверхчеловека, «великолепную белокурую бестию, алчно жаждущую добычи и побед».

А что он думал по поводу войны? В этом вопросе Ницше разделял взгляды большинства других немецких философов XIX века. В своем наиболее известном труде «Так говорил Заратустра» Ницше громогласно провозглашал:

«Ты должен возлюбить мир как средство для новой войны, и краткий мир больше, нежели длительный. Я благословляю тебя не трудиться, а сражаться. Я благословляю тебя не на мир, а на войну... Ты говоришь: справедливо ли оправдывать войну? Я же говорю тебе: справедливая война освящает любую цель. Война и мужество совершили больше великих дел, нежели милосердие».

Наконец, в произведениях Ницше содержалось пророчество о появлении элиты, которая станет править миром и дарует нам сверхчеловека. В «Воле к власти» Ницше утверждал: «Набирает силу отважная раса будущих правителей... Задачей будет подготовка... к появлению сверхчеловека, отмеченного особым интеллектом и силой воли. Этот человек и окружающая его элита станут «правителями земли».

Подобные рассуждения одного из наиболее самобытных мыслителей Германии не могли не оставить следа в мировоззрении Гитлера. Во всяком случае, он стал приписывать себе не только мысли Ницше, но и пристрастие философа к преувеличениям, а зачастую и просто его высказывания. Выражение «правители земли» часто встречается в «Майн кампф». Не вызывает сомнений и то, что в конечном счете Гитлер считал себя тем самым сверхчеловеком, появление которого предсказывал Ницше.

¹⁶ Женщин Ницше безоговорочно относил к низшей социальной группе, как, впрочем, и нацисты, заявлявшие, что место женщины на кухне, а основное ее предназначение в жизни – рожать детей немецким воинам. Ницше так излагал эту идею: «Мужчина должен готовиться к войне, а женщина – рожать воинов. Все остальное – глупости».

«Тот, кто хочет понять национал-социалистическую Германию, должен знать Вагнера», – любил повторять Гитлер.

Это утверждение частично основано на неправильном толковании жизни великого композитора. Хотя Рихард Вагнер, как и сам Гитлер, испытывал фанатичную ненависть к евреям, которые, как он считал, стремятся владеть миром с помощью своих капиталов, а также с презрением относился к парламентам, демократии, материализму и посредственности буржуазии, он в то же время страстно надеялся, что немцы, учитывая «их особый дар», будут «не править миром, а прославят его».

Однако не политические сочинения Вагнера, а его романтические оперы, столь ярко оживившие прошлое Германии, ее героические мифы, схватки языческих богов с героями, демонами и драконами, сцены кровной мести и первобытные обычаи, ощущение предопределенности судьбы, величие любви и жизни и благородство смерти, – все это питало легенды о совершенной Германии и легло в основу мировоззрения, которое Гитлер и нацисты, имея для этого веские основания, восприняли как свое собственное.

Гитлер с раннего детства почитал Вагнера и даже на закате жизни, находясь в сыром и мрачном бункере в штабе армии на Русском фронте и чувствуя, что созданный им миф изрядно скомпрометирован, а мечты на грани провала, любил вспоминать времена, когда слушал творения великого композитора, так много для него значившие. Гитлер черпал вдохновение в Байрёйтских театральных фестивалях и многочисленных посещениях дома композитора («Хаус Ванфрид»), где в ту пору жил сын композитора Зигфрид Вагнер с женой Винифред, англичанкой по рождению, которая одно время являлась близким другом Гитлера.

«Какую радость вселяло в меня каждое творение Вагнера!» – воскликнул, обращаясь к своим генералам и соратникам по партии, Гитлер в ночь на 25 января 1942 года вскоре после первого сокрушительного поражения в России, пребывая в подземном укрытии «Вольфшанце» в Растенбурге.

Кругом, как на Севере, лежал снег и было холодно. Гитлер ненавидел холод и снег, именно этого он опасался и этим объяснял первое поражение Германии в войне. Однако в тепле бункера в ту ночь мысли его были сосредоточены на одном из самых приятных воспоминаний жизни. «Я помню, – говорил он, – свое состояние, когда впервые вступил в «Ванфрид». Сказать: «Я был поражен», – значит, не раскрыть охватившие меня чувства. В самые тяжелые моменты жизни они не переставали поддерживать меня, в том числе и Зигфрид Вагнер. Я был с ними на ты. И я любил их всех и очень любил «Ванфрид»... Десять дней Байрёйтского фестиваля всегда являлись для меня блаженством. Я готов ликовать при мысли о том, что однажды снова смогу побывать там! ...На следующий день после завершения Байрёйтского фестиваля... мне очень грустно, словно с рождественской елки сняли игрушки».

Хотя Гитлер тем зимним вечером неоднократно повторял, что считает оперу «Тристан и Изольда» шедевром Вагнера, именно непревзойденное «Кольцо нибелунга» – оперный цикл, состоящий из четырех частей, созданный на основе великого германского эпоса «Песнь о Нибелунгах», над которым композитор работал почти четверть века, – возвратило Германии, в частности Третьему Рейху, так много популярных германских легенд.

Народные легенды нередко выражают духовную и культурную суть нации. Особенно справедливо данное утверждение в отношении Германии. Шеллинг даже заявлял, что «нация начинает существовать одновременно со своими легендами... Общность мышления, являющаяся выражением коллективной философии, присутствует в народных легендах; таким образом мифология олицетворяет судьбу Нации».

Макс Мелл, поэт, создавший современную версию «Песни о Нибелунгах», заявлял: «До нашего времени лишь немного дошло от древних богов, от того гуманизма, который они так глубоко хотели внедрить в нашу культуру... Но Зигфрид и Кримхильда навсегда останутся в душе народа!»

Зигфрид и Кримхильда, Брунхильда и Хаген – герои и героини древнего эпоса, на которых так стремились походить современные немецкие юноши и девушки. Походить на них и постигать языческий мир нибелунгов – иррациональный, полный героизма, таинственности, коварства и насилия, залитый кровью, существование которого завершается «гибелью богов» и уничтожением вальхаллы, подожженной Вотаном, что захватывало воображение любого немца и компенсировало его тягу к жестокости.

Эти герои первобытного демонического мира всегда, по словам Мелла, жили в душе народа. Именно в душе немецкого народа можно ощутить борьбу между духом цивилизации и духом нибелунгов, и в тот исторический период, которому посвящена данная работа, верх, видимо, одержал последний. Поэтому совсем неудивительно, что Гитлер, следуя примеру Вотана, в 1945 году мечтал о гибели Германии в пламени пожара.

Вагнер, человек исключительно талантливый, звезда первой величины, придерживался гораздо более широких взглядов, чем изложенные выше. При постановках в Венской опере конфликты зачастую сводились к борьбе за золото, что, по мнению самого композитора, являлось «трагедией современного капитализма», поскольку, к его ужасу, золото вытеснило добродетель, унаследованную от прошлого. Однако вопреки своей любви к языческим героям Вагнер в отличие от Ницше не до конца разочаровался в христианстве. Он с большим сочувствием относился к заблуждающемуся, мечущемуся в поисках выхода человечеству. И все-таки Гитлер был не так уж не прав, когда заявлял, что для понимания нацизма надо прежде всего знать Вагнера.

Вагнер был хорошо знаком с Шопенгауэром и Ницше и находился под влиянием их идей, хотя последний и ссорился с ним, поскольку считал, что в операх Вагнера, в частности в «Парсифале», слишком акцентируется христианское самопожертвование.

На протяжении своей долгой и бурной жизни Вагнер сблизился еще с двумя людьми – французом и англичанином. О них важно упомянуть не столько из-за того, что они оказали влияние на Вагнера, хотя влияние одного из них было весьма существенным, сколько из-за того, что они повлияли на мировоззрение немцев и тем самым как бы подготовили возникновение Третьего Рейха.

Этими людьми являлись французский дипломат граф Жозеф Артюр де Гобино и писатель Хьюстон Стюарт Чемберлен, пожалуй, один из самых чудаковатых английских подданных, когда-либо живших на Земле.

Следует сразу отметить, что ни один из них не был шарлатаном. Оба отличались широкой эрудицией, большой культурой, много поездили по свету. В то же время они стали родоначальниками расовых доктрин, настолько противостественных, что никто, даже их собственные сограждане, не воспринимал их всерьез, за исключением немцев.

Нацисты же восприняли их весьма спорные теории как откровение. Не будет преувеличением утверждение – сам я слышал это от многих сторонников Гитлера, – что Чемберлен стал духовным отцом Третьего Рейха. Этот чудаковатый англичанин, видевший в немцах представителей высшей расы и надежду будущего, боготворил Рихарда Вагнера и в итоге женился на одной из его дочерей. Он почитал сначала Вильгельма II, а затем Гитлера и был духовным наставником обоих.

На закате своей странной жизни Чемберлен приветствовал австрийского ефрейтора – задолго до того, как Гитлер пришел к власти или заручился для этого какими-нибудь шансами, – как посланца Божьего, чтобы вывести германский народ из пустыни. Гитлер, разумеется, почитал Чемберлена пророком, каковым он, по сути, и оказался.

Что же содержалось в их учении такого, что заставило немцев буквально сходить с ума по расовому вопросу и вопросу, связанному с судьбой Германии?

Главным трудом Гобино стало четырехтомное сочинение, опубликованное в Париже в период с 1853 по 1855 год и озаглавленное «Эссе о неравенстве человеческих рас». Этот фран-

цузский аристократ после службы в королевской гвардии в качестве офицера начал государственную карьеру, возглавив секретариат Алексиса Токвиля, когда прославленный автор книги «О демократии в Америке» на непродолжительное время (в 1849 году) стал министром иностранных дел Франции. Затем Гобино находился на дипломатической службе в Ганновере и Франкфурте. Его контакты с немцами, а не совместная работа с Токвилем, содействовали тому, что он создал свою теорию о расовом неравенстве, хотя однажды он признался, что писал свой труд частично для того, чтобы доказать превосходство собственного аристократического рода.

Гобино считал – и об этом он писал в посвящении королю Ганновера, – что раса является ключом к пониманию истории и цивилизации. «Расовый вопрос занимает ведущее место среди прочих исторических проблем... Неравенство рас в достаточной мере объясняет все процессы, определившие судьбу народов...» Существует три основных вида расы – белая, желтая и черная, причем белая раса считается высшей. «История, – писал Гобино, – указывает на то, что все цивилизации берут начало от белой расы и ни одна цивилизация не может развиваться без вклада белой расы».

Подлинное сокровище белой расы, по мнению Гобино, составляют арийцы – «эти трудолюбивые представители рода человеческого, благороднейшие среди белой расы», восходящие своими корнями к Центральной Азии. К сожалению, отмечает французский мыслитель, современные арийцы смешались с низшими расами, примером чего в наше время могут служить народности Южной Европы. Однако на северо-западе, выше течения Сены и к востоку от Швейцарии арийцы, пусть далеко не в первозданном виде, сохранились как представители высшей расы. К их числу Гобино относил часть населения Франции, население Англии, Ирландии и Нидерландов, немцев, проживающих по Рейну и в Ганновере, а также скандинавов.

Гобино, по-видимому, исключил из числа чистых арийцев основную массу немцев, проживавших к востоку и юго-востоку от проведенной им линии. Однако этот факт нацисты старались обходить молчанием, принимая его учение в целом.

И все же Гобино считал немцев, по крайней мере немцев, проживавших на западе Германии, лучшими представителями всех арийцев, и этот вывод нацисты, естественно, не замалчивали. Где бы ни появлялись немцы, по мнению Гобино, они везде содействовали прогрессу. Это утверждение относится и к Римской империи. Так называемые варварские германские племена, покорившие римлян и сокрушившие их империю, оказали явную услугу всей цивилизации, поскольку римляне к началу VI века немногим отличались от «выродившихся метисов», в то время как германцы являлись представителями чистой арийской расы.

«Германцы арийского типа, – заявлял Гобино, – олицетворяют собой величественное создание природы... Поэтому все их мысли, слова и действия чрезвычайно важны».

Идеи французского социолога были быстро подхвачены в Германии. Вагнер, который встретил Гобино в 1876 году, уже на склоне лет (он умер в 1883 году), также с восторгом воспринял их, и вскоре общества Гобино распространились по всей Германии.

Необычайная жизнь и творчество Х. С. Чемберлена

К числу горячих сторонников обществ Гобино в Германии принадлежал и Хьюстон Стюарт Чемберлен.

Чемберлен, сын английского адмирала и племянник фельдмаршала Великобритании сэра Невилла Чемберлена и двух английских генералов, зять Рихарда Вагнера, родился в 1855 году в Портсмуте. Ему была уготована военная карьера – служба в британской армии или на флоте, однако слабое здоровье помешало этому, и молодой человек получил образование во Франции и Женеве.

В 1870 году, когда Чемберлену было пятнадцать лет, его наставником стал Отто Кунц родом из Пруссии. На протяжении четырех лет он прививал восприимчивому, чувствитель-

ному мальчику почтительное отношение к воинствующей Пруссии и, умышленно играя на контрастах, воспитывал у него любовь к таким музыкантам и поэтам как Бетховен, Гёте, Шиллер и Вагнер. В девятнадцатилетнем возрасте Чемберлен влюбился в Анну Хорст, уроженку Пруссии, которая была старше его на десять лет и, подобно ему, отличалась повышенной экзальтированностью.

В 1882 году в возрасте двадцати семи лет Чемберлен переехал из Женевы, где в течение трех лет изучал философию, естествознание, физику, химию и медицину, в Байрёйт. Там он познакомился с Вагнером, который, по словам Чемберлена, стал солнцем в его жизни, и женой композитора Козимой. Страстную и раболепную привязанность к Козиме Чемберлен сохранил до самых последних дней своей жизни.

В 1885 году вместе с Анной Хорст, ставшей его женой, Чемберлен переселился в Дрезден, где прожил четыре года. С этого времени Чемберлен стал настоящим немцем, писал и говорил только по-немецки.

В 1889 году семья переехала в Вену и прожила там десять лет. Наконец в 1909 году Чемберлен вернулся в Байрёйт, где прожил до самой смерти, последовавшей в 1927 году.

В 1905 году он развелся со своей прусской женой, которую боготворил всю жизнь. Анне исполнилось тогда шестьдесят; умственное и физическое состояние ее было намного хуже, чем состояние мужа. Расставание с женой Чемберлен пережил так болезненно, что, по его словам, чуть не сошел с ума. Спустя три года он женился на Еве Вагнер и поселился недалеко от «Ванфрида», чтобы быть ближе к матери своей жены, уважаемой Козиме.

Будучи натурой сверхчувствительной и неврастеничной, склонной к частым срывам, Чемберлен утверждал, что иногда ему являются «демоны», которые, как он считал, подталкивают его к постоянному поиску новых сфер деятельности и побуждают к написанию новых работ. Одно видение сменялось другим, что заставляло Чемберлена бросать занятия биологией и переключаться на ботанику, изящные искусства, музыку, философию, историю, браться за написание автобиографии.

Однажды в 1896 году, когда Чемберлен возвращался из Италии, демонические силы так подействовали на него, что он сошел с поезда в Гардоне, заперся в гостинице и восемь дней не выходил из номера. Он забросил работу над музыкальным сочинением, которым в тот момент занимался, и с присущей ему страстностью приступил к исследованиям в области биологии, пока не выяснил суть взволновавшей его проблемы, которая стала главной во всех его последующих работах: связь расы с историей.

Чемберлен обладал разносторонними познаниями в литературе, музыке, биологии, ботанике, религии, истории и политике. Как отмечалось, во всех опубликованных работах Чемберлена прослеживается некое глубинное единство, их характеризует исключительная целостность. Сам Чемберлен считал, что к написанию книг, посвященных исследованию творчества Вагнера, Гёте, Канта, вопросам христианства и расовым проблемам его побуждают демоны, по сути же, они создавались в состоянии настоящего транса и опьянения, вызванного переутомлением. Как отмечает Чемберлен в автобиографии «Жизненные пути», он зачастую не признавал эти работы своими, поскольку они превосходили его ожидания.

Впоследствии более уравновешенные по сравнению с Чемберленом исследователи опровергли его расовую теорию и большую часть исторических трудов, считая идеи Чемберлена обыкновенным шарлатанством. Однако, по мнению биографа Гитлера, немецкого антифашиста Конрада Хайдена, который сожалел о воздействии расовой теории Чемберлена на массы, последний являл собой пример «одного из наиболее удивительных дарований в истории немецкого мировоззрения, кладезь знаний и серьезных мыслей».

Произведением, которое оказало наиболее сильное влияние на мировоззрение немцев, привело Вильгельма II буквально в восторг и позволило нацистам сформулировать свои расовые взгляды, стали «Основы девятнадцатого века». Эту работу, насчитывающую примерно

1200 страниц, Чемберлен, вновь оказавшись во власти «демонов», написал в Вене за полтора года и опубликовал в 1899 году.

Как и Гобино, работы которого Чемберлен высоко ценил, он пришел к выводу, что ключом к пониманию истории, а по существу основой цивилизации, является расовый подход. Для объяснения сути XIX века, то есть современного мира, прежде всего требовалось установить, что было заимствовано из древности. Чемберлен утверждал, что заимствованы были три следующих явления: греческая философия и искусство, римское право и личность Иисуса Христа. Наследовали это достояние евреи, германцы («две чистые расы») и полукровки романского происхождения, жившие в районе Средиземноморья, которых Чемберлен называл «пародией на людей». Одни лишь германцы были достойны этого прекрасного наследия. Правда, в историю они вошли с некоторым опозданием, только в XIII веке. Но в предыдущую эпоху, разбив Римскую империю, они доказали свою значимость.

«Неправильно полагать, – писал Чемберлен, – что тевтонские варвары стали причиной так называемого средневекового заката, – он наступил скорее в результате интеллектуального и морального банкротства, полного расового хаоса, порожденного умирающей Римской империей; однако благодаря тевтонам-германцам миру удалось избежать вечной мглы».

В момент написания этой работы Чемберлен видел в тевтонах единственную надежду на спасение человечества. В понятие «тевтоны» Чемберлен включал кельтов и славян, хотя главной составной частью рассматривал собственно тевтонов. Однако его определения довольно расплывчаты, а в одном месте он заявляет, что «тот, кто ведет себя как тевтон, является тевтоном независимо от своего расового происхождения». Вероятно, здесь он имел в виду собственное происхождение.

Тевтоны, утверждал Чемберлен, они «душа нашей культуры». Значимость каждой нации, проживающей в настоящее время в рамках существующих держав, находится в прямой зависимости от наличия в ней подлинно тевтонской крови. Настоящая история началась в тот момент, когда тевтон властно положил свою руку на античное наследие.

А каково же отношение Чемберлена к евреям? В своих «Основах» он посвящает им самую большую главу. Как уже отмечалось, Чемберлен считал евреев и тевтонов единственно чистыми расами, оставшимися на Западе. В этой главе он осуждает «глупый и отвратительный антисемитизм». Евреи, по Чемберлену, не являются «низшей» расой по отношению к тевтонам, они просто «отличаются» от них. Им присуще собственное величие, они признают «святую обязанность» человека сохранять чистоту своей расы. И все же по мере рассмотрения Чемберленом еврейской проблемы он скатывается на позиции вульгарного антисемитизма, который осуждает у других исследователей. Этот антисемитизм в итоге вылился в позорные карикатуры на евреев, которые публиковались нацистской газетой Юлиуса Штрейхера «Дер штюрмер» во времена Гитлера. По существу, большую часть «философского» обоснования антисемитизма нацисты почерпнули из этой главы книги Чемберлена.

Нелепость взглядов Чемберлена очевидна. Он заявлял, что личность Иисуса Христа – одно из трех великих достояний, унаследованных современной цивилизацией. Затем Чемберлен пытался «доказать», что Иисус Христос не был евреем. То, что Иисус происходил из Галилеи и неправильно произносил гортанные звуки арамейского языка, служило для Чемберлена «неоспоримым доказательством», что в жилах Иисуса Христа «довольно много несемитской крови». Свой вывод Чемберлен подкреплял характерным безапелляционным заявлением: «Тот, кто утверждает, что Иисус Христос – еврей, либо просто глуп, либо говорит заведомую ложь... Иисус Христос – не еврей».

Кто же он в таком случае? Чемберлен отвечает: по всей вероятности, ариец! Если не по крови, то, несомненно, по интеллектуальности своего этического и религиозного учения, столь отличающегося от «материализма и абстрактного формализма» еврейской религии. Тогда вполне естественно, по крайней мере для Чемберлена, что Иисус Христос стал «богом моло-

дых индоевропейских народностей, полных жажды жизни», и прежде всего богом тевтонов, поскольку именно «тевтонский народ, как никто другой, был готов внимать гласу Всевышнего».

Затем Чемберлен подробно излагает свою версию возникновения еврейской расы, начиная со смешения семитов или обитавших в пустыне бедуинов с круглоголовыми хеттами, отличавшимися типичным еврейским носом, и кончая смешением с аморитами, которые были арийцами. К сожалению, смешение с аморитами, которые, по утверждению Чемберлена, были высокими, белокурыми красавцами, произошло слишком поздно, чтобы улучшить «подпорченную» наследственность евреев. Тут англичанин, как бы вступая в противоречие с собственной теорией чистоты еврейской расы, делает вывод, что евреи превратились в «низшую» расу, что дало арийцам полное основание для «отрицания» Израиля. По существу, Чемберлен осуждает арийцев за то, что они породили у евреев «ощущение ложного величия». Затем он обнаруживает, что у евреев, «к сожалению, нет истинной религии».

В заключение Чемберлен усматривает путь к спасению в тевтонах и их культуре, причем наиболее одаренные из тевтонов – это германцы, поскольку они унаследовали лучшие качества греков и арийцев. Это дает им право править миром. «Господь Бог полагается ныне только на одних немцев, – писал Чемберлен. – Эта уверенность, эта несомненная истина на протяжении многих лет питали мою душу».

«Основы девятнадцатого века» стали своего рода сенсацией и принесли странному англичанину пожизненную известность в Германии. Несмотря на незаурядное красноречие и изощренный стиль – Чемберлен творил самозабвенно, – книга была нелегкой для чтения. Однако вскоре ею заинтересовались высшие классы общества, которые, похоже, нашли в ней то, во что им хотелось верить. В течение десяти лет книга выдержала восемь изданий общим тиражом 60 тысяч экземпляров; к началу Первой мировой войны было продано уже 100 тысяч экземпляров.

Во времена нацизма книга эта снова стала пользоваться популярностью, и я помню, как в 1938 году объявляли о двадцать четвертом издании «Основ». К тому моменту было продано уже более четверти миллиона экземпляров.

Среди первых и самых восторженных почитателей книги был кайзер Вильгельм II. Он пригласил Чемберлена к себе в Потсдамский замок; буквально с первой встречи у них завязались дружеские отношения, сохранившиеся до кончины Чемберлена. Они часто обменивались письмами. Чемберлен направил императору сорок три послания, Вильгельм ответил на двадцать три из них, а некоторые, представлявшие собой пространные эссе, частично использовал в своих высокопарных речах и заявлениях.

«Всевышний послал Вашу книгу германскому народу, а Вас лично мне», – писал кайзер в одном из своих первых писем.

Раболепие Чемберлена, его непомерная лесть в этой переписке поражают. «Вы, Ваше Величество, и Ваши подданные, – писал он, – родились в святом храме». Далее Чемберлен сообщал Вильгельму II, что повесил его портрет в своем рабочем кабинете прямо против картины Леонардо да Винчи, на которой изображен Иисус Христос, поскольку, работая, имел обыкновение прохаживаться по кабинету и смотреть на лики Спасителя и своего Монарха.

Однако раболепие не мешало Чемберлену постоянно давать советы упрямому, любившему покрасоваться монарху. В 1908 году оппозиция Вильгельму II со стороны общественности достигла таких размеров, что рейхстаг неодобрительно высказался по поводу его пагубного вмешательства в международные дела. Но Чемберлен успокоил императора, заявив, что общественное мнение формируют дураки и предатели и на него не следует обращать внимания, на что Вильгельм II ответил, что отныне они станут действовать вместе: «Вы сражайтесь своим пером, я – словом и сокрушающим мечом».

Англичанин всегда старался напомнить императору о высоком предназначении Германии. «Когда Германия завоюет власть, – писал Чемберлен после начала Первой мировой войны, – а мы с полным основанием можем надеяться на это, – она немедленно приступит к проведению научно обоснованной гениальной политики. Император Август произвел систематическое преобразование мира, Германия призвана поступить так же... располагая оружием наступления и обороны, будучи всесторонне и безупречно организована, подобно армии, опередившая всех в области искусства, науки, техники, промышленности, торговли и финансов – короче говоря, в любой области; когда каждый учитель, кормчий и первопроходец, каждый человек на своем посту отдаст всего себя святому делу, тогда Германия... покорит весь мир своим внутренним превосходством».

За пропаганду столь славной миссии, уготованной его вновь обретенной родине (Чемберлен стал гражданином Германии в 1916 году, в самый разгар войны), кайзер наградил его Железным крестом.

Однако самое большое влияние учение англичанина оказало на Третий Рейх, возникший через шесть лет после его смерти, но предсказанный им гораздо раньше. Его теории расового подхода и страстная вера в особое предназначение немцев и Германии были подхвачены нацистами, которые провозгласили Чемберлена одним из своих пророков. Во времена гитлеровского режима лавиной хлынули книги, памфлеты и статьи, прославляющие «духовного отца» национал-социалистической Германии. Розенберг, являвшийся одним из наставников Гитлера, часто изливал фюреру свои восторги по поводу учения английского философа.

Вполне вероятно, что Гитлер впервые услышал о работах Чемберлена еще в Вене, поскольку взгляды англичанина пользовались популярностью в пангерманских и антисемитских кругах, литературу которых с такой жадностью в ту пору поглощал Гитлер. Не исключено также, что он читал некоторые из шовинистических статей Чемберлена и во время войны. В «Майн кампф» Гитлер выразил сожаление по поводу того, что наблюдения Чемберлена не получили широкого развития во времена Второго Рейха.

Чемберлен был одним из первых интеллектуалов Германии, кто предсказал Гитлеру большое будущее, а также новые перспективы для немцев, если они последуют за ним. Гитлер познакомился с Чемберленом в Байрёйте в 1923 году. Хотя философ был болен и наполовину парализован, к тому же разочарован поражением Германии и крахом империи Гогенцоллернов, – крушение всех его надежд и прогнозов! – его буквально потрясло красноречие молодого австрийца.

«Вам предстоят великие свершения, – написал он Гитлеру на следующий день. – ...Моя вера в германизм не поколебалась ни на минуту, хотя мои надежды, признаюсь, почти разбились. В одно мгновение Вам удалось перевернуть мне душу. То, что в суровый час испытаний Германия произвела на свет Гитлера, свидетельствует о ее жизнеспособности; это же подтверждает исходящее от Вас влияние; ибо эти два явления – личность и влияние – неразделимы... Да благословит Вас Господь!»

В то время большинство немцев по-прежнему не воспринимали всерьез Адольфа Гитлера с его усиками наподобие Чарли Чаплина, с грубыми манерами и оголтелым экстремизмом.

У него было немного последователей. Но гипнотическая притягательность личности Гитлера очаровала престарелого философа и вновь вселила в него веру в нацию, избранную и прославляемую им. Чемберлен вступил в нацистскую партию, которая неуклонно росла, и по мере сил и возможностей стал писать для пока что малоизвестных печатных партийных органов.

В одной из своих статей, опубликованных в 1924 году, он восхвалял Гитлера, который находился тогда в тюрьме, называя его избранником Божиим, призванным повести за собой германскую нацию. Судьба благоволила к Вильгельму II, но он не оправдал надежд, и вот теперь на арене истории появился Адольф Гитлер.

Семидесятилетие незаурядного англичанина 5 сентября 1925 года было отмечено многословным панегириком, напечатанным в нацистской газете «Фёлькишер беобахтер», где «Основы» Чемберлена приравнялись к «евангелию нацистского движения». Спустя почти полтора года, 11 января 1927 года, Чемберлен скончался, искренне веря в осуществление того, что он проповедовал, под мудрым руководством новоявленного германского мессии.

Помимо наследного принца, представлявшего Вильгельма II, который не мог вернуться на немецкую землю, Гитлер был единственным общественным деятелем на похоронах Чемберлена. Сообщая о кончине английского философа, «Фёлькишер беобахтер» писала, что германский народ потерял «одного из великих мастеров оружейного дела, чье оружие в наши дни не нашло пока своего применения».

Ни наполовину парализованный, умирающий старец, ни Гитлер, никто другой в Германии не мог предположить в тот холодный день января 1927 года, когда нацистская партия переживала свой самый трудный период, как скоро, очень скоро оружие, выкованное бывшим англичанином, будет применено в полной мере и к каким страшным последствиям это приведет.

Тем не менее в те дни, а может, и раньше Адольф Гитлер начал таинственным образом постигать свое предназначение на земле. «Из миллионов... — писал он в «Майн кампф», — шаг вперед должен сделать один-единственный... кто силой убеждения из зыбкого идеализма широких масс сформулирует твердые принципы и возглавит борьбу во имя торжества правого дела, пока из набегающих волн праздного мира не появится гранитный утес, отлитый из нерушимого единства веры и воли».

Гитлер со всей определенностью давал понять своим читателям, что всегда рассматривал себя в качестве этого единственного человека. «Майн кампф» изобилует отступлениями о роли гения, которому само провидение доверяет повести за собой великий народ, хотя сначала не все из-за своих мелочных забот смогут понять этого человека и осознать выпавшую ему роль великого лидера. Читатель отдает себе отчет в том, что Гитлер писал о себе и о тогдашнем своем положении. Он не получил пока всемирного признания в качестве того, кем на самом деле являлся; однако так обычно и складывается поначалу судьба гениев.

«Всегда необходим определенный стимул, чтобы талантливый человек обрел себя, — писал Гитлер. — Весь мир сопротивляется этому и не хочет верить, что незаурядная личность вдруг стала именно такой; подобный процесс повторяется с каждым выдающимся сыном человечества... Искры гениальности присутствуют в подлинно творческой личности с момента ее появления на свет. Подлинный гений всегда таков от природы, его никогда нельзя искусственно взрастить, тем более нельзя обучить этому».

Великие люди, творцы истории, в частности, по мнению Гитлера, соединяют в себе качества политиков-практиков и мыслителей.

«За долгую историю человечества политики лишь изредка обладали даром теоретиков. Чем глубже было это внутреннее единство, тем больше препятствий вставало на пути политического деятеля. Он уже не просто добивался того, что было без труда понятно простому лавочнику, а шел к достижению целей, которые могли понять лишь немногие. Поэтому в жизни он разрывался между любовью и ненавистью. Настоящее, не способное понять его, боролось против будущего, ради которого он трудился. Чем больше деяний совершает человек ради будущего, тем меньше настоящее способно оценить их, тем тяжелее борьба...»

Эти строки написаны в 1924 году, когда немногие понимали, что намеревался осуществить человек, находившийся в тюрьме и покрывший себя позором после провала марионеточного путча. Гитлер же в себе не сомневался. Можно спорить, читал он труды Гегеля или нет. Однако из работ Гитлера и его выступлений ясно, что с идеями философа он был знаком. Так или иначе, знаменитые лекции Гегеля в Берлинском университете привлекли внимание Гит-

лера, впрочем, как и многие афоризмы Ницше. Мы вкратце уже упоминали о том, что Гегель развил теорию «героя» (личности), которая весьма импонировала немецкому духу. В одной из своих берлинских лекций Гегель рассматривал, как «воля мирового духа» воплощается в жизнь «отдельными историческими личностями».

Гегель считал, что их можно именовать героями в той же мере, в какой они избирают свои цели и определяют свое назначение не в тихом заурядном бытии, а отыскивают их в скрытых резервах с помощью внутреннего духа, скрытого от внешнего взора, который обрушивается на внешний мир, как на некую скорлупу, и разбивает его на мелкие осколки. К таким личностям относятся Александр Македонский, Цезарь, Наполеон. Они были практичными политиками. В то же время они являлись мыслителями, хорошо понимающими требования времени – необходимость изменений. В этом подлинная правда их века, их мира... Им дано понять зарождавшиеся принципы, потребные в то время для преодоления последующей ступени развития; определить это в качестве своей главной цели и направить всю свою энергию на ее достижение. Исторические личности мирового масштаба – героев эпохи – надо поэтому рассматривать как ясновидцев, их поступки, их мысли полнее всего олицетворяют то время.

Невольно возникает аналогия между приведенным высказыванием Гегеля и упоминавшейся выше цитатой из «Майн кампф». Единство политика и мыслителя – вот что создает героя, «историческую личность мирового масштаба»: македонских, цезарей, наполеонов. Если в себе самом, как уверовал теперь Гитлер, он нашел такое единство, разве не мог он встать в один ряд с ними?

В высказываниях Гитлера сквозит мысль, что лидер, наделенный высшей властью, выше морали ординарной личности. Тех же взглядов придерживались Гегель и Ницше. Мы приводили уже довод Гегеля, что «личная добродетель» и «неуместные моральные устои» не должны стоять на пути великих правителей и никого не должно коробить, если герои, выполняя свой долг, сомнут или «раздавят» множество невинных цветков. Ницше с присущим ему выразительным преувеличением идет дальше:

«Сильных людей, владык в душе обуревают чувства хищных зверей; радость переполняет чудовище, когда приходится сталкиваться с убийством, поджогом, насилием и пытками, и это вселяет в сердца не меньшую радость, а в души – не меньшее удовлетворение, чем обычная студенческая шутка... Если человек способен командовать, если он от природы «хозяин и владыка», если он неистов в своих поступках и жестах, что значат для него писанные законы?... Чтобы правильно оценить мораль, ее надо заменить двумя понятиями, заимствованными из зоологии: укрощение животного и выведение особой породы».

Подобные учения, доведенные до крайности Ницше и восторженно встреченные многими немцами, судя по всему, оказали сильное влияние на Гитлера. Гений, выполняющий предназначенную ему миссию, выше закона; его не может связывать буржуазная мораль. Таким образом, когда настало время активных действий, Гитлер уже знал, чем оправдать такие жестокие, леденящие кровь деяния, как подавление свободы личности, грубая практика рабского труда, ужасы концентрационных лагерей, кровавая расправа над своими сторонниками в июне 1934 года, убийства военнопленных и массовое истребление евреев.

Когда Гитлер вышел из тюрьмы в крепости Ландсберг за пять дней до рождества 1924 года, он оказался в ситуации, которая заставила бы любого другого навсегда отойти от политики. Нацистская партия и ее печатные органы были запрещены; бывшие лидеры погрязли в междоусобных распрях или вообще отошли от дел. Гитлеру не разрешалось выступать публично, ему грозила депортация в родную Австрию. Баварская полиция настоятельно рекомендовала поступить таким образом в своем отчете, направленном в министерство внутренних дел.

Даже многие из старых товарищей придерживались мнения, что Гитлер не состоялся как лидер и о нем скоро забудут, как забывали многих провинциальных политических деятелей, которым удавалось на какое-то время привлечь к себе внимание общественности в те бурные годы, когда казалось, что республика вот-вот пошатнется.

Однако республика, выдержав все невзгоды, процветала. В то время когда Гитлер находился в тюрьме, в целях стабилизации валютного положения Германии был приглашен финансовый гений доктор Яльмар Шахт, которому удалось добиться определенных успехов. Гибельная инфляция была приостановлена. Бремя репараций облегчено посредством плана Дауэса. Начался приток капиталов из Америки. Экономика быстро возрождалась.

Штресеману удавалось проводить политику примирения с союзниками. Французские войска постепенно выводились из Рурской области. Правительства приступили к обсуждению гарантийного пакта, который призван был проложить путь к общеевропейскому соглашению (Локарнские договоры) и вступлению Германии в Лигу Наций. Впервые со времени поражения в войне после шести лет напряженности, беспорядков и депрессии германский народ зажил нормальной жизнью.

За две недели до выхода Гитлера из тюрьмы социал-демократы в ходе всеобщих выборов укрепили свои позиции – за них проголосовало на 30 процентов больше избирателей, то есть почти восемь миллионов человек. Число голосов, отданных за нацистов, которые объединились с расистскими группировками Севера в «национал-социалистическое движение за свободу Германии», значительно сократилось (почти два миллиона в мае 1924 года и менее миллиона в декабре того же года). Казалось, нацизму пришел конец. Нацистское движение достигло успехов в период, когда на страну сыпались несчастья, теперь же, когда перспективы развития нации резко улучшились, оно теряло авторитет. По крайней мере, так считали большинство немцев и иностранных наблюдателей.

Адольф Гитлер думал по-иному. Его не так легко было заставить разувериться, и он умел ждать. Размышляя над своей жизнью в зимние месяцы 1925 года в небольшой двухкомнатной квартире на верхнем этаже дома номер 45 по Тирштрассе в Мюнхене и позднее, когда наступило лето и он жил в разных гостиницах в окрестностях Оберзальцберга под Берхтесгаденом, Гитлер пришел к выводу, что неудачи недалекого прошлого и превратности настоящего лишь укрепили его решимость.

В тюрьме у Гитлера было достаточно времени, чтобы не только разложить по полочкам свое прошлое, свои победы и ошибки, но и хорошенько поразмыслить о бурном прошлом германской нации, ее триумфах и поражениях. Теперь он имел более ясное представление об этом. У Гитлера вновь появилось острое ощущение как собственного предназначения, так и предназначения Германии в целом, и здесь у него не было ни малейшего сомнения.

Находясь в состоянии душевного подъема, он закончил диктовку первого тома «Майн кампф» и сразу же приступил к работе над вторым томом. Предначертания того, к чему Всевышний призвал Гитлера в полном катастроф мире, и мировоззрение, на которое он опирался, были изложены им на бумаге, увидели свет и могли по достоинству быть оценены всеми. Эта философия, какой бы сумасбродной она ни казалась, уходила, как уже отмечалось, глубокими корнями в историю Германии. Большинству современников, живших в XX веке, даже немцам, изложенная Гитлером программа представлялась нелепой. Однако в ней прослеживалась определенная последовательность, были намечены четкие перспективы. Программа предлагала, хотя лишь немногие в ту пору понимали это, продолжение германской истории. Она предсказывала Германии славное будущее.

Книга вторая

Триумф и консолидация сил

Глава 5

Путь к власти: 1925–1931 годы

Период между 1925 годом и началом экономического кризиса 1929 года оказался неблагоприятным для нацистского движения и Адольфа Гитлера, но он хотел проявить себя человеком, который никогда не отчаивается и не теряет уверенности. Несмотря на повышенную возбудимость, нередко приводившую к припадкам истерии, он умел терпеливо ждать и был достаточно умен, чтобы понимать, что политический климат, сложившийся в те годы в Германии вследствие экономического подъема и ослабления напряженности, не способствует достижению поставленных им целей.

Он был убежден, что хорошие времена для Германии рано или поздно кончатся. Ее благополучие, как говорил он, зависело не от ее собственной силы, а от силы других, прежде всего Америки, из переполненной казны которой текли займы, призванные обеспечить Германии стабильное процветание. За период с 1924 по 1930 год она получила в виде займов около семи миллиардов долларов – по большей части от американских финансистов, мало задумывавшихся над тем, каким образом она сумеет расплатиться с долгами. Сами же немцы думали об этом и того меньше.

Займы, получаемые республикой, шли на платежи по репарациям и на расширение дорогостоящей социальной сферы, служившей образцом для всего мира. Правители земель, муниципалитеты расхватывали занятые деньги не только на благоустройство городов, но и на строительство аэродромов, театров, стадионов и модных, плавательных бассейнов. Промышленность, прежние долги которой обесценились вследствие инфляции, получала миллиардные кредиты на замену оборудования и модернизацию производства. Объем промышленной продукции, составлявший в 1923 году 55 процентов уровня 1913 года, к 1927 году возрос до 122 процентов. Впервые за послевоенное время уровень безработицы опустился ниже миллионной черты, и в 1928 году число безработных составляло 650 тысяч человек. Розничный товарооборот увеличился в том же году на 20 процентов по сравнению с 1925 годом, а реальная заработная плата спустя год возросла по сравнению с четырьмя предшествующими годами на 10 процентов. Плодами экономического подъема отчасти пользовались и низшие слои общества – многомиллионная масса лавочников и мелких служащих, на поддержку которых Гитлер рассчитывал.

Как раз в эти годы и состоялось мое знакомство с Германией. Париж, где я проживал в то время, и Лондон, куда периодически наведывался, способны были очаровать такого молодого американца, как я, которому посчастливилось вырваться из затхлой, бездуховной атмосферы, господствовавшей в Америке в годы президентства Калвина Кулиджа, и все же впечатление от этих столиц тускло, когда я приезжал в Берлин или Мюнхен. Казалось, в Германии действует какой-то чудесный фермент. Люди жили там более свободной, более современной, более увлекательной жизнью, чем в любой другой из знакомых мне стран. Нигде искусства, интеллектуальная жизнь не были столь активны, как в Германии. В литературе, живописи, архитектуре, музыке, театре возникали новые школы, рождались талантливые произведения. И в центре всего находилась молодежь.

Бывало, целые ночи проходили в нескончаемых беседах о жизни в кругу моих ровесников, собиравшихся в кафе, в фешенебельных барах, в местах отдыха, на палубах пароходов

в Рейнской области или в прокуренных мастерских художников. Пышущие здоровьем, беззаботные солнцепоклонники, они жаждали полнокровной жизни в условиях полной свободы. Гнетущий дух пруссачества, казалось, исчез без следа. Большинство немцев – политики, писатели, редакторы, художники, профессора, студенты, деловые люди, рабочие лидеры поражали своим демократизмом, либеральными или пацифистскими взглядами. О Гитлере, о нацистах почти не вспоминали, разве что в шутку, когда речь заходила о «пивном путче». На выборах 20 мая 1928 года нацистская партия набрала всего 810 тысяч голосов из 31 миллиона и получила в рейхстаге около десятка мест из общего числа 491. Консервативные националисты тоже понесли большие потери: если в 1924 году за них голосовало шесть миллионов избирателей, то в 1928 году только четыре миллиона, а число мест в парламенте сократилось со 103 до 73. Социал-демократы, напротив, получили на миллион с четвертью голосов больше (всего за них проголосовало более девяти миллионов человек), обеспечив себе 153 места в рейхстаге. Таким образом, социал-демократическая партия оказалась самой влиятельной партией в Германии. Наконец-то, спустя десять лет после окончания войны, Германская республика прочно встала на ноги.

В 1928 году национал-социалистическая партия насчитывала 108 тысяч членов. Число небольшое, и росло оно медленно. В конце 1924 года, через две недели после выхода из тюрьмы, Гитлер добился аудиенции у Генриха Хольда – министра-президента и руководителя католической народной партии Баварии. В ответ на клятвенное обещание Гитлера вести себя прилично Хольд снял запрет с нацистской партии и ее печатного органа. «Бестия обуздана, – сообщил он министру юстиции Гюртнеру, – теперь можно ослабить путы». Баварский министр-президент был первым, но отнюдь не последним среди германских политиков, допустивших роковой просчет.

26 февраля 1925 года вышел первый после снятия запрета номер «Фёлькишер беобахтер» с редакционной статьей (автором ее был Гитлер) «Новое начало». На следующий день фюрер выступил на собрании возрожденной нацистской партии, состоявшемся в той самой пивной «Бюргербройкеллер», откуда он и его приспешники утром 9 ноября полтора года назад начали свой злосчастный марш.

На этот раз многие из верных друзей отсутствовали. Экарта и Шейбнера-Рихтера уже не было в живых. Геринг находился в эмиграции. Людендорф и Рем устроились. Розенберг, враждовавший со Штрейхером и Эссером, считал себя обиженным и тоже держался в стороне. Грегор Штрассер, пока Гитлер сидел за решеткой, а нацистская партия находилась под запретом, возглавлял вместе с Людендорфом «национал-социалистическое движение за свободу Германии». Когда Гитлер попросил Антона Дрекслера председательствовать на собрании, старый слесарь, основатель партии, послал его к черту. Тем не менее в пивной собралось около четырех тысяч приверженцев, пожелавших снова послушать Гитлера, и он не обманул их ожиданий. Его красноречие, как всегда, зажигало. В конце двухчасовой речи толпа разразилась аплодисментами. Несмотря на то что многие приспешники покинули его и перспективы движения не радовали, Гитлер ясно дал понять, что считает себя единоличным вождем партии. «Я один руковожу движением, и никто не может навязать мне свои условия, ибо я, только я несу ответственность, – заявил он и добавил: – На мне снова лежит ответственность за все, что происходит в движении».

Идя на это собрание, Гитлер ставил перед собой две задачи: одна из них состояла в том, чтобы сосредоточить в своих руках всю полноту власти, другая – в том, чтобы возродить нацистскую партию как политическую организацию, которая добивалась бы власти исключительно конституционными средствами. Смысл этой тактики он изложил Карлу Людкеке – одному из своих приспешников, в то время все еще отбывавшему тюремное заключение:

«Когда я снова начну действовать, то прибегну к новой тактике. Вместо того чтобы добиваться власти путем военного переворота, мы проникнем в рейхстаг и там развернем борьбу

с католическими и марксистскими депутатами. Конечно, перестрелять противников быстрее, чем победить их на выборах, зато гарантом нашей власти станет их же конституция. Всякий юридический процесс требует времени. Но рано или поздно мы все же завоюем большинство сначала в рейхстаге, а потом и в Германии».

Вот почему после освобождения из тюрьмы он заверил министра-президента Баварии, что нацистская партия впредь будет действовать в рамках конституции.

Но 27 февраля, выступая в пивной «Бюргербройкеллер», Гитлер, поддавшись энтузиазму толпы, обрушился на власть с плохо скрытыми угрозами. Врагами были названы и республиканские министры, и марксисты, и евреи. В заключительной части своей речи он воскликнул: «В нашей борьбе возможен только один исход: либо враг пройдет по нашим трупам, либо мы пройдем по его!»

Первое же публичное выступление Гитлера после выхода из тюрьмы показало, что «бестия» вовсе не обуздана. Несмотря на обещание вести себя прилично, он снова угрожал властям насилием. Правительство Баварии тотчас запретило ему публичные выступления на два года. Примеру Баварии последовали другие земли. Это был тяжелый удар для человека, столь преуспевшего благодаря своему ораторскому искусству. Умолкший Гитлер равнозначен Гитлеру побежденному. Он так же беспомощен, как боксер, выпущенный на ринг в наручниках. Так, во всяком случае, думали большинство людей.

Но они ошиблись и на этот раз. Они забыли, что Гитлер не только оратор, но и организатор. Лишенный права выступать публично, он, стиснув зубы, развернул лихорадочную деятельность по реорганизации «национал-социалистического немецкого рабочего союза», намереваясь превратить его в такую партию, какой Германия еще не знала. Он имел в виду создать структуру, похожую на армейскую, – некое государство в государстве. В качестве первоочередной задачи выдвигалась вербовка новых членов, которые платили бы взносы. В конце 1925 года в партии насчитывалось всего 27 тысяч членов. Дело двигалось медленно, но с каждым годом организация росла: в 1926 году в ней уже насчитывалось 49 тысяч членов, в 1927 – 72 тысячи, в 1928 – 108 тысяч, в 1929 – 178 тысяч.

Вторая, и более важная, задача состояла в том, чтобы создать разветвленную партийную структуру по аналогии с существующей системой государственной власти и общественными институтами. Страна была поделена на области, или «гау», приблизительно соответствовавшие 34 избирательным округам по выборам в рейхстаг, во главе которых стояли назначенные Гитлером гаулейтеры. Было учреждено также семь дополнительных «гау» за пределами Германии: в Австрии, Данциге, Саарской и Судетской областях. «Гау» в свою очередь были поделены на «крайсы» (округа) во главе с крайслейтерами. В округа входили «ортсгруппы», то есть местные организации, которые делились на уличные ячейки, а последние – на квартальные блоки.

Политическая организация нацистской партии состояла из двух отделов: ПО-1 – предназначенный для дискредитации и подрыва республиканского строя, ПО-2 – занимался строительством государства в государстве. Ко второму отделу относились подотделы сельского хозяйства, юстиции, экономики, внутренних дел, трудовых ресурсов, а в будущем подотделы расовых отношений, культуры и техники. ПО-1 состоял из подотделов внешних сношений, профсоюзов и печати рейха. Кроме двух ПО существовал особый отдел пропаганды со своей разветвленной структурой.

Часть нацистских головорезов, зачинщиков уличных драк и пьяных дебошей, была против вовлечения женщин и детей в нацистскую партию, но Гитлер и для них создал специальные организации. «Гитлерюгенд», например, объединял юношей в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет и имел свои секции (культуры, школьного образования, печати, пропаганды, оборонительных видов спорта и другие), а подростки в возрасте от десяти до пятнадцати лет вовлекались в организацию под названием «Немецкая молодежь». Для девочек существовала Лига немецких девушек, а для женщин – национал-социалистические союзы женщин. Сту-

денты, преподаватели, служащие учреждений, врачи, адвокаты имели свои организации, а для художников и других деятелей культуры был учрежден «Национальный культурный бунд».

Потребовалось немало усилий, чтобы преобразовать организацию под названием СА (боевые отряды) в вооруженное формирование, насчитывавшее несколько тысяч человек и призванное охранять нацистские сборища, разгонять рабочие митинги и вообще терроризировать тех, кто выступал против Гитлера. Некоторые руководители СА рассчитывали, что с приходом фюрера к власти она заменит регулярную армию. Для начала был создан специальный военно-политический центр во главе с генералом Францем Риттером фон Эппом. По идее, пять его отделов должны были вести такими вопросами как внешняя и внутренняя безопасность, силы обороны, оборонный потенциал. Однако на деле СА, состоявшая из молодчиков в коричневых рубашках, как была, так и осталась сбродом крикунов и громил. Многие из ее высших чинов, начиная с главаря Рема, были известны как гомосексуалисты, а лейтенант Эдмунд Хайнес, возглавлявший мюнхенские отряды СА, был судим за убийство.

Желая иметь в своем распоряжении более надежную опору, Гитлер создал СС; эсэсовцам выдали форму черного цвета (по примеру итальянских фашистов), и они должны были присягать на верность лично фюреру. Сначала отряд СС предназначался только для его личной охраны. Первым начальником СС стал сотрудник «Фёлькишер беобахтер» Берхтольд, но он счел себя более пригодным для сравнительно спокойной редакционной работы, чем для роли полицейского и солдата, поэтому вскоре был заменен неким Эрхардом Хайденом, в прошлом подвизавшимся в незавидной роли полицейского осведомителя. Лишь в 1929 году Гитлер подобрал наконец идеальную кандидатуру на пост начальника СС: ею оказался владелец птицефермы в деревне Вальдтрудеринг близ Мюнхена – тихий, вежливый человек, которого люди, впервые его видевшие, в том числе и автор этих строк, ошибочно принимали за учителя провинциальной школы. Когда Гиммлер занял этот пост, в охранных отрядах СС насчитывалось около двухсот человек, а когда заканчивал службу, они занимали в Германии господствующее положение. Одно упоминание СС наводило ужас на оккупированную Европу..

На вершине партийной пирамиды стоял Адольф Гитлер, носивший пышный титул «верховный фюрер партии и СА, председатель национал-социалистической немецкой рабочей организации». При его секретариате действовал директорат рейха в составе высших должностных лиц партии и таких деятелей, как «казначей рейха» и «управляющий деловой жизнью рейха». У того, кто посещал помпезный «коричневый дом» в Мюнхене, являвшийся всегерманским центром партии в последние годы существования республики, складывалось впечатление, что именно здесь и размещается государство в государстве. На такое впечатление Гитлер, без сомнения, и рассчитывал, ибо стремился подорвать доверие к существующему республиканскому строю как внутри страны, так и за ее пределами, – строю, который он замыслил свергнуть.

Однако в намерения Гитлера входило нечто более важное, чем просто произвести впечатление. Через три года после прихода к власти, 9 ноября 1936 года, выступая в пивной «Бюргербройкеллер» на юбилейном собрании перед старыми борцами, он объяснил, какую, в частности, цель преследовал, преобразуя партию в столь грозную и всеобъемлющую организацию. «Мы понимаем, – сказал он, вспоминая те дни, когда партия реорганизовывалась после путча, – что мало свергнуть старую власть – требуется заблаговременно создать и держать наготове новую... В 1933 году речь шла не о свержении старой власти, а об укреплении новой, ибо новое правительство практически уже существовало. Оставалось лишь уничтожить обломки старой, на что потребовалось всего несколько часов».

Ни одна организация при всей ее слаженности и действенности не обходится без внутренних распри, и Гитлер, создавая нацистскую партию, призванную решать судьбу Германии, имел массу хлопот со своими приспешниками, которые постоянно враждовали не только друг с другом, но и с ним. Однако вот что странно: будучи по натуре крайне нетерпим ко всяким про-

явлениям инакомыслия, он терпимо относился к фактам аморального поведения своих людей. Ни одна другая партия в Германии не вовлекала в свои ряды такого множества темных личностей. Как мы знаем, в партию толпами шли сутенеры, убийцы, гомосексуалисты, алкоголики и шантажисты, как если бы она была для них землей обетованной. Но Гитлер смотрел на это сквозь пальцы, поскольку считал, что они могут быть полезны. Выйдя из тюрьмы, он обнаружил, что его приспешники перегрызлись между собой; более того, некоторые «добропорядочные» и строгие представители руководящей верхушки (такие, как Розенберг и Людендорф) требовали исключения преступных элементов и извращенцев из движения. Гитлер без обиняков отклонил это требование. «Я не считаю, что в задачу политического руководителя, – заявил он в статье «Новое начало», – входит улучшение, а тем более перековка человеческого материала, которым он располагает».

Однако к 1926 году обвинения и контробвинения, выдвигаемые нацистскими лидерами, приняли настолько скандальный характер, что Гитлер учредил партийный суд, который призван был улаживать конфликты и не позволять соратникам копать в грязном белье друг друга. Этот суд получил название УШЛА – «Комиссия по расследованию и улаживанию». Его первым председателем стал отставной генерал Хейнеман, но он оказался неспособен уяснить истинную цель суда, которая заключалась не в том, чтобы выносить приговоры лицам, обвиняемым в уголовных преступлениях, а в том, чтобы замять то или иное дело, не допускать огласки, которая могла привести к ослаблению партийной дисциплины и подрыву авторитета фюрера. Поэтому на место генерала назначили более сообразительного отставного майора Вальтера Буха, приставив к нему двух помощников. Один из них – Ульрих Граф, бывший мясник, ранее служил в личной охране Гитлера, другой – Ганс Франк, молодой нацист, был юристом. О нем мы расскажем подробнее, когда речь пойдет о его кровавых злодеяниях в оккупированной Польше, где он служил генерал-губернатором, – злодеяниях, за которые он поплатился жизнью на виселице Нюрнберга. Такой судебский триумвират вполне устраивал Гитлера. Если кого-либо из видных нацистов обвиняли в тяжком преступлении, Бух неизменно вопрошал: «Ну и что из этого?» Для него важно было одно: не причинило ли это преступление ущерба партии и не запятнало ли репутацию фюрера?

Во многих случаях партийный суд оказывал нужное воздействие, однако и ему не всегда удавалось держать в узде честолюбивых и агрессивных нацистских бонз. Нередко Гитлеру приходилось вмешиваться лично, дабы не только сохранить видимость единства, но и уберечь себя.

Пока Гитлер томился в заключении в Ландсберге, в нацистском движении выдвинулся молодой человек по имени Грегор Штрассер – аптекарь по профессии, уроженец Баварии, на три года моложе Гитлера. Он также был награжден Железным крестом первой степени. Начав военную службу рядовым, он дослужился до лейтенанта. В 1920 году вступил в нацистскую партию, а некоторое время спустя стал гаулейтером Нижней Баварии. Рослый, крепкого сложения, излучающий энергию, этакий бонвиван, он вырос в крупного деятеля скорее благодаря своей внешности, чем ораторскому искусству, которым владел Гитлер. Однако он был прирожденный организатор. Будучи по характеру человеком независимым, Штрассер отказывался раболепствовать перед Гитлером и не был склонен всерьез относиться к притязаниям австрийца на роль абсолютного диктатора нацистского движения. Это его позиция, равно как и искренняя приверженность «социализму» нацистского движения, в конечном счете имели для него пагубные последствия.

Вопреки воле Гитлера, сидевшего тогда в тюрьме, Штрассер в блоке с Людендорфом и Розенбергом создал «народное движение» с целью баллотироваться на предстоящих весной 1924 года земельных и общегерманских выборах. В Баварии этот блок набрал достаточно голосов, чтобы стать второй по влиятельности партией; в Германии, как мы уже знаем, эта партия набрала два миллиона голосов и получила 32 места в рейхстаге. Одно из этих мест досталось

Штрассеру. Гитлер с завистью наблюдал за деятельностью молодого человека, успех которого его отнюдь не радовал. Штрассер в свою очередь не проявлял желания признавать Гитлера хозяином и демонстративно не явился на состоявшееся 27 февраля 1925 года в Мюнхене собрание, которое возродило нацистскую партию.

Гитлер понимал, что подлинно общее германский размах его движение сможет обрести лишь в том случае, если найдет опору в Северной Германии, то есть в Пруссии, и прежде всего в цитадели врага – Берлине. На выборах 1924 года Штрассер баллотировался на севере и заключил союз с местными крайне националистическими группами во главе с Альбрехтом фон Графе и графом Эрнстом фон Ревентлов. Это помогло ему завязать личные знакомства и заручиться поддержкой региона; кроме него, ни один нацистский лидер такой поддержкой в тех краях не пользовался.

Через две недели после собрания Гитлер, смирившись с успехом Штрассера, позвал его к себе и предложил заняться организацией нацистской партии в Северной Германии. Штрассер согласился. Он считал, что ему представился подходящий случай показать свои способности, не ощущая стоящего над душой завистливого и надменного фюрера.

Несколько месяцев спустя он основал в столице газету «Берлинер арбайтерцайтунг», редактором которой стал его брат Отто, и информационный бюллетень «Национал-социалистиче брифе», призванный держать нацистскую верхушку в курсе партийной политики. Он же заложил основы политической организации с отделениями в Пруссии, Саксонии, Ганновере и индустриальной Рейнской области. Живой, неутомимый, настоящий генератор идей, Штрассер разъезжал по Северной Германии, выступая на собраниях, назначая областных фюреров, сколачивая партийный аппарат. Положение депутата рейхстага давало ему два преимущества перед Гитлером: право бесплатного проезда по железной дороге, благодаря которому разъезды по стране ни ему, ни партии ничего не стоили, и парламентскую неприкосновенность. Ни один орган власти не мог запретить ему выступать публично; никакой суд не мог привлечь его к ответственности за клевету на тех, кого он избирал своими жертвами. Хайден по этому поводу с сарказмом писал: «Даровой проезд плюс даровая клевета – в этом и состоит крупное преимущество Штрассера перед фюрером».

Своим секретарем и редактором «Национал-социалистиче брифе» Грегор Штрассер назначил двадцативосьмилетнего уроженца Рейнской области Пауля Йозефа Геббельса.

Появление Пауля Йозефа Геббельса

Этот смуглый, напоминавший карлика молодой человек с покалеченной ногой, обладавший гибким умом и сложным неврастеничным характером, не был новичком в нацистском движении. Это движение Геббельс открыл для себя еще в 1922 году, когда впервые услышал речь Гитлера в Мюнхене, принял нацистскую веру и вступил в партию. Но самого его нацистское движение открыло тремя годами позднее, когда Грегор Штрассер, послушав одно из его выступлений, нашел, что этот безусловно талантливый молодой человек может быть ему полезен.

В свои двадцать восемь лет Геббельс был страстным оратором, фанатичным националистом, обладал, насколько было известно Штрассеру, острым пером и – редкий случай в среде нацистских лидеров – имел солидное университетское образование. Генрих Гиммлер, занимавший должность секретаря Штрассера, только что подал в отставку, отдав предпочтение разведению кур, и на его место Штрассер пригласил Геббельса. Как оказалось, выбор этот имел для него роковые последствия.

Родился Пауль Йозеф Геббельс 29 октября 1897 года в Рейдте – центре текстильной промышленности, насчитывавшем около 30 тысяч жителей. Его отец, Фриц Геббельс, работал мастером на ткацкой фабрике. Мать, Мария Катарина Оденхаузен, была дочерью кузнеца.

Оба были набожные католики, и потому образование Йозеф Геббельс получил у католиков. Окончив приходскую школу, он поступил в гимназию, потом по стипендии учился в университете, вернее, в восьми университетах. Прежде чем получить степень доктора философских наук в 1921 году в Гейдельберге (ему тогда было 24 года), он посещал занятия в университетах Бонна, Оренбурга, Вюрцбурга, Кёльна, Франкфурта, Мюнхена и Берлина. В этих прославленных учебных заведениях Геббельс изучал философию, историю, литературу и искусство, не прекращая занятий латинским и греческим языками.

Он хотел стать писателем. В год защиты докторской он написал роман «Михель», который не заинтересовал ни одного издателя, а еще через два года – две пьесы: «Скиталец» (об Иисусе Христе) и «Одинокый гость». Обе пьесы были написаны в стихах, так что ни один режиссер не взялся их ставить. Не больше повезло ему и в журналистике. «Берлинер тагеблатт», крупная ежедневная газета либерального толка, отклонила более десяти предложенных им статей и отказалась принять его на работу в качестве репортера.

Его личная жизнь с ранней молодости тоже складывалась неудачно. Будучи калекой, он не воевал на фронте и поэтому не имел того опыта, который казался, по крайней мере в первые годы после войны, столь престижным для молодых людей его поколения и наличие которого считалось обязательным условием для продвижения по иерархической лестнице нацистской партии. Многие утверждали, что Геббельс родился с изуродованной ступней. На самом деле это не так. Семилетним ребенком он заболел остеомиелитом – воспалением костного мозга. Ему оперировали левое бедро, но операция прошла неудачно, в результате левая нога усохла и стала короче правой. Это увечье, из-за которого он заметно хромотал, с детства отравляло ему существование. Отчаяние Геббельса было столь велико, что в студенческие годы и в тот короткий период времени, когда он участвовал в агитационной антифранцузской кампании в Руре, он часто выдавал себя за раненого ветерана войны.

Не везло ему и в любви, хотя он всю жизнь обманывал себя, принимая донжуанские приключения за настоящие любовные романы.

Первая любовь Геббельса, которую он никогда не забывал, – это Анке Гельгорн. С ней Йозеф познакомился, будучи студентом Фрейбургского университета. В его дневнике множество записей, в которых он сперва превозносит красоту ее русских волос, а потом, когда она его бросила, пишет, что разочаровался в ней. Позже, став министром пропаганды, он с присущим ему тщеславием и цинизмом объяснял своим друзьям, почему она ушла от него: «Она изменила потому, что у другого парня оказалось больше денег, так что он имел возможность водить ее по ресторанам и театрам. Как это глупо!.. А ведь могла стать женой министра пропаганды! Теперь-то уж, конечно, кусает локти».

Анке, вышедшая замуж за другого парня, позднее развелась с ним и в 1934 году приехала в Берлин, где Геббельс помог ей получить место в одном из журналов.

Радикализм Штрассера, его вера в «социализм» нацистского движения – вот что привлекало Геббельса. Оба они хотели построить партию пролетарского типа. В дневниках Геббельса много говорилось о его тогдашних симпатиях к коммунизму. «В конечном счете, – записал он 23 октября 1925 года, – уж лучше нам прекратить свое существование под властью большевизма, чем обратиться в рабов капитала». 1 января 1926 года он признался себе: «По-моему, ужасно, что мы (нацисты) и коммунисты колотим друг друга... Где и когда мы сойдемся с руководителями коммунистов?»

Как раз в это время он опубликовал открытое письмо одному из руководителей коммунистов, в котором заявлял, что между нацизмом и коммунизмом нет разницы. «Между нами идет борьба, – отмечал он, – но ведь мы, в сущности, не враги».

В глазах Адольфа Гитлера это была сущая ересь. Он с растущим беспокойством следил за успешной деятельностью братьев Штрассеров и Геббельса по созданию в Северной Германии жизнеспособного, радикального пролетарского крыла партии и думал, что, дай этим людям

волю, они приберут к рукам всю партию, причем во имя целей, которые он, Гитлер, категорически отвергает. Конфронтация была неизбежна, и она произошла осенью 1925 – зимой 1926 года. Спор начался по инициативе Грегора Штрассера и Геббельса. Его предметом явилась проблема, чрезвычайно волновавшая в то время жителей Германии. Речь шла о предложении социал-демократов и коммунистов экспроприировать в пользу республики крупные поместья бывших королевских и княжеских семейств. Вопрос этот предлагалось решить путем референдума в соответствии с Веймарской конституцией. Штрассер и Геббельс рекомендовали нацистской партии присоединиться к коммунистам и социалистам и принять участие в кампании за отчуждение собственности дворянской знати.

Гитлер был вне себя от ярости. Некоторые из бывших правителей Германии сотрудничали с партией. Более того, ряд крупных промышленников оказывали финансовую поддержку возрожденному Гитлером движению именно потому, что видели в нем действенное средство борьбы с коммунистами, социалистами и профсоюзами.

Если бы Штрассер сумел осуществить свои планы, Гитлер немедленно лишился бы источников финансирования.

Но не успел фюрер что-либо предпринять, как Штрассер созвал 22 ноября 1925 года в Ганновере конференцию партийных руководителей Северной Германии. Цель конференции заключалась не только в том, чтобы склонить северогерманскую секцию нацистской партии к поддержке идеи экспроприации, но и в том, чтобы принять новую экономическую программу, которая заменила бы «реакционные» двадцать пять пунктов, принятые в 1920 году. Штрассер и Геббельс предложили национализировать крупные отрасли промышленности и обширные помещичьи владения, а также заменить рейхстаг палатой корпораций по примеру итальянских фашистов. Гитлер отказался присутствовать на конференции и послал своего представителя Готфрида Федера, которому поручил уговорить мятежников. Геббельс потребовал удалить Федера с конференции. «Мы не желаем терпеть здесь доносчиков!» – воскликнул он. На конференции присутствовали ряд членов нацистской верхушки, ставших потом заметными фигурами в Третьем Рейхе (Бернхард Руст, Эрих Кох, Ганс Керрль, Роберт Лей), однако никто из них, кроме алкоголика Лея, гаулейтера Кёльна, не поддержал Гитлера. Когда Лей и Федер заявили, что конференция неправомерна что-либо решать в отсутствие Гитлера, верховного фюрера, Геббельс, по словам присутствовавшего там Отто Штрассера, крикнул: «Я требую исключить мелкого буржуа Адольфа Гитлера из нацистской партии!»

Злоязычный Геббельс сильно переменялся с тех пор, как три года назад поддался обаянию Гитлера, – во всяком случае, так полагал Грегор Штрассер.

«В ту минуту я будто заново родился, – вспоминал Геббельс, рассказывая о впечатлении от речи Гитлера, впервые услышанной им в июне 1922 года в Мюнхене, в цирке Крона. – Теперь я знаю, по какому пути мне следовать... Это был приказ!»

Еще большее восхищение вызвало у него поведение Гитлера на процессе по делу о мюнхенском путче. После суда Геббельс писал фюреру:

«Словно восходящая звезда Вы предстали нашим удивленным взорам, Вы сотворили чудо, прояснив наш разум и вселив веру, столь нужную в этом мире скепсиса и отчаяния. Вы возвышались над массами, исполненный уверенности в будущем и решимости раскрепостить массы своей беспредельной любовью к тем, кто верит в новый рейх. Впервые мы смотрели сияющими глазами на человека, сорвавшего маски с лиц, искаженных алчностью, с лиц суетливых парламентских посредственностей... В мюнхенском суде Вы предстали перед нами во всем величии Фюрера. То, что Вы сказали, были величайшие слова, каких в Германии не слышали со времен Бисмарка. Вы выразили не только собственную боль... Вы выразили боль целого поколения людей, блуждающих в потемках в поисках цели. То, что Вы сказали, – это катехизис новой политической веры, рожденной из отчаяния гибнущего безбожного мира... Мы благодарны Вам. Когда-нибудь и вся Германия будет благодарить Вас...»

И вот теперь, полтора года спустя, кумир Геббельса померк, превратился в «мелкого буржуа», которого следует выгнать из партии. Ганноверская конференция, которой противостояли лишь Лей и Федер, приняла выдвинутую Штрассером новую программу партии и одобрила решение поддержать предложение марксистов провести референдум по вопросу о конфискации земель бывших королевских и княжеских семейств.

Гитлер выждал немного и 14 февраля 1926 года нанес ответный удар, созвав конференцию в Бамберге, на юге Германии. Он нарочно выбрал будничным день в расчете на то, что северным нацистским лидерам нелегко будет в течение рабочей недели сняться с места. Его расчет оправдался: на конференции смогли присутствовать только Грегор Штрассер и Геббельс. Тщательно отобрав верных ему людей, Гитлер обеспечил себе численное превосходство. Такие немецкие историки, как Хайден и Олден, а также авторы из других стран, пользовавшиеся их трудами, утверждают, что на Бамбергской конференции Геббельс открыто порвал со Штрассером и перешел на сторону Гитлера. Но дневники Геббельса, обнаруженные после того, как Хайден и Олден написали свои книги, свидетельствуют, что его измена Штрассеру в то время еще не выявилась. Они показывают, что, хотя Геббельс, подобно Штрассеру, и подчинился Гитлеру, фюрера он считал абсолютно неправым и не имел намерения перейти на его сторону. 15 февраля, на другой день после конференции в Бамберге, он доверил свои мысли дневнику:

«Гитлер говорил два часа. Чувствую себя так, словно меня избили. Что за человек этот Гитлер? Реакционер?

Крайне несуразен и непостоянен. Совершенно неправ в русском вопросе. Италия и Англия – наши естественные союзники! Ужас!.. Мы должны уничтожить Россию!.. Проблемы собственности дворянской знати нельзя даже касаться! Ну и ну, не нахожу слов. Чувствую себя так, будто меня ударили по голове.

Безусловно, одно из величайших разочарований в моей жизни. Я уже не вполне верю в Гитлера. Это ужасно: я теряю под ногами почву».

Чтобы продемонстрировать Штрассеру свою лояльность, Геббельс отправился на вокзал вместе с ним. Стал его успокаивать. Неделей позже, 23 февраля, он запишет: «Долгая беседа со Штрассером. Итог: не надо завидовать пирровой победе мюнхенской группы. Будем продолжать борьбу за социализм».

Но вот через месяц Геббельс записал: «Сегодня утром – письмо от Гитлера. Выступаю 8 апреля в Мюнхене».

Прибыл он туда 7 апреля. «Меня ждет автомобиль Гитлера. Королевский прием! Я выступаю в исторической «Бюргербройкеллер». На следующий день он действительно выступал с той самой трибуны, с которой выступал фюрер. 8 апреля в его дневнике появилась запись:

«Гитлер мне звонит... Его доброта, несмотря на Бамберг, приводит нас в смущение... В два часа мы едем в «Бюргербройкеллер» – Гитлер уже там. Сердце у меня так сильно колотится, что вот-вот разорвется. Я вхожу в зал. Бурные приветствия... Я говорил два с половиной часа. В зале рев и восклицания. Когда я кончил говорить, Гитлер обнял меня. Я счастлив... Гитлер все время со мной».

Через несколько дней Геббельс сдался окончательно и 13 апреля записал: «Гитлер говорил три часа. Блестяще. Он может заставить усомниться в собственных убеждениях. Италия и Англия – наши союзники. Россия вознамерилась проглотить нас... Я люблю его. Он все продумал. Его идеал: справедливый коллективизм и индивидуализм. Что касается земли, все принадлежит народу. Производство должно быть творческим и индивидуальным. Тресты, транспорт и т. д. должны быть обобществлены... Теперь я за него спокоен... Склоняю голову перед великим человеком, перед политическим гением...» Ко времени отъезда из Мюнхена 17 апреля он стал уже убежденным приверженцем Гитлера и с тех пор был им до конца своей жизни, до последнего вздоха. 20 апреля он писал фюреру по случаю дня его рождения: «Дорогой, обожа-

емый Адольф Гитлер! Я многому у Вас научился. Это Вы помогли мне наконец-то прозреть...» А вот запись в дневнике, сделанная вечером того же дня: «Ему тридцать семь лет. Адольф Гитлер, я люблю тебя за то, что ты велик и прост. Таким и должен быть гений».

Большую часть лета Геббельс провел с Гитлером в Берхтесгадене, и его дневник полон панегириков в адрес фюрера. В августе он публично объявил о разрыве со Штрассером в статье, опубликованной в «Фёлькишер беобахтер»:

«Лишь теперь я понял, кто вы такие: на словах вы (братья Штрассер и их последователи) революционеры, а на деле – нет... Бросьте болтать об идеалах и не внушайте себе, будто вы открыли какие-то идеалы и защищаете их... Мы не налагаем на себя епитимью, оказывая решительную поддержку фюреру. Мы... склоняем перед ним головы... мужественные и не сломленные духом, как древние скандинавы, честно смотрящие в глаза своему германскому феодальному повелителю. Мы убеждены, что он выше, чем вы и я. Он – исполнитель промысла Божьего, творящий историю в новом, созидательном порыве».

В конце октября 1926 года Гитлер назначил Геббельса гаулейтером Берлина. Он поручил ему навести порядок в среде драчливых головорезов в коричневых рубашках, которые отпугивали местное население от движения, и завоевать столицу Германии для национал-социалистов. Берлин считался «красным», поскольку большинство избирателей в этом городе составляли социалисты и коммунисты. И Геббельс, которому только что исполнилось двадцать девять лет и который, начав с нуля, всего за год с небольшим превратился в одну из знаменитостей нацистской партии, бесстрашно приступил к исполнению своих обязанностей в этом великом Вавилоне.

Адольф Гитлер: отдых и любовные истории

Годы, бедные политическими событиями, были для Гитлера, как он потом рассказывал, по-настоящему счастливейшим периодом. Выступать с речами он пока не мог – запрет действовал до 1927 года, оставалось только работать над завершением книги «Майн кампф» и размышлять о будущем нацистской партии и собственном будущем. Большую часть времени он проводил в Баварских Альпах, в местечке Оберзальцберг, возвышавшемся над селением Берхтесгаден. Рай для отдыха и развлечений.

Монологи Гитлера в его ставке во время войны, когда он поздно вечером мог рассеяться в кругу старых товарищей по партии и верных секретарей, предавшись воспоминаниям о былых временах, полны ностальгических рассуждений о том, как много для него значила отшельническая жизнь в горах – единственном месте, где он создал себе подобие домашнего очага. «Да, – воскликнул он в одной из таких бесед в ночь на 17 января 1942 года, – с Оберзальцбергом меня многое связывает. Много там родилось идей. То были счастливейшие дни моей жизни... Там родились и созрели все мои великие замыслы. И было много часов досуга, много очаровательных друзей».

В первые три года по освобождении из тюрьмы Гитлер проживал в разных гостиницах в Оберзальцберге, о чем и рассказывал в ту зимнюю ночь 1942 года. Потом перебрался в «Дойче хаус», где прожил без малого два года. За это время он кончил диктовать «Майн кампф».

По словам Гитлера, он и его партийные друзья любили посещать «Драймедерльхаус», где можно было встретить хорошеньких девушек. «Это доставляло мне огромное удовольствие, – вспоминал он. – Особенно одна из них – настоящая красавица».

Он вспоминал: «В этот период я знал многих женщин. Некоторые чувствовали привязанность ко мне. Почему же тогда я не женился? Чтобы оставить жену одну? Ведь за малейший проступок я мог снова угодить на шесть месяцев за решетку. Потому я и не позволял себе пользоваться случаями, которые мне представлялись». Опасение Гитлера, что он может снова оказаться в тюрьме или быть высланным за пределы страны, не лишено оснований: он

по-прежнему находился на положении освобожденного под честное слово. Он и Оберзальцберг-то избрал своим прибежищем отчасти из-за его близости к австрийской границе: в любой момент можно было перебраться на ту сторону и избежать ареста немецкой полицией.

Но возвращаться в Австрию добровольно или в принудительном порядке значило расстроить планы на будущее. Чтобы уменьшить угрозу депортации, Гитлер 7 апреля 1925 года официально отказался от австрийского гражданства. Австрийские власти не замедлили ответить согласием. Но в результате Гитлер превратился в человека без родины. Отказавшись от австрийского гражданства, он не обрел немецкого. Это крайне затрудняло положение политического деятеля в рейхе хотя бы потому, что он был лишен права избираться в какой-либо орган управления. Гитлер во всеуслышание заявил, что не намерен вымаливать себе немецкое гражданство у правительства республики, поскольку право на такое гражданство гарантируется самим фактом его участия в войне на стороне Германской империи. На самом же деле он скрытно обращался к баварскому правительству с просьбой о получении гражданства, но безуспешно.

В том, что Гитлер говорил чуть выше о женщинах и браке, была доля истины. Вопреки распространенному мнению ему нравилось общество женщин, в особенности красивых. Во время войны в застольных беседах в ставке верховного командования он неоднократно возвращался к этой теме. «Какие прелестные бывают женщины!» – воскликнул он в разговоре с друзьями в ночь на 26 января 1942 года и, приведя несколько примеров из собственного опыта, хвастливо добавил: «В юности, живя в Вене, я знал многих женщин».

Хайден приводит имена некоторых его пассий прежних лет: Гени Гауг, брат которой служил у Гитлера шофером, высокая статная Эрна Ханфштенгль (сестра Путци), Винифред Вагнер (невестка Рихарда Вагнера). Но с кем у Адольфа Гитлера действительно был серьезный роман – так это с его племянницей.

Летом 1928 года Гитлер снял в Оберзальцберге у вдовы гамбургского промышленника виллу «Вахенфельд» за сто марок в месяц и выписал из Вены овдовевшую сводную сестру Ангелу Раубал для ведения хозяйства в доме, который он впервые в жизни мог назвать своим¹⁷. Фрау Раубал привезла с собой двух дочерей – Гели и Фридл. Гели было двадцать лет. Пышноволосая, белокурая, миловидная, с приятным голосом и жизнерадостным характером, она привлекала внимание мужчин.

Вскоре Гитлер влюбился в нее. Он водил ее всюду: на собрания и конференции, в кафе и театры Мюнхена; совершал вместе с ней продолжительные прогулки в горы. В 1929 году он снял на Принцрегентштрассе, одной из самых фешенебельных улиц Мюнхена, роскошную девятикомнатную квартиру. Одну из комнат в этой квартире он предоставил в распоряжение Гели. Разумеется, по городу и в нацистских кругах поползли сплетни о фюрере и его прекрасной светловолосой племяннице. Кое-кто из наиболее строгих – или завистливых – лидеров потребовал, чтобы Гитлер перестал показываться со своей возлюбленной на людях либо женился на ней. Услышав такие речи, Гитлер приходил в ярость и после очередной ссоры уволил гаулейтера Вюртемберга.

Впрочем, похоже, Гитлер действительно намеревался жениться на племяннице. Позже его бывшие товарищи по партии рассказывали автору этих строк, что тогда казалось: брак неминуем. Они не сомневались, что Гитлер по уши влюблен в Гели. О ее чувствах можно только гадать. Однако всем было ясно, что ей льстило внимание человека с большим будущим. Отвечала ли она взаимностью на любовь дяди – неизвестно. Думается, вряд ли, даже в самом начале; на поздней же стадии их связи – определенно нет. В отношениях между ними образовалась большая трещина, происхождение и характер которой так и не были установлены.

¹⁷ Впоследствии он купил эту виллу, а когда стал канцлером, то реконструировал ее, превратив в огромный роскошный особняк, которому дал название «Бергхоф».

Предположений высказывалось много, а фактов не было. Возможно, определенную роль тут сыграла взаимная ревность. Ее раздражало то, что он оказывал внимание другим женщинам – Винифред Вагнер, например. Он в свою очередь подозревал ее в тайной связи с собственным телохранителем Эмилем Морисом. Гели же не терпела деспотизма дяди, требовавшего, чтобы она избегала общества других мужчин. Он запретил ей ездить в Вену, где она брала уроки пения, желая помешать ей стать солисткой оперы. Он хотел, чтобы она посвятила себя только ему.

Делались также намеки на то, что Гели питала отвращение к мазохистским наклонностям своего любовника. Сущий тиран в политической жизни, он испытывал острую потребность в рабском подчинении любимой женщине. Как считают сексологи, подобные наклонности – не столь редкое явление у мужчин этого типа. Хайден ссылается на письмо Гитлера, посланное племяннице в 1929 году, в котором фюрер признается, что желание такого рода у него действительно есть. Письмо попало в руки сына хозяйки дома, что привело к трагическим последствиям, причем не один он поплатился жизнью.

Так или иначе, роман дяди с племянницей был чем-то омрачен. Между ними происходили яростные перепалки. 17 сентября 1931 года Гели объявила, что возвращается в Вену, где продолжит занятия пением. Гитлер был против. Разразился скандал, свидетелями которого стали соседи. Они слышали, как Гели, высунувшись из окна мюнхенской квартиры, крикнула Гитлеру, садившемуся в автомобиль (он собрался ехать в Гамбург): «Значит, ты запрещаешь мне ехать в Вену?» «Да!» – ответил он.

На следующее утро Гели Раубал обнаружили в ее комнате с простреленной грудью. Следователь после тщательного дознания пришел к заключению, что имело место самоубийство. Пуля проникла в грудь ниже левой ключицы и поразила сердце. Следовательно представлялось очевидным, что выстрел произвела сама Гели. И все же на протяжении нескольких лет по Мюнхену ходили слухи, будто убил ее либо сам Гитлер в припадке гнева, либо Гиммлер, пожелавший покончить с ситуацией, вредившей авторитету партии.

Гитлер был вне себя от горя. Грегор Штрассер вспоминал потом, что ему пришлось двое суток пробыть при фюрере: он боялся, как бы тот не наложил на себя руки. Похороны Гели состоялись в Вене. Неделью спустя австрийское правительство разрешило Гитлеру туда съездить. Весь вечер он провел на могиле. И скорбел потом еще не один месяц.

Через три недели после смерти Гели Гитлер впервые встретился с Гинденбургом. Это была его первая заявка на пост рейхсканцлера. Плохое впечатление, сложившееся у Гинденбурга о лидере нацистов во время этой важной встречи, некоторые друзья Гитлера объясняли тем, что он не сумел в полной мере раскрыть свои способности. Другие, знавшие его, считали, что причиной тому было подавленное настроение Гитлера, вызванное потерей любимой племянницы.

Одним из последствий понесенной утраты явился, на мой взгляд, отказ Гитлера от мясной пищи – так, по крайней мере, объясняли этот акт самоотречения некоторые его приближенные. Он не переставал уверять их, что Гели Раубал была его единственной любовью. Он всегда вспоминал о ней с благоговением, причем нередко со слезами на глазах. Слуги отмечали, что комната Гели на вилле в Оберзальцберге оставалась в том же виде, как и при ее жизни, даже после того, как Гитлер, став рейхсканцлером, реконструировал и достроил здание. В его кабинете на вилле и в здании правительства в Берлине постоянно висели портреты молодой женщины, написанные уже после ее смерти Гели Адольфом Циглером, любимым художником Гитлера. Каждый год в день рождения Гели и в день ее смерти портреты украшали цветами.

Зная Гитлера как бессердечного циника, неспособного любить никого, кроме себя, трудно поверить в его страсть к юной Гели Раубал. Это – одна из тайн его странной жизни. Как и всякая тайна, она не поддается разумному объяснению, ее можно лишь констатировать. В течение всей последующей жизни – это можно подтвердить почти с полной уверенностью, –

Адольф Гитлер ни разу не задумался всерьез о браке. Вплоть до того дня, когда спустя четырнадцать лет решил покончить с собственной жизнью.

Письмо Гитлера племяннице, компрометировавшее его, было возвращено хозяйским сыном при содействии патера Бернхарда Штемпфле, в свое время помогавшего готовить для печати «Майн кампф». Деньги для выкупа письма, по сведениям Хайдена, предоставил казначей партии Франц Ксавьер Шварц. Таким образом, патер Штемпфле оказался одним из тех, кому стали известны некоторые интимные подробности романа Гитлера с Гели Раубал. Повидимому, он не очень строго держал эти сведения при себе, за что и поплатился жизнью, когда автор «Майн кампф» стал диктатором Германии и в один прекрасный день начал сводить счеты со старыми друзьями.

Источник доходов Гитлера в те годы, когда он приобрел виллу в горах и роскошную квартиру в Мюнхене и разъезжал с шофером в элегантном автомобиле, за который заплатил 20 тысяч марок, не был установлен. Но материалы о подоходных налогах, обнаруженные после войны, проливают некоторый свет на этот предмет. До того как стать канцлером и объявить себя свободным от налогообложения, он постоянно конфликтовал с налоговым управлением. За период с 1925 по 1933 год в финансовом ведомстве Мюнхена накопилось немало сведений на этот счет.

Названное ведомство напомнило ему 1 мая 1925 года, что он не представил сведения о своих доходах за 1924 год и первый квартал 1925 года. Гитлер ответил: «Ни в 1924 году, ни в первом квартале 1925 года я никаких доходов не получал» – в этот период он находился в тюрьме. «А откуда взялись деньги на покупку автомобиля?» – спрашивал сборщик налогов. Гитлер ответил, что занял их в банке. Во всех своих налоговых декларациях в графе «Профессия» он указывал: «Литератор». В качестве такового он пытался доказать, что значительная доля его заработка шла на расходы, не облагаемые налогом. О том, что у писателей, где бы они ни находились, расходы такого рода бывают, он безусловно знал. Согласно первой налоговой декларации – за третий квартал 1925 года, – общая сумма его доходов составила 11231 марку, профессиональные расходы – 6540 марок, проценты по займам – 2245 марок. Таким образом, облагаемый налогом доход составил 2446 марок.

В трехстраничной объяснительной записке, напечатанной на машинке, Гитлер оправдывал крупные профессиональные издержки следующим образом: хотя значительная часть расходов была связана с политической деятельностью, эта деятельность, во-первых, помогала ему как писателю-публицисту собрать нужный материал, а во-вторых, способствовала более широкой распродаже книги.

«Если бы я не занимался политической деятельностью, мое имя осталось бы неизвестным и мне не хватило бы материала для политической книги... Следовательно, мои расходы, связанные с политической деятельностью, которая является необходимым условием для профессионального творчества и в то же время гарантией финансового успеха, не могут служить объектом налогообложения...

Финансовому ведомству следует знать, что лишь малая доля выручки за книгу пошла на мои личные нужды; я не располагаю ни недвижимостью, ни капиталовложениями, которые мог бы назвать своей собственностью. Свои личные потребности я ограничиваю самым необходимым, совершенно не употребляя алкоголя и табака, питаюсь в самых скромных ресторанах, и, если не считать минимальной квартирной платы, не несу никаких затрат за счет расходов писателя-публициста... Это относится и к автомобилю, являющемуся для меня средством существования. Без него я бы не смог выполнять свою повседневную работу».

Финансовое ведомство пошло только на половину удержаний, и, когда Гитлер обратился в кассационную коллегия, последняя подтвердила первоначальное обложение. Налого-

вое управление согласилось не взимать налог лишь с половины его расходов. Он протестовал, но все же платил.

Суммы валового дохода нацистского лидера, указанные в налоговых декларациях, довольно точно соответствовали его гонорарам за «Майн кампф»: 19 843 марки в 1925 году, 15 903 – в 1926-м, 11 494 – в 1927-м, 11 818 – в 1928-м, 15 448 – в 1929-м. Поскольку бухгалтерские документы издательств подлежали проверке налоговым управлением, Гитлер не мог указывать меньшие суммы доходов, чем те, которые получал в виде гонорара.

А как насчет других источников? О них ничего не сообщалось. Между тем было известно, что он требовал – и получал – крупные гонорары за статьи, которые писал в те годы для нацистской прессы, располагавшей весьма скудными средствами. В партийных кругах роптали: мол, Гитлер очень дорого им обходится. Эти статьи дохода в его декларациях отсутствуют. К концу 20-х годов деньги полились в кассу нацистской партии от ряда крупных баварских и рейнских промышленников, которых устраивала антимакистская и антипрофсоюзная линия Гитлера. Крупные суммы предоставляли, в частности, Фриц Тиссен – глава стального концерна «Ферай-нигте штальверке» и Эмиль Кирдорф – рурский угольный король. Нередко деньги вручались непосредственно Гитлеру. Какую часть этих сумм он утаивал для себя – никто, очевидно, никогда не узнает. Но, судя по тому, с каким размахом он жил перед приходом к власти, в партийную кассу он вносил не все, что получал от своих сторонников.

Разумеется, в период с 1925 по 1928 год Гитлер жаловался на тяготы подоходного налога; постоянно опаздывая с погашением задолженности, просил о новых и новых отсрочках. В сентябре 1926 года он писал финансовому ведомству: «В настоящее время я не в состоянии уплатить налог: чтобы добыть себе средства на жизнь, я был вынужден брать деньги взаймы». Вспоминая потом эти годы, он утверждал: «Долгое время я питался одними тирольскими яблоками. Невероятно, какую экономию мы тогда наводили. Каждая сбереженная марка отдавалась партии». А сборщику налогов он неоднократно заявлял, что все больше и больше залезает в долги. В 1926 году он доложил, что его расходы составили 31 209 марок, а доходы – 15 903. Превышение расходов над доходами, по его утверждению, компенсировалось новым «банковским займом».

И вдруг, в 1929 году, из его налоговой декларации каким-то чудом исчезла, причем исчезла навсегда, статья «Проценты по займам», хотя доход в том году, по его словам, был гораздо меньше, чем в 1928 м. Как отметил профессор Гале, данные которого приведены выше, «произошло финансовое чудо, и он перестал быть должником».

Справедливости ради надо сказать, что Гитлер никогда не придавал значения деньгам, если их было достаточно, чтобы жить с комфортом, и если они поступали к нему не в виде платы за тяжелый труд и не в виде простого жалованья. Во всяком случае, уже в 1930 году гонорары за его книгу утроились, и когда потекли деньги от крупного бизнеса, с личными финансовыми проблемами было навсегда покончено. Теперь он мог всю свою неистовую энергию, все способности посвятить осуществлению поставленной цели. Пришло время решительной борьбы за власть, за господство над великой нацией.

Экономический кризис

Экономический кризис, разразившийся в конце 1929 года и охвативший, словно огромное пламя, весь мир, предоставил Адольфу Гитлеру шанс, которым он не преминул воспользоваться. Он рассчитывал на успех лишь в период всеобщего бедствия: сначала – когда надвинулись массовая безработица, голод и отчаяние, потом – когда сознание людей оказалось отравлено войной. Но Гитлер был в некотором роде уникален: в отличие от революционеров прошлого он пожелал совершить переворот не *до*, а *после* обретения политической власти. Чтобы подчинить себе государство, необязательна революция. Этой цели можно достичь

волею избирателей или с согласия правителей нации – иными словами, конституционными средствами.

Чтобы набрать голоса избирателей, Гитлеру достаточно было воспользоваться обстановкой начала 30-х годов, когда немецкий народ находился в отчаянном положении; чтобы заручиться поддержкой влиятельных сил, надо было убедить их, что только он может спасти Германию от катастрофы. В то бурное время, с 1930 по 1933 год, хитрый и дерзкий нацистский лидер с удвоенной энергией взялся сразу и за то, и за другое. Сегодня, бросив ретроспективный взгляд на прошлое, легко увидеть, что на руку Гитлеру играло все: и сами события, и слабость горстки растерянных людей, связанных клятвой верности демократической республике, которой они управляли. Но тогда, в начале 1930 года, это не было столь очевидно.

3 октября 1929 года скончался Густав Штресеман. Будучи министром иностранных дел в течение шести предшествовавших лет, он исчерпал свои силы в неустанных трудах, направленных на то, чтобы вернуть побежденную Германию в Лигу Наций, успешно завершил переговоры о планах Дауэса и Юнга, добившись таким образом сокращения репараций до посильных для Германии размеров, а в 1925 году явился одним из главных творцов Локарнского пакта, принесшего Западной Европе успокоение, которого не знало целое поколение народов, уставших от войны и раздоров.

24 октября, через три недели после смерти Штресемана, потерпела крах фондовая биржа Уолл-стрита. Его последствия быстро сказались, причем катастрофически, и на Германии: основу процветания страны составляли иностранные займы и внешняя торговля. С прекращением новых кредитов и наступлением срока платежей по старым выяснилось, что германская финансовая система не способна выдержать напряжение. Вследствие общего кризиса сократился объем внешней торговли Германии, она уже не могла вывозить за границу достаточное количество товаров, чтобы оплачивать ввоз нужного ей сырья и продовольствия. Без экспорта промышленность страны не могла загрузить свои предприятия, в результате чего объем производства в период с 1929 по 1933 год сократился почти наполовину. Миллионы людей лишились работы, тысячи мелких предприятий разорились. В мае 1931 года лопнул «Кредитанштальт» – крупнейший банк Австрии, за ним 13 июля потерпел крах «Дармштадтер унд Национальбанк» – один из основных немецких банков, что вынудило правительство временно закрыть все остальные банки. Даже введенный по инициативе президента Гувера и вступивший в силу 6 июля мораторий на все долги Германии, включая долги по репарациям, не помог остановить надвигающуюся беду. Весь западный мир оказался во власти силы, которую не могли постичь его заправилы и которая, как они считали, не поддавалась контролю. Как могло случиться, что в условиях изобилия вдруг наступила такая нищета, образовалось целое море человеческого страдания?

Гитлер предвидел катастрофу, однако не лучше других политиков понимал ее причины, а точнее, понимал хуже большинства других политиков, поскольку в экономических вопросах не разбирался, да они его и не интересовали. Но что вызвало у него интерес и о чем он имел представление – так это благоприятные возможности, появлению которых способствовал экономический кризис. Бедственное положение немецкого народа, жизнь которого все еще омрачалась гибельными последствиями катастрофы, имевшей место десяток лет назад, не вызывало у него сочувствия. Напротив, в самые мрачные дни, когда замерли заводы и фабрики, когда число зарегистрированных безработных превысило шесть миллионов, а очереди за хлебом во всех городах страны протянулись на несколько кварталов, он счел возможным на страницах нацистской газеты заявить: «Никогда еще я не был так хорошо настроен и внутренне удовлетворен, как в эти дни. Жестокая реальность открыла миллионам немцев глаза на беспрецедентное надувательство, на вранье и предательство марксистских мошенников». Страдающие немецкие сограждане не заслуживали, чтобы им выражали сочувствие; важнее было хладно-

кровно и незамедлительно преобразовать свои личные амбиции в политическую платформу. К этому он и приступил в конце лета 1930 года.

Герман Мюллер, тогдашний канцлер, член социал-демократической партии и глава коалиционного правительства, составленного из представителей демократических партий и служившего опорой Веймарской республике, в марте 1930 года подал в отставку вследствие межпартийных разногласий по вопросу о фонде страхования безработных. Его место занял Генрих Брюнинг, лидер парламентской фракции католической партии «Центр», бывший во время войны капитаном пулеметной роты и удостоенный Железного креста. Консервативные речи в рейхстаге снискали ему расположение армии, в особенности некоего генерала Курта фон Шлейхера, в то время еще малоизвестного в Германии. Именно Шлейхер, этот кичливый и честолюбивый «кабинетный офицер», успевший зарекомендовать себя среди военных как изворотливый, беззастенчивый интриган, предложил президенту фон Гинденбургу кандидатуру Брюнинга. Таким образом, новый канцлер оказался ставленником армии, хотя, может быть, и не вполне отдавал себе в этом отчет. Человек безупречной репутации, бескорыстный, скромный, честный, самоотверженный, в некотором смысле аскетичный, Брюнинг надеялся восстановить устойчивое парламентское государство и вывести страну из углубляющегося экономического кризиса и политического хаоса. Трагедия этого благонамеренного и демократично настроенного патриота заключалась в том, что, стремясь к своей цели, он, сам того не желая, рыл яму немецкой демократии и расчищал дорогу Адольфу Гитлеру. Брюнинг не сумел добиться одобрения большинством рейхстага ряда мер, предусмотренных его финансовой программой. Тогда он обратился к Гинденбургу с просьбой применить статью 48 конституции о чрезвычайном положении и утвердить финансовый законопроект президентским декретом. Палата представителей опротестовала этот декрет и потребовала его отмены. Таким образом, парламентское государство начало рушиться как раз в тот момент, когда в условиях экономического кризиса особенно ощущалась необходимость сильной власти. В поисках выхода из тупика Брюнинг в июле 1930 года попросил президента распустить рейхстаг. На 14 сентября были назначены новые выборы. Каким образом Брюнинг предполагал обеспечить угодное ему устойчивое большинство в парламенте – до сих пор неизвестно. Но Гитлеру стало ясно, что его звезда взойшла даже раньше, чем он ожидал.

Народ, задавленный нуждой, жаждал выхода из бедственного положения. Миллионы людей требовали работы. Владельцы предприятий ждали помощи. Около четырех миллионов молодых избирателей, получивших впервые после предыдущих выборов право голоса, хотели иметь какую-то надежду на сносное существование в будущем. Всем этим миллионам недовольных Гитлер, развернувший бурную предвыборную кампанию, предлагал то, что казалось им при их жалкой доле в какой-то мере обнадеживающим. Он обещал вновь сделать Германию сильной, отказаться от уплаты по репарациям, отменить Версальский договор, покончить с коррупцией, умерить аппетиты денежных баронов (особенно если они евреи) и позаботиться о том, чтобы каждый немец имел работу и кусок хлеба. На людей отчаявшихся, голодных, требующих не только утешения, но и новой веры и новых кумиров, такие речи не могли не подействовать. Как ни велики были шансы Гитлера на успех, но даже он удивился объявленным 14 сентября 1930 года результатам голосования. Два года назад его партия набрала всего 810 тысяч голосов и получила 12 мандатов в рейхстаг. Теперь он рассчитывал на четырехкратное увеличение числа голосов и примерно на 50 мест в парламенте. Фактически же за нацистов проголосовало 6 миллионов 409 тысяч человек, в результате чего они получили 107 мандатов. Таким образом, если прежде НСДАП стояла на девятом, последнем, месте по числу мандатов, то теперь вышла на второе.

Однако и коммунисты продвинулись вперед: если в 1928 году за них было подано 3 миллиона 265 тысяч голосов, то теперь – 4 миллиона 592 тысячи, а число их представителей в рейхстаге увеличилось с 54 до 77. Партии умеренных, представлявших среднее сословие, за

исключением католического «Центра», потеряли миллион голосов. Как, впрочем, и социал-демократы, несмотря на то, что ряды их сторонников пополнились 4 миллионами молодых избирателей. Число голосов, поданных за националистов Гутенберга, сократилось с четырех до двух миллионов. Было очевидно, что нацисты отвоевали у партий среднего сословия миллионы приверженцев. Бесспорно также, что с этого момента Брюнингу стало труднее, чем когда-либо кому-либо, влиять на парламентское большинство. А могла ли Веймарская республика выжить, не имея большинства? Вопрос этот возник сразу после выборов 1930 года, в условиях возрастающего интереса к двум главным силам, лидеры которых воспринимали республику не иначе как мрачный эпизод в истории Германии: к армии и крупным промышленникам и финансистам.

Окрыленный успехом на выборах, Гитлер обратил свой взор на эти две мощные силы, задавшись целью завоевать их. Как известно, в давние времена, живя в Вене, он усвоил тактику мэра Карла Люгера, который придавал большое значение завоеванию «существующих мощных институтов».

Еще в марте 1929 года Гитлер, выступая в Мюнхене с речью, призвал военных пересмотреть враждебную по отношению к национал-социализму позицию и перестать поддерживать Веймарскую республику.

«Будущее принадлежит не партиям разрушения, а партиям, несущим в себе силу народа, которые готовы и желают связать себя с армией, чтобы помочь ей, когда придет время, защитить интересы народа. А между тем в нашей армии еще есть офицеры, мучающиеся вопросом: как далеко они могут пойти с социал-демократами? Но, уважаемые господа, неужели вы действительно думаете, что у вас есть что-то общее с идеологией, которая ставит условием ликвидацию всего того, что составляет основу существования армии?»

Это была хитроумная речь, нацеленная на то, чтобы заручиться поддержкой армии. Как считали большинство офицеров и как многократно повторял Гитлер, армия получила удар в спину, стала жертвой предательства поддерживаемой ими республики, которая не питала любви к военной касте и ко всему, на чем эта каста зиждилась.

Далее идут слова, которые теперь звучат пророчески: он предсказывал то, что в один прекрасный день совершит сам. Он предупреждал офицеров, какая судьба их постигнет, если марксисты одержат верх над нацистами. Если это случится, то, предрекал он, «можете сделать надпись: «Конец немецкой армии». Ибо, господа, вам наверняка придется стать политиками... а может, и палачами на службе у режима и его политических комиссаров. А если будете плохо себя вести, то ваших жен и детей упрячут за решетку. А если и дальше будете так же себя вести, то вас просто вышвырнут, а то и к стенке поставят...»

Речь Гитлера слышали сравнительно немногие, но «Фёлькишер беобахтер» опубликовала ее в стенографической записи в целях рекламы в специальном военном выпуске. Кроме того, ее подробно обсуждали на страницах «Дойчер вергайт», нового нацистского журнала, посвященного военной тематике.

В 1927 году армейское командование запрещало зачислять нацистов в рейхсвер, насчитывавший 100 тысяч человек, и не разрешало брать их в качестве вольнонаемных на склады оружия и военного снаряжения. Но к началу 1930 года стало очевидно, что нацистская пропаганда добилась в армии немалых успехов, особенно в среде молодых офицеров. Многих из них привлекал не только фанатичный патриотизм Гитлера, но и открытые им перспективы возвращения армии былого почета и былых размеров, что давало шанс получить повышение в чине, поскольку в тогдашних малочисленных вооруженных силах подобных шансов не было.

Воздействие нацистов на вооруженные силы стало настолько ощутимым, что побудило генерала Грёнера, бывшего в то время министром обороны, издать 22 января 1930 года приказ, содержащий предостережение, аналогичное тому, с которым обращался к армии семь лет назад, в канун «пивного путча», генерал фон Сект. Он указывал, что нацисты рвутся к власти,

«поэтому они и обхаживают вермахт. Стремясь использовать его в политических интересах своей партии, хотят заставить нас верить, что только национал-социалисты представляют подлинно национальную силу». Генерал Грёнер призвал солдат держаться вне политики и «служить государству», не вмешиваясь в борьбу партий.

То, что молодые офицеры вермахта не захотели держаться вне политики, по крайней мере вне нацистской политики, обнаружилось очень скоро. Это наделало много шума, внеся раздор в высшие эшелоны офицерского корпуса и вызвав ликование в нацистском лагере.

Весной 1930 года трое молодых лейтенантов из Ульмского гарнизона – Лудин, Шерингер и Вендт – были арестованы за попытку вовлечь сослуживцев в сговор: не стрелять в мятежников в случае вооруженного нацистского восстания. Эти действия квалифицировались как государственная измена, но генерал Грёнер, не желая предавать огласке факт государственной измены, решил отдать лейтенантов под трибунал якобы за нарушение дисциплины. Однако вызывающее поведение лейтенанта Шерингера, тайно переславшего в газету «Фёлькишер беобахтер» крамольную статью, обрекло этот маневр на неудачу. Через неделю после успешных для нацистов сентябрьских выборов 1930 года трое младших офицеров предстали перед верховным судом в Лейпциге по обвинению в государственной измене. В числе их защитников были многообещающие адвокаты-нацисты Ганс Франк и Карл Зак¹⁸. Но не адвокаты и не обвиняемые, а Адольф Гитлер оказался в центре внимания на процессе. Он был вызван в суд по просьбе Франка в качестве свидетеля. Отрекаться от подсудимых лейтенантов ему представлялось невыгодным, поскольку сам факт их деятельности подтверждал наличие пронацистских настроений, значение которых он не хотел умалять. Нацистов компрометировало и то обстоятельство, что были разоблачены их попытки подорвать армию изнутри. Тактике Гитлера вредило и то, что обвинение рассматривало нацистскую партию как революционную организацию, целью которой является насильственное свержение правительства. Чтобы отвести это обвинение, Гитлер обещал Франку дать показания, которых требовала защита. Но в действительности он ставил перед собой более важную задачу: как лидер партии, только что добившейся ошеломляющего успеха на всеобщих выборах, он хотел убедить армию, особенно ее высших чинов, что национал-социализм вопреки выдвинутому против пацифистски настроенных младших офицеров обвинению не представляет угрозы для рейхсвера. Напротив, национал-социализм несет спасение и рейхсверу, и Германии.

Превратив скамью свидетеля в трибуну, Гитлер сполна использовал свой ораторский талант, продемонстрировав тонкое чутье политического стратега, и хотя его словесная эквилибристика была насквозь лживой, в этом мало кто отдавал себе отчет. Гитлер клятвенно заверил суд и армейских офицеров, что ни СА, ни партия не являются противниками армии. «Я всегда придерживался мнения, – заявил он, – что всякая попытка упразднить армию есть безумие. Никто из нас не заинтересован в ликвидации армии. Когда мы придем к власти, то позаботимся о том, чтобы на базе нынешнего рейхсвера возродилась великая армия германского народа».

И он повторял и повторял суду (и генералам), что нацистская партия будет добиваться власти исключительно конституционным путем, а если молодые офицеры думают, что произойдет вооруженное восстание, то они ошибаются. «Наше движение не нуждается в насилии. Придет время, и немецкая нация узнает наши идеи, и тогда меня поддержат тридцать пять миллионов немцев... Когда мы получим конституционное право, мы создадим такое государство, каким оно, по нашему мнению, должно быть». Председатель суда поинтересовался: «Это вы тоже сделаете конституционным путем?» «Да», – ответил Гитлер.

¹⁸ Оба окончили свои дни на виселице: Зака казнили за участие в покушении на Гитлера 20 июля 1944 года, а Франка – за его злодеяния в Польше.

Но хотя фюрер обращался главным образом к военным и другим консервативным элементам, он не мог не учитывать революционного пыла приверженцев своей партии. Не мог подвести их, как подвел троих подсудимых. Поэтому, когда председатель суда напомнил ему о заявлении, сделанном им в 1923 году, за месяц до неудавшегося путча, в котором Гитлер употребил выражение «голова покатыся по песку», и спросил, отрекается ли теперь лидер нацистов от своих слов, тот, пользуясь случаем, сказал:

«Могу вас заверить, что когда национал-социалистическое движение одержит победу в этой борьбе, то появится и нацистский суд. И тогда покатыся головы тех, с кого спросят за Ноябрьскую революцию 1918 года».

Никто не может утверждать, что Гитлер не предупредил, каковы его намерения в случае прихода к власти, и тем не менее аудитория, перед которой он выступал на суде, очевидно, ничего не имела против этой угрозы: она долго и шумно аплодировала. Хотя председательствующий и выразил неудовольствие по поводу нарушения порядка, но ни он, ни государственный обвинитель не возразили оратору по существу. По этому поводу во всех газетах Германии и во многих за ее пределами появились сенсационные заголовки. Возбуждение, вызванное речью Гитлера, было столь велико, что о судебном процессе как таковом забыли.

Троих молодых офицеров, чья преданность идеям национал-социализма была отвергнута самим верховным вождем национал-социализма, суд признал виновными в заговоре с целью совершить государственную измену, но вынес мягкий приговор – восемнадцать месяцев заключения в крепости. Суровые приговоры по таким делам в республиканской Германии прибегали для тех, кто поддерживал Веймарскую республику.

Сентябрь 1930 года стал поворотным в жизни немцев, неумолимо вовлекаемых в создание Третьего Рейха. Неожиданный успех нацистской партии на общегерманских выборах убедил не только миллионы рядовых граждан, но и ведущих представителей делового мира и армии в том, что появилась сила, которую невозможно одолеть. Им могла не нравиться нацистская демагогия, ее грубость, но она способствовала подъему у немцев патриотических и националистических чувств, ослабленных в первые десять лет существования республики. Она сулила немецкой нации избавление от коммунизма, социализма, тред-юнионизма и бесплодной демократии. К тому же ее влияние распространилось на весь рейх. Успех был очевиден.

Учитывая это, а также обращенное к военным заверение Гитлера на Лейпцигском процессе, некоторые генералы задумались: а не является ли национал-социализм движением, призванным сплотить народ, восстановить старую Германию, вернуть армии ее величие и помочь стране сбросить оковы унижительного Версальского договора? Им пришелся по душе дерзкий ответ Гитлера председателю верховного суда, когда тот спросил фюрера, что он имел в виду под словами «немецкая национальная революция».

«Единственное, что я имел в виду, – сказал фюрер, – это избавление немецкой нации от рабства, в котором она сегодня находится. Германия по рукам и ногам опутана мирными договорами... Национал-социалисты не считают законными договоры, навязанные Германии силой. Мы не миримся с тем фактом, что будущие поколения ни в чем не повинных людей обречены жить под их бременем. Если мы будем сопротивляться любыми доступными нам средствами, то, значит, станем на путь революции».

Таких же взглядов придерживался и офицерский корпус. Некоторые его виднейшие представители резко критиковали министра обороны генерала Грёнера за то, что он передал дело трех лейтенантов в верховный суд. Генерал Ганс фон Сект, общепризнанный послевоенный гений немецкой армии, достойный преемник Шарнхорста и Гнейзенау, смещенный незадолго до этого с поста главнокомандующего, упрекнул Грёнера за то, что его акция привела к ослаблению солидарности в офицерском корпусе. Полковник Людвиг Бек, ставший спустя короткое время начальником штаба, а впоследствии еще более заметной фигурой, сыгравшей важную роль в истории (в 1930 году он был командиром артиллерийского полка в Ульме, том

самом городе, где служили трое лейтенантов), не только заявил начальству резкий протест по поводу ареста молодых офицеров, но и выступил в Лейпциге в их защиту.

Итак, после суда, на котором выступил Гитлер, генералы стали более благосклонно относиться к нацистскому движению, в котором прежде они усматривали угрозу армии. Генерал Альфред Йодль, занимавший в годы Второй мировой войны пост начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами, показал на Нюрнбергском процессе, какое значение имела для офицерского корпуса речь нацистского лидера в Лейпциге. До этого, по его словам, старшие офицеры полагали, что Гитлер имеет цель разложить армию, но потом убедились в обратном. Сам генерал фон Сект, став в 1930 году депутатом рейхстага, в течение некоторого времени открыто выступал на стороне Гитлера, а в 1932 году, во время президентских выборов, настоял на том, чтобы и его сестра голосовала за Гитлера, а не за Гинденбурга.

Уже тогда давала о себе знать, причем во все возрастающей степени, политическая слепота офицеров немецкой армии – слепота, приведшая к столь плачевному концу.

Не меньшую политическую недалекость проявили промышленные и финансовые магнаты, ошибочно считавшие, что, если они предоставят Гитлеру достаточные средства, он почувствует себя обязанным и, придя к власти, станет выполнять их желания. А вероятность того, что после сенсационного успеха на выборах 1930 года этот австрийский выскочка, как называли его в 20-е годы, способен захватить контроль над Германией, влиятельные представители деловых кругов вполне допускали.

Вальтер Функ показал на Нюрнбергском процессе: «Мои друзья-промышленники и я были убеждены, что приход нацистской партии к власти – дело не столь отдаленного будущего».

Летом того же года Функ, этот пузатый человечек с вкрадчивым голосом и плутоватыми глазками, физиономия которого всегда напоминала мне лягушку, ушел с доходного места редактора немецкой финансовой газеты «Берлинер бёрсенцайтунг», вступил в нацистскую партию и стал посредником между партией и рядом крупных предпринимателей. На Нюрнбергском процессе он показал, что некоторые его друзья из делового мира, прежде всего занимавшие руководящее положение в угольных концернах Рейнской области, уговорили его примкнуть к нацистскому движению «с целью убедить партию следовать курсом частного предпринимательства».

«В то время руководство партии высказывало самые противоречивые, путанные взгляды на экономическую политику. Выполняя свою миссию, я пытался лично воздействовать на фюрера и партию, убедить их, что частная инициатива, уверенность деловых людей в своих силах, творческие возможности свободного предпринимательства и так далее должны быть признаны фундаментом экономической политики партии. В беседах со мной и с ведущими промышленниками, которых я ему представлял, фюрер неоднократно подчеркивал, что он – враг государственной экономики и так называемой плановой экономики, что свободное предпринимательство и конкуренцию он считает абсолютно необходимыми для достижения максимально возможного уровня производства».

Как свидетельствовал будущий президент Рейхсбанка и министр экономики, с тех пор Гитлер, встречаясь с денежными баронами Германии, говорил им то, что они хотели услышать. Партия нуждалась в крупных суммах для финансирования предвыборных кампаний, широкой пропаганды, оплаты профессиональных функционеров и содержания отрядов СА и СС, которые в конце 1930 года насчитывали свыше 100 тысяч человек – больше, чем рейхсвер. Промышленники и банкиры были не единственным источником денежных поступлений. Солидная часть бюджета складывалась из членских взносов, единовременных пожертвований, выручки от продажи книг, газет и журналов, но главным источником все-таки были промышленники и

банкиры. И чем больше средств передавали они нацистам, тем меньше становилась их помощь другим консервативным партиям.

«Летом 1931 года, – пишет Отто Дитрих, шеф гитлеровского отдела печати сначала в партии, потом в рейхе, – фюрер решил сосредоточиться на систематической обработке влиятельных промышленных магнатов». Кто же эти магнаты? Их имена хранились в тайне, они были известны лишь узкому кругу приближенных фюрера. Партия должна была вести двойную игру. С одной стороны, она не мешала Штрассеру, Геббельсу и хилому Федеру обманывать массы разглагольствованиями об «истинном социализме» национал-социалистов, будто бы являющихся врагами денежных баронов, а с другой – стремилась добывать нужные ей средства где только можно. В течение второй половины 1931 года, по словам Дитриха, Гитлер «изъездил Германию вдоль и поперек и имел частные беседы с видными деловыми людьми». Некоторые встречи так засекречивались, что их назначали в лесу, «на уединенных полянах». «Конспирация была абсолютно необходима, поэтому, чтобы не навредить делу, представителей прессы лишали всякого доступа к информации. Успех венчал дело».

Почти до смешного противоречивой была политика нацистов и в других вопросах. Например, осенью 1931 года Штрассер, Федер и Фрик внесли в рейхстаг от имени партии законопроект о 4-процентном потолке по всем займам, об отчуждении без всякой компенсации владений «банковских и биржевых магнатов» и всех «восточных евреев» и о национализации крупных банков. Гитлер пришел в ужас: это же не только большевизм, это финансовое самоубийство партии! Он категорически потребовал от партийной фракции отозвать законопроект. Тогда его внесли коммунисты, слово в слово повторив текст. Гитлер призвал свою партию голосовать против.

Из показаний Функа в нюрнбергской тюрьме мы знаем о некоторых «влиятельных промышленных магнатах», чьей благосклонности домогался Гитлер. Лютого врага профсоюзов Эмиля Кирдорфа, угольного барона, председателя фонда, предназначенного для подкупа руководящих политических деятелей, который именовали «Рурским казначейством» (создан угольным концерном Западной Германии), Гитлер обольстил на партийном съезде в 1929 году. Глава стального треста Фриц Тиссен, которому пришлось потом пожалеть о допущенной глупости и признаться в этом в книге под заглавием «Я платил Гитлеру», начал оказывать финансовую помощь нацистам еще раньше. Он познакомился с фюрером в 1923 году в Мюнхене, увлекся его красноречием, после чего через Людендорфа пожертвовал тогда еще малоизвестной нацистской партии первые 100 тысяч золотых марок. К Тиссену присоединился Альберт Феглер, влиятельное лицо в «Объединенных сталелитейных заводах». Иными словами, угольные и стальные магнаты возглавляли список промышленников, которые помогали в 1930–1931 годах Гитлеру преодолевать последние барьеры, преграждавшие ему путь к власти. Но Функ назвал и другие промышленные предприятия и концерны, директора которых боялись, как бы не остаться в одиночестве, если Гитлер в конце концов окажется у власти. Список получился длинный, хотя далеко не полный, ибо к тому времени, когда Функа доставили на Нюрнбергский процесс, его стала подводить память. В нем числятся Георг фон Шницлер, главный директор «И.Г. Фарбениндустри» – гигантского химического треста; Август Ростерг и Август Диен из компании по производству углекислого калия; Куно из паровой компании «Гамбург – Америка»; владельцы шахт по добыче бурого угля в Центральной Германии; Конти – резиновый магнат; Отто Вольф – крупный промышленник из Кёльна; барон Курт фон Шредер – банкир из Кёльна, которому суждено было сыграть ведущую роль в заключительной акции прихода Гитлера к власти; несколько банков, в том числе «Дойче банк», «Коммерц унд приват банк», «Дрезденер банк», «Дойче кредит гезельшафт», крупнейшая страховая компания Германии «Аллианц».

Вильгельм Кепплер, один из экономических советников Гитлера, привлек ряд южногерманских промышленников, сформировав из них некое общество деловых людей под названием

«Кружок друзей экономики», подчиненное шефу СС Гиммлеру. В дальнейшем эта организация приобрела известность как «Кружок друзей рейхсфюрера СС», то есть Гиммлера. «Кружок» передал этому гангстеру миллионы марок на «исследования в области происхождения арийской расы».

С самого начала своей политической карьеры Гитлер пользовался финансовой и иной поддержкой Гуго Брукмана, богатого мюнхенского издателя, и Карла Бехштайна, владельца фабрик по изготовлению роялей (жены обоих богачей испытывали трогательную симпатию к растущему молодому шефу нацистов). Именно в особняке Бехштайна в Берлине Гитлер впервые встретился с ведущими представителями деловых и военных кругов, и именно там тайно велись решающие переговоры, в результате которых он в конечном счете стал канцлером.

Не все германские монополисты после успеха нацистов на выборах 1930 года поспешили в лагерь Гитлера. Функ показал, что крупные электротехнические корпорации «Сименс» и «А.Т.Г.» оставались в стороне, как и король оружия, глава корпорации «Крупп фон Болен унд Гальбах». Фриц Тиссен пишет, что Крупп был ярким противником Гитлера и что еще за день до его назначения канцлером настойчиво отговаривал старого фельдмаршала Гинденбурга от столь безрассудного шага. Однако вскоре понял, что к чему, и быстро превратился, выражаясь словами Тиссена, в «супернациста».

Из всего сказанного следует, что на завершающей стадии борьбы Гитлера за власть его щедро финансировал достаточно широкий круг представителей германского делового мира. Сколько денег предоставили нацистской партии банкиры и промышленники за период 1930–1933 годов – до конца не выяснено. Функ заявлял, что не более «пары миллионов марок». Тиссен же пишет, что нацисты получали по два миллиона в год; по его утверждению, он сам пожертвовал миллион марок. Но, судя по тому, что в те дни партия располагала огромными средствами (хотя Геббельс и жаловался, что денег постоянно не хватает), общая сумма пособий, выдававшихся промышленниками и банкирами, должна была во много раз превосходить сумму, названную Тиссеном. Какие выгоды из своей благотворительной деятельности извлекли эти политические недоумки из делового мира, мы покажем ниже.

Одним из тех, кто активнее других восторгался Гитлером, а потом громче всех выражал разочарование, был д-р Шахт. В 1930 году он из-за несогласия с планом Юнга оставил пост президента Рейхсбанка и, познакомившись сначала с Герингом, а в 1931 году – с Гитлером, в течение последующих двух лет все свои недюжинные способности направил на сближение фюрера с промышленными и финансовыми кругами и достижение им великой цели – поста канцлера. В конце 1931 года этот гений экономики, на совести которого лежит громадная ответственность за рождение и первоначальные успехи Третьего Рейха, писал Гитлеру: «Не сомневаюсь, что нынешний ход событий неизбежно приведет Вас к власти и Вы станете канцлером... Ваше движение таит в себе такую силу правды и необходимости, что победа не заставит себя ждать... Куда бы ни привела меня моя деятельность в ближайшем будущем, пусть даже в один прекрасный день я окажусь заключенным в крепость, Вы можете рассчитывать на меня как на своего верного сторонника». Одно из писем заканчивается словами: «С восторгом приветствую Вас. Хайль!» «Сила правды» нацистского движения состояла, между прочим, в том, что партия с приходом к власти в Германии отнимет личную свободу у немцев, в том числе у Шахта и его друзей – банкиров и промышленников. До того как прозреют добродушный Шахт, вернувшийся при Гитлере на пост президента Рейхсбанка, и его партнеры, промышленники и банкиры, пройдет известное время. А поскольку история Третьего Рейха, как история вообще, исполнена великой иронии, то д-р Шахт в не столь отдаленном будущем докажет, что он был неплохим пророком и в части, касающейся его личной судьбы: он действительно оказался заключенным, но не в крепость, а в концентрационный лагерь (что похуже крепости), и не как «верный сторонник» Гитлера (тут он ошибся), а совсем в ином качестве.

К началу 1931 года Гитлер сколотил небольшую группу фанатиков-авантюристов, которые помогали ему на завершающей стадии борьбы за власть, а потом все, за исключением одного, помогали удерживать эту власть в течение всего периода существования Третьего Рейха; впрочем, еще один член группы, самый близкий к фюреру и, пожалуй, самый способный и жестокий, долго не протянул – он поплатился жизнью уже на втором году существования нацистского правительства. Из приближенных Гитлера выделились пять человек, стоявшие выше остальных: Грегор Штрассер, Рем, Геринг, Геббельс и Фрик.

Геринг возвратился в Германию в конце 1927 года после всеобщей политической амнистии, которой правые партии добились от рейхстага при поддержке коммунистов. Годы эмиграции (со времени путча 1923 года) он провел в основном в Швеции, где лечился от наркомании в психиатрической клинике Лангбро, а когда поправился, то поступил на службу в шведскую авиакомпанию.

Бывший летчик-ас, живой, внешне привлекательный, он располнел после войны, но не утратил энергии и жизнелюбия. Поселился он в небольшой, но роскошной холостяцкой квартире на Бадишештрассе в Берлине (страдавшая эпилепсией жена, которую он страстно любил, заболела туберкулезом и осталась в Швеции) и начал зарабатывать себе на жизнь в качестве советника авиакомпании «Люфтвагза». Завязывал светские знакомства. Среди его знакомых были разные знаменитости, начиная с наследника престола принца Филипа Гессенского, женатого на принцессе Мафальде – дочери итальянского короля, и кончая Фрицем Тиссенем и другими промышленными магнатами. В круг его знакомых входили и известные армейские офицеры.

Это были те самые связи, которыми не располагал, но в которых нуждался Гитлер, и Геринг не замедлил ввести фюрера в круг своих знакомых, стараясь опровергнуть дурную репутацию, которой пользовались в высшем свете головорезы в коричневых рубашках. В 1928 году Гитлер включил Геринга в состав двенадцати депутатов, призванных представлять в рейхстаге нацистскую партию, а в 1932 году, когда эта партия стала крупнейшей в стране, выдвинул его в председатели рейхстага. Именно официальная резиденция председателя рейхстага явилась местом совещаний, на которых замыслились интриги, приведшие партию к конечной победе, именно там (тут мы забежим немного вперед) был задуман план поджога рейхстага – план, который помог Гитлеру укрепить власть после того как он стал канцлером.

Эрнст Рем в 1925 году порвал с Гитлером и вскоре уехал, вступив в ряды боливийской армии в чине подполковника. В конце 1930 года Гитлер попросил его вернуться и снова возглавить отряды СА, с которыми стало трудно справляться. Члены этой организации и даже ее руководители, считавшие, очевидно, что грядущий нацистский переворот должен быть совершен насильственным путем, все чаще выходили на улицы и расправлялись с политическими противниками. Ни одна избирательная кампания – общегерманская, земельная или городская – не проходила без кровавых стычек. Об одной из таких стычек уместно упомянуть, ибо она подарила национал-социализму великомученика. Речь идет о Хорсте Весселе, командире отряда СА в Берлине. Сын протестантского священника, он оставил дом, бросил учебу и, поселившись в трущобах у бывшей проститутки, посвятил себя борьбе за идеи нацизма. Многие противники нацизма утверждали, что средства к существованию он добывал сутенерством, хотя, возможно, они преувеличивали. Но то, что он вращался в кругу сутенеров и проституток, не подлежит сомнению. Его якобы убил кто-то из коммунистов в феврале 1930 года, и о нем забыли бы, как забыли о других потерях, понесенных обеими сторонами в уличных схватках, если бы не тот факт, что после гибели Весселя сохранилась сочиненная им песня, которая впоследствии стала вторым после «Германия превыше всего» гимном Третьего Рейха. Сам же Хорст Вессель благодаря искусной пропаганде Геббельса превратился в легендарного героя, в «чистого идеалиста», отдавшего жизнь за дело партии.

В то время как Рем взял на себя руководство СА, Грегор Штрассер являлся, без сомнения, вторым человеком в нацистской партии. Страстный оратор, блестящий организатор, он возглавлял важнейший орган партии – Политическую организацию, что позволяло ему оказывать огромное влияние на партийных лидеров в землях и городах, которые он курировал. Этот добродушный по натуре баварец был самым популярным после Гитлера партийным вожаком и в отличие от фюрера пользовался уважением и даже симпатией большинства политических противников. В те времена и внутри партии и вне ее было немало людей, которые полагали, что Штрассер заменит когда-нибудь эксцентричного, непредсказуемого австрийца. Такая точка зрения была особенно популярна в рейхсвере и в президентском дворце.

Отто, брат Грегора Штрассера, со счетов был сброшен. К несчастью для него, в официальном названии «национал-социалистическая немецкая рабочая партия» он всерьез воспринял не только слово «социалистическая», но и слово «рабочая». Он поддержал несколько стачек, организованных социалистическими профсоюзами, и призвал партию выступать за национализацию промышленности. Разумеется, Гитлеру такие призывы представлялись ересью, и он обвинил Отто Штрассера в пропаганде «демократии и либерализма». 21 и 22 мая 1930 года фюрер провел открытую дискуссию с взбунтовавшимся подчиненным и потребовал от него полного раскаяния. Когда Отто отказался, его изгнали из партии. Отто попытался организовать подлинно национальное «социалистическое» движение, дав ему название «Союз революционных национал-социалистов» (его окрестили впоследствии «черным фронтом»), но на сентябрьских выборах эта организация провалилась, не сумев отвоевать у Гитлера сколько-нибудь значительного числа голосов.

Геббельс, четвертый член большой пятерки, окружавшей Гитлера, был противником Грегора Штрассера со дня их разрыва в 1926 году. Двумя годами позже, когда Штрассера назначили руководителем Политической организации, Геббельс занял его место на посту шефа пропаганды. При этом он оставался и гаулейтером Берлина, так как его успехи в области реорганизации партии произвели на фюрера не меньшее впечатление, чем пропагандистские таланты. Его бойкий и острый язык, его живой ум не вызывали восторга у остальных приближенных Гитлера, ибо они не доверяли ему. Но фюрера вполне устраивали раздоры среди его подручных, устраивали хотя бы потому, что гарантировали от их совместных посягательств на его руководящую роль. Штрассеру он никогда полностью не доверял, но в лояльности Геббельса не сомневался; более того, маленький хромой фанатик был полон полезных идей. Наконец, таланты Геббельса как беспринципного газетчика (он уже располагал в Берлине газетой «Дер Ангрифф», в которой мог печатать все, что ему заблагорассудится) и как оратора, умевшего возбуждать толпу, приносили партии неоценимую пользу.

Один лишь Вильгельм Фрик, пятый член группы, представлял собой личность бесцветную. Это был типичный немецкий чиновник. До 1923 года он, тогда молодой еще человек, служил офицером мюнхенской полиции, одновременно являясь тайным осведомителем Гитлера, за что фюрер остался навсегда благодарен ему. Нередко на него возлагались неблагоприятные миссии. По настоянию Гитлера он стал первым нацистом, возглавившим земельный центр в Тюрингии, а затем – председателем нацистского большинства в рейхстаге. Он был по-собачьи предан фюреру, деловит и внешне скромен, обходителен, что помогало ему в общении с колеблющимися деятелями правительства республики. Некоторые лица, являвшиеся в начале 30-х годов менее значительными фигурами в партии, впоследствии обрели известность и стали в Третьем Рейхе людьми, обладающими устрашающей властью. К ним относится Генрих Гиммлер, владелец птицефермы, агроном с дипломом, человек в пенсне, придававшим ему сходство с типичным директором провинциальной школы. Он исподволь создавал преторианскую гвардию – одетые в черную форму отряды СС, но действовал от имени Рема, командовавшего СА и СС одновременно, поэтому за пределами родной Баварии был мало известен даже в партийных кругах. К ним относятся также д-р Роберт Лей – гаулейтер Кёльна; Ганс

Франк – шеф юридического отдела партии; Вальтер Дар-ре, 1895 года рождения, уроженец Аргентины, вовлеченный в партию Гессом, способный агроном, чья книга «Крестьянство как источник жизни нордической расы» привлекла внимание Гитлера, назначившего его шефом сельскохозяйственного управления партии; сам Рудольф Гесс, лишенный личных амбиций и беззаветно преданный Гитлеру (он являлся всего лишь секретарем фюрера); Мартин Борман – второй личный секретарь фюрера, похожий на хорька, предпочитавший, прячась за кулисами партийной жизни, плести всякого рода интриги, отсидевший год в тюрьме за соучастие в политическом убийстве; Бальдур фон Ширах – шеф молодежи рейха, романтически настроенный парень и энергичный организатор, американец по матери, который, находясь в нюрнбергской тюрьме, заявил американским надзирателям, что антисемитом стал в семнадцать лет, после того как прочел книгу «Вечный жид» Генри Форда.

К этому ряду относится и Альфред Розенберг, тучный туповатый прибалт, псевдофилософ, который, как мы уже знаем, был одним из первых наставников Гитлера и который после путча 1923 года стал выпускать одну за другой весьма путанные по содержанию и форме книги и брошюры. Апогеем его сочинительства явился 700-страничный труд, озаглавленный «Миф двадцатого века». Книга эта являла собой несуразное нагромождение незрелых идей о превосходстве нордической расы – идей, выдававшихся в нацистских кругах за ученость. Гитлер часто в шутку говаривал, что пытался прочесть ее, а Ширах, воображавший себя писателем, заметил однажды, что Розенберг «продал больше экземпляров книги, которую никто не читает, чем какой-либо другой автор». (За десять лет после выхода книги в свет было продано свыше полумиллиона экземпляров.) Гитлер питал неизменную слабость к этому скучному, нескладному человеку, выдвигая его на разные ответственные должности: в частности, назначил его редактором «Фёлькишер беобахтер» и ряда других изданий, а в 1930 году сделал депутатом рейхстага, где он состоял в комиссии по иностранным делам.

Таково было окружение лидера национал-социалистов. Разумеется, в нормальном обществе такой подбор выглядел бы просто абсурдным. Но в последние дни республики, когда в стране царил хаос, эти люди предстали перед взорами оболваненных немцев как спасители нации. К тому же у них было два преимущества перед противниками: ими руководил человек, точно знавший, чего он хочет, и им хватало жестокости и изворотливости, чтобы любыми средствами помогать ему в достижении поставленной цели.

Шел трудный, беспокойный 1931 год. В стране насчитывалось пять миллионов безработных, среднее сословие стояло на грани разорения, крестьяне не знали, чем платить кредиторам по закладным, парламент был парализован, правительство беспомощно барахталось, восьмидесятичетырехлетний президент дряхлел на глазах, и у нацистских вожаков росла уверенность, что ждать им осталось недолго. Недаром Грегор Штрассер хвастливо заявлял: «Все, что приближает катастрофу... хорошо, очень хорошо для нас и для германской революции».

Глава 6

Последние дни республики: 1931–1933 годы

Среди неразберихи тогдашней Германии появилась любопытная и противоречивая личность, которой суждено было вырыть могилу республике. Этот человек станет на короткое время ее последним канцлером и по иронии судьбы на одном из последних виражей своей удивительной карьеры предпримет отчаянную попытку спасти ее, когда спасать уже будет поздно. Этот человек – Курт фон Шлейхер, фамилия которого в переводе с немецкого означает «проныра», «лицемер».

В 1931 году он служил в армии в чине генерал-лейтенанта. Родился в 1882 году, в восемнадцатилетнем возрасте поступил младшим офицером в 3-й гвардейский пехотный полк, где близко сошелся с Оскаром фон Гинденбургом – сыном фельдмаршала и президента. Вторым человеком, чье расположение оказалось почти столь же полезным ему, был генерал Грёнер, у которого сложилось хорошее мнение о способностях Шлейхера в бытность его курсантом военной академии и который, став в 1918 году преемником Людендорфа в ставке верховного командования, взял молодого офицера к себе в адъютанты. Сделавшись с самого начала «кабинетным офицером» – на Русском фронте он пробыл совсем недолго, – Шлейхер сумел сохранить близость к руководителям армии и Веймарской республики; его живой ум, учтивые манеры и политическое чутье нравились и генералам, и политикам. Под руководством генерала фон Секта он стал играть все возрастающую роль в формировании нелегального корпуса и строго засекреченного «черного рейхсвера». Он же являлся основной фигурой в тайных переговорах с Москвой, в итоге которых немецкие танкисты и летчики тайно проходили обучение в Советской России, там же были размещены немецкие военные заводы. Блестящий комбинатор, страстный любитель интриги, Шлейхер предпочитал действовать под покровом секретности. До начала 30-х годов его имя не было известно широкой публике, но на Бендлерштрассе, где размещалось военное министерство, и Вильгельмштрассе, где были расположены другие министерства, к нему давно приглядывались с нескрываемым интересом.

В январе 1928 года, пользуясь растущим влиянием на президента Гинденбурга, с которым он довольно близко сошелся благодаря дружбе с Оскаром, Шлейхер добился назначения своего бывшего шефа генерала Грёнера министром обороны – первый случай в истории Веймарской республики, когда на этом посту оказался не штатский человек, а военный. Грёнер в свою очередь сделал Шлейхера своей правой рукой в министерстве, назначив руководителем нового отдела, так называемого министерского Бюро, где он должен был ведать делами армии и флота в области политики и прессы. «Мой главный политик», – назвал своего помощника Грёнер и возложил на него вопросы связи армии с другими министерствами и руководящими политическими деятелями. Заняв такое положение, Шлейхер стал не только влиятельной фигурой в офицерском корпусе, но и авторитетом в политике. В армии он имел возможность влиять на назначение и увольнение высших чинов и однажды – это случилось в 1930 году – воспользовался такой возможностью, добившись с помощью ловкой интриги смещения генерала фон Бломберга с поста заместителя командующего армией и назначения на его место своего старого приятеля по 3-му гвардейскому пехотному полку генерала Хаммерштейна. Весной того же года, как мы уже знаем, он сам предпринял первую попытку выбрать канцлера и при поддержке армии уговорил Гинденбурга назначить на этот пост Генриха Брюнинга.

Добившись этой политической победы, Шлейхер, по его собственному мнению, сделал первый шаг в осуществлении грандиозного плана переделки республики – плана, который он довольно долго вынашивал в своей светлой голове. Он достаточно хорошо понимал – да и кто этого не понимал? – причины слабости Веймарской республики. Слишком много насчитыва-

лось политических партий (десять из них в 1930 году собрали больше миллиона голосов каждая), слишком несогласованно они действовали, слишком озабочены были экономическими интересами социальных групп, которые представляли, и поэтому не могли прекратить междоусобицу и создать прочное большинство в рейхстаге – большинство, которое гарантировало бы стабильное правительство, способное справиться с глубоким кризисом, поразившим страну в начале 30-х годов. Парламентская система превратилась в нечто такое, что немцы называли *Kunhandel* (скотный рынок), где депутаты от разных партий торгуются из-за особых привилегий в пользу групп, которые их выбирали, в то время как национальные интересы полностью игнорируются. Надо ли удивляться, что для Брюнинга, ставшего 28 марта 1930 года канцлером, оказалось невозможно склонить парламентское большинство к поддержке какой-либо определенной программы, кто бы ее ни предлагал: левые, правые или центр. Для того чтобы правительство могло хоть что-то предпринять в поисках выхода из экономического тупика, оставалось прибегнуть к статье 48 конституции, позволявшей объявить с согласия президента чрезвычайное положение и управлять страной с помощью чрезвычайных декретов.

Именно так, по мнению Шлейхера, и должен был править канцлер. Такой метод гарантировал наличие сильного правительства, опирающегося на твердую власть президента. В конце концов, рассуждал Шлейхер, президент, как народный избранник, выражает волю народа и пользуется поддержкой армии. Если демократически избранный рейхстаг не в состоянии обеспечить устойчивую власть, то это обязан сделать демократически избранный президент. Шлейхер был убежден, что большинство немцев хотят, чтобы правительство заняло твердую позицию и вывело страну из безнадёжного положения. На самом же деле, как показали выборы, состоявшиеся по инициативе Брюнинга в сентябре, большинство немцев хотели не этого. Или, во всяком случае, они не хотели, чтобы из беды их вызволяло правительство того сорта, на каком остановили свой выбор в президентском дворце Шлейхер и его армейские друзья.

В сущности, Шлейхер допустил две фатальные ошибки. Выдвинув Брюнинга в канцлеры и подтолкнув его к правлению с помощью президентских декретов, он подорвал тот фундамент, на котором зиждился авторитет армии, – ее положение силы, стоящей вне политики. Отказ от этой традиции означал катастрофу и для нее, и для Германии в целом. Кроме того, он допустил грубый просчет в оценке возможных результатов голосования. Когда выяснилось, что за нацистскую партию проголосовали 14 сентября 1930 года 6,5 миллиона человек против 810 тысяч, проголосовавших за нее два года назад, он понял, что надо менять ориентацию. В конце года он встретился с Ремом, только что возвратившимся из Боливии, и с Грегором Штрассером. Это была первая серьезная встреча нацистов с представителем тех, кто стоял тогда у власти в республике. А всего два года спустя связь эта укрепились настолько, что Адольфа Гитлера привела к цели, а генерала фон Шлейхера – к падению и в конечном счете к насильственной смерти.

10 октября 1931 года, через три недели после самоубийства Гели Раубал, племянницы и возлюбленной Гитлера, он был впервые принят президентом Гинденбургом. Встречу эту устроил Шлейхер, занявшийся плетением новой сложной интриги. До этого он сам беседовал с Гитлером, после чего и помог ему встретиться с канцлером и с президентом. С одной стороны, его, как и Брюнинга, подсознательно беспокоила мысль: что предпринять, когда истечет семилетний срок президентства Гинденбурга, то есть весной 1932 года? К тому времени фельдмаршалу исполнится восемьдесят пять лет, периоды ясного сознания у него будут сокращаться. С другой стороны, все понимали, что если не будет найдено приемлемой замены Гинденбургу, то этим может воспользоваться Гитлер. Правда, юридически он не является гражданином Германии, но может найти способ стать таковым, выдвинуть свою кандидатуру, набрать нужное число голосов и сделаться президентом.

В течение лета канцлер, всесторонне образованный человек, провел немало часов в раздумьях о бедственном положении Германии. Он ясно сознавал, что его кабинет оказался самым непопулярным в истории республики. Чтобы справиться с кризисом, он издал декрет о снижении заработной платы рабочим и служащим, об ограничениях в деловой и финансовой сферах и в области социальных услуг. Канцлер Голод – так прозвали его и нацисты, и коммунисты. Но он верил, что выход есть, что в конце концов ему удастся восстановить сильную, свободную, процветающую Германию. Он попытается договориться с союзниками об отмене репараций, платежи по которым прекратились в соответствии с мораторием, объявленным президентом Гувером. На конференции по разоружению, созыв которой намечен на следующий год, он попытается добиться, чтобы союзники либо выполнили взятое на себя обязательство, зафиксированное в Версальском договоре, касательно снижения собственных вооружений до уровня Германии, либо разрешили Германии узаконить ее умеренную программу перевооружения, осуществление которой в сущности уже началось с его молчаливого согласия. Таким образом, будут сняты последние запреты и ограничения, предусмотренные мирным договором, и Германия станет равной среди крупных держав. Это не только благотворно скажется на ней, но и, как полагал Брюнинг, придаст западному миру уверенности, которая положит конец экономическому упадку, принесшему столько бед немецкому народу, и выбьет почву из-под ног нацистов.

Брюнинг намеревался действовать открыто и на внутреннем фронте, надеясь прийти к соглашению со всеми главными партиями, исключая коммунистов, о внесении поправки в конституцию страны. В его планы входило восстановить монархию Гогенцоллернов. Даже если удастся, рассуждал он, уговорить Гинденбурга снова выставить свою кандидатуру на выборах, нельзя рассчитывать, что старый человек протянет весь семилетний срок. Если же он умрет через год-два, то дорога к президентству останется для Гитлера открытой. Чтобы этому помешать и гарантировать непрерывность и стабильность власти главы государства, Брюнинг придумал такой план: отменить, если на то будет согласие двух третей депутатов обеих палат парламента (рейхстага и рейхсрата), президентские выборы, намеченные на 1932 год, и тем самым автоматически продлить срок полномочий Гинденбурга. Как только этот замысел осуществится, Брюнинг внесет в парламент предложение провозгласить монархию, а президенту отвести роль регента. После его смерти один из сыновей наследного принца взойдет на трон. Этот акт тоже был призван выбить почву из-под ног нацистов; более того, Брюнинг был убежден, что он будет означать конец нацизма как политической силы.

Но престарелый президент не проявил интереса к его плану. Человек, на которого как на командующего императорской армией в памятный ноябрьский день 1918 года была возложена обязанность объявить кайзеру, что монархия низложена и он должен уйти, Гинденбург и слышать не хотел о возможности воцарения на престоле кого-либо из Гогенцоллернов, кроме самого кайзера, находившегося в то время в изгнании в Доорне (Голландия). Брюнинг объяснил ему, что социал-демократы и профсоюзы, весьма неохотно согласившиеся с его планом, да и то лишь потому, что видели в нем последнюю ничтожную возможность остановить Гитлера, не хотят видеть на престоле ни Вильгельма II, ни его старшего сына и, более того, выразили пожелание, чтобы монархия, если она будет восстановлена в Германии, по образцу британской стала конституционной и демократической. Выслушав канцлера, седовласый президент пришел в такую ярость, что тотчас попросил его удалиться. Неделью спустя он вызвал Брюнинга и объявил, что не намерен бороться за свое переизбрание.

Тем временем сначала Брюнинг, а потом Гинденбург встретились с Адольфом Гитлером. Обе встречи завершились для нацистского лидера неудачей. Он еще не оправился от потрясения, вызванного самоубийством Гели Раубал; мысли его блуждали, и он чувствовал себя неуверенно. На вопрос Брюнинга, поддержат ли нацисты идею оставления Гинденбурга у власти, Гитлер разразился тирадой, направленной против Веймарской республики, дав ясно

понять, что не приемлет планов канцлера. На встрече с Гинденбургом ему было не по себе. Он пытался произвести на старого господина впечатление долгими разглагольствованиями, но из этого ничего не получилось. Президенту не понравился этот «богемский ефрейтор», как он назвал фюрера, и он заявил Шлейхеру, что такой человек годится разве что в министры почтовой связи, но никак не в канцлеры. От этих слов ему пришлось потом отказаться.

Разгневанный Гитлер спешно отправился в Бад-Гарцбург, где на следующий день, 11 октября, принял участие в массовом митинге «национальной оппозиции» правительствам Германии и Пруссии. Большинство собравшихся составляли не крайне правые, представленные национал-социалистами, а более старые, консервативные силы реакции: немецкая национальная партия Гугенберга, правое крыло организации ветеранов под названием «Стальной шлем», так называемая «Молодежь Бисмарка», «Юнкерская аграрная лига» и разрозненные группы отставных генералов. Но лидеру нацистов митинг не пришелся по душе. Он презирал этих увешанных медалями «последышей старого режима» в сюртуках и шлемах, с которыми опасно связывать «революционное», то есть нацистское, движение. Он произнес скороговоркой довольно невнятную речь и ушел с митинга, не дождавшись парада отрядов «Стального шлема», численность которых, к его огорчению, превосходила численность отрядов СА. Таким образом, «гарцбургский фронт», который был создан в тот день и в который консерваторы надеялись втянуть нацистов для совместного окончательного наступления на республику (он требовал немедленной отставки Брюнинга), оказался мертворожденным. Гитлера не устраивала роль второй скрипки, которую отводили ему эти господа; их помыслы были обращены исключительно в прошлое, а он был уверен, что к прошлому возврата нет. Он не противился временному союзу с ними, если такой союз поможет ослабить веймарский режим и откроет – а он действительно открыл – ему доступ к дополнительным источникам финансирования, однако использовать себя он им не позволит. «Гарцбургский фронт», раздираемый внутренними распрями, оказался под угрозой развала.

Но в одном вопросе они сошлись: и Гугенберг, и Гитлер отклонили предложение Брюнинга согласиться на продление срока полномочий президента Гинденбурга. Однако канцлер в начале 1932 года предпринял еще одну попытку убедить их. С громадным трудом он уговорил Гинденбурга не уходить в отставку, если парламент решит продлить срок его президентства и тем самым избавит от необходимости обременять себя новой предвыборной кампанией, после чего пригласил Гитлера в Берлин для возобновления переговоров. Его телеграмма застала фюрера в Мюнхене, в редакции «Фёлькишер беобахтер», где он беседовал с Гессом и Розенбергом. Размахивая перед ними бумажкой, Гитлер воскликнул: «Вот теперь они в моих руках! Признали-таки меня партнером в переговорах!»

Гитлер встретился с Брюнингом и Шлейхером 7 января, а 10 января беседа была продолжена. Брюнинг повторил свое предложение: если срок президентства Гинденбурга будет продлен, то сам он уйдет в отставку, как только добьется отмены репараций и установления паритета в вооружениях. По свидетельству некоторых источников, хотя оно и представляется спорным, Брюнинг бросил еще одну приманку, заявив, что на свое место предложит президенту его, Гитлера, кандидатуру.

Гитлер не сразу дал окончательный ответ. Он отправился в отель «Кайзерхоф» и спросил мнение своих советников. Грегор Штрассер высказался в пользу плана Брюнинга, объяснив свою позицию тем, что если нацисты настоят на проведении выборов, то Гинденбург победит. Геббельс и Рем высказались за категорический отказ. 7 января Геббельс записал в своем дневнике: «Дело не в президентстве. Брюнинг всего-навсего хочет укрепить свое положение на неопределенное время. Начинается шахматная борьба за власть... Главное, мы по-прежнему сильны и не идем на компромиссы». А накануне вечером он сделал отметку: «Среди нас есть человек, которому никто не доверяет... Это Грегор Штрассер».

Гитлер и сам не видел резона укреплять позиции Брюнинга и тем продлевать жизнь республики, но в отличие от прямолинейного Гугенберга, который 12 января без колебаний отклонил предложение Брюнинга, действовал хитрее. Он ответил не канцлеру, а через его голову президенту, заявив, что считает план Брюнинга противоречащим конституции и что выступит за переизбрание Гинденбурга, если фельдмаршал этот план отвергнет. Отто Мейснеру, ловкому статс-секретарю канцелярии президента, который преданно служил сначала социал-демократу Эберту, а потом консерватору Гинденбургу и который начал подумывать, как бы уцелеть на этом посту при новом президенте, кто бы им ни стал, пусть даже Гитлер, фюрер нацистов обещал на тайной встрече в «Кайзерхофе» поддержать Гинденбурга на выборах, если тот предварительно уберет Брюнинга, сформирует «национальное» правительство и издаст декрет о новых выборах в рейхстаг и прусский парламент.

Но Гинденбург на это не пошел. Уязвленный тем, что ни нацисты, ни националисты (а среди последних были его друзья и предполагаемые союзники) не пожелали избавить его от изнурительной предвыборной борьбы, он решился вновь выдвинуть свою кандидатуру. Однако его возмутили не только партии националистов, но и сам Брюнинг, испортивший, как считал президент, все дело и втянувший его в острый конфликт с теми самыми националистическими силами, которые помогли ему в 1925 году одержать верх над либерально-марксистскими кандидатами. Его отношение к канцлеру, которого он не так давно называл «лучшим после Бисмарка», стало заметно прохладнее.

Охладел к Брюнингу и генерал, выдвинувший его в свое время в канцлеры. Этот аскетического склада католический лидер не оправдал ожиданий Шлейхера, оказавшись самым непопулярным в истории республики главой правительства. Он не смог заручиться поддержкой большинства населения страны; не сумел ни обуздать нацистов, ни привлечь их на свою сторону; не решил вопроса об оставлении Гинденбурга на посту президента. Поэтому он должен уйти, а с ним вместе, пожалуй, и обожаемый Шлейхером шеф – генерал Грёнер, потерявший, судя по всему, перспективу. Впрочем, этот интриган в генеральском мундире не торопился. Во всяком случае, пока Гинденбурга не переизбрали, эти двое сильных людей в правительстве должны оставаться на своих местах. Без их помощи старому фельдмаршалу не победить. Ну а после выборов надобность в них отпадет.

Гитлер против Гинденбурга

В жизни Адольфа Гитлера бывали моменты, когда, оказавшись перед трудным выбором, он как будто не мог ни на что решиться. Именно так обстояло дело сейчас. Вопрос стоял так: выставлять или не выставлять свою кандидатуру в президенты? Победить Гинденбурга казалось невозможно. Этого легендарного героя поддерживали не только многие правые элементы, но и демократические партии, которые в 1925 году выступали против него, а теперь видели в нем спасителя республики. Противостоять кандидатуре фельдмаршала и почти наверняка потерпеть поражение значило рисковать репутацией партии, окружившей себя ореолом непобедимости. Добившись столь эффектной победы на всегерманских выборах 1930 года, нацисты начали шаг за шагом завоевывать популярность и на последующих земельных выборах. А если отказаться от борьбы, не будет ли это истолковано как признак слабости, отсутствия веры в то, что национал-социализм стоит на пороге власти? Было и еще одно обстоятельство: Гитлер не имел в то время юридического права выставлять свою кандидатуру – он не был гражданином Германии.

Йозеф Геббельс тем не менее советовал ему баллотироваться. 19 января они вместе отправились в Мюнхен, и в тот же вечер Геббельс записал в своем дневнике: «Обсуждался вопрос о президентстве фюрера. Решение еще не принято. Я настойчиво рекомендовал ему выставить свою кандидатуру». На протяжении последующего месяца дневник Геббельса пока-

зывает, как резко менялось настроение Гитлера. 31 января: «Решение будет принято в среду. Дольше уже нельзя колебаться». 2 февраля казалось, что он окончательно решил: «Он склонен баллотироваться». Но тут же Геббельс добавил, что решение не будет обнародовано до тех пор, пока не выяснятся намерения социал-демократов. На следующий день лидеры партии съехались в Мюнхен, чтобы узнать, что же решил Гитлер. «Они ждут, а ответа все нет, – жаловался Геббельс. – Все нервничают и устали от напряжения». В тот вечер маленький шеф пропаганды в поисках отдохновения незаметно исчезает, чтобы посмотреть кинофильм с участием Греты Гарбо. «Я взволнован и потрясен, – записывает он, – величайшей из ныне живущих актрис». А поздним вечером к нему «пришли некоторые товарищи по партии. Они в унынии от того, что решения до сих пор нет. Сетуют, что фюрер слишком долго выжидает».

Возможно, ждали они действительно слишком долго, но это не значило, что Гитлер стал меньше верить в свою окончательную победу. В одной из дневниковых записей говорится, что однажды вечером фюрер долго обсуждал с Геббельсом вопрос о том, какой пост ему, Геббельсу, лучше всего занять в Третьем Рейхе. По словам Геббельса, фюрер имел в виду назначить его «министром народного образования, который будет ведать кино, радио, изобразительным искусством, культурой и пропагандой». Продолжительную беседу имел Гитлер и со своим архитектором профессором Трестом о «грандиозной реконструкции германской столицы». А Геббельс добавляет: «Планы фюрера сложились окончательно. Он говорит, действует, чувствует себя так, словно уже у власти».

Однако в словах Гитлера нет намека на то, что он жаждет сразиться с Гинденбургом на выборах. 9 февраля Геббельс записывает: «Фюрер снова в Берлине. Опять дискуссии в «Кайзерхофе» о президентских выборах. Еще ничего не решено». Тремя днями позже Геббельс вместе с фюрером прикинул возможное соотношение голосов и пришел к выводу: «Риск есть, но на него надо идти». Гитлер, пообещав еще раз подумать, возвращается в Мюнхен.

Вопрос этот в конце концов решил за него Гинденбург. 15 февраля престарелый президент объявил о своем намерении баллотироваться. Геббельс торжествует: «Теперь у нас связаны руки. Мы можем уже не скрывать своего решения». Но Гитлер продолжал скрывать его. Лишь 22 февраля на совещании в «Кайзерхофе» фюрер, к радости Геббельса, разрешил объявить вечером во Дворце спорта, что он выставляет свою кандидатуру.

Это была крикливая, сумбурная кампания. В рейхстаге Геббельс обозвал Гинденбурга «кандидатом партии дезертиров» и был удален из зала за оскорбление президента. Берлинская националистическая газета «Дойче цайтунг», выступавшая на выборах 1925 года в поддержку Гинденбурга, теперь злобно обрушилась на него, заявив: «Вопрос нынче в том, удастся ли международным предателям и пацифистским свиньям, поощряемым Гинденбургом, довести Германию до окончательного развала».

В суматохе и в пылу предвыборной борьбы смешались все классовые и партийные пристрастия. У Гинденбурга, протестанта, пруссака, консерватора и монархиста, нашлись союзники из среды социалистов, профсоюзных деятелей, католиков из партии «Центр» во главе с Брюнингом и остатков либеральных, демократических партий среднего сословия. Вокруг Гитлера, католика, австрийца, бывшего босняка, национал-социалиста, лидера мелкобуржуазных масс, сплотились, кроме его ближайших приспешников, протестанты – представители крупной буржуазии Севера, консервативные юнкера-аграрии и некоторые монархисты, в том числе сам бывший наследный принц (он присоединился в последнюю минуту). Сумбур усугубило вступление в борьбу еще двух кандидатов; ни тот, ни другой не могли рассчитывать на победу, но не исключалось, что за обоих проголосует достаточно избирателей, чтобы помешать любому из главных соперников собрать необходимое большинство голосов. Националисты выдвинули Теодора Дюстерберга – бывшего подполковника, заместителя командира «Стального шлема» (почетным командиром был Гинденбург) и заурядного политика, которого нацисты, к великой их радости, вскоре «разоблачили» как праправнука еврея. Коммунисты,

громогласно обвинившие социал-демократов в том, что своей поддержкой Гинденбурга они «предают рабочих», выдвинули кандидатуру лидера партии Эрнста Тельмана. Это был не первый и не последний случай, когда коммунисты по приказу из Москвы рискованно играли на руку нацистам.

Перед началом предвыборной кампании Гитлер решил проблему своего гражданства. 25 февраля было объявлено, что член нацистской партии министр внутренних дел Брауншвейга назначил Адольфа Гитлера атташе при представительстве Брауншвейга в Берлине. С помощью этого сомнительного, уместного разве что в комической опере маневра фюрер нацистов автоматически становился гражданином Брауншвейга, а следовательно, и Германии и потому получал юридическое право баллотироваться в президенты Германского Рейха. С легкостью преодолев это маленькое препятствие, Гитлер рьяно включился в кампанию, косясь по стране, выступая на многочисленных массовых собраниях, доводя до неистовства толпу. Не отставали от него и два других трибуна партии – Геббельс и Штрассер. Но это было не все. Они развернули небывалую по масштабам пропагандистскую кампанию: расклеили в больших и малых городах множество крикливых цветных плакатов, распространили восемь миллионов брошюр, двенадцать миллионов экземпляров дополнительного тиража партийных газет. По три тысячи митингов в день – больше, чем когда-либо, – проводили они, сопровождая речи показом кинофильмов, передавали грамзаписи с помощью громкоговорителей, установленных на грузовиках.

Брюнинг в свою очередь не устал трудиться во имя победы престарелого президента. На этот раз он не был столь щепетил в выборе средств, поэтому предоставил своим сторонникам, к неудовольствию Гитлера, все контролируемое правительством время на радио. Сам Гинденбург выступил всего один раз – его речь была предварительно записана и передана по радио 10 марта, в самый канун выборов. Это было впечатляющее выступление, подобных ему во время кампании было немного.

«Избрание партийного деятеля, крайние, односторонние взгляды которого восстановили бы против него большинство народа, ввергнет нашу родину в беспорядки с непредсказуемыми последствиями. Чувство долга повелевает мне этому помешать... Если я потерплю поражение, то по крайней мере не навлеку на себя упреков, что в час кризиса добровольно оставил свой пост... Я не выпрашиваю голоса у тех, кто не хотел бы за меня голосовать».

Тех, кто голосовал за него, оказалось на 0,4 процента меньше необходимого абсолютного большинства. 13 марта 1932 года, когда избирательные пункты закрылись, результаты были следующие:

Гинденбург	18 651 497	49,6 процента
Гитлер	11 339 446	30,1 процента
Тельман	4 983 341	13,2 процента
Дюстербург	2 557 729	6,8 процента

Результаты выборов разочаровали обе стороны. Хотя старый президент и определил нацистского демагога на семь с лишним миллионов голосов, добиться абсолютного большин-

ства он не сумел; требовалось повторное голосование, в результате которого избранным будет считаться кандидат, набравший относительное большинство голосов.

За Гитлера было подано по сравнению с 1930 годом почти на пять миллионов голосов больше, но и это число было намного меньше, чем у Гинденбурга. В доме Геббельса в Берлине, где поздно вечером собрались у радиоприемника многие партийные главы, чтобы узнать результаты голосования, царил уныние. «Нас побили, – записал Геббельс в тот вечер в дневнике. – Перспективы мрачные. Партийные крути сильно разочарованы и удручены... Спасти нас может лишь какой-нибудь ловкий ход».

Но на следующее утро Гитлер заявил в «Фёлькишер беобахтер»: «Первая избирательная кампания закончилась. Сегодня началась вторая. Я ее поведу». И он действительно включился в нее с прежней энергией. Наняв пассажирский самолет «юнкере», он летал из одного конца Германии в другой – в то время такой способ передвижения кандидатов считался новшеством – и выступал на массовых собраниях по три-четыре. раза в день, по разу в каждом городе. Чтобы собрать побольше голосов, он применил хитрую тактику. Если перед первым голосованием он упирал в своих речах на бедственное положение народа и на беспомощность республики, то теперь обещал, если его выберут президентом, счастливое будущее для всех немцев: рабочим – работу, крестьянам – более высокие доходы, предпринимателям – большую деловую активность, военным – большую армию. А выступая в Берлине, в Люстгартене, заверял: «В Третьем Рейхе каждая девушка найдет себе жениха».

Националисты вывели Дюстерберга из борьбы и призвали своих сторонников отдать голоса Гитлеру. Даже беспутный наследный принц Фридрих Вильгельм занял прежнюю позицию и объявил: «Я буду голосовать за Гитлера».

Погода 10 апреля 1932 года, в день повторного голосования, выдалась пасмурная, дождливая, и на избирательные пункты пришло людей на миллион меньше. Результаты, объявленные поздно вечером, были следующие:

Гинденбург	19 359 983	53,0 процента
Гитлер	13 418 547	36,8 процента
Тельман	3 706 759	10,2 процента

Несмотря на то что Гитлер получил дополнительно два миллиона голосов, а Гинденбург только миллион, было ясно, что на стороне президента абсолютное большинство. Таким образом, более половины населения Германии подтвердило свою веру в демократическую республику; народ решительно отверг как правых, так и левых. Или так ему казалось.

Гитлеру было над чем задуматься. С одной стороны, он добился впечатляющего успеха: за два года число избирателей, голосовавших за нацистов, удвоилось. С другой – рушились его надежды на поддержку большинства населения и на обретение политической власти. Следовательно, путь, избранный им, ни к чему не привел? Во время партийных дискуссий, следовавших за выборами 10 апреля, Штрассер откровенно доказывал, что Гитлер именно так и считал. Штрассер настоятельно советовал пойти на сделку с людьми, стоявшими у власти: с президентом, с правительством Брюнинга, с генералом Грёнером, с армией. Гитлер не доверял своему главному сподвижнику, но его совет без внимания не оставил. Он не забыл об одном из уроков, усвоенных в годы жизни в Вене: если хочешь добиться власти, ищи поддержки у существующих «могущественных институтов».

Но не успел он решиться на следующий шаг, как один из этих «могущественных институтов» – правительство республики – нанес ему удар.

Более года правительство рейха и правительства ряда земель собирали документы, доказывавшие, что несколько нацистских главарей, в первую очередь из СА, готовились силой захватить власть и обрушить террор на страну. В канун первого этапа голосования отряды СА, насчитывавшие к тому времени 400 тысяч человек, были полностью мобилизованы и взяли Берлин в кольцо. Хотя капитан Рем, шеф СА, и заверил генерала фон Шлейхера, что это всего лишь мера предосторожности, прусская полиция обнаружила в берлинской штаб-квартире нацистов документы, ясно свидетельствовавшие, что СА намеревались в случае избрания Гитлера президентом совершить вечером следующего дня государственный переворот, – так сильно было нетерпение Рема. Дневниковая запись Геббельса, сделанная вечером 1 марта, подтверждает, что какие-то приготовления действительно велись: «Разговаривал с командирами СА и СС об инструкциях. Всюду глубокое брожение. Слово «путч» носится в воздухе».

Как обще германское, так и земельные правительства были встревожены. 5 апреля делегация нескольких земель во главе с представителями Пруссии и Баварии (крупнейших в стране земель) потребовала от центральной власти пресечь деятельность СА, пригрозив, что в противном случае местные власти сделают это сами. Канцлер Брюнинг находился в предвыборной агитационной поездке, но Грёнер, министр обороны, встречавшийся с делегацией, обещал принять меры, как только вернется в Берлин Брюнинг, то есть 10 апреля, в день повторного голосования. Брюнинг и Грёнер считали, что имеют полное основание запретить СА. Эта мера помогла бы ликвидировать угрозу гражданской войны и послужила бы прелюдией к устранению Гитлера с авансцены политической жизни Германии. Они не сомневались, что на этот раз за Гинденбурга проголосует абсолютное большинство избирателей, предоставив, таким образом, правительству полномочия на защиту республики от угрозы насильственного захвата власти нацистами, поэтому пришли к выводу, что настало время применить силу против силы. Если действовать нерешительно, полагали они, то можно потерять поддержку социал-демократов и профсоюзов, то есть тех самых сил, которые представляли основную часть избирателей, отдавших свои голоса Гинденбургу, и которые служили основной гарантией того, что правительство Брюнинга останется у власти.

10 апреля, в самый разгар выборов, состоялось заседание кабинета министров, на котором было решено немедленно распустить личные военные формирования Гитлера. Однако Гинденбург не сразу подписал этот декрет. Затруднение возникло из-за Шлейхера, который сперва выступил за принятие декрета, а потом вдруг начал шептаться с президентом, высказывая ему какие-то возражения. Но в конце концов 13 апреля Гинденбург поставил-таки свою подпись, и 14 апреля декрет был обнародован.

Удар по нацистам был ошеломляющим. Рем и некоторые другие горячие головы в партии призывали к сопротивлению, но Гитлер предусмотрительно распорядился подчиниться. Время вооруженного выступления еще не настало. Кроме того, стали известны любопытные сведения о Шлейхере. В тот самый день, 14 апреля, Геббельс записал в дневнике: «Нам сообщили, что Шлейхер не одобряет действий генерала... Телефонный звонок от одной известной дамы, близкого друга Шлейхера. Сообщает, что генерал намерен подать в отставку».

Еще до объявления о санкциях против СА Шлейхер, пользуясь попустительством генерала фон Хаммерштейна, командующего рейхсвером, конфиденциально информировал начальников семи военных округов, что руководство армии не одобряет декрет. Затем 16 апреля по его наущению Гинденбург послал Грёнеру колючее письмо, потребовав объяснить, почему тот, наложив запрет на СА, не поступил также в отношении Рейхсбаннера – полувоенной организации социал-демократов. Шлейхер пошел и еще на один шаг в целях дискредитации своего шефа: спровоцировал злобную клеветническую кампанию, пустив слух, будто

генерал Грёнер по состоянию здоровья не может занимать свою должность, будто он начал исповедовать марксизм и даже пацифизм и опозорил армию тем, что у него родился ребенок через пять месяцев после женитьбы. В кругу военных, как он доложил Гинденбургу, этого ребенка прозвали Нурми – по имени знаменитого финского бегуна, победителя Олимпийских игр.

Одновременно Шлейхер возобновил контакты с СА и имел беседы с Ремом и шефом СА в Берлине графом фон Гелльдорфом. 26 апреля Геббельс записал, что в беседе с Гелльдорфом Шлейхер заявил о намерении «изменить курс». А спустя два дня состоялась беседа Шлейхера с Гитлером, и Геббельс отмечал: «Встреча прошла хорошо».

Даже на этой стадии игры было ясно, что Рем и Шлейхер стовариваются за спиной Гитлера, найдя общий язык в вопросе включения СА на правах милиции в состав армии. Но именно против такого шага неизменно возражал фюрер. На этой почве у Гитлера часто возникали споры с начальником штаба СА, который рассматривал отряды штурмовиков как потенциальный военный оплот страны, в то время как Гитлер считал их чисто политической силой, призванной терроризировать политических противников с помощью уличных беспорядков и вообще поддерживать боевой дух в рядах нацистов. Шлейхер, ведя переговоры с нацистскими лидерами, преследовал свои цели. Он хотел присоединить отряды СА к армии, чтобы держать их под своим контролем. Второй его целью было вовлечь Гитлера, единственного консервативного националиста, пользующегося поддержкой масс, в состав правительства, тем самым и его подчинив своему контролю. Достижению и той и другой цели препятствовал орган СА «Фербот».

К концу недели интриги Шлейхера достигли кульминации. 4 мая Геббельс констатирует, что мины, заложенные Гитлером, приводятся в действие. Сначала должен уйти Грёнер, за ним – Брюнинг. 8 мая Геббельс пишет в дневнике, что у Гитлера состоялась «решающая встреча с генералом Шлейхером и некоторыми другими господами из близкого окружения президента. Все идет хорошо. Брюнинг через несколько дней уходит. Президент откажет ему в доверии». Далее он излагает план, который наметили Шлейхер и президентская камарилья совместно с Гитлером: распустить рейхстаг, учредить президентский кабинет, снять все запреты с СА и нацистской партии. Чтобы не вызвать у Брюнинга подозрений в связи с этими приготовлениями, добавляет Геббельс, Гитлеру рекомендовано держаться подальше от Берлина. Поздно вечером того же дня Геббельс тайно отправляет своего шефа в Мекленбург, где тот фактически скрывается.

Нацисты рассматривают будущий президентский кабинет, пишет на следующий день Геббельс, как некий промежуточный орган. Такое «бесцветное» переходное правительство, отмечает он, «расчистит нам путь. Чем слабее оно, тем легче его свалить». Разумеется, иной точки зрения придерживается Шлейхер, уже мечтающий о новом правительстве, которое до пересмотра конституции будет обходиться без парламента и в котором он, Шлейхер, займет господствующее положение. Было ясно, что каждый из них – и Шлейхер и Гитлер – рассчитывает одержать победу. Но Шлейхер мог использовать в этой игре свой лучший козырь. Он предложит старому президенту то, чего не может предложить Брюнинг: правительство, поддерживаемое Гитлером и в то же время не скомпрометированное присутствием в нем этого фанатика и демагога.

Итак, все было готово. 10 мая, через два дня после встречи с Гитлером и приближенными Гинденбурга, Шлейхер нанес удар. Это произошло в рейхстаге. Едва генерал Грёнер взял слово в защиту декрета о запрещении СА, как на него яростно обрушился Геринг. Больной диабетом, потрясенный ставшей теперь уже очевидной предательской ролью Шлейхера, министр обороны пытался, как мог, защищаться, но поток брани, хлынувший со стороны нацистов, заглушил его. Измученный, оскорбленный, он направился вон из зала, однако у выхода его остановил генерал фон Шлейхер и ледяным тоном объявил, что Грёнер «уже не пользуется доверием

армии и должен уйти в отставку». Грёнер апеллировал к Гинденбургу, которому всегда служил верно, принимая в решающие моменты истории удар на себя: в 1918 году – когда предложил кайзеру отречься от престола, в 1919-м – когда посоветовал правительству республики подписать Версальский договор. Но старый фельдмаршал, которого переполняло чувство досады из-за того, что он остался в долгу у младшего чина, ответил, что, к сожалению, ничего не может для него сделать. 13 мая Грёнер, исполненный горечи и разочарования, подал в отставку. В тот вечер Геббельс записал в дневнике: «Получили известие от генерала Шлейхера. Все идет по плану».

Согласно плану теперь очередь была за Брюнингом. Оставалось не так уж много времени до того, как смиренный генерал положит голову на плаху. Отставка Грёнера нанесла слабеющей республике тяжелый урон; он был едва ли не единственным военным, служившим ей умело и преданно, и не было в армии человека, столь же авторитетного и порядочного, кто мог бы его заменить. Однако у власти все еще стоял волевой, трудолюбивый Брюнинг. Это он помог Гинденбургу добиться поддержки большинства избирателей, он продлил (надеялся, что продлил) жизнь республике. Его внешняя политика тоже, казалось, начала приносить плоды: ожидалась отмена платежей по репарациям, готовилось соглашение о паритете рейха в области вооружений. Однако престарелый президент и к нему отнесся удивительно холодно – такова была награда канцлеру за то, что он ценой нечеловеческих усилий добился продления срока пребывания Гинденбурга у власти. Его неприязнь к Брюнингу усилилась, когда тот предложил национализировать за солидную компенсацию несколько разорившихся юнкерских поместий в Восточной Пруссии и передать их безземельным крестьянам. В середине мая Гинденбург поехал на время пасхи в Нейдек – восточно-прусское поместье, которое юнкеры при финансовой помощи промышленников приобрели для него в виде подарка по случаю восьмидесятилетия, и там наслушался от соседей-аристократов разговоров об этом «аграрном большевике» Брюнинге, которого пора, дескать, сместить с должности канцлера.

Нацисты прежде самого Брюнинга узнали (через Шлейхера, конечно), что дни его канцлерства сочтены. 18 мая Геббельс возвратился из Мюнхена в Берлин и, отметив про себя, что «восточный дух» все еще держится, записал в дневнике: «Кажется, на одного Брюнинга пахнуло зимним холодом. Забавно, что он этого не понимает. Не может найти людей для своего кабинета. Они бегут, как крысы с тонущего корабля». Точнее было бы сказать, что главная крыса, далекая от мысли покинуть тонущий корабль, готовилась назначить нового капитана. На следующий день Геббельс записал: «Генерал Шлейхер отказался принять пост министра обороны». Дело обстояло не совсем так. В действительности, когда Брюнинг, упрекнув Шлейхера в кознях против Грёнера, спросил, не согласится ли он занять его место, Шлейхер ответил: «Соглашусь, но не в вашем кабинете».

«Донесение Шлейхера: список министров готов, – записывает Геббельс 19 мая. – Для переходного периода сойдет». Из этого следует, что нацисты на неделю раньше Брюнинга знали, что его песенка спета. В воскресенье 29 мая Гинденбург вызвал Брюнинга к себе и в резкой форме предложил ему подать в отставку, что Брюнинг и сделал на другой же день.

Шлейхер торжествовал. Однако свергнут был не только Брюнинг; с ним вместе гибла демократическая республика, хотя ее предсмертной агонии суждено было длиться еще восемь месяцев, пока не совершится окончательный *coup de grace* – удар милосердия. Немалая доля вины за ее кончину лежит на самом Брюнинге. Будучи в душе демократом, он в то же время позволил поставить себя в положение человека, который волей-неволей правит страной главным образом с помощью президентских декретов, то есть не спрашивая мнения парламента. Правда, для таких действий имелись веские основания – слепота политиков сделала их практически неизбежными. 12 мая ему удалось получить вотум доверия в рейхстаге в связи с законопроектом по финансовому вопросу. Но в тех случаях, когда он не мог рассчитывать на поддержку парламента, он действовал от имени президента. Теперь его этой власти лишили,

передав ее двоим более слабым людям (они правили с июня 1932 по январь 1933 года), которые, не будучи нацистами, в то же время не испытывали желания поддерживать демократическую республику – по крайней мере, в ее нынешнем виде.

Политическая власть, находившаяся со дня рождения республики в руках германского народа и выразителя его воли – рейхстага, отныне им не принадлежала. Пока что она сосредоточилась в руках дряхлого восьмидесятипятилетнего президента и тех нескольких близких к нему мелких честолюбцев, которые влияли на его слабеющий ум, ускользающее сознание. Гитлер прекрасно понимал сложившуюся ситуацию, и она была ему на руку. Поскольку завоевание большинства мест в парламенте представлялось весьма маловероятным, новый курс Гинденбурга открывал перед ним единственно возможный путь к власти. Не в данный момент, понятно, но в ближайшем будущем. Из Ольденбурга, где на состоявшихся 29 мая местных выборах нацисты собрали абсолютное большинство голосов, он спешно выехал в Берлин. На следующий день его принял Гинденбург, который одобрил пункты соглашения, достигнутого лидером нацистов со Шлейхером 8 мая: снять запрет с СА; сформировать президентский кабинет из лиц, намеченных Гинденбургом; распустить рейхстаг. Гинденбург спросил, будет ли Гитлер поддерживать новое правительство, и Гитлер сказал, что будет. Вечером 30 мая Геббельс записывает: «Переговоры Гитлера с президентом прошли хорошо... Ф. Папен упоминался в качестве будущего канцлера. Но это нас мало волнует. Важно то, что распустят рейхстаг. Выборы! Выборы! Прямо к народу! Мы все очень счастливы».

Фиаско Франца фон Папена

И вот на политической арене мелькнула нелепая фигура. Человеком, которого генерал фон Шлейхер навязал старому президенту и который 1 июня 1932 года стал канцлером Германии, был пятидесятилетный Франц фон Папен – выходец из вестфальской обедневшей дворянской семьи, бывший офицер генерального штаба, великолепный наездник, незадачливый, неискушенный политик из католического «Центра», зять богатого промышленника. Известностью в общественных кругах он пользовался разве что как бывший военный атташе в Вашингтоне, выдворенный из страны (в то время США еще придерживались нейтралитета) за соучастие в планировании диверсий, таких как взрывы мостов и железных дорог. «...Выбор президента был встречен с недоумением, – писал о фон Папене посол Франции в Берлине. – Ничего, кроме улыбки или усмешки, он ни у кого не вызывал, ибо характерной чертой этого человека было то, что ни друзья, ни враги не принимали его всерьез... Он слыл человеком поверхностным, недалеким, вероломным, претенциозным, тщеславным, хитрым и кляузным». И такому человеку – Франсуа-Понсе ничуть не преувеличивал – Гинденбург вверял с подделки Шлейхера судьбу агонизирующей республики.

В политических кругах Папен не имел никакого веса. Он не был даже депутатом рейхстага. Самое большее, чего он достиг в политике, – место в ландтаге Пруссии. Партия «Центр», в которой Папен состоял, узнав о его назначении канцлером, до того возмутилась этим актом предательства в отношении Брюнинга, руководителя партии, что единогласно исключила его из своих рядов. Тем не менее президент предложил ему сформировать правительство без участия партий, что, впрочем, не составляло труда, поскольку у Шлейхера уже был заготовлен список министров. Так образовался кабинет, ставший известным как «кабинет баронов». Пятеро его членов были дворяне, двое – директора корпораций и один, Франц Гюртнер, назначенный министром юстиции, в дни до и после «пивного путча» представлял интересы Гитлера в баварском правительстве. Генерала Шлейхера Гинденбург вытащил из-за кулис политической жизни, хотя подобное положение его вполне устраивало, и назначил министром обороны. «Кабинет баронов» воспринимался в стране в основном как шутка, и тем не менее некоторые

его члены, такие как барон фон Нейрат, барон фон Эльц-Рубенах, граф Шверин фон Крозиг и д-р Гюртнер, ухитрились удержаться на своих постах даже при Третьем Рейхе.

Первым шагом Папена было выполнение условий сделки Шлейхера с Гитлером. 4 июня он распустил рейхстаг и назначил на 31 июня новые выборы. А 15 июня под нажимом недоброжелательных нацистов снял запрет на СА. После этого Германию сразу охватила невиданная по своим масштабам волна политических беспорядков. Улицы кишели штурмовиками, жаждущими кровавых схваток, и их вызов часто не оставался без ответа, особенно со стороны коммунистов. В одной лишь Пруссии с 1 по 20 июня произошло 461 заранее подготовленное уличное сражение, и их результат – 82 убитых и 400 тяжелораненых. В боях, происходивших в июле, погибло 86 человек, в том числе 38 нацистов и 30 коммунистов. В воскресенье 10 июля в уличных боях погибло 18 человек, а через неделю, когда нацисты устроили в сопровождении полиции шествие по улицам Альтоны – рабочей окраины Гамбурга, было убито 19 человек и ранено 285. Гражданская война, которую «кабинет баронов» должен был прекратить, неуклонно разгоралась. Все партии, кроме нацистской и коммунистической, требовали от правительства восстановления порядка.

Папен реагировал на это двояко. Он запретил все политические демонстрации на две недели, предшествовавшие выборам 31 июля, а потом предпринял шаг, имевший целью не только умиротворить нацистов, но и подрубить одну из немногих оставшихся опор демократической республики. 20 июля Папен сместил прусское правительство и объявил себя рейхскомиссаром Пруссии. Это был крутой поворот в сторону авторитарной системы, которую он хотел распространить на всю Германию. Мера эта была предпринята под тем предлогом, что побоища в Альтоне продемонстрировали неспособность прусского правительства блюсти закон и порядок. Кроме того, на основании «свидетельств», спешно собранных для него Шлейхером, Папен обвинил прусские власти в сговоре с коммунистами. Когда министры-социалисты заявили, что убрать их с занимаемых постов можно только силой, Папен без колебания применил ее.

В Берлине было объявлено военное положение, и генерал фон Рундштедт, командующий местными силами рейхсвера, приказал наряду солдат под командой лейтенанта произвести необходимые аресты. Эту акцию не оставили без внимания правые, взявшие в свои руки федеральную власть. Не мог не оценить ее и Гитлер. Уже не было основания опасаться, что левые силы или даже демократический «центр» окажут серьезное сопротивление атакам на демократическую систему. В 1920 году республику спасла от крушения всеобщая забастовка. Идея проведения такой забастовки дебатировалась лидерами профсоюзов и социалистов и на этот раз, но была отклонена как слишком опасная. Таким образом, ликвидировав конституционное прусское правительство, Папен вбил еще один гвоздь в гроб Веймарской республики. Для этого потребовался, как он хвастливо заметил, всего лишь отряд солдат.

Гитлер и его подручные со своей стороны задались целью свергнуть не только республику, но и Папена с его баронами. Об этом говорится в дневниковой записи Геббельса от 5 июня: «Мы должны как можно скорее отделаться от этого переходного буржуазного кабинета». 9 июня на встрече с Папеном Гитлер заявил: «Я рассматриваю ваш кабинет лишь как временное решение и буду предпринимать все необходимое, чтобы сделать свою партию самой сильной в стране. И тогда канцлерство перейдет ко мне».

Выборы в рейхстаг 31 июля были третьими по счету на протяжении пяти месяцев, однако нацисты отнюдь не проявляли признаков усталости; наоборот, они с небывалой энергией и фанатическим рвением включились в очередную кампанию. Несмотря на обещание, данное Гитлером Гинденбургу, что нацисты будут поддерживать правительство Папена, Геббельс злобно обрушился на министра внутренних дел, а Гитлер встретился 9 июля со Шлейхером и в резкой форме выразил недовольство политикой правительства.

Между тем было очевидно, что нацисты делают успехи; об этом можно было судить по тому, какие толпы народа собирались посмотреть и послушать Гитлера. 27 июля, например, он выступил в Бранденбурге перед 60 тысячами слушателей, и приблизительно такая же аудитория собралась в Потсдаме. А на огромном Груневальдском стадионе в Берлине, где он выступил вечером того же дня, собралось 120 тысяч; еще 100 тысяч человек, так как стадион не мог вместить всех желающих, слушали речь фюрера на прилегающей к нему улице, где был установлен громкоговоритель.

Выборы в рейхстаг 31 июля принесли национал-социалистической партии внушительную победу. Набрав 13 миллионов 745 тысяч голосов, она получила 230 мандатов – больше, чем любая другая партия, хотя до завоевания абсолютного большинства мест в парламенте, насчитывавшем 608 членов, было еще далеко. Социал-демократы получили 133 места, то есть на десять мест меньше прежнего, – вне всякого сомнения, в результате робости, проявленной их руководителями в Пруссии. Рабочий класс склонялся на сторону коммунистов, которые получили дополнительно 12 мандатов и, имея 89 мест, стали третьей партией в рейхстаге. Католический «Центр» несколько укрепил свои позиции, получил 73 места вместо 68, но все другие партии среднего сословия, даже немецкая национальная партия Гутенберга (единственная партия, поддержавшая Папена), остались в незначительном меньшинстве. Было очевидно, что все зажиточные и богатые слои населения, кроме католиков, перешли на сторону нацистов.

2 августа Гитлер провел в Тегернзе, близ Мюнхена, совещание лидеров партии, чтобы критически осмыслить свою победу. Со времени последних парламентских выборов, имевших место два года назад, национал-социалисты получили дополнительно семь миллионов голосов и добились увеличения числа мест в рейхстаге со 107 до 230. За четыре года, прошедшие после выборов 1928 года, нацисты завоевали тринадцать миллионов новых избирателей. И все же большинства, которое привело бы Гитлера к власти, у партии не было. Она получила лишь 37 процентов общего числа голосов. Большая часть немцев по-прежнему была настроена против Гитлера.

Наступила ночь, когда он отпустил своих приспешников. Об итогах совещания Геббельс 2 августа записал: «Фюрер стоит перед трудным вопросом. Легально? В блоке с «Центром»?» Вместе с «Центром» нацисты могли бы рассчитывать на большинство в рейхстаге, но Геббельс считал такой блок невыносимым. Однако, отметил он, «фюрер еще не принял окончательного решения. Требуется время, чтобы такой момент наступил».

Однако Гитлер не хотел ждать долго. Окрыленный успехом, хотя и не решающим, он горел нетерпением. 4 августа он срочно выехал в Берлин, где предполагал встретиться не с канцлером фон Папеном, а с генералом фон Шлейхером, чтобы «предъявить свои требования», как выразился Геббельс. «И требования будут не такими уж скромными», – добавил он.

5 августа, выступая в Фюрстенбергских казармах близ Берлина, Гитлер сообщил, какие условия он предъявил генералу фон Шлейхеру: для себя лично – пост рейхсканцлера, для других представителей партии – пост премьер-министра Пруссии, посты глав министерств внутренних дел Рейха и Пруссии, центральных министерств юстиции, экономики и авиации, для Геббельса – создание нового министерства просвещения и пропаганды. Самому Шлейхеру Гитлер посулил в качестве подачки должность министра обороны. Далее он заявил, что требует от рейхстага законодательного акта о предоставлении ему на определенный срок чрезвычайных полномочий, и пригрозил, что если ему откажут, то рейхстаг «будет распущен по домам».

Уезжая от Шлейхера, Гитлер был уверен, что ему удалось склонить генерала в пользу своей программы; обрадованный, он с легким сердцем отправился на юг, в свое горное убежище. Но Геббельс, известный своим цинизмом в отношении оппозиции и недоверием к генералу от политики, не вполне разделял его оптимизм. «Хорошо быть скептиком, предугадывая события», – записал он в дневнике 6 августа, выслушав рассказ фюрера о его беседе со

Шлейхером. В одном Геббельс был уверен: «Придя к власти, мы уж никогда ее не уступим. Живыми они нас из министерств не вытащат».

Не все шло так гладко, как, возможно, думал Гитлер. 8 августа Геббельс записал: «Телефонный звонок из Берлина. Город полнится слухами. Вся партия готова к захвату власти. Штурмовики СА покидают рабочие места, чтобы готовиться. Руководители партии ждут, когда пробьет час. Если все пойдет гладко – прекрасно. Если нет – случится нечто ужасное». На следующий день Штрассер, Фрик и Функ привезли Гитлеру весть, которую нельзя было назвать вполне обнадеживающей: Шлейхер снова извернулся, как червь. Поставил условие: став канцлером, Гитлер должен будет действовать с согласия рейхстага. Функ сообщил, что его друзья из делового мира обеспокоены возможностью формирования нацистского правительства. В подтверждение этого он привел слова Шахта. В добавление ко всему названная тройка уведомила Гитлера, что на Вильгельмштрассе опасаются нацистского путча.

Опасения эти не были лишены оснований. 10 августа Геббельсу стало известно, что отряды СА в Берлине находятся «в состоянии боевой готовности... СА охватывают Берлин еще более тесным кольцом. На Вильгельмштрассе сильно обеспокоены».

На следующий день фюрер понял, что не может ждать дольше. Сел в машину и помчался в Берлин. Там он постарается «не мозолить глаза», но все же будет где-то рядом, если вдруг понадобится. Однако он никому не понадобился. Тогда он сам попросил аудиенции у президента, решив предварительно переговорить со Шлейхером и Папеном.

Беседа состоялась в полдень 13 августа. Она прошла бурно. Шлейхер ловко изменил свою позицию, которую занимал неделю назад. Теперь он согласен с Папеном, который считает, что Гитлер может претендовать, самое большее, на пост вице-канцлера. Гитлер пришел в ярость: либо канцлером, либо никем. Папен прервал разговор, заявив, что оставляет «окончательное решение» за Гинденбургом.

Разгневанный фюрер отбыл в отель «Кайзерхоф», расположенный неподалеку от места встречи. А в 3 часа пополудни в его номер позвонили из приемной президента. Кто-то (видимо, Геббельс, если судить по его дневниковой записи) спросил звонившего: «А что, решение уже принято? Если да, то нет смысла ехать». На это последовал ответ: «Президент хочет сначала побеседовать с Гитлером».

Престарелый фельдмаршал принял лидера нацистов в своем кабинете стоя, опершись на трость, как бы подчеркивая этим свою недоброжелательность. Гинденбург в свои восемьдесят пять лет, учитывая, что всего десять месяцев назад он перенес огромное нервное напряжение, длившееся более недели, на удивление не утратил ясности ума. Он терпеливо слушал Гитлера, пока тот снова и снова требовал предоставления ему поста канцлера и полноты власти. Кроме Отто Мейснера, статс-секретаря канцелярии президента, и Геринга, сопровождавшего Гитлера, на беседе никто не присутствовал, и хотя Мейснер не столь уж надежный источник, его показания в Нюрнберге оказались единственным подлинным свидетельством того, что произошло дальше. И звучит оно вполне правдоподобно.

Гинденбург ответил, что ввиду напряженного положения он не может с чистой совестью рисковать передачей власти новой партии, каковой является партия национал-социалистов, которая не располагает большинством и которая так нетерпима, криклива и недисциплинированна. Далее Гинденбург – его голос выдавал волнение – сослался на ряд недавних событий: столкновения нацистов с полицией, акты насилия со стороны последователей Гитлера против тех, кто придерживается иных взглядов, хулиганские выходки в отношении евреев и другие действия. Все эти инциденты укрепили его во мнении, что в рядах партии много людей распущенных, не поддающихся контролю... После долгих пререканий Гинденбург заявил: пусть Гитлер скажет во всеуслышание, что готов сотрудничать с другими партиями, в частности с правыми и с «Центром», и откажется от необоснованного требования неограниченной власти. Сотрудничая с другими партиями, он получит возможность доказать, чего может достичь и

что улучшить. При наличии положительных результатов ему и в составе коалиционного правительства нетрудно будет добиться не только ощутимого, но и решающего влияния. Это лучший способ рассеять распространенное опасение, что правительство национал-социалистов, злоупотребив властью, начало бы преследовать инакомыслящих и в конце концов уничтожило бы их. Он готов пойти на включение Гитлера и представителей его движения в состав коалиционного правительства, взять же на себя ответственность за предоставление Гитлеру исключительных прав не может... Однако Гитлер стоял на своем. Он заявил, что не желает ставить себя в положение человека, вынужденного торговаться с лидерами других партий из-за состава коалиционного правительства.

Итак, переговоры не привели к соглашению. Но перед тем как прервать аудиенцию, президент, по-прежнему стоя, прочел нацистскому лидеру строгую нотацию. По выражению официального коммюнике, переданного в печать сразу по окончании встречи, Гинденбург «выразил сожаление, что господин Гитлер не счел для себя возможным поддержать идею сформирования национального правительства, пользующегося доверием президента страны, вопреки обещанию, данному им перед выборами в рейхстаг». На глазах у почтенного президента Гитлер нарушил данное им слово, но это не должно повториться в будущем. «Президент, – говорилось далее в коммюнике, – решительно потребовал, чтобы национал-социалистическая оппозиция вела себя по-рыцарски, и указал Гитлеру на его ответственность перед родиной и немецким народом».

Коммюнике об этой встрече, переданное в редакции Гинденбурга и утверждавшее, что Гитлер требовал «полноты государственной власти», было опубликовано с такой поспешностью, что застало пропагандистский аппарат Геббельса врасплох и сильно уронило авторитет Гитлера в глазах не только широкой публики, но и самих нацистов. Как ни старался Гитлер уверить, что он требовал не «полноты власти», а только пост канцлера и несколько министерских портфелей, Гинденбургу верили больше.

А между тем мобилизованные штурмовики рвались в бой. В тот же вечер Гитлер созвал их командиров и объяснил ситуацию. «Задача не из легких, – записал Геббельс. – Кто знает, удастся ли удержать их в узде. Нет ничего труднее, чем сказать воодушевленным успехом войскам, что победа упущена». Поздно вечером Геббельс искал утешения в чтении писем Фридриха Великого, а наутро спешно отправился отдыхать на Балтийское побережье. «Унылая атмосфера царит в среде товарищей по партии, – писал он. – Надо хоть на неделю избавиться от разговоров о политике. Хочу только солнца, света, воздуха и покоя».

Отбыл в свой Оберзальцберг и Гитлер – тоже подышать воздухом и поразмыслить о ближайшем будущем. Верно заметил Геббельс, что «первый большой шанс упущен». Герман Раушнинг, тогдашний лидер нацистов в Данциге, навестивший Гитлера, застал его в мрачном настроении. «Мы должны быть беспощадными», – сказал ему Гитлер и разразился бранью в адрес Папена. Но надежды он не терял. Временами заговаривал таким тоном, словно он уже канцлер. «Моя задача сложнее, чем у Бисмарка, – говорил он. – Мне сначала предстоит создать нацию, а уж потом двинуться к поставленной цели». А что будет, если Папен и Шлейхер установят военную диктатуру и запретят нацистскую партию? Гитлер вдруг спросил Раушнинга: имеет ли вольный город Данциг (в то время им управляла Лига Наций) договор с Германией о выдаче преступников? Тогда Раушнинг не понял вопроса. Однако очевидно, что фюрера интересовало место, которое могло служить политическим убежищем. Недаром в одной из записей Геббельса говорится о «слухах, будто Гитлер арестован». И все же даже теперь, после провала переговоров с рейхспрезидентом и правительством Папена и Шлейхера, несмотря на опасение, что его партия будет объявлена вне закона, он упорно стоял за легальный путь прихода к власти. Он принял меры к тому, чтобы прекратить всякие разговоры о путче. Если исключить случаи, когда его одолевали приступы ипохондрии, он не терял уверенности, что достигнет

цели. Не с помощью силы, не посредством завоевания парламентского большинства, что вряд ли было возможно, а тем же путем, каким шли к власти Шлейхер и Папен: путем закулисных интриг. Вот игра, в которую он будет играть.

Прошло немного времени, и он показал, как это делается. 25 августа Геббельс беседовал с Гитлером, после чего записал: «Мы связались с партией «Центр» хотя бы для того, чтобы припугнуть наших противников». Вернувшись на другой день в Берлин, он обнаружил, что Шлейхер уже осведомлен о пущенных нацистами «пробных шарах в партии «Центр». А потом встретился и с самим генералом, чтобы убедиться в этом окончательно. У него сложилось впечатление, что Шлейхер обеспокоен перспективой альянса Гитлера с католическим «Центром», ибо в этом случае они составили бы абсолютное парламентское большинство. Говоря о личности Шлейхера, Геббельс записал: «Не знаю, где кончается его искренность и где начинается фальшь».

Контакты с партией «Центр», не рассчитанные, по словам Геббельса, на большее, чем оказание давления на правительство Папена, привели, однако же, к фарсовой ситуации, жертвой которой в конечном счете стал этот канцлер-кавалерист. 30 августа состоялось заседание палаты, на котором центристы вместе с нацистами проголосовали за избрание Геринга председателем рейхстага. 12 сентября, когда рейхстаг вновь собрался на заседание, председательское место на нем занял представитель национал-социалистов, и надо признать, что Геринг сполна воспользовался своим положением. Папен, готовясь к заседанию, заручился президентским декретом на право роспуска парламента, и это был тоже первый случай, когда рейхстагу подписывали смертный приговор еще до того, как он приступил к выполнению своих обязанностей. Но Папен не позаботился захватить этот документ с собой, полагая, что на первом рабочем заседании он ему не понадобится. При нем был лишь текст речи, посвященной программе деятельности правительства. Папена предупреждали, что если коммунисты предложат вынести вотум недоверия правительству (такое предложение ожидалось), то кто-нибудь из депутатов-националистов по согласованию с другими партиями выступит против. Возражения одного из более чем 600 депутатов было бы достаточно, чтобы голосование по этому вопросу отложили на более позднее время. Однако, когда Эрнст Торглер, лидер коммунистов, внес свое предложение как дополнение к повестке дня, ни представитель националистов, ни представитель какой-либо другой партии не встал и не возразил. Фрик от имени депутатов-нацистов попросил объявить получасовой перерыв. Папен срочно послал в канцелярию курьера, приказав принести текст декрета. «Ситуация сложилась серьезная, – писал он потом в своих мемуарах. – Меня застигли врасплох».

Тем временем Гитлер посоветовался со своей парламентской фракцией, собравшейся через улицу во дворце председателя рейхстага. Нацисты оказались в затруднении, перед ними встала дилемма. Националисты подвели их, не внося предложения перенести голосование на другое время. Теперь, чтобы свалить правительство Папена, гитлеровской партии придется вместе с коммунистами голосовать за их предложение. Как ни неприятно было выступать заодно с коммунистами, Гитлер решил проглотить эту горькую пилюлю. Он приказал своим депутатам голосовать за поправку коммунистов и свергнуть Папена до того, как тот распустит рейхстаг. Разумеется, чтобы осуществить это, Геринг, как председатель, должен будет проделать несколько хитроумных трюков с парламентской процедурой. Бывший ас, человек смелый и способный (это он докажет и на более широком поле деятельности), он успешно справился с поставленной задачей.

Получасовой перерыв кончился, и в зале появился Папен со знакомой красной папкой, в которой по традиции хранился декрет о роспуске парламента. Но когда он попросил слова, чтобы зачитать текст, председатель рейхстага ухитрился не заметить его, хотя Папен с покрасневшим лицом размахивал листом бумаги на виду у собравшихся. Это видели все, кроме Геринга. А тот с ухмылкой, глядя в другую сторону, предложил немедленно приступить

к голосованию. К этому времени лицо Папена из красного сделалось белым – так он негодовал. Он подошел к председателю и бросил лист бумаги ему на стол. Геринг, не глядя на него, снова предложил голосовать. Папен в сопровождении министров (ни один из них не был депутатом рейхстага) демонстративно покинул зал. Депутаты проголосовали: 513 голосов против правительства, 32 – за. Лишь после этого Геринг заметил наконец лежавший перед ним лист. Он огласил текст и объявил декрет, на котором стояла подпись канцлера, уже смещенного конституционным большинством, недействительным.

Кто в Германии выиграл от этого фарсового представления и как много выиграл – тогда трудно было сказать. Но то, что щеголя Папена сделали посмешищем, не вызывало никаких сомнений; однако он и всегда-то был посмешищем. Своим голосованием рейхстаг достаточно красноречиво показал, что подавляющее большинство немцев настроено против специально подобранного состава президентского кабинета министров. Однако не отразила ли эта правительственная неразбериха дальнейшее ослабление веры общественности в парламентскую систему? А нацисты? Не показали ли они себя людьми не только безответственными, но и способными ради достижения корыстных целей пойти на союз даже с коммунистами? И не устали ли граждане от выборных кампаний и не окажутся ли нацисты перед фактом потери голосов в результате неизбежных новых выборов? Грегор Штрассер и даже Фрик считали, что окажутся и что такая потеря может обернуться катастрофой для партии. Но, как записал в тот же вечер Геббельс, фюрер «был весьма доволен случившимся. Он снова принял четкое, безошибочное решение».

Рейхстаг быстро признал декрет о роспуске действительным, и на 6 ноября были назначены новые выборы. Нацистам они сулили определенные трудности. Как писал Геббельс, народ устал от политических речей и пропаганды. В дневнике 15 октября он отметил, что даже партийные функционеры «стали очень раздражительны из-за нескончаемых выборов. Они перетрудились...» Возникли и финансовые осложнения. Крупные промышленники и финансисты стали поворачиваться в сторону Папена, сделавшего им ряд уступок. Их возрастающее недоверие, напоминал Фрик, вызывали и отказ Гитлера от сотрудничества с Гинденбургом, и его усиливающийся, как им казалось, крен в сторону крайностей в политике, и его стремление, как показал известный эпизод в рейхстаге, действовать даже заодно с коммунистами. Геббельс также не преминул отметить в своем дневнике: «Добывать деньги невероятно трудно. Все господа из «Собственности и образования» на стороне правительства».

За несколько дней до выборов нацисты примкнули к коммунистам при проведении забастовки транспортных рабочих в Берлине – забастовки, не поддержанной профсоюзами и социалистами. Это повлекло за собой дальнейшее сокращение притока финансовых средств со стороны деловых кругов как раз в тот момент, когда нацистская партия больше всего нуждалась в деньгах для успешного проведения кампании. 1 ноября Геббельс с грустью констатировал: «Нехватка средств стала нашей хронической болезнью. Их слишком мало, чтобы как следует провести кампанию. Многие представители буржуазных кругов напуганы нашим участием в стачке. Даже в партии нашлось немало товарищей, которые заколебались». 5 ноября, в канун выборов: «Последний приступ. Отчаянные попытки партии избежать поражения. В последний момент нам удалось наскрести 10 тысяч марок. В субботу днем они будут брошены на нужды кампании. Мы сделали все, что могли. Теперь пусть решает судьба». 6 ноября судьба и избиратели решили ряд вопросов, но не настолько основательно, чтобы определить будущее слабеющей республики. Нацисты потеряли два миллиона голосов и 34 места в рейхстаге, сохранив за собой 196 мест. За коммунистов проголосовало на три четверти миллиона больше, чем на предыдущих выборах, а за социал-демократов – на столько же меньше. В результате коммунисты получили 100 мест (было 89), а социалисты 121 (было 133). Немецкая национальная партия – единственная оставшаяся на стороне правительства – получила дополнительно около

миллиона голосов (очевидно, за счет нацистов) и имела теперь 52 места (было 37). Хотя национал-социалисты и продолжали оставаться крупнейшей партией в стране, потеря двух миллионов голосов была весьма ощутимой. Впервые огромный прилив нацизма пошел на убыль, причем от точки, далеко не достигшей уровня требуемого большинства. Легенда о ее непобедимости рассеялась как дым. Позиции Гитлера ослабели после июля и уже не позволяли торговаться с кем-либо за власть.

Понимая это, Папен отбросил, как он выразился, «личную неприязнь» к Гитлеру и 13 ноября послал ему письмо, приглашая «обсудить обстановку». Но Гитлер выдвинул в своем ответе такие условия, что Папен оставил всякую надежду на взаимопонимание с ним. Неприимимость нацистского лидера не удивила ветреного, недалекого канцлера, но что его озадачило, так это новый курс его друга и наставника Шлейхера. Ибо этот скользкий махинатор решил, что Папен, подобно его предшественнику Брюнингу, больше ему не нужен. В его деятельном мозгу родились новые планы. Папен должен уйти. Надо развязать президенту руки, чтобы он мог вести дело с политическими партиями, особенно с крупнейшими. По настоянию Гинденбурга 17 ноября Папен и его министры подали в отставку, и президент немедленно послал за Гитлером.

Их встреча, состоявшаяся 19 ноября, проходила в более теплой атмосфере, чем та, что имела место 13 августа. На этот раз президент предложил Гитлеру кресло и провел с ним более часа. Гинденбург предоставил ему выбор: либо пост канцлера, если он сможет склонить реальное большинство депутатов рейхстага в пользу определенной программы, либо пост вице-канцлера в новом президентском кабинете под руководством Папена, который будет управлять посредством чрезвычайных декретов. 21 ноября Гитлер встретился с президентом еще раз, а потом обменялся несколькими письмами с Мейснером. Но к согласию они не пришли. Гитлер заявил, что не сможет обеспечить реальное большинство в парламенте. Хотя партия «Центр» и согласилась поддерживать его при условии, что он не будет домогаться диктаторских полномочий, от Гинденбурга как выразителя воли националистов таких заверений не поступило. Тогда Гитлер потребовал поста главы президентского кабинета на прежних условиях. Гинденбург не пошел на это. Уж если кабинету министров и дальше придется править посредством чрезвычайных декретов, то президент предпочтет видеть на посту канцлера Папена. В письме, посланном от его имени Мейснером, Гитлеру было заявлено, что он не может рассчитывать на этот пост, ибо «в этом случае кабинет министров непременно превратится в орудие партийной диктатуры... Я не могу взять на себя за это ответственность, нарушив присягу и идя против совести». А что же Гитлер? Постучался еще раз в дверь – она чуть-чуть приоткрылась и тотчас снова захлопнулась.

Такого исхода и ожидал Папен. Направляясь 1 декабря вместе со Шлейхером на прием к Гинденбургу, он был уверен, что его вновь назначат канцлером. Он и не подозревал, какие планы вынашивал интриган Шлейхер. А тот, встретившись со Штрассером, высказал предложение: если нацисты не желают входить в правительство Папена, то, может, захотят войти в его, Шлейхера, кабинет, если он станет канцлером? После этого разговора Гитлера пригласили в Берлин для консультаций с генералом. Согласно одной из версий, широко распространенной немецкой печатью и впоследствии признанной большинством историков, фюрер отправился вечерним поездом из Мюнхена в Берлин, но по дороге, в Йене, уже глубокой ночью был задержан Герингом и тайно препровожден в Веймар на совещание нацистской верхушки. Однако более вероятной, как ни странно, нам представляется другая версия, исходящая из самих нацистских источников. Дневниковая запись Геббельса за 30 ноября свидетельствует, что Гитлер действительно получил телеграмму с просьбой срочно прибыть в Берлин, но решил не торопиться. Пусть Шлейхер подождет, а он пока посоветуется со своими сподвижниками в Веймаре, где ему предстоит выступить в связи с началом кампании по выборам в ландтаг Тюрингии.

На этом совещании, состоявшемся 1 декабря (в нем участвовала «большая пятерка»: Геринг, Геббельс, Штрассер, Фрик и Гитлер), выявились серьезные разногласия. Штрассер и поддержавший его Фрик считали, что нацисты должны отнестись к правительству Шлейхера по крайней мере терпимо, хотя лично Штрассер предпочел бы войти в его состав. Геринг и Геббельс решительно возражали против такого курса. Гитлер взял сторону последних. На другой день он встретился с посланным Шлейхером человеком, неким майором Оттом, и попросил посоветовать генералу не принимать пост канцлера. Но было уже поздно.

Папен и не догадывался об интриге, которую плел за его спиной Шлейхер. 1 декабря в начале совещания у президента он бойко изложил свои планы на будущее, полагая, что останется на посту канцлера и будет править с помощью чрезвычайных декретов, а рейхстаг пусть остается как есть, пока он, Папен, «не исправит конституцию». Суть поправок, которые он хотел внести, сводилась к тому, чтобы вернуть страну к временам империи и восстановить власть консервативных классов. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе и в мемуарах он признал, как говорил фельдмаршалу, что его предложения о поправках предусматривали «нарушение президентом действующей конституции». Но он заверил Гинденбурга, что «его совесть будет чиста, поскольку он ставит благополучие нации выше клятвы верности конституции». Точно так же, добавил он, поступил в свое время Бисмарк, когда дело коснулось «интересов страны».

К великому удивлению Папена, Шлейхер прервал его и стал возражать. Играя на явном нежелании президента нарушать клятву верности конституции, если этого можно избежать (а избежать, считал генерал, можно), он заявил, что поверит в реальность существования правительства, способного завоевать на свою сторону большинство депутатов рейхстага, если во главе этого правительства поставят его, Шлейхера. Он убежден, что ему удастся отколоть от Гитлера по крайней мере 60 нацистских депутатов, в том числе Штрассера. К этой группе нацистов он сможет добавить представителей мелкобуржуазных партий, а также социал-демократов. Он даже считает, что его поддержат и профсоюзы.

Возмущенный такой идеей, Гинденбург повернулся лицом к Папену и предложил ему немедленно приступить к формированию кабинета. «Шлейхер, – свидетельствовал потом Папен, – был явно ошеломлен». После ухода от президента они долго спорили, но ни до чего не договорились. Расставаясь с Папеном, Шлейхер повторил знаменитые слова, которыми напутствовали когда-то Лютера, отправлявшегося в Вормс: «Маленький инок, ты избрал тяжелый путь».

В том, насколько этот путь тяжел, Папен убедился на следующий день, в девять часов утра, на созванном им заседании кабинета.

«Шлейхер встал, – говорит Папен, – и объявил, что нет никакой возможности выполнить директиву, данную мне президентом. Всякая попытка выполнить ее ввергнет страну в хаос. В случае гражданской войны ни полиция, ни вооруженные силы не смогут обеспечить бесперебойную работу транспорта и системы снабжения. Генеральный штаб тщательно изучил этот вопрос, подготовил доклад и поручил майору Отту (его автору) представить этот доклад кабинету министров».

Вслед за тем генерал пригласил в зал заседаний майора Ойгена Отта (позднее он станет гитлеровским послом в Токио) и попросил представить доклад. Если сказанное Шлейхером потрясло Папена, то появление Отта с таким докладом повергло в ужас. А Отт просто сказал, что «защита границ и поддержание порядка, нарушаемого нацистами и коммунистами, не под силу военным частям, имеющимся в распоряжении федерального и земельных правительств. В связи с этим правительству рейха рекомендуется воздержаться от объявления чрезвычайного положения».

К великому удивлению и огорчению Папена, немецкая армия, некогда спровадившая кайзера, а совсем недавно устранившая по подсказке Шлейхера генерала Грёнера и канцлера

Брюнинга, избавлялась теперь от него. С этой вестью он немедленно отправился к Гинденбургу, надеясь, что президент, вняв его совету, сместит Шлейхера с должности министра обороны и утвердит его, Папена, в должности канцлера.

«Мой дорогой Папен, – отвечал президент, – вы плохого обо мне мнения, если полагаете, что я изменю свое решение. Я слишком стар и слишком много пережил, чтобы брать на себя ответственность за гражданскую войну. Наша единственная надежда – Шлейхер. Пусть он попытает счастья».

«По щекам Гинденбурга скатились две крупные слезы», – вспоминает Папен. Через несколько часов, когда уволенный канцлер собирал со своего письменного стола бумаги, ему принесли фотографию президента с надписью: «Ich hart' einen Kameraden!»¹⁹ На следующий день Гинденбург прислал ему записку, написанную собственной рукой, в которой извещал, что с тяжелым сердцем освобождает его от должности, и еще раз заверил в «неизменном доверии» к нему. Президент писал правду и в скором времени сумел это доказать.

2 декабря Курт фон Шлейхер стал канцлером – первым генералом, занявшим этот пост после генерала графа Георга Лео фон Каприви де Капрара де Монтекукколи, заменившего Бисмарка в 1890 году. Многосложные интриги возвели наконец Шлейхера на высшую должность как раз в тот момент, когда экономический спад, о котором он не имел понятия, достиг наивысшей точки, когда рушилась Веймарская республика, которой он причинил так много вреда, когда никто ему уже не верил – не верил даже президент, которым он так долго манипулировал. Дни его пребывания на вершине власти были сочтены – это знали почти все, кроме него. И нацисты в этом не сомневались. В дневнике Геббельса за 2 декабря имеется запись: «Шлейхера назначили канцлером. Долго он не протянет».

Так же думал и Папен. Он страдал от уязвленного самолюбия и жаждал отомстить «другу и преемнику», как он именует его в своих мемуарах. Чтобы убрать Папена с дороги, Шлейхер предложил ему должность посла в Париже, но тот отказался. Президент, как указывает Папен, хотел, чтобы он оставался в Берлине «в пределах досягаемости». Берлин служил ему самым удобным местом для плетения интриг против главного интригана. Живой, энергичный Папен взялся за дело. К концу 1932 года, прошедшего в атмосфере раздоров и междоусобиц, Берлин погряз в заговорах и контрзаговорах. Кроме интриг, которые плели друг против друга Папен и Шлейхер, не затихала возня и в президентском дворце вокруг президента, активную роль в которой играли сын Гинденбурга Оскар и статс-секретарь Мейснер. Кишел заговорами и отель «Кайзерхоф», где Гитлер и его окружение не только замыслили захват власти, но и строили взаимные козни. В конце концов сети интриг настолько переплелись, что к началу 1933 года никто из заговорщиков не мог сказать точно, кто кого предает. Но пройдет немного времени, и все выяснится.

Шлейхер – последний канцлер республики

«Я находился у власти всего пятьдесят семь дней, – сказал как-то Шлейхер в беседе с французским послом, – и не проходило дня без того, чтобы меня кто-нибудь не предавал. Так что не толкуйте вы мне о «немецкой порядочности»!» Лучшим подтверждением его слов были собственная карьера Шлейхера и его практические дела.

Свою деятельность в качестве канцлера Шлейхер начал с того, что, не сумев заполучить в свой кабинет Гитлера, предложил посты вице-канцлера и министра-президента Пруссии Грегору Штрассеру, надеясь тем самым внести раскол в ряды нацистов. Имелось основание полагать, что расчет его оправдается. Штрассер являлся вторым человеком в партии, а в ее левом крыле, искренне верившем в национал-социализм, пользовался даже большим влиянием, чем

¹⁹ У меня был друг (нем.) – слова из популярной солдатской песни времен Первой мировой войны.

Гитлер. В качестве руководителя Политической организации он был непосредственно связан со всеми нацистскими лидерами в землях и городах и мог, казалось, рассчитывать на их преданность. К этому времени он укрепился в мысли, что Гитлер завел движение в тупик. Стронники более радикальной политики стали переходить на сторону коммунистов. Опустела партийная касса. Фрицу Тиссену было строго рекомендовано прекратить выдачу субсидий движению. Не было даже денег на выплату жалованья тысячам партийных функционеров и на содержание отрядов СА (одни эти отряды обходились партии в два с половиной миллиона марок в неделю). Типографии, печатавшие обширную нацистскую прессу, грозились остановить машины, если им не заплатят по просроченным счетам.

11 ноября Геббельс записал в дневнике: «Финансовое положение берлинской организации безнадежно. Ничего, кроме долгов и обязательств». А в феврале он пожаловался, что придется сократить жалованье партийным функционерам. В довершение всего земельные выборы в Тюрингии, состоявшиеся 3 декабря, в тот день, когда Шлейхер вызвал к себе Штрассера, показали, что нацисты потеряли 40 процентов голосов. Стало очевидно, по крайней мере Штрассеру, что посредством голосования нацистам прийти к власти не удастся. Посему он настаивал, чтобы Гитлер отказался от девиза «Все или ничего» и брал то, что дают, то есть вошел бы в коалиционное правительство Шлейхера. В противном случае, предостерегал он, партия развалится. Эту мысль он высказывал на протяжении нескольких месяцев, и дневниковые записи Геббельса за период с середины лета до декабря полны горьких сетований на «нелояльность» Штрассера по отношению к Гитлеру.

5 декабря на совещании нацистской верхушки в «Кайзерхофе» произошли открытые дебаты. Штрассер потребовал, чтобы нацисты терпимо отнеслись к правительству Шлейхера. Его поддержал Фрик – глава нацистской парламентской фракции, многие члены которой боялись лишиться депутатского жалованья, если Гитлер спровоцирует новые выборы. Геринг и Геббельс резко выступили против Штрассера и склонили на свою сторону Гитлера. Тот не пожелал «терпеть» режим Шлейхера, хотя, оказывается, по-прежнему готов был «вести с ним переговоры». И миссию эту он возлагает на Геринга (он уже был осведомлен, что за два дня до этого у Штрассера состоялась доверительная беседа с канцлером). 7 декабря Гитлер и Штрассер снова встретились в «Кайзерхофе» для откровенного разговора. Встреча закончилась громким скандалом. Гитлер обвинил своего главного сподвижника в том, что тот пытается нанести ему удар в спину, отстранить от руководства партией и расколоть нацистское движение. Штрассер гневно отверг все обвинения, уверяя, что никогда не занимался двурушничеством, и в свою очередь обвинил Гитлера в том, что тот ведет партию к гибели. Видимо, во время той перепалки он высказал Гитлеру не все, что у него накопилось после событий 1925 года. Вернувшись в номер отеля «Эксельсиор», где он остановился, Штрассер изложил все это в письме к Гитлеру, закончив просьбой освободить его от всех занимаемых в партии постов.

Это письмо, доставленное Гитлеру 8 декабря, произвело, как сказано в дневнике Геббельса, впечатление «разорвавшейся бомбы». В «Кайзерхофе» воцарилась кладбищенская тишина. «Все мы удручены и подавлены», – признался Геббельс. Это был жестокий удар. Таких ударов Гитлер не испытывал на себе с 1925 года – с тех пор, как реорганизовал партию. Именно сейчас, когда он стоит, можно сказать, в преддверии власти, его главный соратник бежит от него, грозя уничтожить все то, что он создал за последние семь лет.

«Вечером, – записал Геббельс, – к нам домой пришел фюрер. Трудно казаться веселым. Все мы угнетены еще и потому, что существует опасность полного развала партии. Все наши усилия оказались напрасными... Телефонный звонок от д-ра Лея. Положение в партии ухудшается с каждым часом. Фюрер должен немедленно вернуться в «Кайзерхоф».

В два часа ночи Геббельса вызвали к Гитлеру. Штрассер успел передать информацию утренним газетам, которые уже появились на улицах. Вот реакция Гитлера, воспроизведенная Геббельсом:

«Измена! Измена! Измена! Несколько часов кряду фюрер метался по гостиничному номеру. Акт предательства ожесточил его и глубоко ранил. Наконец он остановился и сказал: «Если партия распадется, то один лишь выстрел – и через три минуты все кончено».

Но партия не распалась, и Гитлер не застрелился. Возможно, Штрассер и достиг бы своей цели, что коренным образом изменило бы ход истории, однако в решающий момент он сдал позиции. С согласия Гитлера Фрик разыскивал его по всему Берлину, чтобы попытаться как-то уладить конфликт и тем спасти партию от катастрофы. Но Штрассеру надоела вся эта история, и он, сев в поезд, отправился отдыхать в солнечную Италию. Гитлер же, оказывавшийся на высоте всякий раз, когда обнаруживал слабину у своих противников, действовал быстро и решительно. Политическую организацию – детище Штрассера – он возглавил лично, а начальником штаба назначил д-ра Лея, гаулейтера Кёльна. Приближенные Штрассера были изгнаны, а все лидеры партии приглашены в Берлин подписать новую декларацию верности Адольфу Гитлеру, что они и сделали.

И снова коварный австриец вывернулся из положения, которое могло стать для него роковым. А Грегор Штрассер, которого многие считали фигурой покрупнее Гитлера, быстро сошел со сцены. В дневниковой записи Геббельса за 9 декабря он значился «мертвецом». Два года спустя, когда Гитлер начал сводить старые счета, он стал мертвецом уже не в переносном, а в буквальном смысле.

10 декабря, через неделю после того как генерал фон Шлейхер дал ему подножку, Франц фон Папен начал плести собственную интригу. Вечером того же дня он выступил в закрытом клубе «Герренклуб», объединявшем представителей аристократических и крупных финансовых кругов (из них он сформировал свой недолговечный кабинет), после чего имел частную беседу с бароном Куртом фон Шредером – кёльнским банкиром, оказывавшим финансовую помощь национал-социалистической партии. В этой беседе он попросил названного финансиста устроить ему тайную встречу с Гитлером. В своих мемуарах Папен утверждает, что Шредер сам подсказал ему мысль о такой встрече, а он, дескать, согласился. По странному совпадению мысль о встрече высказал ему от имени нацистского лидера и Вильгельм Кепплер, экономический советник Гитлера и один из посредников между ним и деловыми кругами. И вот два человека, бывшие всего несколько недель назад в столь неприязненных отношениях, съехались утром 4 января в Кёльн, в дом Шредера, чтобы побеседовать, как они надеялись, в обстановке строжайшей секретности. К удивлению Папена, еще у входа его встретил какой-то человек и сфотографировал, однако он тотчас забыл о нем. Но наутро ему об этом напомнили. Гитлер явился в сопровождении Гесса, Гиммлера и Кепплера. Он оставил их в гостиной, сам же прошел в кабинет Шредера, где и провел два часа наедине с Папеном и хозяином дома. Сперва беседа не налаживалась, так как Гитлер начал упрекать Папена за плохое отношение к нацистам в бытность его канцлером, но скоро переключилась на то главное, что определило потом судьбу обоих собеседников и страны в целом.

Момент для шефа нацистов был решающий. После бегства Штрассера он лишь ценой нечеловеческих усилий сохранил целостность партии. Исколесил всю страну, выступая по три-четыре раза в день на собраниях, призывая лидеров партии держаться вместе, следовать его курсу. Но настроение у нацистов по-прежнему было подавленное, финансовое положение партии – бедственное. Многие предрекали ей скорый конец. Настроение в партии нашло отражение в дневниковых записях Геббельса за последние недели года: «1932 год принес нам сплошные несчастья... Прошлое было трудным, будущее выглядит мрачным и унылым; не видно перспективы, пропала надежда». Из этого следует, что положение Гитлера было далеко не такое выгодное, как прошлым летом и осенью, чтобы торговаться, однако не в лучшем положении находился и Папен, лишенный должности канцлера. И они, как друзья по несчастью, сошлись во мнениях.

Условия, на которых они встретились, являются предметом споров. Папен утверждал на Нюрнбергском процессе и в своих мемуарах, что не стремился действовать во вред Шлейхеру, а лишь рекомендовал Гитлеру войти в состав кабинета, формируемого генералом. Но, зная по опыту, как часто Папен делал лживые заявления, и учитывая его естественное желание выставить себя в лучшем свете, более достоверной представляется картина, нарисованная на том же процессе Шредером. Этот банкир показал, что в действительности Папен предлагал заменить кабинет Шлейхера кабинетом Гитлера – Папена, которым они руководили бы на равных.

Однако «Гитлер... сказал: если он станет канцлером, то будет подлинным главой правительства. Сторонники же Папена могут участвовать в нем в качестве министров, если захотят следовать его курсу многих перемен. Эти перемены включают устранение с руководящих постов социал-демократов, коммунистов и евреев и восстановление общественного порядка в Германии. Фон Папен и Гитлер в принципе договорились... Они согласились разработать дальнейшие детали в Берлине или в другом удобном месте».

Переговоры, разумеется, велись в обстановке строжайшей секретности. Однако 5 января, к ужасу Папена и Гитлера, утренние берлинские газеты вышли с громадными заголовками, сообщавшими о встрече в Кёльне, с ругательными редакционными статьями в адрес Папена за его предательство в отношении Шлейхера. Хитрый генерал, будучи человеком догадливым, послал в Кёльн своих людей; в их числе, как потом понял Папен, был и тот самый фотограф, который снимал его возле дома Шредера.

Помимо договоренности с Папеном Гитлер извлек из кёльской встречи два весьма ценных для него урока. Во-первых, он узнал от бывшего канцлера, что Гинденбург не сохранил за Шлейхером права на роспуск рейхстага. Это означало, что нацисты, сблотившись с коммунистами, могут, когда захотят, легко сместить Шлейхера. Во-вторых, во время беседы ему дали понять, что деловые круги западной части Германии намерены взять на себя долги нацистской партии. Через два дня после кёльнских переговоров Геббельс упоминал о «приятных событиях в политической жизни», но все еще жаловался на «скверное финансовое положение». А уже через десять дней, 16 января, отметил, что финансовое положение партии «за две недели коренным образом улучшилось».

Тем временем канцлер Шлейхер, не теряя оптимизма – близорукого, если не сказать больше, – продолжал попытки создать жизнеспособное правительство. 15 декабря он выступил по радио с неофициальным обращением к нации, призывая забыть, что он генерал, уверяя слушателей, что он не поддерживает «ни капитализм, ни социализм» и что его уже не приводят в ужас «такие понятия как частная и плановая экономика». Основная задача Шлейхера, по его словам, состоит в том, чтобы дать работу безработным и вернуть устойчивость экономике государства. Налоги повышаться не будут, зарплата понижаться тоже не будет. Он даже идет на то, чтобы отменить последнее решение Папена о сокращении зарплаты и пособий. Кроме того, он отменяет квоты сельскохозяйственного производства, введенные в угоду крупным землевладельцам, и приступает к осуществлению планов, предусматривающих отчуждение у разорившихся юнкеров восточной части страны 800 тысяч акров земли и раздачу ее 25 тысячам крестьянских семей. Цены на такие предметы первой необходимости, как уголь и мясо, подлежат строгому контролю.

Это была попытка заручиться поддержкой тех самых масс, которым он доселе противопоставлял себя и интересы которых игнорировал. За выступлением по радио последовали беседы Шлейхера с лидерами профсоюзов, у которых создалось впечатление, что в организованных рабочих и в армии он видит две главные будущие опоры нации. Однако рабочие профсоюзы не захотели сотрудничать с человеком, к которому не питали никакого доверия. Что касается промышленников и крупных землевладельцев, то они ополчились на нового канцлера за его программу, которую называли не иначе как большевистской, а дружеские жесты Шлей-

хера в адрес профсоюзов привели их в смятение. Владельцы крупных поместий негодовали по поводу его решения уменьшить государственные субсидии помещикам и приступить к экспроприации разорившихся поместий в Восточной Германии. 12 января «Ландбунд», объединение крупных помещиков, выступил с яростными нападками на правительство, а его руководство, в состав которого входили двое нацистов, заявило протест президенту. Гинденбург, сам ставший юнкером-землевладельцем, призвал канцлера к ответу. Тогда Шлейхер пригрозил опубликовать секретный доклад рейхстага об афере «Восточная помощь». В этом скандальном деле, о котором все знали, были замешаны сотни юнкерских семейств, разжиревших на безвозмездных государственных «займах», а также косвенно сам президент, поскольку восточно-прусское поместье, подаренное ему, было незаконно зарегистрировано на имя его сына, что освобождало последнего от налога на наследство.

Невзирая на шум, поднятый промышленниками и землевладельцами, невзирая на прохладное отношение профсоюзов, Шлейхер почему-то уверовал, что все идет гладко. По случаю праздника нового, 1933 года он и его министры нанесли визит президенту, и тот обласкал их, сказав: «...Самые большие трудности позади, перед нами дорога к лучшему».

4 января, в тот день, когда Папен и Гитлер совещались в Кёльне, канцлер устроил Штрассеру, возвратившемуся к тому времени из Италии, встречу с Гинденбургом. В беседе с президентом, имевшей место два дня спустя, Штрассер дал согласие войти в кабинет Шлейхера. Этот шаг внес смятение в стан нацистов, размещавшийся в тот момент в Липпе, где Гитлер и его главные подручные отчаянно бились за успех на местных выборах, чтобы укрепить позиции фюрера в дальнейших переговорах с Папеном. Геббельс сообщает в дневнике о появлении там в ночь на 13 января Геринга с дурными новостями о Штрассере. Главари партии, рассказывает Геббельс, всю ночь обсуждали случившееся. Все были того мнения, что если Штрассер действительно примет предложение Шлейхера, то партия окажется в весьма затруднительном положении.

Так думал и Шлейхер. 15 января в беседе с Куртом фон Шушнигом, тогдашним австрийским министром юстиции, он безапелляционно заявил, что «герр Гитлер уже не проблема, его движение больше не представляет политической угрозы, судьба его решена, он канул в прошлое».

Но Штрассер не вошел в кабинет; не вошел в него и Гутенберг, лидер националистической партии. Оба решили вернуться к Гитлеру. Штрассера без обиняков отвергли, к Гутенбергу же отнеслись радушнее. 15 января, в тот самый день, когда Шлейхер злорадно доказывал Шушнигу, что с Гитлером покончено, нацисты добились успеха на местных выборах в Липпе. Успех, правда, был не столь уж значителен. Из 90 тысяч избирателей этой маленькой земли за нацистов проголосовало 38 тысяч, или 39 процентов, – на 17 процентов больше, чем на прошлых выборах. Но Геббельс и его компания подняли такой шум вокруг этой победы, что произвели впечатление на ряд консерваторов, включая приближенных Гинденбурга, и прежде всего статс-секретаря Мейснера и сына президента Оскара.

Вечером 22 января эти господа тайно вышли из президентского дворца, поймали такси, чтобы не бросаться в глаза посторонним, как выразился Мейснер, и отправились в пригородный дом доселе неизвестного нациста по имени Иоахим Риббентроп, являвшегося другом Папена (во время войны они вместе служили на Турецком фронте). Там их встретили Папен, Гитлер, Геринг и Фрик. По словам Мейснера, до этого рокового вечера Оскар фон Гинденбург был против каких-либо контактов с нацистами. Возможно, Гитлер об этом знал; во всяком случае, он предложил поговорить с Оскаром «с глазу на глаз». К удивлению Мейснера, Гинденбург-младший согласился. Они уединились в соседней комнате и провели там около часа. О том, что сказал Гитлер сыну президента, не отличавшемуся ни блестящим интеллектом, ни твердостью характера, никогда не писалось. В кругу нацистов имели хождение разговоры, будто фюрер обещал и угрожал одновременно. Угрожал, в частности, обнаружить сведения о

причастности Оскара к афере «Восточная помощь» и о том, каким образом ему удалось избежать уплаты налогов на поместье отца. Что касается обещаний, то о них можно судить по тому факту, что спустя несколько месяцев семья Гинденбургов присоединила к своим владениям 5 тысяч акров необлагаемой налогом земли, а Оскару, дотоле полковнику, в августе 1934 года присвоили звание генерал-майор.

Как бы то ни было, нет сомнения в том, что Гитлер произвел на сына президента сильное впечатление. «Всю дорогу, пока мы ехали обратно в такси, – показал Мейснер на процессе в Нюрнберге, – Оскар фон Гинденбург молчал. Сказал лишь, что делать нечего, надо пускать нацистов в правительство. Мне показалось, что Гитлеру удалось подчинить его своему обаянию».

Гитлеру оставалось расположить к себе отца. Сделать это, по общему признанию, было трудно: как ни ослаблен был престарелый фельдмаршал, годы не смягчили его крутого нрава. Трудно, но не невозможно. Деятельный, как бобр, Папен не переставал обрабатывать старика. И становилось все очевиднее, что Шлейхер, несмотря на свою изворотливость, теряет почву под ногами. Не удалось ему ни привлечь нацистов на свою сторону, ни расколоть их. Не сумел он и заручиться поддержкой националистов, партии «Центр» и социал-демократов.

23 января Шлейхер посетил президента. Он признал, что не может добиться поддержки парламентского большинства, и потребовал распустить рейхстаг, чтобы править страной с помощью президентских декретов, как это предусмотрено статьей 48 конституции. По словам Мейснера, генерал просил, кроме того, «временно упразднить» рейхстаг и признался, что вынужден будет установить «военную диктатуру». Таким образом, сколько бы Шлейхер ни хитрил и ни лавировал, он все равно оказался в том же положении, в каком находился в начале декабря Папен, только теперь они поменялись ролями. Прежде Папен требовал предоставления ему чрезвычайных полномочий, а Шлейхер возражал, заявляя, что мог бы, став канцлером, обеспечить поддерживаемое нацистами парламентское большинство. Теперь сам Шлейхер настаивал на установлении диктаторского режима, в то время как Папен, хитрая лиса, заверял фельдмаршала, что сможет склонить Гитлера на сторону правительства, которое получит поддержку парламентского большинства. Вот чем могут обернуться каверзы и интриги! Гинденбург напомнил Шлейхеру, почему он 2 декабря сместил Папена, и указал, что с тех пор ничего нового не произошло. Поэтому он просит генерала и дальше добиваться парламентского большинства. Шлейхер понял, что дело его проиграно. Поняли это и те, кто был посвящен в его тайну. Геббельс, один из немногих посвященных, на следующий день записал: «Шлейхера свалят в любой момент – так же, как он свалил многих других».

Официальный конец карьеры генерала наступил 29 января, когда он подал президенту прошение об отставке своего кабинета. «Я уже одной ногой в могиле, – заявил Гинденбург обозленному Шлейхеру, – и надеюсь, что мне не придется потом, на небесах, сожалеть о своем решении». «После такой несправедливости, господин президент, я не уверен, что вы действительно попадете на небеса», – парировал Шлейхер и удалился с исторической сцены Германии.

В полдень того же дня президент поручил Папену выяснить, нельзя ли сформировать правительство во главе с Гитлером «на условиях, предусмотренных конституцией». В течение недели этот хитрый, честолюбивый человек тешил себя мыслью: а не предать ли ему Гитлера и не стать ли снова канцлером при поддержке Гугенберга? 27 января Геббельс записал: «До сих пор не исключено, что Папен снова станет канцлером». За день до этого Шлейхер послал главнокомандующего армией генерала фон Хаммерштейна к президенту с поручением предостеречь его от назначения Папена. В обстановке сложных интриг, опутавших Берлин, Шлейхер в последнюю минуту стал настойчиво ратовать за назначение на свое место Гитлера. В ответ на это Гинденбург сказал главнокомандующему, что не намерен назначать австрийского ефрейтора канцлером.

Воскресный день 29 января стал решающим. Заговорщики раскрыли свои последние карты и наводнили столицу самыми тревожными и противоречивыми слухами, причем многие из них не были беспочвенными. Шлейхер снова отправил верного Хаммерштейна мутить воду. На этот раз тот встретился с Гитлером и предупредил, что Папен может оставить его в дураках, поэтому будет лучше, если фюрер пойдет на союз со смещенным канцлером и военными. Но Гитлер не проявил к этому большого интереса. Возвратившись в «Кайзерхоф», он созвал своих приспешников и заказал кофе с пирожными. За этой трапезой их и застал Геринг, прибывший с известием, что на следующий день фюрера назначат канцлером.

В тот вечер, когда нацистские главари, собравшиеся в квартире Геббельса на Рейхсканцлерплац, радовались этой важной вести, к ним явился эмиссар Шлейхера Вернер фон Альвенслебен и сообщил еще одну потрясающую новость. Этот человек помешался на заговорах – они виделись ему даже там, где их не было. Он донес нацистам, что Шлейхер и Хаммерштейн объявили тревогу в Потсдамском гарнизоне, готовят выслать президента в Нейдек и установить военную диктатуру. Эмиссар сильно преувеличивал. Можно допустить, что названные генералы действительно вынашивали такую идею, однако до практических шагов было, по-видимому, далеко. Тем не менее нацисты не на шутку встревожились. Геринг быстро, насколько позволяла его тучность, направился через площадь во дворец, чтобы предупредить Гинденбурга и Папена об опасности. О том, какие шаги предпринял Гитлер, позднее расскажет он сам:

«Моей немедленной контрмерой в отношении планируемого путча было вызвать командира СА в Берлине графа фон Гельддорфа и через него поднять по тревоге все берлинские отряды СА. Одновременно я поручил майору полиции Беке, который, как я знал, заслуживал моего доверия, подготовиться к внезапному захвату здания на Вильгельмштрассе шестью батальонами полицейских... Наконец, я поручил генералу Бломбергу, которого намечали в министры рейхсвера, по прибытии в Берлин в 8 утра 30 января немедленно явиться к Старому Господину и официально вступить в должность, с тем чтобы иметь возможность уже в качестве главы рейхсвера подавлять всякие попытки переворота».

За спиной Шлейхера и главнокомандующего – в то сумасшедшее время все делалось за чьей-то спиной – генерал Вернер фон Бломберг был вызван (не Гитлером, который еще не стоял у власти, а Гинденбургом и Папеном) из Женевы, где он представлял Германию на конференции по разоружению, чтобы стать министром обороны в кабинете Гитлера – Папена. Этот человек, как подтвердил потом сам Гитлер, уже пользовался доверием фюрера, поскольку находился под влиянием полковника Вальтера фон Рейхенау, начальника его штаба в Восточной Пруссии, известного своими симпатиями к нацистам. Когда Бломберг прибыл в Берлин – это произошло 30 января, рано утром, – на вокзале его встретили два армейских офицера с двумя противоречивыми приказами. Некий майор фон Кунтцен, адъютант Хаммерштейна, предложил ему явиться к главнокомандующему, а полковник Оскар фон Гинденбург, адъютант своего отца, – к президенту республики. Смущенный Бломберг поехал к президенту, который немедленно привел его к присяге в качестве министра обороны, уполномочив не только пресекать любые попытки мятежа в армии, но и подкреплять военной силой новое правительство, которое будет сформировано через несколько часов. Гитлер навсегда остался благодарен военным за поддержку, оказанную ему в тот решающий момент. Выступая вскоре после этих событий на партийном митинге, он сказал: «Если бы в те дни нашей революции армия не пришла к нам на помощь, мы бы сегодня здесь не стояли». Таким образом, военные взяли на себя тяжкую ответственность, о чем им в дальнейшем придется горько пожалеть.

В то ветреное утро 30 января 1933 года трагедия Веймарской республики, длившаяся четырнадцать тягостных лет и состоявшая из неуклюжих попыток немцев заставить демократию действовать, приближалась к концу. Но завершилась она не сразу. В тот самый момент, когда казалось, что занавес вот-вот опустится в последний раз, на сцене разыгрался маленький

фарс с участием разношерстной группы заговорщиков, собравшихся на похороны республиканского строя. Вот как описал его позднее Папен:

«Около половины одиннадцатого члены предполагаемого кабинета, собравшись в моем доме, прошли потом садом в президентский дворец и стали ждать в канцелярии Мейснера. Гитлер тут же повторил свои жалобы, что его не назначили комиссаром по делам Пруссии. Он считал, что это серьезно ограничивает его права. Я сказал ему, что к вопросу о его прусском назначении можно будет вернуться позже. На это Гитлер ответил, что при таком ограничении власти он вынужден будет потребовать новых выборов в рейхстаг.

Создалась совершенно новая ситуация, спор ожесточился. Гугенберг, в частности, высказался против идеи новых выборов. Гитлер попробовал успокоить его, заверив, что независимо от результатов выборов кабинет будет сохранен в том же составе... Одиннадцать часов, когда должна была начаться беседа с президентом, давно уже пробило, поэтому Мейснер попросил меня прервать дискуссию: Гинденбург не мог ждать дольше.

Эта стычка произошла так внезапно, что я испугался, как бы наша коалиция не распалась еще до появления на свет... Наконец нас пригласили к президенту и я сделал необходимые официальные представления. Гинденбург произнес небольшую речь о необходимости всемерно сотрудничать в интересах нации и привел нас к присяге. Кабинет Гитлера стал фактом».

Вот таким путем – с черного хода, посредством бесчестной сделки с махровыми реакционерами, которых он в душе презирал, – бывший венский босяк сделался канцлером великой Германии.

Правда, национал-социалисты составляли в правительстве несомненное меньшинство; на их долю в кабинете пришлось только три министерские должности из одиннадцати, да и те, если не считать поста канцлера, не были ключевыми. Фрика назначили министром внутренних дел, но полиция ему не подчинялась (в Германии в отличие от других европейских стран она входила в ведение отдельных земель). Третьим нацистом в правительстве был Геринг, но для него не нашлось министерства; его пока называли министром без портфеля, имея в виду в дальнейшем, когда Германия будет располагать военно-воздушными силами, поставить во главе министерства авиации. Кроме того, он являлся министром внутренних дел Пруссии (там в его ведение входила и полиция), но эта должность была не столь заметна, поскольку все внимание общественности сосредоточилось на правительстве рейха. Имя Геббельса, к удивлению многих, в списке кабинета не фигурировало – на этом этапе он остался ни с чем.

Важнейшие же министерства отошли к консерваторам, убедившимся в том, что им удалось подчинить нацистов своим интересам: Нейрат как был, так и остался министром иностранных дел; Бломберга назначили министром обороны; Гугенберг взял себе объединенное министерство продовольствия и сельского хозяйства; Зельдт, шеф «Стального шлема», стал министром труда; другие министерства Папен еще восемь месяцев назад отдал беспартийным «экспертам». Сам Папен стал не только вице-канцлером, но и президентом-министром Пруссии. Гинденбург дал ему обещание принимать канцлера не иначе как в его присутствии, и Папен уверовал, что исключительное положение, которое он занял, позволит ему держать экспансивного нацистского лидера в рамках. Более того, такой состав кабинета отвечал замыслам Папена, был его детищем. Папен не сомневался, что благодаря стойкости старого президента, являвшегося его другом, почитателем и опекуном, и умелой поддержке со стороны коллег-консерваторов, численно превосходивших буйных нацистов в соотношении восемь к трем, он займет в правительстве руководящее положение.

Но этот легкомысленный, слабохарактерный политик не знал Гитлера (его вообще никто не знал) и не представлял, какие силы его породили. Ни Папен, ни кто-либо Другой, кроме Гитлера, не отдавал себе полного отчета в необъяснимой податливости тогдашних институтов – армии, церкви, профсоюзов, политических партий, а также Широких средних слоев, настро-

енных не в пользу нацистов, и высокоорганизованного пролетариата, которые, как мрачно констатировал много позднее Папен, «сдались без боя».

Ни один класс, ни одна группа лиц, ни одна партия не может снять с себя вину за отречение от демократической республики и за приход Адольфа Гитлера к власти. Кардинальная ошибка немцев, настроенных против нацизма, заключалась в том, что они не объединились для борьбы с ним. Даже в июле 1932 года, находясь на гребне популярности, национал-социалисты собрали только 37 процентов голосов. Остальные 63 процента немцев, придерживавшихся антигитлеровской ориентации, были слишком разрозненны, слишком недалёковидны, чтобы сообща действовать против общей опасности, которая в противном случае – а они не могли этого не предвидеть – сокрушит их. Коммунисты до конца следовали своей сомнительной идее: сначала покончить с социал-демократами, социалистическими профсоюзами и остатками демократически настроенных средних слоев населения (они руководствовались весьма спорной теорией: даже если подобная тактика приведет к временной победе нацизма, за этим последует неизбежное крушение капитализма), а потом взять власть в свои руки и установить диктатуру пролетариата. Фашизм, с точки зрения большевиков-марксистов, есть последняя стадия умирающего капитализма, после него – торжество коммунизма во всем мире!

Социал-демократы за четырнадцать лет пребывания у власти, которую им приходилось делить с другими партиями, и попыток сохранить с помощью всякого рода компромиссов коалиционные правительства истощили свои силы, ослабили энтузиазм до такой степени, что низвели свою партию едва ли не до уровня соглашательско-оппозиционной организации. Вся ее деятельность свелась к выторговыванию уступок в пользу профсоюзов, на которые социал-демократы в значительной мере опирались. То, что говорили некоторые социалисты, могло быть правдой: что им не улыбнулось счастье; что коммунисты раскололи рабочий класс; что экономический кризис усугубил трудное положение социал-демократов, ослабил профсоюзы, отторгнул от них миллион безработных, которые, впав в отчаяние, стали возлагать надежды либо на коммунистов, либо на нацистов. Но трагедию социал-демократов не объяснить одним лишь невезением. В ноябре 1918 года они имели возможность создать государство, основанное на их же идеалах – идеалах социал-демократии. Однако им не хватило решимости. И вот на заре третьего десятилетия они превратились в усталую, поверженную партию, возглавляемую благонамеренными, но в большинстве своем посредственными старыми людьми, которые до конца остались верны республике, однако были слишком растерянны, слишком робки, чтобы идти на большой риск. Без риска же невозможно было думать о сохранении республики. Поэтому, когда Папен снарядил отряд солдат, чтобы ликвидировать конституционное правительство Пруссии, они ничего не смогли ему противопоставить.

Германии недоставало политически сильного среднего сословия, которое стояло бы между левыми и правыми. В других странах – во Франции, Англии, Соединенных Штатах оно составляло основу демократии. В первый год республики демократы, народная партия и «Центр» собрали все вместе 12 миллионов голосов, лишь на два миллиона меньше, чем две социалистические группы. Но впоследствии их влияние ослабело, их приверженцы начали тяготеть к Гитлеру и к националистам. В 1919 году демократическая партия получила 74 места в рейхстаге; к 1932 году она сохранила за собой всего два места. Число мест у народной партии сократилось с 62 в 1920 году до 11 в 1932-м. Лишь католический «Центр» не терял своих избирателей. После выборов 1919 года он имел 71 место, а после выборов 1932 года – 70. Но еще со времен Бисмарка эта партия придерживалась оппортунистической политики (даже в большей степени, чем социал-демократы) и вставала на сторону любого правительства, лишь бы оно шло на уступки ее корыстным интересам. Сохраняя на словах верность республике и ее демократическим основам, руководители этой партии вели переговоры с нацистами о передаче власти Гитлеру. Перецеголяли их только Папен и партия националистов.

Будучи лишена политической силы среднего сословия, Германская республика не имела и того запаса прочности, которым располагали многие другие государства благодаря наличию в них подлинно консервативных партий. Немецкие националисты, находясь на вершине популярности, собрали в 1924 году шесть миллионов голосов и получили в рейхстаге 103 места, став второй по величине партией. Тем не менее, как это происходило почти на всех последующих этапах существования Веймарской республики, они уклонялись от ведущей роли в правительстве или в оппозиции. Лишь в двух случаях – это было в 20-е годы – они на короткое время вошли в состав правительства. Правые, чьи сторонники по большей части голосовали за партию националистов, хотели одного – гибели республики и восстановления императорской Германии, которая вернула бы им прежние привилегии. А между тем республика относилась к правым – как к отдельным лицам, так и к классу в целом – исключительно терпимо. Как известно, она позволяла армии быть «государством в государстве», промышленникам и банкирам – извлекать высокие прибыли, юнкерам – удерживать за собой убыточные поместья посредством государственных кредитов, которые они никогда не погашали и которые редко использовали для повышения плодородия земли. Но этим своим великодушием республика не добилась от правых ни выражения благодарности, ни лояльного отношения. С присущей им узостью взглядов, предубеждением, слепотой, которые автору этих строк кажутся теперь, в ретроспекции, непостижимыми, они наносили республике удар за ударом, пока в союзе с Гитлером не добились ее окончательно. В этом бывшем австрийском босяке консервативные силы видели человека, который, оставаясь их невольником, поможет достичь желанной цели. Уничтожение республики – это лишь первый шаг. За ним должно было последовать создание авторитарной Германии, внутренняя политика которой заключалась бы в том, чтобы покончить с «демократической ерундой» и с влиянием профсоюзов, а внешняя – в том, чтобы отменить условия перемирия 1918 года, порвать то, что осталось от Версальского договора, воссоздать великую армию и вернуть стране при помощи военной силы «ее место под солнцем». Эти же цели преследовал и Гитлер. И хотя он располагал тем, чего не хватало консерваторам, – поддержкой масс, правые не сомневались, что он в их руках. Разве не на их стороне численное превосходство (восемь к трем) в кабинете рейха? Консерваторы полагали, что господствующее положение в правительстве позволит им осуществить свою задачу и без помощи варварского, оголтелого нацизма. Всеми ведь признано, рассуждали правые, что они порядочные, богобоязненные люди.

Империя Гогенцоллернов зиждилась на военных захватах Пруссии, Веймарская республика – на потерях после поражения в великой войне. Но Третий Рейх не обязан своим появлением ни ратным победам, ни воздействию извне. Он создан в мирное время мирными средствами, то есть руками самих немцев, сильными и слабыми одновременно. Никто, кроме них самих, нацистскую тиранию им не навязывал. Многие из них, вероятно даже большинство, не совсем понимали, что произошло в тот полуденный час 30 января 1933 года, когда президент Гинденбург, действуя в рамках конституции, вверил пост канцлера Адольфу Гитлеру. Но пройдет немного времени, и они поймут.

Глава 7

Пацификация Германии: 1933–1934 годы

Урок, который Гитлер усвоил в период бродяжничества в Вене и который никогда не забывал (что путь к победе движения лежит через союз с влиятельными силами в государстве), нашел теперь, как он и рассчитывал, достаточно полное практическое воплощение. Президент, опираясь на армию и консерваторов, назначил Гитлера канцлером. Однако, как ни велика была его политическая власть, она оставалась неполной. Ее приходилось делить с теми тремя силами, которые поставили его во главе правительства и которые, находясь вне нацистского движения, относились к нему с долей недоверия.

Следовательно, первейшая задача Гитлера состояла в том, чтобы как можно быстрее отстранить эти силы от кормила власти, сделать свою партию единственным хозяином в государстве, после чего, используя политическую и военную мощь авторитарного правления, осуществить нацистский переворот. Едва минули сутки после назначения Гитлера главой кабинета, как он уже предпринял первый решающий шаг: захлопнул ловушку, в которую угодили легковверные консерваторы, возомнившие себя хозяевами, а его – невольником, и дал толчок целой цепи событий, которые либо спровоцировал, либо подчинил своему контролю, что и привело на исходе шести месяцев к полной фашизации Германии и к превращению его самого в диктатора объединенного, дефедерализованного Третьего Рейха, какого еще не знала история Германии.

Вечером 30 января 1933 года, через пять часов после вступления в должность, Гитлер созвал первое заседание кабинета. Протокол заседания, обнаруженный во время Нюрнбергского процесса среди сотен тонн захваченных секретных документов, показывает, как быстро и ловко Гитлер при помощи изобретательного Геринга начал водить консерваторов за нос. Гинденбург назначил Гитлера главой не президентского кабинета, а кабинета, опирающегося на парламентское большинство. Однако нацисты и националисты, единственные партии, представленные в правительстве, имели в рейхстаге всего 247 мест из 583, а потому не располагали большинством. Чтобы обеспечить такое большинство, они должны были заручиться поддержкой партии «Центр», имевшей 70 мест.

В первые же часы существования нового правительства Гитлер поручил Герингу вступить в переговоры с лидерами «Центра». Тот доложил кабинету, что они требуют «определенных уступок», и предложил распустить рейхстаг и назначить новые выборы. Гитлер согласился. Гутенберг, человек не очень далекий, сколь бы велики ни были его успехи в коммерческих делах, выступил против участия «Центра» в правительстве, но в то же время возражал против проведения новых выборов, хорошо понимая, что нацисты, используя государственные рычаги, могут обеспечить себе абсолютное большинство, после чего попробуют обойтись без его услуг и без услуг его друзей-консерваторов. Он предложил простой выход – запретить коммунистическую партию; ликвидировав таким образом 100 депутатских мест, нацисты и националисты окажутся в большинстве. Но Гитлер счел эту акцию несвоевременной, поэтому было условлено, что утром следующего дня он сам переговорит с лидерами партии «Центр»; если переговоры ни к чему не приведут, то правительство обратится с просьбой назначить новые выборы.

Сорвать переговоры Гитлеру не составило труда. По его просьбе руководитель партии «Центр» представил в качестве основы для переговоров список пунктов, дополнивших требование к Гитлеру управлять конституционными методами. Но Гитлер и не думал обсуждать эти вопросы, заявив членам своего кабинета, что партия «Центр» выдвинула невыполнимые требования и что соглашение с ней невозможно. Поэтому он предложил обратиться к президенту с просьбой распустить рейхстаг и назначить новые выборы. Гутенберг и Папен оказались в

западне. Они согласились с предложением нацистского лидера, тем более что он торжественно заверил их: независимо от исхода выборов состав кабинета останется прежним. Новые выборы были назначены на 5 марта.

Впервые – для Германии это были последние свободные выборы – нацистская партия получила доступ ко всем материальным ресурсам правительства, обеспечивающим голоса избирателей. Геббельс ликовал. «Теперь будет легко вести борьбу, – записал он в дневнике 3 февраля, – ибо мы сможем мобилизовать все государственные средства. В нашем распоряжении и радио, и печать. Мы развернем отличную пропаганду. И денег у нас теперь будет предостаточно».

Крупных предпринимателей, довольных тем, что новое правительство собирается поставить профсоюзы на место, а им дать возможность хозяйствовать по собственному усмотрению, попросили раскошелиться. Они не возражали. 20 февраля во дворце Геринга, председателя рейхстага, собрались по инициативе Шахта десятка два крупнейших магнатов, в том числе Крупп фон Болен, неожиданно сделавшийся горячим сторонником нацистов, Бош и Шницлер из «И.Г.Фарбениндурии» и Феглер, глава Объединенного стального концерна. Там Геринг и Гитлер и раскрыли свои планы. Записи этого совещания сохранились.

Свою длинную речь Гитлер начал с ластивых слов в адрес промышленников. «Частное предприятие, – сказал он, – нельзя вести в условиях демократии; оно мыслимо, только если народ привержен авторитету личности... Всеми жизненными благами, которыми пользуемся, мы обязаны усилиям избранных... Мы не должны забывать, что преимущества культуры надо внедрять в известной мере силой железного кулака». Он обещал предпринимателям устранить марксистов и восстановить Вермахт (последний являлся предметом особого интереса для промышленных гигантов, которые рассчитывали умножить свои капиталы с помощью производства оружия).

«Сегодня мы стоим в преддверии последних выборов», – продолжал Гитлер, пообещав своим слушателям «не отступать, чем бы они ни кончились». Он заверил их, что в случае поражения все равно удержит в своих руках власть, только «иными средствами... с помощью иного оружия». Геринг, касаясь практической стороны дела, подчеркнул важность «финансовых жертв», которые деловым людям «гораздо легче будет нести, если они учтут, что выборы 5 марта могут стать последними, – других выборов, конечно, не будет в ближайшие десять, а может, и сто лет». Все эти разъяснения промышленники сочли достаточно убедительными и с энтузиазмом восприняли обещание покончить с надоевшими выборами, с демократией и с разговорами о разоружении. Крупп, король военной промышленности, совсем недавно, точнее, 20 января уговаривавший Гинденбурга не назначать Гитлера канцлером, встал и выразил от имени деловых кругов благодарность за «ясное изложение позиции». Затем д-р Шахт пустил по кругу шляпу. «Я собрал три миллиона марок», – показал он на Нюрнбергском процессе.

31 января 1933 года, на следующий после назначения Гитлера канцлером день, Геббельс записал в своем дневнике: «На совещании у фюрера мы разработали план борьбы с красным террором. В данный момент мы воздержимся от прямых контрмер. Из попытки большевистской революции сначала должно возгореться пламя. В нужный момент мы нанесем удар».

Несмотря на все усиливавшиеся в ходе избирательной кампании провокации нацистских властей, ни малейшего намека на «революцию» (коммунистическую или социалистическую), да еще на «возгорание пламени», не было. Тем не менее в начале февраля правительство Гитлера запретило коммунистам проводить собрания и закрыло коммунистические газеты и журналы. Собрания социал-демократов тоже либо запрещались официально, либо разгонялись головорезами из СА, выпуск социалистических газет то и дело приостанавливался. Не могла избежать нацистского террора даже партия католического «Центра». Лидера католических профсоюзов Штегервальде молодчики в коричневых рубашках избили, когда он попы-

тался выступить на митинге, а на другом собрании Брюнинг был вынужден искать защиты у полиции, когда отряды СА нанесли ранения некоторым его сторонникам. Общее число противников нацизма, убитых во время избирательной кампании, составило 51 человек, а число нацистов – 18, согласно нацистским источникам.

Ведущая роль Геринга как министра внутренних дел Пруссии становилась все заметнее. Не считаясь с умеренной позицией Папена, которому как министру-президенту Пруссии Геринг должен был подчиняться, он уволил сотни республиканских чиновников, заменив их нацистами, по большей части офицерами СА и СС. По его приказу полиция должна была, с одной стороны, «любой ценой» избегать враждебных акций в отношении СА, СС и «Стального шлема», а с другой – не щадить «врагов государства». Он потребовал, чтобы полиция «пускала в ход огнестрельное оружие», предупредив, что полицейские, отказавшиеся подчиниться, будут наказаны. Это был откровенный призыв к полиции земли Пруссия, распространявшей свое влияние на две трети территории Германии, расстреливать каждого, кто выступит против Гитлера. Чтобы обеспечить неукоснительное выполнение поставленной задачи, Геринг объявил 22 февраля о формировании дополнительных полицейских частей численностью 50 тысяч человек; из них 40 тысяч человек были мобилизованы из рядов СА и СС, а остальные – из рядов «Стального шлема». Отсюда следует, что полицейские функции в Пруссии осуществлялись в большой мере руками нацистских громил. Крайне несерьезно было бы поэтому ожидать, что такая полиция защитит немцев от нацистских террористов.

Несмотря на террор, «большевистская революция», которую ждали Геббельс, Гитлер и Геринг, не привела к «возгоранию пламени». Но если такую «революцию» не удалось спровоцировать, нельзя ли ее выдумать?

24 февраля полиция Геринга устроила налет на «Карл-Либкнехт-хаус», штаб-квартиру коммунистов в Берлине. Руководство коммунистов покинуло это помещение еще за несколько недель до налета. Часть его ушла в подполье, а часть нелегально переехала в Россию. Но в подвале осталось много пропагандистских брошюр. Этого оказалось достаточно, чтобы Геринг заявил в официальном коммюнике, будто захваченные документы свидетельствуют о намерении коммунистов совершить переворот. Общественность и даже некоторые консерваторы – члены правительства отнеслись к этому заявлению скептически. Было очевидно, что, пока не начались выборы, требуется найти более сильное средство воздействия на публику.

Пожар в рейхстаге

Вечером 27 февраля в двух разных местах Берлина собрались на ужин самые могущественные люди Германии. На Фосштрассе, в закрытом «Герренклубе», вице-канцлер фон Папен принимал президента фон Гинденбурга. В доме Геббельса, в кругу его семьи, ужинал канцлер Гитлер. По словам Геббельса, они отдыхали, слушали пластинки и рассказывали разные истории. «Вдруг, – записал он потом в дневнике, – телефонный звонок от д-ра Ханфштенгля. «Горит рейхстаг!» Я был уверен, что он говорит ерунду, и даже не сказал ничего фюреру».

Но те, кто ужинал в «Герренклубе», находились совсем рядом с рейхстагом.

«Вдруг, – записал Папен, – мы заметили, что окна осветились красным заревом, а с улицы донеслись крики. Ко мне быстро подошел слуга и шепнул: «Горит рейхстаг!» Эти слова я передал президенту. Он встал, и мы, подойдя к окну, посмотрели на здание рейхстага: его купол был словно освещен изнутри прожекторами. Время от времени из него вырывалось пламя, клубы дыма застилали силуэт здания».

Отправив престарелого президента домой в своем автомобиле, вице-канцлер поспешил к горящему зданию. Тем временем Геббельс, еще раз поразмыслив, согласно его записи, над «ерундой», сказанной Путци Ханфштенглем, позвонил в несколько мест и убедился, что рейхс-

таг действительно в огне. Несколько мгновений спустя он и фюрер уже неслись со скоростью шестьдесят миль в час по шоссе Шарлоттенбергер «к месту преступления».

О том, что это – преступление, содеянное коммунистами, они заявили тотчас по прибытии на пожар. Геринг, потный, запыхавшийся, крайне возбужденный, был уже там и, как вспоминал впоследствии Папен, клялся, что это «преступление коммунистов против нового правительства». Обращаясь к новому шефу прусского гестапо Рудольфу Дильсу, он крикнул: «Это начало восстания коммунистов! Нельзя ждать ни минуты. Мы будем беспощадны. Всех коммунистов расстреливать на месте. Всех коммунистических депутатов сегодня же вздернуть!»

Вся правда о пожаре в рейхстаге, видимо, так и останется невыясненной. Практически никто из тех, кто эту правду знал, не остался в живых – большинство из них Гитлер уничтожил в последующие несколько месяцев. Даже на процессе в Нюрнберге тайна не была до конца раскрыта, хотя имеется достаточно улик, свидетельствующих, что нацисты спланировали и осуществили поджог в своих политических целях.

Дворец Геринга и здание рейхстага соединял подземный туннель, проложенный для труб центрального отопления. По этому туннелю вечером 27 февраля Карл Эрнст, бывший гостиничный посыльный, ставший потом шефом СА в Берлине, провел небольшой отряд штурмовиков в рейхстаг. Там они расплескали бензин и самовоспламеняющуюся смесь, после чего тем же путем ретировались. Одновременно с ними в это огромное полутемное и незнакомое ему помещение проник некто по имени Маринус ван дер Люббе. Он тоже устроил несколько очагов пожара. Этот пироманьяк явился для нацистов счастливой находкой. Они обнаружили его несколькими днями раньше в баре. Кто-то из штурмовиков подслушал, как Люббе хвастал, будто пробовал устроить пожар в ряде правительственных зданий, а теперь собирается поджечь рейхстаг. То, что нацисты обнаружили сумасшедшего поджигателя, который был коммунистом и собирался сделать то же, что и они, кажется невероятным, и тем не менее это подтверждается фактами. Можно почти не сомневаться, что идея поджога принадлежала Геббельсу и Герингу. Ганс Гизевиус, в то время чиновник министерства внутренних дел Пруссии, показал на процессе в Нюрнберге, что «именно Геббельс первым предложил поджечь рейхстаг», а Рудольф Дильс, шеф гестапо, добавил, что «Геринг во всех подробностях знал о плане поджога» и приказал ему «заранее подготовить список лиц, подлежащих аресту сразу после пожара». Генерал Франц Гальдер, бывший в начале Второй мировой войны начальником генерального штаба, заявил на суде, что однажды Геринг сам похвастался, будто пожар его рук дело:

«В 1942 году на завтраке по случаю дня рождения фюрера разговор коснулся здания рейхстага и его архитектурной ценности. Я собственными ушами слышал, как Геринг, прервав беседу, громко сказал: «Уж кто-кто, а я действительно знаю все про рейхстаг, потому что я поджигал его!» При этом он шлепнул себя ладонью по ляжке».

Представляется очевидным, что ван дер Люббе был использован нацистами как подставная фигура. Да, его толкнули на поджог. Но основная часть «работы» возлагалась – разумеется, без ведома Люббе – на штурмовиков. И действительно, на последовавшем в Лейпциге судебном разбирательстве было установлено, что этот полоумный голландец не мог так быстро поджечь громадное здание. Прошло всего две с половиной минуты, как он туда проник, а в центральном зале уже всюду бушевало пламя. Как выяснилось, для растопки он располагал лишь собственной рубашкой. А по заключению судебных экспертов, чтобы развести такое громадное пламя, требовалось немало химикатов и бензина. Одному человеку было бы не под силу принести все это в здание и в короткое время устроить множество очагов пожара.

Ван дер Люббе задержали прямо в горящем здании. Геринг, согласно его собственным показаниям, хотел немедленно его повесить. На следующий день Эрнст Торглер, лидер коммунистической фракции в парламенте, узнав, что Геринг объявил его соучастником преступления, отдался в руки полиции, а через несколько дней полиция схватила Георгия Димитрова,

будущего главу правительства Болгарии, и еще двоих болгарских коммунистов – Попова и Танева.

Разбирательство их дела в верховном суде в Лейпциге закончилось провалом для нацистов, и в первую очередь Для Геринга, которого Димитров, выступая и в роли собственного адвоката, без труда поставил в дурацкое положение, умело используя перекрестные допросы. Дошло до того, что Геринг, не выдержав, крикнул болгарину: «Вон отсюда, негодяй!»

С у д ь я (полицейскому офицеру): Уведите его.

Д и м и т р о в (направляясь в сопровождении полицейских к выходу): Испугались моих вопросов, герр министр-президент?

Г е р и н г: Только выйди из зала суда, негодяй!

Торглера и троих болгар оправдали, хотя немецкого коммуниста тотчас взяли под стражу в целях его собственной безопасности, где он находился до самой смерти, наступившей в годы Второй мировой войны. Ван дер Люббе признали виновным, и он был обезглавлен.

Оправдательный приговор, вынесенный судом, несмотря на его рабскую зависимость от нацистских властей, сильно подпортил репутацию Геринга и нацистов, однако никаких практических результатов это уже не могло дать. Гитлер не терял времени и максимально использовал пожар в рейхстаге в своих целях.

28 февраля, на следующий после пожара день, Гитлер представил на подпись президенту Гинденбургу проект декрета «Об охране народа и государства», приостанавливавшего действие семи статей конституции, которые гарантировали свободу личности и права граждан. Назвав этот проект «защитной мерой против насильственных действий коммунистов, представляющих угрозу для государства», Гитлер требовал права: ограничивать свободу личности и свободу мнений, включая свободу печати, а также свободу собраний и союзов; нарушать тайну переписки, телеграфной и телефонной связи; устраивать домашние обыски, конфисковывать имущество.

Все это считалось допустимым, даже если выходило за рамки закона. Декрет предоставлял также правительству рейха право пользоваться полнотой власти в землях, когда это вызывалось необходимостью, и вводил смертную казнь за ряд преступлений, таких как «серьезные нарушения спокойствия» со стороны вооруженных лиц. Таким образом, с помощью одного юридического акта Гитлер получил возможность не только затыкать рты оппонентам и бросать их по своей прихоти за решетку, но и придать пресловутой коммунистической опасности, так сказать, «официальный» характер, дабы нагнать побольше страху на миллионы сограждан из среднего сословия и крестьянства, внушить им, что если они не проголосуют через неделю за национал-социалистов, то власть могут захватить коммунисты. Было арестовано около четырех тысяч функционеров коммунистической партии и большое число социал-демократических и либеральных лидеров, в том числе депутатов рейхстага, которые по закону должны были пользоваться неприкосновенностью. Это был первый случай, когда немцы стали свидетелями нацистского террора, благословляемого правительством. По улицам страны с ревом носились грузовики, полные штурмовиков, которые вламывались в дома, устраивали облавы, сгоняли свои жертвы в казармы СА, подвергая их пыткам и избиениям. Печать и политические собрания коммунистов были запрещены, выпуск социал-демократических газет и многих либеральных изданий приостановлен, а собрания демократических партий либо запрещались в официальном порядке, либо разгонялись. Беспрепятственно вести избирательную кампанию могли только нацисты и их союзники из национальной партии.

Располагая всеми материальными ресурсами центрального и прусского правительств и получая огромные суммы денег от крупного бизнеса, нацисты развернули такую пропагандистскую шумиху, какой Германия еще не знала. Впервые по радио, контролируемому правительством, передавались на всю страну речи Гитлера, Геринга и Геббельса. Улицы, украшенные флагами со свастикой, оглашались топотом штурмовиков. Проводились массовые митинги,

факельные шествия, на площадях ревели громкоговорители. На щитах были расклеены красочные плакаты с нацистскими призывами, холмы по ночам освещались кострами. Избирателям, которые были напуганы коричневым террором и «разоблачениями» о «коммунистической революции», обещали немецкий рай. На другой день после пожара в рейхстаге прусское правительство выпустило многословное воззвание, в котором излагалось содержание будто бы найденных коммунистических документов:

«Правительственные здания, музеи, особняки и важные промышленные предприятия должны быть сожжены.

Женщины и дети должны быть поставлены в качестве заслонов впереди террористических отрядов... Поджог рейхстага – это сигнал к кровавому воскресенью и гражданской войне... Установлено, что сегодня по всей Германии должны произойти террористические акты в отношении отдельных лиц, частной собственности и жизни мирного населения, а также должна начаться всеобщая гражданская война».

В воззвании содержалось обещание опубликовать документы, подтверждающие наличие коммунистического заговора, но оно не было выполнено. Тем не менее, поскольку прусское правительство официально объявило, что такие документы имеются, многие немцы этому поверили. Известное впечатление на колеблющихся произвели также угрозы Геринга. В своей речи во Франкфурте 3 марта он громогласно заявил:

«Граждане немцы, юридические препоны моим делам не помеха. Правосудие меня не тревожит; все, к чему я стремлюсь, это – уничтожить, искоренять, и ничего больше!.. И будьте уверены, мои дорогие коммунисты, что я сполна воспользуюсь правом, данным мне правительством земли, и силой полиции, так что не стройте никаких иллюзий; в этой смертельной схватке я возьму вас за горло и поведу за собой вон тех людей в коричневых рубашках».

Голос Брюнинга, бывшего канцлера, был мало кем услышан, хотя в тот самый день он тоже выступил с речью, заявив, что партия «Центр» будет бороться против отмены конституции, потребовав расследовать подозрительное дело о поджоге рейхстага и призвав президента Гинденбурга «защитить угнетенных от угнетателей». Тщетная попытка! Старый президент молчал. Пришло время, когда должен был сказать свое слово народ.

5 марта 1933 года, в день последних демократических и последних в жизни Гитлера выборов, этот народ выразил свою волю на избирательных участках. Несмотря на террор и запугивание, большая его часть отвергла Гитлера. Правда, нацисты набрали больше всех голосов – 17 277 180 (рост на 5,5 миллиона), но это составило всего 44 процента общего числа проголосовавших. Большинство было настроено явно против Гитлера. Партия «Центр», как ни мешали ей преследования и запреты, набрала на этих выборах больше голосов, чем на предыдущих (4 424 900 против 4 230 600), а вместе с католической народной партией Баварии за нее проголосовали 5,5 миллиона человек. Даже социал-демократы сохранили свое положение второй по численности партии, набрав 7 181 629 голосов (уменьшение на 70 тысяч). Коммунисты потеряли миллион сторонников, и все же за них проголосовали 4 848 058 избирателей. Националисты во главе с Папеном и Гутенбергом сильно обманулись в своих ожиданиях, набрав только 3 136 760 голосов (рост меньше чем на 200 тысяч), или 8 процентов общего числа голосовавших.

Тем не менее 52 депутатских места националистов плюс 288 мест нацистов давали правительству парламентское большинство (перевес в 16 мест). Этого, наверное, было достаточно для осуществления повседневных функций правительства, но далеко не достаточно для того, чтобы Гитлер мог провести в жизнь свой новый дерзкий план – установить при поддержке парламента личную диктатуру.

Унификация рейха

План этот был обманчиво прост; его преимущество состояло в том, что он позволял захватить абсолютную власть как бы законным порядком. Суть его такова: канцлер просит рейхстаг принять «акт о предоставлении чрезвычайных полномочий», предусматривающий передачу кабинету Гитлера исключительного права издавать законы сроком на четыре года. Проще говоря, парламент Германии вручает Гитлеру свои конституционные права, а сам уходит в длительный отпуск. Но такая мера требовала внесения поправки в конституцию, а эту поправку должно было одобрить большинство в две трети голосов.

Как добиться такого большинства – вот главное, чем был занят кабинет на своем заседании 15 марта 1933 года (протокол этого заседания был оглашен на Нюрнбергском процессе). Этого можно добиться, во-первых, с помощью «неявки» на заседание парламента восьмидесяти одного Депутата-коммуниста и, во-вторых, путем «недопущения нескольких социал-демократов», что, по мнению Геринга, не составляло труда.

Гитлер в тот день был весел и чувствовал себя уверенно. Еще бы! У него был декрет от 28 февраля, подписанный по его настоянию Гинденбургом на следующий день после пожара в рейхстаге, который давал ему право бросить за решетку столько депутатов, сколько необходимо для обеспечения большинства в две трети голосов. Оставалась еще проблема католического «Центра», требовавшего каких-то гарантий, но канцлер не сомневался, что эта партия в конце концов окажется на его стороне. Гугенберг, лидер националистов, не желавший отдавать всю власть Гитлеру, потребовал оставить за президентом право участвовать в выработке законов, даже если эта функция будет передана в соответствии с «актом о чрезвычайных полномочиях» кабинету министров. Однако д-р Мейснер, статс-секретарь президентской канцелярии, уже связавший свою судьбу с нацистами, ответил: «Сотрудничество президента не вызывается необходимостью». Он быстро сообразил, что Гитлер не испытывает никакого желания ставить себя в зависимость от строптивного президента, как это было в период существования республиканских кабинетов.

Однако канцлер решил, что на этой стадии лучше сделать красивый жест в отношении престарелого фельдмаршала, армии и консерваторов-националистов, тем более что таким способом он как бы связывал свой разбойничий («революционный») режим с почтенным именем Гинденбурга и со славным военным прошлым Пруссии. Для этого он и Геббельс, назначенный 13 марта министром пропаганды, придумали ловкий ход: Гитлер сам откроет заседание нового рейхстага, который он собирался упразднить, в гарнизонной церкви в Потсдаме – великой святыне пруссачества, напоминавшей столь многим немцам об имперской славе и величии Пруссии, ибо здесь покоились останки Фридриха Великого, здесь молились короли династии Гогенцоллернов, сюда в 1866 году, еще будучи молодым гвардейским офицером, совершил свое первое паломничество Гинденбург, вернувшись с австро-прусской войны, положившей начало объединению Германии. Дата торжественного открытия нового парламента Третьего Рейха – 21 марта – тоже была выбрана не случайно, поскольку совпадала с годовщиной открытия Бисмарком первого рейхстага Второго Рейха в 1871 году. Когда в церковь проследовали старые фельдмаршалы, генералы, адмиралы в блестящих мундирах времен империи и возглавлявшие эту компанию бывший наследный принц и фельдмаршал Макензен во внушительных гусарских мундирах и в головных уборах с изображением черепа, собравшимся показалось, что над ними витают тени Фридриха Великого и «железного канцлера».

Гинденбург был явно растроган. Геббельс, дирижировавший этим спектаклем и наблюдавший за работой радио, вещавшего из церкви на всю страну, заметил – и не преминул записать об этом в дневнике – на глазах у старого фельдмаршала слезы. Рядом с ним находился Гитлер; было заметно, что в официальном костюме-визитке он чувствует себя стесненно. Пре-

зидент, в полевой форме серого цвета, при ордене Черного орла на широкой ленте, обхватив одной рукой каску с шишаком наверху, а в другой держа маршалский жезл, медленно проследовал по проходу, задержался в императорской галерее, чтобы отдать честь пустующему креслу кайзера Вильгельма II, а затем подошел к алтарю и зачитал короткий текст речи со словами доброго напутствия новому правительству Гитлера:

«Да проникнется нынешнее поколение древним духом этой прославленной святыни! Да избавит он нас от эгоизма и межпартийной вражды и да объединит в национальном самосознании на благо гордой, свободной и неделимой Германии!»

Ответное слово Гитлера было составлено с хитрым расчетом на то, чтобы сыграть на личных симпатиях и заручиться доверием столь блестяще представленного здесь старого порядка.

«Ни кайзер, ни правительство, ни нация не хотели войны. Лишь крушение нации вынудило ослабленный народ возложить на себя, вопреки его святым убеждениям, ответственность за эту войну».

Повернувшись к Гинденбургу, сидевшему в позе окаменелости в нескольких шагах от него, Гитлер продолжал:

«В едином порыве мы за несколько недель отстояли свою национальную честь. Благодаря взаимопониманию с вами, господин фельдмаршал, символы бывшего величия и новые силы соединились в единое целое. Мы выражаем вам наше почтение. Хранившее вас Провидение возвысило вас над новыми силами нашей нации».

Демонстрируя глубокое почтение к президенту, которого он еще до конца недели намеревался лишить политической власти, Гитлер сошел с трибуны, низко поклонился Гинденбургу и взял его руку в свою. При вспышках блицев и под жужжание кинокамер, расставленных Геббельсом наряду с микрофонами в удобных местах, их торжественное рукопожатие – символ союза новой Германии со старым порядком – было запечатлено для нации и мировой общественности.

«После столь пылких заверений Гитлера в Потсдаме, – писал впоследствии присутствовавший на этом собрании французский посол, – разве могли эти люди, Гинденбург и его друзья – юнкеры и бароны-монархисты, Гутенберг и его национальная партия, офицеры рейхсвера, не предать забвению эксцессы и бесчинства его партии, хотя они и являлись их очевидцами? И не побояться полностью довериться ему, удовлетворить все его требования, предоставить неограниченную власть, которой он домогался?»

Ответ был дан через два дня, 23 марта, в зале берлинского оперного театра Кролла, где состоялось заседание парламента. На рассмотрение был представлен акт о предоставлении чрезвычайных полномочий, официально названный «Законом о ликвидации бедственного положения народа и государства». Пять коротких параграфов предусматривали изъятие законодательных функций, включая контроль за расходованием бюджета рейха, утверждение договоров с иностранными государствами и внесение поправок в конституцию, из юрисдикции парламента и передачу их сроком на четыре года в ведение кабинета министров рейха. Более того, в акте оговаривалось, что законы, принимаемые кабинетом, разрабатываются канцлером и «могут допускать отклонения от конституции». Никакие законы не будут «затрагивать положение рейхстага» (грубее этой шутки ничего нельзя было придумать), а права президента останутся «нерушимы».

Гитлер несколько раз повторил эти фразы в своей необычайно сдержанной речи перед депутатами, собравшимися в нарядном зале оперного театра, в стенах которого привыкли к спектаклям более легкого жанра.

«Правительство, – обещал Гитлер, – будет пользоваться этими полномочиями лишь при возникновении необходимости принять жизненно важные меры. Существованию рейхстага или рейхсрата это не угрожает. Положение и права президента остаются неприкосновенными... Автономия федеральных земель сохранится. Права церкви не будут ущемляться, ее

отношения с государством не изменятся. Число случаев, когда будет возникать потребность применения этого закона, ограничено».

Вспыльчивый лидер нацистов держался на этот раз спокойно, почти скромно, и в тот момент – в момент зарождения Третьего Рейха – даже члены оппозиции не представляли в полной мере, чего стоят его обещания. И все же один из них – Отто Вельс, председатель социал-демократической партии, часть депутатов от которой (человек десять) были «задержаны» полицией, встал и под рев штурмовиков, доносившийся с улицы («Дашь закон, не то смерть!» – орали они), бросил диктатору вызов. Спокойно, с большим достоинством Вельс заявил: правительство может отнять у социал-демократов права, но не может лишить их чести.

«В этот исторический момент мы, немецкие социал-демократы, торжественно клянемся в верности принципам человечности и справедливости, свободы и социализма. Никакой закон о чрезвычайных полномочиях не даст вам права уничтожать идеалы, которые вечны и нерушимы».

Тут разъяренный Гитлер вскочил с места и предстал перед законодательным собранием в своем настоящем обличье:

«Вы опоздали... – закричал он. – Вы уже не нужны... Звезда Германии взойдет, а ваша закатится. Ваш предсмертный час пробил... Мне не нужны ваши голоса. Германия будет свободна, но не благодаря вам!» (Бурные аплодисменты.)

Хорошо, что социал-демократы, на которых лежит тяжкая ответственность за ослабление республики, уходили с политической сцены с поднятой головой, не изменив своим убеждениям. Не так поступила партия католического «Центра». Если во времена «железного канцлера» она не побоялась открыто противостоять «культур-кампфу», то теперь монсеньор Каас, председатель партии, лишь потребовал от Гитлера письменного заверения, что он будет уважать право президента на вето. До начала голосования Гитлер обещал выполнять это требование, но письменно его не подтвердил. И тем не менее Каас встал и объявил, что депутаты его партии будут голосовать за принятие законопроекта. Брюнинг промолчал, после чего приступили к голосованию. За проект проголосовал 441 человек, против – 84 (все – социал-демократы). Нацистские депутаты повскакали с мест и огласили зал истошными криками. Затем запели песню «Хорст Вессель»:

Выше знамена! Сомкните ряды!
Поступью чеканной идут штурмовики.

Вот так было покончено с парламентской демократией в Германии. Если не считать того, что депутатов-коммунистов и некоторых социал-демократов предварительно упрятали за решетку, все выглядело вполне законно, хотя и сопровождалось террором. Уступив свои конституционные права Гитлеру, парламент совершил самоубийство, хотя его забальзамированное тело и продолжало оставаться на виду вплоть до заката Третьего Рейха, изредка выполняя роль резонатора грозных призывов Гитлера к перевороту; поскольку выборов больше не проводилось, места в рейхстаге занимали лица, специально подобранные нацистской партией. Акт о чрезвычайных полномочиях был единственным легальным обоснованием диктатуры Гитлера. Начиная с 23 марта 1933 года Гитлер действовал как диктатор, свободный от каких-либо ограничений как со стороны парламента, так и со стороны престарелого, немощного президента. Правда, многое еще предстояло сделать, прежде чем вся нация, все ее институты оказались под нацистской пятой, однако и это, как мы убедимся позднее, было достигнуто одним махом посредством грубых махинаций, вероломства и жестокости.

Контроль над ресурсами великого государства захватили уличные банды. К власти пришли отбросы общества. Но, как не переставал хвастать Гитлер, «законно», по воле подавляющего большинства парламента. И винить за это немцы могли только самих себя.

Самые могущественные правовые институты Германии начали один за другим капитулировать перед Гитлером и тихо, без борьбы, умирать.

Земли, которые на протяжении всей германской истории упорно отстаивали свою автономию, оказались в ряду первых поверженных. Вечером 9 марта, за две недели до принятия акта о чрезвычайных полномочиях, генерал фон Эпп по приказу Гитлера и Фрика и при помощи нескольких штурмовиков разогнал правительство Баварии и установил там нацистский режим. А в остальные земли (кроме Пруссии, где уже прочно восседал Геринг) через неделю были назначены рейхскомиссары. 31 марта Гитлер и Фрик, впервые воспользовавшись данными им чрезвычайными полномочиями, обнародовали закон о роспуске парламентов во всех землях, кроме Пруссии, приказав переформировать их состав в соответствии с распределением голосов на последних выборах в рейхстаг. Депутатские места, занимаемые прежде коммунистами, решено было не заполнять. Но и этого канцлеру показалось мало. Действуя с лихорадочной поспешностью, он уже через неделю, 7 апреля, издал декрет об учреждении во всех землях новой должности – губернатора рейха, которому предоставлялось право формировать и смещать местное правительство, распускать парламент, назначать и увольнять чиновников и судей. Все вновь назначенные губернаторы были нацистами, ото всех требовалось проводить «генеральную политику, разработанную рейхсканцлером». Так, через две недели после обретения полноты власти, Гитлер достиг того, на что Бисмарк, Вильгельм II и Веймарская республика не могли и рассчитывать: он лишил земли автономии и подчинил их центральной власти рейха, то есть своей личной власти. Впервые в истории он по-настоящему объединил Германию, ликвидировав давнюю федеральную структуру.

30 января 1934 года, в первую годовщину пребывания в должности канцлера, Гитлер официально завершил выполнение поставленной задачи принятием декрета о реорганизации рейха. Народные ассамблеи в землях были упразднены, суверенные права земель переданы рейху, все их правительства подчинены центру, а губернаторы – непосредственно рейхсминистру внутренних дел. Как объяснил министр внутренних дел Фрик, «отныне земельные власти становятся всего лишь административными единицами рейха». В преамбуле декрета от 30 января 1933 года говорилось, что он принят рейхстагом единогласно. Это соответствует действительности, потому что к тому времени все политические партии Германии, кроме нацистской, перестали существовать. И процесс этот протекал без борьбы. 19 мая 1933 года социал-демократы (те, кто остался на свободе и не эмигрировал) без единого возражения проголосовали в рейхстаге за одобрение внешней политики Гитлера. За девять дней до этого полиция захватила помещения социал-демократической партии и редакций газет, конфисковала их имущество. Тем не менее социалисты, продолжая потакать Гитлеру, выступили с осуждением своих товарищей, находившихся в эмиграции, за их нападки на фюрера. 19 июня они избрали новый партийный комитет. Но Фрик три дня спустя лишил их всякой надежды на компромисс, запретив социал-демократическую партию как «подрывную и враждебную государству». Пауль Лобе, уцелевший руководитель, и несколько членов партии депутатов рейхстага были арестованы. Что касается коммунистов, то их, естественно, репрессировали давно.

Сохранились, хотя и ненадолго, партии среднего сословия. Католическая народная партия Баварии, правительство которой было свергнуто в результате нацистского переворота 9 марта, объявила 4 июля о самороспуске; ее союзница, партия «Центр», так упорно сопротивлявшаяся Бисмарку и являвшаяся опорой республики, последовала ее примеру, впервые оставив Германию без партии католиков. Впрочем, это обстоятельство не помешало Ватикану спустя две недели подписать конкордат с гитлеровским правительством. Старая партия Штретземана (народная партия) совершила над собой харакири 4 июля; демократы сделали то же самое неделей раньше.

А что случилось с партнершей Гитлера по совместному участию в правительстве – национальной партией Германии, без поддержки которой бывший австрийский ефрейтор не смог бы

легально прийти к власти? Увы, несмотря на ее близость к Гинденбургу, к армии, к юнкерам и крупному капиталу и несмотря на то, что Гитлер пребывал у нее в должниках, она так же, как другие партии, безропотно сошла со сцены. 21 июня полиция и штурмовики оккупировали штабы этой партии на всей территории страны, а 29 июня Гугенберг, ее разгневанный председатель, всего полгода назад помогавший Гитлеру стать канцлером, вышел из состава правительства, после чего его помощники «добровольно» ее распустили.

Осталась лишь одна нацистская партия. Декрет от 14 июля гласил: «Национал-социалистическая немецкая рабочая партия является единственной партией в Германии. Всякий, кто предпримет шаги к сохранению организационной структуры какой-либо другой политической партии или к созданию новой политической партии, будет подвергнут наказанию в виде каторжных работ сроком до трех лет или тюремному заключению сроком от шести месяцев до трех лет, если его деяния не потребуют более тяжкого наказания в соответствии с другими предписаниями».

Прошло четыре месяца с тех пор, как рейхстаг отрекся от своих демократических прав и обязанностей, и вот появилось однопартийное тоталитарное государство, не встретив почти никакого сопротивления, не говоря об активной оппозиции.

С независимыми профсоюзами, которые, как мы знаем, когда-то ликвидировали капповский фашистский путч посредством объявления всеобщей забастовки, было покончено так же легко, как с политическими партиями и органами самоуправления в землях, только на этот раз нацисты решили прибегнуть к хитроумному маневру. Минуло полвека, как день 1 мая стал традиционным праздником рабочих Германии и других европейских стран. С целью усыпить бдительность рабочих и их вожakov нацистское правительство, перед тем как нанести удар, объявило 1 мая 1933 года национальным праздником, дав ему официальное название «День национального труда» и распорядившись провести его с небывалой помпой. Поддавшись на столь неожиданное проявление дружелюбия к рабочему классу со стороны нацистов, профсоюзные лидеры с энтузиазмом помогли правительству и партии в организации празднества. Собрали в Берлине рабочих лидеров со всех концов страны, увешали улицы тысячами лозунгов, провозглашавших солидарность нацистского режима с рабочими, а Геббельс тем временем вел приготовления на огромном поле в Темпельхофе к демонстрации, которая по своим масштабам должна была превзойти все массовые манифестации, когда-либо проводившиеся в Германии. До начала демонстрации Гитлер принял рабочую делегацию и заявил: «Вы сами увидите, как неверно и несправедливо утверждение, будто наша революция направлена против немецких рабочих. Совсем наоборот». Выступая с речью перед 100 тысячами рабочих, собравшихся на демонстрацию, он бросил лозунг: «Почитайте труд и уважайте рабочего!» Тогда же он обещал, что день 1 мая будет праздноваться во славу немецких тружеников на протяжении веков.

В тот же день, поздно вечером, Геббельс, изобразив в красочных тонах энтузиазм, проявленный рабочими на первомайских торжествах, которые с таким мастерством организовал, сделал в своем дневнике любопытную приписку: «Завтра мы захватим здания профсоюзов. Сопротивления фактически не будет».

Так оно и случилось. 2 мая центры профсоюзов были закрыты, профсоюзные фонды конфискованы, сами профсоюзы запрещены, а их руководители арестованы. Многих избили и бросили в концентрационные лагеря. Теодор Лей-парт и Петер Грассман, председатели Всеобщего немецкого объединения профсоюзов, открыто заявили о согласии сотрудничать с нацистским режимом. Но их все равно арестовали. «Пусть все эти лейпарты и грассманы лицемерно болтают, сколько им влезет, о своей преданности фюреру, – заявил нацистский лидер из Кёльна Роберт Лей, которому Гитлер поручил разогнать профсоюзы и учредить «Немецкий трудовой фронт», – а все же лучше, если они сядут в тюрьму». Там они и оказались.

А ведь вначале и Гитлер, и Лей заверяли рабочих, что их права не будут ущемляться. Лей в своем первом обращении говорил: «Рабочие! Ваши права для нацистской партии священны. Я сам родом из семьи бедного крестьянина и знаю, что такое нищета... Я испытал на себе капиталистическую эксплуатацию. Рабочие! Клянусь вам, мы не только сохраним все, что вы имеете, но и расширим ваши права». Что обещания нацистов ничего не стоили – выяснилось через три недели, когда Гитлер издал декрет, отменявший практику переговоров профсоюзов с предпринимателями и возлагавший «регулирование коллективных договоров» и соблюдение «трудового мира» на «доверенных уполномоченных по труду», которых будет назначать сам фюрер. А поскольку решениям этих доверенных лиц придавалась сила закона, то это означало, что декрет Гитлера, по существу, объявлял забастовки незаконными. Лей в свою очередь обещал «вернуть абсолютное господство на предприятии его естественному руководителю, то есть работодателю... Многие предприниматели в течение ряда лет спрашивали: кто хозяин дома? Теперь они знают, что снова становятся «хозяевами дома».

Предприниматели могли быть довольны: щедрые вложения, которые многие из них делали в кассу национал-социалистической немецкой рабочей партии, начали окупаться. Но для полного преуспевания капиталу требовалась определенная стабильность общества, а ее не было, потому что весной и в начале лета в Германии царил беспорядок: по улицам слонялись оголтелые банды в коричневых рубашках, арестовывая, избивая, а иногда и убивая кого им вздумается, в то время как полиция равнодушно наблюдала за происходящим. Однако уличный террор не являлся нарушением предписаний государственной власти, как это имело место во время Французской революции; напротив, акты терроризма совершались с одобрения, а нередко и по приказу власти, авторитет и централизация которой никогда еще не были так велики, как в тогдашней Германии. Судьи были запуганы, им приходилось опасаться за собственную жизнь, если они выносили приговоры штурмовикам даже за хладнокровное преднамеренное убийство. Как говорил Геринг, фюрер – это и есть закон. В мае-июне 1933 года Гитлер заявлял, что «национал-социалистическая революция еще не завершена» и «победоносно закончится лишь после того, как завершится работа по воспитанию нового немецкого народа». На языке нацистов слово «воспитание» означало устрашение людей до такой степени, что они безропотно принимали нацистскую диктатуру и нацистское варварство. С точки зрения Гитлера, как много раз заявлял он публично, евреи не являлись немецкими гражданами; и хотя он не решился на немедленное их истребление (в первые месяцы было ограблено, избито и умерщвлено сравнительно немного евреев, то есть всего несколько тысяч), но издал ряд законов, требовавших изгнания их с государственной службы, из университетов, отстранения от занятий свободными профессиями. А 1 апреля 1933 года он объявил всенародный бойкот магазинов, владельцами которых были евреи.

Деловые круги, с таким восторгом приветствовавшие разгром несговорчивых профсоюзов, обнаружили, что представители левого нацистского крыла, искренне верившие в «социализм» их партии, стремятся занять главенствующее положение в сообществе работодателей, ликвидировать крупные универсальные магазины и национализировать промышленность. Тысячи алчных функционеров нацистской партии насели на управляющих фирм, которые не помогали Гитлеру. В одних случаях они угрожали им конфискацией имущества, в других – домогались теплых мест в директорате. Д-р Готфрид Федер, дока по части экономики, настаивал на проведении в жизнь партийной программы, требуя национализации крупного капитала, участия в прибылях, а также отмены рентных доходов и «кабальных процентных ставок». Словно желая пострадать и без того достаточно напуганных банкиров, Вальтер Дарре, новый министр сельского хозяйства, пригрозил им значительным сокращением капитальных долгов фермеров и уменьшением ставок до двух процентов на то, что они оставались должны. А почему бы и нет? К середине лета 1933 года Гитлер стал хозяином Германии. Теперь он мог приступить к осуществлению своих замыслов. Папен при всей его ловкости остался ни

с чем; все его расчеты на то, что, имея в кабинете численное превосходство над нацистами (восемь к трем), он вместе с Гутенбергом и другими сторонниками старого порядка сможет держать Гитлера под контролем и использовать в своих интересах, рухнули у него на глазах. С поста министра-президента Пруссии его прогнали, заменив Герингом. Правда, он еще оставался вице-канцлером рейха, но должность эта, как с грустью признавался потом Папен, со временем утратила свое значение. Гутенберг, этот удачливый коммерсант и финансист, с государственной службы ушел, а его партию распустили. Зато в правительство выдвинули Геббельса, третьего человека в нацистской партии. Его назначили министром народного образования и пропаганды. Дарре, считавшийся, как и Геббельс, радикалом, 13 марта стал министром сельского хозяйства.

Д-ра Ганса Лютера, консерватора, президента Рейхсбанка (ключевой пост в экономической системе Германии), Гитлер сместил, отправив послом в Вашингтон. На его место 17 марта был вновь назначен энергичный д-р Шахт, приверженец Гитлера, считавший нацизм «оправданным и необходимым». Не было в Германии человека, который столько бы сделал для Гитлера в области укрепления финансовой мощи Третьего Рейха и осуществления программы перевооружения в годы, предшествовавшие Второй мировой войне, сколько сделал Шахт, ставший позднее министром экономики и генеральным уполномоченным по делам военной экономики. Правда, незадолго до войны он начал отворачиваться от своего кумира и в конце концов ушел (либо его попросили уйти) со всех постов и даже примкнул к тем, кто замыслил покушение на Гитлера. Но к этому времени было уже поздно пытаться изменить курс нацистского главаря, которому он так долго и верно служил.

«Второй революции не будет!»

Гитлер подчинил себе Германию без малейшего труда, но перед ним еще стояли нерешенные проблемы. Главных проблем было пять: как предотвратить вторую революцию; как уладить напряженные отношения между СА и армией; как вытянуть из трясины экономику страны и обеспечить работой шесть миллионов человек; как добиться на Женевской конференции права на паритет Германии в области вооружений и ускорить тайное перевооружение рейха, начатое в последние годы существования республики; кто будет президентом страны, когда умрет Гинденбург.

Рем, шеф СА, первым употребил выражение «вторая революция» и призвал приступить к ее свершению. Так же думал и Геббельс. В его дневниковой записи от 18 апреля читаем: «В народе все говорят о неизбежности второй революции. Это значит, что революция не кончилась. Нам надо еще разделаться с реакцией. Революцию надо продолжать повсеместно».

Левых нацисты уничтожили, зато сохранили правых: крупный промышленный и финансовый капитал, аристократию, юнкеров-землевладельцев и прусских генералов, прочно державших армию в своих руках. Рем, Геббельс и другие «радикалы» движения хотели и их ликвидировать. Рем, отряды которого насчитывали теперь около двух миллионов (в двадцать раз больше, чем солдат регулярной армии), так прямо и заявил:

«Первая победа на пути германской революции одержана... СА и СС, на которых возложена великая миссия продолжателей германской революции, не допустят, чтобы ее предали, остановив на полпути... Если филистеры полагают, что национальная революция слишком затянулась... и в самом деле настало время кончать ее, превратив в национал-социалистическую... Мы должны продолжать борьбу с ними или без них, а если потребуется – и против них... Мы – неподкупные гаранты окончательной победы германской революции».

А в речи, произнесенной в августе, он добавил: «И до сего дня находятся лица, которые никакого понятия не имеют о революционном духе. Мы не колеблясь избавимся от них, если они осмелятся реализовать свои реакционные идеи на практике».

Но Гитлер рассуждал иначе. Он рассматривал социалистические лозунги нацистов лишь как средство пропаганды, завоевания масс на свою сторону в период продвижения к власти. Теперь, когда он уже оказался у власти, эти лозунги его больше не интересовали. Чтобы укрепить свое положение и положение страны, требовалось время. С правыми (предприниматели, военные, президент), по крайней мере в данный момент, надо было ладить. Он не намеревался доводить Германию до банкротства и подвергать тем самым опасности само существование режима. Второй революции не должно быть.

Это он дал ясно понять 1 июля в речи, обращенной к руководителям СА и СС. «Чего сегодня не хватает Германии, – сказал он, – так это порядка... Я буду беспощадно пресекать любые посягательства на существующий порядок и всякие разговоры о второй революции, которая привела бы только к хаосу». А 6 июля, выступая перед имперскими наместниками, собравшимися в здании правительства, он снова напомнил:

«Революция не есть наше перманентное состояние, и нельзя допускать, чтобы она стала состоянием постоянным. Революционный поток, вызванный к жизни, следует направить в безопасное русло эволюции... Поэтому мы не должны отталкивать предпринимателя, который хорошо ведет дело, даже если он и не стал еще национал-социалистом; тем более это важно, если национал-социалист, пожелавший занять его место, ничего не смыслит в коммерции. В коммерции единственным критерием является умение человека вести дело...

История будет судить о нас не по тому, много ли экономистов мы отстранили или посадили в тюрьмы, а по тому, сумели ли мы обеспечить людей работой... Идеи, заложенные в нашей программе, заключаются не в том, чтобы действовать по-глупому и создавать вселенский хаос, а в том, чтобы вести дело разумно и правильно. В конечном счете наша политическая власть будет тем прочнее, чем больше мы преуспеем в подведении под нашу экономику твердого фундамента. Имперские наместники поэтому должны позаботиться о том, чтобы ни одна партийная организация не брала на себя функций правительства, увольняя или назначая должностных лиц, поскольку функции такого рода являются компетенцией правительства рейха, а в хозяйственной области – рейхсминистра экономики». Как видно, в этом заявлении с предельной ясностью указывалось, что нацистская революция – процесс политический, а не экономический. Чтобы доказать, что он не бросает слов на ветер, Гитлер сместил с занимаемых постов ряд нацистских «радикалов», попытавшихся захватить контроль над объединениями предпринимателей. Он вернул Круппу фон Болену и Фрицу Тиссену главенствующее положение в деловом мире, запретил «Боевую лигу коммерсантов среднего сословия», устраивавшую погромы в крупных универсальных магазинах, и назначил д-ра Карла Шмидта министром экономики (вместо ушедшего в отставку Гугенберга). Шмидт, директор крупнейшей в Германии страховой компании «Аллианц», не терял времени даром: принял все меры к тому, чтобы воспрепятствовать замыслам тех национал-социалистов, которые по наивности всерьез восприняли программу нацистской партии. Велико было разочарование рядовых нацистов, особенно штурмовиков, составлявших главную силу гитлеровского массового движения. Большинство из них принадлежали к армии обедневших, обездоленных, недовольных элементов. Эти люди на личном опыте убедились, что не могут не быть противниками капитализма, и видели в революции, которая приобрела форму уличных потасовок, возможность поживиться добычей и получить выгодные места в мире коммерции или в органах управления. И вот теперь, после бурных весенних эксцессов, их надежды рушились. Старая клика – партийная или беспартийная – не только не оставляла своих позиций, но и укрепляла их.

Это обстоятельство не было единственной причиной брожения в рядах СА. Снова дали о себе знать давние разногласия между Гитлером и Ремом из-за статуса и целей СА. Гитлер с самого зарождения нацистского движения требовал, чтобы штурмовые отряды выполняли функции политической, а не военной силы; их назначение – насилием и террором прокладывать путь к политической власти. С точки зрения Рема, СА являлись не только ведущей силой

нацистской революции, но и костяком будущей армии, которая для Гитлера была бы тем же, чем для Наполеона – армия, созданная после Французской революции на основе воинской повинности. Он считал, что пора избавляться от реакционных прусских генералов – этих старых болванов, как презрительно он их называл, – и формировать боевое революционное войско, народную армию, руководимую им и его крепкими парнями.

Совсем иначе рассуждал Гитлер. Он лучше Рема и лучше любого другого нациста понимал, что не смог бы прийти к власти без поддержки или хотя бы терпимого отношения к нему армейских генералов и что в данный момент отчасти от них зависит его дальнейшее пребывание у кормила власти, поскольку они, располагая реальными средствами, могли убрать его, если бы захотели. Гитлер предвидел, что личное расположение к нему военных будет особенно необходимо в тот критический момент – и его не так уж долго ждать, – когда главнокомандующий, 86-летний Гинденбург, покинет сей мир. К тому же фюрер был убежден, что только офицерский корпус с его традициями и его выучкой способен за короткое время создать сильную, дисциплинированную армию. Что касается СА, то они представляли собой толпу, пригодную разве что для уличных драк, и не могли считаться современной армией. Свою службу они сослужили, и теперь их надо было постепенно выводить из игры. Взгляды Гитлера и Рема на этот счет оказались непримиримыми, и в период с лета 1933 года по 30 июня 1934 года между этими ветеранами нацистского движения, к тому же близкими друзьями (Эрнст Рем был единственным человеком, кому Гитлер говорил «ты»), шла в буквальном смысле смертельная борьба.

Выступая 5 ноября 1933 года в берлинском Спортпаласте перед 15 тысячами командиров СА, Рем отметил, что в рядах штурмовиков царит глубокое разочарование. «Часто приходится слышать... что надобность в СА уже отпала», – заявил он и добавил, что такое суждение ошибочно. Однако Гитлер был непреклонен. «СА должны относиться к армии точно так же, как относится к ней политическое руководство», – заявил он в речи, произнесенной 19 августа в Бад-Годесберге.

А 23 сентября в Нюрнберге он высказался еще яснее: «Особенно не должны мы забывать сегодня о том, какую роль сыграла наша армия, ибо всем хорошо известно, что если бы в дни революции она была не с нами, то мы бы сейчас перед вами не стояли. Мы можем заверить армию, что всегда будем это помнить, что видим в ней носительницу славных боевых традиций и что от всего сердца и всеми силами будем поддерживать ее дух».

Незадолго перед этим Гитлер дал вооруженным силам тайное обещание, чем снискал расположение многих высших чинов. 2 февраля 1933 года, через три дня после вступления в должность, он произнес двухчасовую речь на встрече с генералами и адмиралами, состоявшейся в доме командующего армией генерала фон Хаммерштейна. Цель этой первой встречи нацистского канцлера с офицерским корпусом была раскрыта в Нюрнберге адмиралом Эрихом Редером. Гитлер, по его словам, рассеял опасения военной элиты относительно того, что вооруженным силам придется участвовать в гражданской войне, и заверил, что армия и флот получат возможность целиком посвятить себя решению главной задачи – быстрому перевооружению Германии. Адмирал Редер признал, что он остался чрезвычайно доволен перспективой строительства военно-морского флота, а генерал фон Бломберг, поспешивший 30 января 1933 года принять пост министра обороны, чем помог предотвратить попытки военных выступить против назначения Гитлера канцлером, указал позднее в своих мемуарах, что фюрер открыл «поле деятельности, таившее в себе огромные возможности на будущее».

Чтобы еще больше воодушевить военную верхушку, Гитлер объявил 4 апреля о создании Совета Обороны Рейха, призванного разработать новую секретную программу перевооружения. А спустя три месяца, 20 июля, канцлер издал новый закон об армии, освобождавший военнослужащих из-под юрисдикции гражданских судов и упразднявший выборные солдатские представительства, вернув таким образом офицерскому корпусу его исконные привиле-

гии. В результате генералам и адмиралам нацистская революция начала представляться в ином, более благоприятном свете.

Желая задобрить Рема, Гитлер ввел его 1 декабря в состав кабинета (наряду с Рудольфом Гессом, бывшим тогда заместителем председателя партии), а в канун Нового года послал ему теплое дружеское письмо. В нем подчеркивалось, что «армия должна гарантировать безопасность нации от внешнего мира», в то время как задача СА – обеспечить победу нацистской революции и блюсти национал-социалистическое государство, что своими успехами СА всецело обязаны ему, Рему. Письмо заканчивалось словами:

«Считаю своим долгом в годовщину национал-социалистической революции поблагодарить тебя, мой дорогой друг Эрнст Рем, за неоценимые услуги, оказанные национал-социалистическому движению и немецкому народу, и заверить, что я благодарен судьбе, давшей мне возможность называть людей, подобных тебе, своими друзьями и соратниками. С искренним чувством дружбы и признательности твой Адольф Гитлер».

Письмо это было напечатано 2 января 1934 года в центральном органе нацистской партии «Фёлькишер беобахтер» и заметно рассеяло недовольство, царившее в рядах СА. В атмосфере благодушия, последовавшего в дни рождественских и новогодних праздников, соперничество между СА и армией на время притупилось, громкие призывы нацистских «радикалов» ко «второй революции» стихли.

Истоки нацистской внешней политики

«Нет никакой победы, ибо некого было побеждать», – заметил Освальд Шпенглер, говоря о том, как легко Гитлер покорил и нацифицировал в 1933 году Германию. «Я с чувством глубокого скепсиса наблюдал, – пишет автор в вышедшей в начале 1934 года книге «Упадок Запада», – как громко изо дня в день восторгались фактом захвата власти. Лучше бы придержать эти восторги до того дня, когда появятся реальные, осязаемые успехи в области внешней политики. Только о них и можно говорить всерьез».

Этот философ и историк, которого нацисты одно время считали своим кумиром (до того, как произошло взаимное охлаждение), поторопился с выводами. Перед тем как приступить к покорению мира, Гитлер должен был подчинить себе Германию. Но как только он покончил с немецкими противниками, то, не теряя времени, занялся тем, что его интересовало больше всего, – иностранными делами.

Международное положение Германии весной 1933 года было хуже некуда. Третий Рейх находился в изоляции от внешнего мира, в военном отношении он был бессилен. Соседи Германии, в первую очередь Франция и Польша, относились к ней враждебно и настороженно. Еще в марте 1933 года, после демонстрации Польшей своей военной силы в Данциге, маршал Пилсудский высказал французам мысль о желательности совместной превентивной войны против Германии. Даже Муссолини, внешне довольный появлением нового фашистского государства, на деле не очень радовался приходу Гитлера к власти. Фюрер государства, обладавшего гораздо большим экономическим и военным потенциалом, чем Италия, мог быстро отодвинуть дуче на второй план. Одержимый идеей пангерманизма, рейх посягал на Австрию и Балканы, где итальянский диктатор уже успел заявить о своих правах. Враждебно отнесся к нацистской Германии и Советский Союз, который начиная с 1921 года поддерживал дружественные отношения с Германской республикой. Да, друзей у Третьего Рейха фактически не было. К тому же он был безоружен по сравнению с соседями, обладавшими хорошо оснащенными вооруженными силами.

Как следствие, внешнеполитическая стратегия и тактика Гитлера на ближайшую перспективу диктовалась суровой реальностью – слабостью и изолированностью Германии. Но так уж получилось, что сложившаяся обстановка породила также естественные цели, отвечавшие

как его собственному горячему желанию, так и чаяниям огромного большинства немецкого народа: избавиться от оков Версаля, не вызвав при этом ответных санкций, и вооружиться, не рискуя оказаться в состоянии войны. Лишь по достижении этих двух целей он будет располагать свободой действий и военной силой, чтобы начать проводить в жизнь внешнюю политику, задачи и методы которой он столь откровенно и детально изложил в «Майн кампф». Прежде всего надо было сделать то, что само собой напрашивалось, – спутать карты противников Германии разговорами о мире и разоружении, одновременно выискивая слабые места в их коллективной обороне. 17 мая 1933 года Гитлер выступил в рейхстаге с «мирной речью» – одной из самых эффектных за все годы его деятельности; это был шедевр лживой пропаганды, глубоко взволновавший немецкий народ и сплотивший его вокруг фюрера. Большое впечатление произвела эта речь и за рубежом. Она была произнесена через день после того, как президент Рузвельт обратился к главам сорока четырех государств с сенсационным посланием, выразив в нем стремление Соединенных Штатов к разоружению и миру и призвав запретить всякое наступательное оружие – бомбардировщики, танки, подвижную тяжелую артиллерию. Гитлер не замедлил подхватить этот призыв и использовать его наилучшим образом.

«Предложение, внесенное президентом Рузвельтом, о котором я узнал вчера вечером, заслуживает самых теплых слов благодарности германского правительства. Оно готово одобрить такой способ преодоления международного кризиса... Предложение президента – это луч надежды для каждого, кто желает сотрудничать в деле сохранения мира... Германия целиком и полностью за запрещение всякого наступательного оружия, если вооруженные страны в свою очередь уничтожат наступательное оружие... Германия также готова ликвидировать все свои вооруженные силы и уничтожить те небольшие запасы оружия, которые у нас еще имеются, если также поступят соседние государства... Германия готова пойти на любой торжественный договор о ненападении, ибо думает она не о нападении, а о собственной безопасности».

Вежливая речь Гитлера, полная заверений в любви к миру, приятно удивила встревоженное человечество. Германия не хочет войны. Война – это «безграничное безумие». Она «приведет к крушению социального и политического порядка». Нацистская Германия не испытывает желания «онемечивать» другие народы. «Нам чужд образ мыслей, характерный для людей прошлого столетия, которые полагали, что из поляка или француза можно сделать немца... Французы, поляки и другие народы – наши соседи, и мы осознаем, что никакие исторически мыслимые обстоятельства не могут изменить эту реальность».

Но в речи прозвучало одно предупреждение. Германия требует равенства с другими странами и прежде всего – в области вооружений. Если равенства не будет, она предпочтет уйти с конференции по разоружению и выйти из Лиги Наций.

Среди всеобщего ликования, вызванного в западном мире столь неожиданным проявлением благоразумия со стороны Гитлера, это предупреждение осталось незамеченным. Лондонская «Таймс» сочла требование Гитлера о равенстве «неоспоримым». Другая лондонская газета, «Дейли геральд», официальный орган лейбористской партии, рекомендовала поверить Гитлеру на слово. Консервативный еженедельник «Спектейтор», также выходящий в Лондоне, заключил, что Гитлер сделал дружеский жест в отношении Рузвельта и что это вселяет в многострадальное человечество новую надежду. Официальное германское бюро информации в Вашингтоне, ссылаясь на помощника президента, сообщило: «Президент доволен, что Гитлер принял его предложение».

Вопреки ожиданиям многих в словах неистового нацистского диктатора прозвучали не дикие угрозы, а учтивость и деликатность. Человечество было очаровано. В рейхстаге даже депутаты-социалисты, находившиеся не в тюрьмах и не в эмиграции, не высказали никаких возражений, в результате чего внешнеполитическая программа Гитлера была принята единогласно.

Но предупреждение фюрера не было пустой фразой. Узнав в начале октября, что союзники выдвигают требование предоставить им восьмилетний срок, чтобы они могли сократить свои вооружения до уровня германских, он объявил 14-го числа того же месяца, что, поскольку другие участники женеvских переговоров отказываются предоставить Германии равные права, она немедленно отзывает своих представителей с конференции по разоружению и из Лиги Наций. Одновременно он принял и другие меры: распустил рейхстаг, объявив, что решение отозвать своих представителей из Женевы вынесет на референдум, и приказал министру обороны генералу фон Бломбергу издать секретную директиву вооруженным силам: оказать вооруженное сопротивление, если Лига Наций прибегнет к санкциям. Этот поспешный шаг показал, что за весенней миролюбивой речью Гитлера не стояло ничего реального. В международных делах это была его первая рискованная игра в открытую. Она означала, что отныне нацистская Германия начнет перевооружение вопреки всем существующим соглашениям о разоружении и вопреки Версальскому договору. Это был осознанный риск – секретная директива Бломберга армии и флоту, ставшая известной на процессе в Нюрнберге, показала не только то, что Гитлер рисковал подвергнуть страну санкциям, но и то, что положение Германии в случае применения таких санкций оказалось бы безнадежным. Директива четко обозначала оборонительные рубежи на западе, на границе с Францией, и на востоке, на границе с Польшей и Чехословакией, которые германским вооруженным силам предписывалось «удерживать как можно дольше». Из самого текста приказа Бломберга было видно, что немецкие генералы, по крайней мере, не питали никаких иллюзий относительно способности рейха держать оборону хотя бы короткое время. Это был первый критический момент. За ним в течение трех лет последует множество других, пока немцы не оккупируют демилитаризованную зону вдоль левого берега Рейна (это произойдет в 1936 году); тогда союзники могли применить санкции – не за то, что Гитлер ушел с конференции по разоружению и из Лиги Наций, а за нарушения условий Версальского договора относительно разоружения – условий, которые Германия начала нарушать уже два года назад, еще до прихода Гитлера к власти. В то время союзники легко могли одолеть Германию; это так же верно, как то, что своими действиями они способны были покончить с Третьим Рейхом в первый же год его существования. Но в том отчасти и заключалась одаренность Гитлера, что он давно постиг природу своих иностранных противников – постиг с таким же искусством и прозорливостью, с какими оценил характер оппонентов в собственном доме. В этой кризисной обстановке так же, как и в еще более серьезных ситуациях, которые будут следовать быстрой чередой вплоть до 1939 года, союзные государства-победители не предприняли никаких действий; слишком разобщены они были, слишком инертны, слишком слепы, чтобы понять характер и направленность того, что происходило за Рейном. Таким образом, расчет Гитлера оказался удивительно точен – так же точен, как и в отношении немецкого народа. Он прекрасно знал, что скажут немцы во время референдума, который он решил провести одновременно с выборами в рейхстаг (на них был представлен лишь список кандидатов от нацистской партии). И референдум и выборы должны были состояться 12 ноября 1933 года, на другой день после годовщины перемирия 1918 года. День перемирия, продолжавший беречь душу немцев, считался в Германии черным днем.

«Надо сделать так, – сказал Гитлер 4 ноября на предвыборном собрании в Бреслау, – чтобы этот день был отмечен в истории нашего народа как день спасения, чтобы можно было потом сказать: 11 ноября немецкий народ формально потерял свою честь, но вот прошло пятнадцать лет, наступил день 12 ноября, и немецкий народ вернул себе честь».

В канун выборов, 11 ноября, в обращении к народу по радио почтенный Гинденбург тоже призывал: «Проявите завтра стремление к национальному единству и солидарности с правительством. Отстаивайте вместе со мной и рейхсканцлером принципы равноправия и почетного мира и покажите всему миру, что мы оправились от болезни и с Божьей помощью сохраняем единство немецкого народа!» Реакция немецкого народа, прожившего пятнадцать лет в обста-

новке отчаяния и недовольства в результате поражения в войне, была почти однозначной. В референдуме участвовали 96 процентов зарегистрированных избирателей; 95 процентов этого числа одобрили решение об уходе из Женевы. На выборах в рейхстаг за список нацистской партии (в него вошли также Гинденбург и шестеро ненацистов) отдали свои голоса 92 процента избирателей. Даже в концлагере Дахау 2154 заключенных из 2242 проголосовали за правительство, по вине которого они там оказались! Правда, во многих населенных пунктах раздавались угрозы в адрес тех, кто уклонялся от голосования или кто голосовал «неправильно»; были случаи, когда избиратели боялись, что власти узнают, кто из них голосовал против режима, и подвергнут их наказаниям. Но даже с этой оговоркой итоги голосования (а их-то, во всяком случае, подводили честно) свидетельствовали о потрясающем успехе Адольфа Гитлера. Не оставалось сомнений, что вызов, брошенный им внешнему миру, поддержало подавляющее большинство немецкого народа.

Через три дня после референдума и выборов Гитлер вызвал к себе польского посла Юзефа Липского. Об итогах их беседы было опубликовано совместное коммюнике, удивившее не только немецкую, но и мировую общественность. Правительства Польши и Германии договорились «рассматривать вопросы, касающиеся обеих сторон, путем прямых переговоров и отказаться от всякого применения силы во взаимных отношениях ради укрепления мира в Европе».

К Польше немцы относились с большей ненавистью и презрением, чем даже к Франции. С их точки зрения, тягчайшим преступлением версальских миротворцев было то, что они отделили Восточную Пруссию от рейха Польским коридором с целью отторгнуть Данциг и передали полякам Познанскую провинцию и часть Силезии; хотя там и преобладало польское население, территории эти принадлежали Германии со времен раздела Польши. Никто из немецких государственных деятелей в годы существования республики не считал эти приобретения Польши узаконенными навсегда. Штресман и слышать не хотел о переговорах с Польшей относительно «восточного Локарно» как дополнения к Локарнским договорам о западных границах Германии. А генерал фон Сект, отец рейхсвера и вдохновитель внешней политики республики в первые годы после ее основания, в 1922 году заявил правительству: «Существование Польши невозможно терпеть, оно несовместимо с самой сутью образа жизни Германии. Польша должна исчезнуть с лица земли, и она исчезнет». А еще он добавил, что ее уничтожение «должно быть одной из основных целей политики Германии... С исчезновением Польши рухнет одна из главных опор Версальского мира – гегемония Франции».

Пока Польша не стерта с лица земли, рассуждал Гитлер, ее надо оторвать от союзной Франции. Курс, который он избрал, сулил кроме достижения конечной цели ряд непосредственных выгод. Декларируя отказ от применения силы к Польше, он мог еще громче кричать о мире, чтобы рассеять подозрения, вызванные в Западной и Восточной Европе его поспешным уходом из Женевы. Склонив поляков к прямым переговорам, он мог действовать в обход Лиги Наций и тем ослабить ее влияние. При этом он не только наносил удар по концепции коллективной безопасности, но и подрывал союзнические отношения Франции с Восточной Европой, оплотом которой являлась Польша. Немецкий народ, традиционно ненавидевший поляков, мог этого не понимать, но ведь в том и состояло, по мнению Гитлера, одно из преимуществ диктатуры перед демократией, что при ней можно, не вызывая шума внутри страны, какое-то время проводить в жизнь политику, не пользующуюся поддержкой народа, однако обещающую важные конечные результаты.

26 января 1934 года, за четыре дня до встречи Гитлера с депутатами рейхстага по случаю первой годовщины его прихода к власти, было объявлено о подписании сроком на десять лет польско-германского договора о ненападении. С тех пор Польша, уничтожившая под руководством диктатуры маршала Пилсудского остатки собственной парламентской демократии,

начала постепенно отходить от Франции, на помощь которой она опиралась с момента своего возрождения в 1919 году, и все теснее сближаться с нацистской Германией. Этот путь и привел ее к гибели задолго до того, как истек срок договора о «дружбе и ненападении».

Выступая 30 января 1934 года в рейхстаге, Гитлер мог взглянуть на истекший год как на год свершений, не имевших аналогов в истории Германии. За какие-то двенадцать месяцев он низверг Веймарскую республику, заменил демократию личной диктатурой, ликвидировал все политические партии, кроме собственной, разгромил органы самоуправления земель и их парламенты, разрушил федерацию и объединил рейх, уничтожил профсоюзы и всякого рода демократические организации, изгнал евреев с государственной службы и запретил врачам и адвокатам еврейской национальности заниматься частной практикой, отменил свободу слова и печати, лишил суды независимости и унифицировал под властью нацистов политическую, экономическую, культурную и общественную жизнь народа древней цивилизации.

Всеми этими достижениями и решительными действиями на международной арене, приведшими к выходу Германии из сообщества наций в Женеве и продемонстрировавшими ее упорное стремление добиться равенства с великими державами, Гитлер снискал себе, как показали результаты референдума и выборов, поддержку подавляющего большинства немецкого народа. Однако с наступлением второго года его господства над нацистами начали сгущаться тучи.

«Кровавая чистка» 30 июня 1934 года

То, что на небосклоне сгущались тучи, объяснялось наличием трех нерешенных взаимосвязанных проблем: продолжающиеся громкие призывы лидеров радикального крыла партии и СА ко «второй революции», соперничество между СА и армией и вопрос о преемнике президента Гинденбурга, которому, как это выяснилось уже в начале весны, жить оставалось недолго.

Рема, начальника штаба СА, численность которых выросла к этому времени до 2,5 миллиона, не удалось нейтрализовать ни с помощью жеста, который сделал Гитлер, назначив его членом кабинета, ни с помощью дружеского письма, посланного ему фюрером по случаю годового праздника. В феврале он представил кабинету пространный меморандум, в котором предлагал рассматривать СА как основу новой народной армии, в которую кроме СА вошли бы части СС, рейхсвера и объединения бывших фронтовиков. Все эти формирования, согласно проекту, должны были подчиняться единому министерству обороны, главой которого, как легко догадаться, рассчитывал стать Рем.

Ничего более отвратительного, чем эта идея, офицерский корпус не мог себе представить. Его старшие чины не только единодушно отвергли это предложение, но и обратились за поддержкой к Гинденбургу. Рухнули бы все традиции военной касты, если бы армия вдруг оказалась под контролем бандита Рема и его неотесанных коричневорубашечников. В добавление ко всему генералов потрясли слухи, получившие широкую огласку, о коррупции и оргиях гомосексуалистов, практиковавшихся среди окружения шефа СА. Как показал впоследствии генерал фон Браухич, «переворужение было слишком серьезным и сложным делом, чтобы подпускать к нему казнокрадов, пьяниц и гомосексуалистов».

В то время Гитлер не мог позволить себе обидеть верхушку армии, поэтому он не поддержал проект Рема. 21 февраля он доверительно сообщил Антони Идену, приехавшему в Берлин обсудить тупиковую ситуацию, сложившуюся в связи с проблемой разоружения, что готов сократить численность СА на одну треть и допустить инспекторов, которые могли бы проверить, не получают ли остальные две трети оружия и не проходят ли военное обучение. Когда сведения об этом обещании Гитлера стали известны Рему и другим главарям СА, они ожесточились еще сильнее. С приближением лета 1934 года отношения между начальником

штаба СА и высшим командованием армии значительно ухудшились. На заседаниях кабинета происходили громкие скандалы. В марте министр обороны заявил Гитлеру протест по поводу того, что СА, не имея на то права, вооружают тяжелыми пулеметами многочисленный отряд специальной штабной охраны. Фон Бломберг добавил, что это представляет угрозу не только армии, но и осуществляемой под руководством рейхсвера тайной программе перевооружения Германии, поскольку командование СА действует открыто.

Очевидно, что в этих условиях Гитлер в отличие от своевольного Рема и его подручных не мог не думать о близком конце слабеющего Гинденбурга. Он знал, что престарелый президент, армия и другие консервативные силы Германии настроены в пользу восстановления монархии Гогенцоллернов. У него же были другие планы, и в начале апреля, когда ему и Бломбергу сообщили из неофициальных, но надежных источников в Нейдеке, что дни президента сочтены, он понял: приближается момент решительных действий. Для успеха предприятия ему требовалась поддержка офицерского корпуса; ради этой поддержки он готов был пойти на все.

Вскоре случай для секретных переговоров с военными представился. 11 апреля канцлер в сопровождении генерала фон Бломберга, командующего армией генерала фон Фрича и командующего военно-морскими силами адмирала Редера отправился на крейсере «Дойчланд» из Киля в Кенигсберг на маневры у берегов Восточной Пруссии. Сообщив командующим армией и флотом об ухудшающемся состоянии Гинденбурга, Гитлер с согласия Бломберга без обиняков предложил на пост нового президента себя, если на то будет благословение рейхсвера. В обмен на поддержку военных Гитлер обещал отклонить претензии Рема, резко сократить численность СА и гарантировать рейхсверу положение единственной вооруженной силы в Третьем Рейхе. Редер, склонный к угодничеству, тотчас согласился. Что касается Фрича, то он, как человек менее сговорчивый, пожелал сначала посоветоваться со старшими генералами.

Совещание старших генералов состоялось 16 мая в Бад-Наугейме. Высшие чины немецкой армии, после того как им объяснили суть пакта на борту крейсера «Дойчланд», единодушно одобрили кандидатуру Гитлера на пост нового президента. Для армии это политическое решение приобретало историческое значение. Добровольно подчинившись неограниченной власти диктатора, одержимого манией величия, она предрешила свою судьбу. Гитлер же в результате этого сговора получил права верховного правителя. Теперь, когда на его пути уже не стоял строптивый фельдмаршал, когда миновала опасность реставрации монархии Гогенцоллернов, когда он становился главой государства, а не только правительства, ничто не стесняло свободы его действий. Цена, которую он заплатил за свое восхождение на вершину власти, оказалась ничтожной: он жертвовал СА. Не нужна ему была больше эта организация, ибо теперь он стал полновластным хозяином. От этого дикого сброда одни лишь неприятности. В ту весну его презрение к узколобым генералам резко усилилось, очевидно, потому, что переманить их на свою сторону оказалось на удивление легко. Это мнение о генералах он не изменил до самого конца, за исключением одного трудного момента в июне.

Но с наступлением лета забот у Гитлера не убавилось. Обстановка в Берлине накалялась. Призывы ко «второй революции» раздавались все громче. Они звучали не только в выступлениях Рема и других главарей штурмовиков, но и в речах Геббельса, а также в прессе, которую он контролировал. Правые консерваторы, юнкеры и крупные промышленники из окружения Папена и Гинденбурга требовали остановить «революцию», прекратить произвольные аресты, преследование евреев, нападки на церковь, наглые выходки штурмовиков, положить конец всеохватывающему террору, организованному нацистами.

Внутри самой нацистской партии с новой силой вспыхнула ожесточенная борьба за власть. Против Рема объединились два сильнейших противника – Геринг и Гиммлер, 1 апреля Геринг назначил Гиммлера, шефа СС, которые тогда еще входили в состав СА и подчинялись Рему, шефом прусского гестапо, после чего Гиммлер немедленно приступил к созданию тайной полицейской империи. Геринг, которого Гинденбург произвел в августе 1933 года в

генералы от инфантерии, хотя тот был министром авиации, с радостью сменил неказистую коричневую форму СА на более элегантный мундир нового ведомства. Перемена формы была символична: как генерал и выходец из семьи военных, в борьбе с Ремом и СА он быстро принял сторону армии. Чтобы обезопасить себя в этой «войне джунглей», Геринг, кроме того, сформировал личные полицейские силы численностью несколько тысяч человек, выгодно расквартировав их с точки зрения стратегии возможной борьбы в Лихтерфельде, на окраине Берлина, в казармах бывшего кадетского училища, где когда-то началась его военная карьера.

Напряженность в Берлине усиливалась еще и вследствие распространявшихся слухов о заговорах и контрзаговорах. Генерал фон Шлейхер, не привыкший пребывать в скромной безвестности и забывший, что он уже не пользуется доверием Гинденбурга, генералов и консерваторов и поэтому не имеет какого-либо веса, снова начал вмешиваться в политику. Он был связан с Ремом и Грегором Штрассером; до Гитлера дошли сведения, что Шлейхер вынашивает план, в случае осуществления которого он станет вице-канцлером, заняв место своего старого врага Папена, Рем – министром обороны, а СА сольются с армией. По Берлину распространялись десятки списков будущего кабинета; в некоторых из них Брюнинг фигурировал как министр иностранных дел, а Штрассер – как министр экономики. Разговоры эти были по большей части беспочвенны, но они лили воду на мельницу Геринга и Гиммлера, жаждавших покончить с Ремом и СА, а заодно свести счеты со Шлейхером и недовольными консерваторами. Намеренно сгущая краски, они передавали эти разговоры Гитлеру, возбудить подозрительность которого особого труда не составляло. Геринг и шеф гестапо преследовали цель не только перетрясти СА, но и ликвидировать левую и правую оппозицию, включая лиц, в прошлом выступавших против Гитлера, но потом прекративших активную политическую деятельность. В конце мая Брюнинга и Шлейхера предупредили, что их хотят убить. Первый тайно покинул страну, а второй отправился на отдых в Баварию, но в конце июня возвратился в Берлин.

В первой половине июня Гитлер имел с Ремом объяснение; беседа, как потом рассказал он в рейхстаге, длилась почти пять часов и затянулась до полуночи. Это была, по словам Гитлера, «последняя попытка» достичь взаимопонимания с ближайшим товарищем по движению: «Я сообщил ему, что из бесчисленных слухов и множества заявлений старых верных партийцев и руководителей СА вынес впечатление, что несознательные элементы готовят всегерманскую большевистскую акцию, которая не принесет ничего, кроме неслыханных бедствий... Я умолял его в последний раз добровольно отказаться от безумия и использовать свое влияние, чтобы предотвратить события, которые в любом случае закончатся только катастрофой».

По словам Гитлера, Рем, уходя, «заверил, что сделает все возможное, чтобы поправить положение». На деле же, как утверждал впоследствии фюрер, он начал вести приготовления к его (Гитлера) ликвидации. В этих словах было мало правды. Хотя история с чисткой, подобно истории с поджогом рейхстага, очевидно, так и останется невыясненной, все говорит за то, что шеф СА и не помышлял об устранении Гитлера. К сожалению, захваченные архивы содержат сведений о чистке не больше, чем о поджоге рейхстага. Похоже, что и в том и в другом случае компрометирующие документы были уничтожены.

Каким бы ни был характер долгой беседы ветеранов нацистского движения, фактом является то, что через день-два после нее Гитлер приказал отпустить штурмовиков на весь июль в отпуск, запретив им на это время носить форму, а также устраивать парады и учения. 7 июня Рем объявил, что берет отпуск по болезни, однако не преминул выступить с резким предупреждением: «Если враги СА надеются, что после отпуска штурмовики не вернутся в строй или вернутся лишь частично, то пусть немного помечтают. Ответ им будет дан в тот момент и в той форме, какие будут сочтены необходимыми. СА были и остаются уделом Германии».

Перед отъездом из Берлина Рем пригласил Гитлера на совещание с руководителями СА, намеченное на 30 июня в курортном городке Бад-Висзе, близ Мюнхена. Гитлер охотно согла-

сил, и встреча действительно состоялась, только не при тех обстоятельствах, на которые, возможно, рассчитывал Рем. Да и Гитлер, пожалуй, этого не предвидел. Ибо, как признал потом фюрер в своей речи в рейхстаге, он «долго колебался, перед тем как принять окончательное решение... Я все еще лелеял тайную надежду, что смогу избавить движение и СА от позора разногласий и, может быть, отвратить беду без серьезных конфликтов».

Он добавил: «Надо признать, что в последние дни мая стали выявляться все более и более тревожные факты». Но так ли это? Позже Гитлер утверждал, что Рем и его сообщники готовились захватить Берлин и взять его под стражу. Но если это правда, то зачем понадобилось руководителям СА всем скопом уезжать из Берлина и, что еще важнее, зачем сам Гитлер покинул Германию в столь критический момент, предоставив, таким образом, верхушке СА возможность в его отсутствие взять власть в свои руки? Дело в том, что 14 июня Гитлер вылетел в Вену на первую встречу (за ней последовало много других) со своим коллегой – фашистским диктатором Муссолини. Встреча, кстати, прошла неважно: Гитлер, в грязном плаще и помятой шляпе, чувствовал себя неловко рядом с искушенным дуче, облаченным в великолепную, увешанную орденами черную фашистскую форму, и посматривавшим на фюрера покровительственно-высокомерно. Гитлер возвратился в сильном раздражении. 17 июня, в воскресенье, он созвал в городке Гера (Тюрингия) совещание руководителей партии, чтобы рассказать о встрече с Муссолини и обсудить ухудшающуюся обстановку в стране. Так совпало, что в то же воскресенье в старом университетском городе Марбурге состоялось еще одно совещание, которое привлекло к себе гораздо большее внимание и способствовало тому, что критическая ситуация достигла апогея.

Папен, которого Гитлер и Геринг грубо столкнули на обочину политической жизни, но который формально все еще оставался вице-канцлером и пользовался доверием Гинденбурга, набравшись мужества, выступил с публичным осуждением крайностей режима – того самого режима, который он так усиленно навязывал Германии. В мае он провожал больного президента в Нейдек (в последний раз он видел своего защитника живым). Озабоченный, но уже слабый фельдмаршал проговорил тогда: «Плохи дела, Папен. Постарайтесь их поправить».

Ободренный этими словами, Папен принял приглашение выступить 17 июня в Марбургском университете. Текст речи был составлен его личным консультантом Эдгаром Юнгом, блестящим мюнхенским адвокатом и писателем, протестантом по вероисповеданию, хотя некоторые идеи были подсказаны Гербертом фон Бозе, одним из секретарей вице-канцлера, и Эрихом Клаузенером, руководителем организации «Католическое действие» (за это сотрудничество все трое вскоре поплатились жизнью). Это было смелое и благодаря Юнгу выразительное по языку и сдержанное по тону выступление. В нем прозвучал призыв к окончанию революции, прекращению нацистского террора, восстановлению элементарных норм поведения, предоставлению хоть каких-то свобод, в первую очередь свободы печати. Обращаясь к д-ру Геббельсу, министру пропаганды, Папен сказал:

«Откровенные, открытые дискуссии сослужили бы немецкому народу большую службу, чем печать в ее нынешнем положении. Правительство должно помнить известный афоризм «Только слабые не терпят критики»... Не пропаганда делает человека великим... Тот, кто хочет иметь тесную связь и единство с народом, не может не считаться с его мнением. Нельзя бесконечно держать его в узде... Никакая организация, никакая пропаганда, как бы хорошо она ни была поставлена, не может сама по себе гарантировать доверие. Не подстрекательством... и не угрозами в адрес незащитной части нации, а только советуясь с народом можно заслужить его доверие и преданность. Люди же, которых третируют как слабоумных, доверия не окажут... Пришло время всем нашим соотечественникам объединиться во имя братской дружбы и взаимного уважения, дабы не мешать работе серьезных людей и заставить фанатиков замолчать».

Весть об этом выступлении, едва оно закончилось, разнеслась по всей Германии; на кучку нацистских главарей, собравшихся в Гере, она произвела впечатление разорвавшейся бомбы.

Геббельс принял экстренные меры с целью замолчать, насколько это возможно, содержание речи: запретил намеченные на вечер того же дня радиопередачи с ее записью, запретил упоминание о ней в печати, приказал полиции конфисковать уже вышедший номер газеты «Франкфуртер цайтунг», в котором приводились выдержки из нее. Но и усилий всемогущего министра пропаганды оказалось недостаточно, чтобы помешать немецкому народу и внешнему миру узнать содержание дерзкой речи. Папен предусмотрительно разослал текст своего выступления иностранным корреспондентам и дипломатам в Берлине; кроме того, несколько тысяч экземпляров, отпечатанных в типографии газеты Папена под названием «Германия», было распространено тайно.

Гитлер, узнав о речи Папена в Марбурге, пришел в ярость. Выступив в тот же день в Гере, он осудил «пигмея, который воображает, что может несколькими фразами остановить гигантское обновление жизни народа». Папен в свою очередь разозлился, что на его речь наложен запрет. 20 июня он спешно приехал к Гитлеру и заявил, что не потерпит запрета, наложенного «младшим министром» на речь, которую он произнес как «доверенное лицо президента», и тут же подал в отставку, добавив, что «немедленно доложит обо всем Гинденбургу».

Эта угроза обеспокоила Гитлера; фюрер знал, что президент недоволен сложившейся ситуацией и подумывает об объявлении чрезвычайного положения и передаче власти военным. Чтобы выяснить, насколько велика эта опасность, он на следующий же день, 21 июня, вылетел в Нейдек для встречи с Гинденбургом. Прием, который был ему там оказан, лишь усилил его тревогу. Взглянув на встречавшего его генерала фон Бломберга, фюрер сразу заметил, что с лица министра обороны исчезло привычное выражение подобострастия. Бломберг, преобразившийся вдруг в сурового прусского генерала, резким тоном информировал Гитлера, что фельдмаршал поручил ему заявить: если нынешняя напряженная обстановка в стране не будет в ближайшее время ликвидирована, то президент объявит военное положение и передаст власть армии. Гитлеру разрешили пройти к Гинденбургу на несколько минут. В присутствии Бломберга президент повторил свой ультиматум.

Для нацистского канцлера дело принимало скверный оборот. Под угрозой оказались не только его расчеты занять президентский пост; передача власти в руки военных означала бы конец его, фюрера, и конец нацистского правительства. Возвращаясь в тот же день в Берлин, он, должно быть, думал: если хочешь выжить, то выбор всего лишь один. Он должен выполнить обещание, данное армии: запретить СА, приостановить революцию, продолжения которой требовали штурмовики. Было ясно, что на меньшее армия, поддерживаемая президентом, не согласится.

И тем не менее в ту последнюю неделю июня Гитлер все еще колебался, надо ли ему столь круто поступать с руководителями СА, перед которыми он был в большом долгу. Но Геринг и Гиммлер помогли ему отбросить сомнения. Они уже наметили, с кем свести счеты, и составили длинный список настоящих и бывших врагов, подлежащих, по их мнению, ликвидации. Оставалось убедить фюрера в том, что против него готовится «широчайший заговор» и что действовать надо быстро и решительно. Как явствует из показаний Вильгельма Фрика, в то время министра внутренних дел и одного из самых ярых приверженцев Гитлера, не кто иной как Гиммлер сумел в конце концов убедить Гитлера, что «Рем хочет поднять мятеж». Гиммлеру, добавил Фрик в Нюрнберге, было поручено подавить мятеж в Баварии, а Герингу – в Берлине.

Военные в свою очередь тоже подстрекали Гитлера и, таким образом, брали на себя часть ответственности за варварские действия, которые предстояло предпринять чуть позже. 25 июня главнокомандующий генерал фон Фрич привел армию в состояние боевой готовности, отменив отпуска и запретив войскам покидать казармы. 28 июня Рема исключили из немецкой офицерской лиги – прямое свидетельство того, что начальнику штаба СА грозили неприятности. И чтобы ни у кого, тем более у Рема, не оставалось никаких иллюзий относительно

позиции армии, Бломберг предпринял беспрецедентный шаг – опубликовал 29 июня за своей подписью статью в «Фёлькишер беобахтер», подчеркнув, что «армия... на стороне Адольфа Гитлера... который остается с нами».

Таким образом, военные требовали чистки, но не хотели пачкать руки. Это дело возлагалось на Гитлера, Геринга и Гиммлера, на отряды СС, а также на специальные полицейские силы Геринга.

28 июня, в четверг, Гитлер отправился из Берлина в Эссен на свадьбу местного гаулейтера Йозефа Тербовена. Само это путешествие и цель, ради которой оно совершалось, едва ли давали повод думать, что он считал драматические события неминуемыми. В тот же день Геринг и Гиммлер приказали отрядам специального назначения СС и полиции Геринга быть наготове. Поскольку Гитлер был в отъезде, они считали возможным действовать по своему усмотрению. На следующий день, 29 июня, фюрер совершил поездку по трудовым лагерям Вестфалии, а во второй половине дня поехал в Годесберг на Рейне, где остановился в прибрежной гостинице, владельцем которой был его старый товарищ по партии Дризен. В тот же вечер в Годесберг прибыл Геббельс, который прежде колебался, не зная, к какому лагерю примкнуть (он тайно поддерживал связь с Ремом), но теперь наконец сделал выбор. Он привез вести, которые Гитлер впоследствии назвал «тревожной разведывательной информацией» из Берлина: Карл Эрнст, бывший гостиничный посыльный и бывший вышибала в кафе, часто посещаемом гомосексуалистами (Рем назначил его начальником СА в Берлине), привел штурмовиков в состояние боевой готовности. Молодой человек привлекательной наружности, но небольшого ума, Эрнст был и тогда, и в последующие двадцать четыре часа своего земного существования искренне убежден, что мятеж готовят правые. Уже умирая, он гордо воскликнул: «Хайль Гитлер!»

Позже Гитлер скажет, что до этого времени, то есть до 29 июня, в его планы входило всего лишь «освободить начальника штаба (Рема) от его обязанностей и поддержать какое-то время под стражей, а также арестовать ряд руководителей СА, преступность которых не вызывает сомнений... и обратиться к остальным с горячим призывом вернуться к своим делам».

«Однако, – заявил он в рейхстаге 13 июля, – в час ночи я получил... два срочных сообщения относительно боевых тревог: одно – из Берлина, где сбор был назначен на четыре часа дня... а в пять часов должно было начаться внезапное нападение; предполагалось оккупировать правительственные здания... другое – из Мюнхена, где сбор частей уже объявили; им было приказано собраться в девять часов вечера... Это был мятеж!.. В данных условиях мне оставалось принять только одно решение... Лишь беспощадное и кровавое вмешательство могло предотвратить расширение восстания... В два часа ночи я вылетел в Мюнхен».

Гитлер ни тогда, ни после не упомянул, от кого получил эти «срочные сообщения», но предполагают, что их прислали Геринг и Гиммлер. С уверенностью можно утверждать лишь то, что в них содержалось сильное преувеличение. Эрнст же не придумал ничего лучшего, как в ту субботу отправиться на автомобиле в Бремен, чтобы там пересечь на паром и отплыть на Мадеру, где он собирался провести медовый месяц.

В ночь на 30 июня, в два часа, когда Гитлер, прихватив с собой Геббельса, вылетел с аэродрома «Хангелар» (близ Бонна) в Мюнхен, капитан Рем и его приближенные мирно спали на своих кроватях в гостинице «Ганзльбауэр» в Бад-Висзе, на берегу озера Тегернзе. Эдмунд Хайнес, обергруппенфюрер СА в Силезии, прежде судимый за убийство, известный гомосексуалист с бабьим лицом и могучим торсом грузчика, лежал в постели с каким-то парнем. По всей вероятности, главарь СА были весьма далеки от мысли о мятеже: Рем даже оставил штабную охрану в Мюнхене. Было очевидно, что эти люди всю ночь предавались пьяному разгулу, а не занимались подготовкой заговора.

Гитлер и небольшая группа сопровождающих, к которой присоединились Отто Дитрих, начальник отдела печати, и Виктор Лютце, шеф СА в Ганновере, личность бес-Цветная, но

зарекомендовавшая себя верным сподвижником фюрера, прибыв в субботу 30 июня, в 4 часа утра, в Мюнхен, обнаружили, что акция против «заговорщиков» уже началась. Майор Вальтер Бух, председатель партийного суда УШЛА, и Адольф Вагнер, министр внутренних дел Баварии, при помощи таких давних подручных Гитлера как Эмиль Морис, бывший уголовник и соперник Гитлера в любовной истории с Гели Раубал, и Кристиан Вебер, торговец лошадьми, когда-то служивший вышибалой в кабаре, арестовали мюнхенское руководство СА, включая обергруппенфюрера Шнайдохубера, являвшегося одновременно начальником полиции города. Гитлер, начавший взвинчивать себя до буйной истерики, обнаружил арестованных в здании министерства внутренних дел. Стремительно подойдя к Шнайдохуберу (бывшему полковнику армии), он сорвал с него нацистские знаки различия и осыпал бранью за измену.

С рассветом длинная вереница автомобилей, в которых сидели Гитлер и сопровождавшие его лица, помчалась в Бад-Висзе. Рем и его друзья по-прежнему находились в гостинице и крепко спали. Их грубо разбудили. Хайнеса и его молодого партнера стащили с кровати и выволокли на улицу, где по приказу Гитлера немедленно расстреляли. В номер Рема, как рассказывал потом Отто Дитрих, фюрер вошел один. Он бросил Рему одежду и велел встать. Потом приказал отвезти его в Мюнхен и поместить в тюрьму Штадельхайм, где шеф СА однажды уже отбывал наказание за соучастие в «пивном путче» 1923 года. Минувло четырнадцать бурных лет, и разошлись пути двух соратников, более, чем кто-либо еще, ответственных за рождение Третьего Рейха, за его террор и деградацию, остававшихся, несмотря на часто возникавшие разногласия, вместе в моменты кризиса, неудач и разочарований; подошла к концу буйная жизнь отчаянного, с лицом, покрытым шрамами, борца за фюрера и нацизм. Гитлер сделал то, что считал, очевидно, последним актом милосердия: распорядился оставить Рему пистолет на столе. Но тот отказался стреляться, будто бы заявив: «Если решено убить меня, пусть это сделает сам Адольф Гитлер». После чего, по словам лейтенанта полиции, выступавшего свидетелем на судебном процессе в Мюнхене в мае 1957 года, в камеру вошли двое эсэсовцев и в упор расстреляли Рема. «Рем хотел что-то сказать, – показал очевидец, – но эсэсовец знаком приказал ему замолчать. Тогда Рем, голый по пояс, встал по стойке «смирно», его лицо выражало презрение».

Так его жизнь, переполненная насилием, насилием и оборвалась. Он умер, испытывая чувство презрения к другу, которому помог достигнуть высот, коих не достигал еще ни один немец. Подобно сотням других умерщвленных в тот день (подобно Шнайдохуберу, который, по словам свидетелей, воскликнул: «Господа, я не знаю, в чем дело, но стреляйте метко!»), он не понимал, что случилось, и объяснял происходящее только предательством, попустительствуя которому он так долго жил и которое сам часто совершал, – предательством, которого от Адольфа Гитлера, конечно, никак не ожидал.

В Берлине в это время действовали Геринг и Гиммлер. Было арестовано около 150 руководителей СА. Их расстреляли у стен казарм кадетского училища в Лихтерфельде специальные наряды полиции Геринга и СС Гиммлера.

В числе расстрелянных оказался и Карл Эрнст. Его свадебное путешествие прервали эсэсовцы, настигшие автомобиль с новобрачными недалеко от Бремена. Молодая жена и шофер получили ранения, самого Эрнста в бессознательном состоянии доставили на самолете в Берлин, где и казнили.

В те кровавые дни погибли не только руководители СА. Утром 30 июня группа эсэсовцев, переодетых в штатское, подъехала к вилле генерала фон Шлейхера, расположенной в предместье Берлина, и позвонила в дверь. Вышедший им навстречу генерал был тут же застрелен. Его жену, с которой Шлейхер сочетался браком всего полтора года назад, прикончили тем же способом. Та же участь постигла вечером того же дня генерала Курта фон Бредова, близкого друга Шлейхера. Грегора Штрассера взяли по распоряжению Геринга в его берлинской

квартире и через несколько часов препроводили в камеру гестаповской тюрьмы на Принц-Альбрехт-штрассе.

Папену повезло больше: он уцелел, но в его служебных помещениях эсэсовцы учинили обыск. Бозе, одного из его секретарей, застрелили прямо за письменным столом; Эдгара Юнга, его личного консультанта, арестованного гестаповцами несколькими днями раньше, убили в тюрьме; другого сотрудника, руководителя организации «Католическое действие» Эриха Клаузенера, убили в его кабинете в министерстве связи; остальной персонал Папена, включая его личного секретаря баронессу Штоцинген, отправили в концентрационный лагерь. Когда же Папен обратился к Герингу с протестом, тот, не желая тратить времени на болтовню, попросту вышвырнул его вон и посадил под домашний арест. Вооруженные до зубов эсэсовцы окружили его виллу, отрезали телефон и запретили общение с внешним миром – еще одно унижение, которое, однако, вице-канцлер Германии перенес исключительно легко. Не прошло и месяца, как он принял от нацистских убийц, уничтоживших его друзей, назначение посланником в Вену, где местные фашисты только что убили канцлера Дольфуса.

Сколько людей было погублено в период чистки – до сих пор точно не установлено. Выступая 13 июля в рейхстаге, Гитлер заявил, что расстрелян шестьдесят один человек, в том числе девятнадцать высших руководителей СА, еще тринадцать человек погибло «при сопротивлении аресту» и трое «покончили с собой» – всего семьдесят семь человек. А «Белая книга о чистке», изданная эмигрантами в Париже, указывала, что был убит 401 человек, однако поименно были названы только 116. На Мюнхенском процессе 1957 года говорилось, что погибших было «более чем 1000».

Многие были убиты просто из мести за былую оппозицию к Гитлеру, другие, очевидно, за то, что слишком много знали, а один – потому, что его приняли за кого-то другого. Тело Густава фон Кара, о котором мы рассказывали ранее как об одном из участников подавления «пивного путча» 1923 года и который давно уже отошел от политики, нашли в болоте близ Дахау; его, судя по характеру ран, закололи кирками. Гитлер не забыл и не простил его. Тело патера Бернхарда Штемпфле из ордена святого Иеронима, того самого, который, как уже упоминалось, помогал редактировать «Майн кампф», а потом навлек на себя немилость тем, что слишком много знал и, вероятно, выбалтывал о причинах самоубийства возлюбленной Гитлера – Гели Раубал, нашли в лесу Гарлахинг близ Мюнхена с раздробленным черепом и тремя пулевыми ранами в груди. Хайден утверждает, что группу убийц возглавлял Эмиль Морис, бывший уголовник, крутивший любовь с Гели Раубал. В число других «слишком много знавших» входили и трое членов СА, известных как соучастники Эрнста по поджогу рейхстага. Их, как и Эрнста, тоже отправили на тот свет.

А вот еще одно убийство. 30 июня, в семь часов двадцать минут вечера, д-р Вилли Шмид, известный музыкальный критик, сотрудничавший в ведущей мюнхенской ежедневной газете «Мюнхенер нойесте нахрихтен», музицировал у себя в кабинете на виолончели. Его жена готовила ужин, а трое детей в возрасте девяти, восьми и двух лет играли в гостиной их квартиры на Шакштрассе. Раздался звонок – и в дом ворвались четверо эсэсовцев; без каких-либо объяснений они арестовали Шмида и увели с собой. Четыре дня спустя его труп в закрытом гробу доставили домой. Представитель гестапо приказал ни при каких обстоятельствах фоб не открывать. Как потом выяснилось, д-ра Вилли Шмида приняли за его однофамильца, местного руководителя СА, который также был арестован отрядом СС и расстрелян на месте.

А существовал ли вообще заговор против Гитлера? Если верить фюреру – существовал. Об этом говорится в официальном коммюнике и в его речи в рейхстаге 13 июля. Но он не привел никаких доказательств. Рем не делал тайны из того, что хотел превратить СА в ядро новой армии и лично возглавить военное ведомство. Да, он посвящал Шлейхера в эти планы; беседы на эту тему они вели еще в бытность генерала рейхсканцлером. Возможно, Гитлер не лгал, заявляя, что к обсуждению проекта привлекали Грегора Штрассера. Но такие обсуж-

дения, конечно, никак нельзя назвать изменой. Гитлер и сам общался со Штрассером, а в начале июня даже предложил ему, по словам Отто Штрассера, пост министра экономики. И хотя Гитлер, выступая в рейхстаге, повторил свои обвинения, помянув заодно встречи Шлейхера и Рема с «неким иностранным дипломатом» (имея в виду, разумеется, французского посла Франсуа-Понсе), имевшие, как он язвительно выразился, «совершенно невинный характер», подкрепить свои слова фактами не смог. Преступно уже то, неубедительно доказывал он, что какой-либо гражданин Третьего Рейха общается с иностранными дипломатами без его, фюрера, ведома.

«Когда трое предателей в Германии организуют... встречу с официальным иностранным представителем... и приказывают ничего не говорить мне, то я отдам приказ расстрелять их, даже если потом окажется, что беседа, которую они от меня скрыли, касалась погоды, коллекционирования монет и тому подобных тем». Франсуа-Понсе заявил решительный протест против инсинуации относительно его участия в «заговоре» Рема, в связи с чем министерство иностранных дел Германии официально уведомило французское правительство: какие-либо обвинения в адрес посла лишены оснований, и правительство рейха надеется, что Франсуа-Понсе останется на своем посту. И он остался. Автор этих строк может подтвердить, что ни с одним послом демократического государства у Гитлера не было таких хороших отношений, как с Франсуа-Понсе.

И в первом коммюнике, и в леденящем душу публичном заявлении Отто Дитриха, начальника отдела печати фюрера, и даже в речи Гитлера в рейхстаге особое внимание обращалось на аморальное поведение Рема и других казенных руководителей СА. Дитрих сказал, что сцена ареста Хайнеса, застигнутого в Бад-Висзе в постели с молодым парнем, не поддается описанию, а Гитлер, выступивший в полдень 30 июня перед оставшимися в живых командирами штурмовиков Мюнхена, утверждал: эти люди заслужили смерть уже тем, что деградировали морально. Но ведь Гитлер с первых дней существования партии знал, что среди его ближайших и самых влиятельных сторонников немало гомосексуалистов и лиц с уголовным прошлым. Не было ни для кого тайной, что Хайнес, например, заставлял своих людей из СА рыскать по всей Германии и подыскивать для него подходящих партнеров. И этих типов Гитлер не только терпел, но и защищал; он не раз говорил товарищам по партии, что не следует слишком строго относиться к «порочным наклонностям» людей, если они беззаветно преданы движению. Теперь же он делал вид, что потрясен фактами моральной деградации некоторых своих сподвижников.

На исходе воскресенья 1 июля, когда вакханалия убийств в основном завершилась, Гитлер, возвратившись из Мюнхена в Берлин, устроил в саду при доме правительства званый чай. В понедельник президент Гинденбург поблагодарил его за «решительное и доблестное личное вмешательство, которое помогло удушить измену в зародыше и отвратить от немецкого народа великую опасность», а Геринга он поздравил с принятием «энергичных и действенных мер» по пресечению «государственной измены». Во вторник генерал Бломберг передал Гитлеру поздравление кабинета министров, решившего «узаконить» расправу как вынужденную меру в интересах «защиты государства». Кроме того, Бломберг издал приказ по армии, выразив удовлетворение высшего командования новым поворотом событий и пообещав установить «добрые отношения с новым руководством СА». Понятно, почему военные были довольны тем, что избавились от соперника в лице СА. Но вот вопрос: куда девалось их понятие чести, не говоря о порядочности? Ведь офицерский корпус не только оправдал, но и похвалил правительство за беспрецедентную в истории Германии резню, в ходе которой двух его видных представителей, генерала фон Шлейхера и генерала фон Бредова, заклеили как предателей и хладнокровно умертвили. Лишь восьмидесятипятилетний фельдмаршал фон Макензен и генерал фон Хаммерштейн, бывший командующий армией, подняли голоса протеста против

расправы с их коллегами – расправы, оправданием которой послужило голословное обвинение в измене. Позиция офицерского корпуса сильно запятнала честь армии и продемонстрировала ее невероятную близорукость.

Попустительствуя незаконным, по существу бандитским, действиям Гитлера 30 июня 1934 года, генералы поставили себя в положение людей, не способных и в будущем противостоять актам нацистского террора не только на территории страны, но и за ее пределами, даже когда эти акты были направлены против самих военных. Армия поддерживала притязания Гитлера на роль самодержца, ведь в речи, произнесенной в рейхстаге 13 июля, он заявил: «... Если меня упрекнут и спросят, почему я не прибег к услугам обычных судов, я могу лишь ответить: в этот час я считал себя ответственным за судьбу немецкого народа и потому сам стал его верховным судьей». Для вящей убедительности Гитлер добавил: «Пусть все учтут на будущее, что всякого, кто поднимет руку на государство, ждет неминуемая смерть». Ровно через десять лет, почти день в день, эта угроза стала реальностью для генералов, когда самые отчаянные из них решились наконец поднять руку на своего «верховного судью».

Члены офицерского корпуса заблуждались, полагая, что 30 июня они навсегда обезопасили себя от посягательств нацистского движения на их традиционные права и привилегии: место СА теперь заняли СС. 26 июля в награду за учиненные расправы ей предоставили независимый от СА статус. Во главе СС стал рейхсфюрер Гиммлер, подчиненный лично Гитлеру. Вскоре эта гораздо более дисциплинированная и управляемая организация превратилась и в более влиятельную силу, что позволило ей как сопернице армии добиться успеха там, где неотесанные коричневорубашечники Рема потерпели неудачу. Но пока что генералы не теряли надменной самоуверенности. Ведь сказал же Гитлер 13 июля в рейхстаге, что армия останется «единственной обладательницей оружия»! Не иначе как по требованию высшего командования канцлер разделался с руководителями СА, осмелившимися оспорить это авторитетное заявление. Теперь пришло время, когда армия выполнит свою часть обязательств по пакту на борту «Дойчланд».

Смерть Гинденбурга

Почти все лето состояние здоровья Гинденбурга, до этого казавшегося несокрушимым, непрерывно ухудшалось, и 2 августа, в девять часов утра, на восемьдесят седьмом году жизни он скончался. Спустя три часа было объявлено, что в соответствии с законом, принятым кабинетом министров за день до смерти фельдмаршала, функции канцлера и президента совмещаются в одном лице и что Адольф Гитлер принял на себя полномочия главы государства и главнокомандующего вооруженными силами. Титул президента упразднился; отныне Гитлера следовало называть фюрером и рейхсканцлером. Его диктатура становилась всеобъемлющей. Чтобы ни у кого не оставалось на этот счет сомнений, Гитлер потребовал от всего личного состава вооруженных сил присягнуть в верности не Германии, не конституции, которую он нарушил, отказавшись назначить выборы преемника Гинденбурга, а лично ему. Текст присяги гласил:

«Клянусь Богом, что буду беспрекословно подчиняться Адольфу Гитлеру, фюреру германского рейха и народа, верховному главнокомандующему вооруженными силами, и никогда не нарушу данную клятву, даже если это будет связано с риском для собственной жизни».

Итак, генералы, которые могли бы при желании без особого труда свергнуть нацистский режим, теперь, после августа 1934 года, связали себя с таким человеком как Адольф Гитлер, признав его высочайшей законной властью в стране и принеся ему клятву верности, клятву, которую считали долгом чести не нарушать ни при каких обстоятельствах, сколь унижительным ни было бы это для них и для родины. Это была клятва, беспокоившая совесть довольно большого числа офицеров, с тех пор как признанный ими руководитель стал на путь, по их мнению,

не суливший стране ничего, кроме катастрофы, и потому вызывавший у них чувство протеста. Но еще большему числу офицеров та же клятва позволяла считать себя свободными от ответственности за неслыханные злодеяния, совершавшиеся ими по приказу верховного главнокомандующего, истинное лицо которого они не могли не увидеть во время резни 30 июня. Одно из ужасных заблуждений германского офицерского корпуса заключалось в превратном истолковании слова «честь» – слова, которое, как известно автору этих строк из личного опыта, часто звучало в устах офицеров. Чтя данную им клятву, они часто позорили себя как личности и втапывали в грязь моральный кодекс своего корпуса.

После смерти Гинденбурга д-р Геббельс, министр пропаганды, официально заявил, что никакого завещания фельдмаршала не обнаружено, исходя из чего следует полагать, что его вообще не существует. Но 15 августа, за четыре дня до референдума, во время которого немецкий народ призывали одобрить решение Гитлера занять место президента, политическое завещание Гинденбурга вдруг обнаружилось – его доставил Гитлеру не кто иной, как Папен. Содержавшиеся в нем лестные эпитеты в адрес Гитлера сослужили Геббельсу хорошую службу во время кампании по подготовке к проведению референдума, а в канун голосования были подкреплены выступлением полковника Оскара фон Гинденбурга по радио:

«Мой отец видел в Адольфе Гитлере своего прямого преемника на посту главы Германского государства, и я, руководствуясь желанием отца, призываю всех немцев – мужчин и женщин – голосовать за передачу его полномочий фюреру и рейхсканцлеру».

Можно почти не сомневаться, что он сказал неправду. Ибо все данные, имеющиеся в нашем распоряжении, говорят о том, что Гинденбург, выражая свою последнюю волю, советовал, когда он умрет, восстановить монархию. Но об этой части завещания Адольф Гитлер умолчал. Хранившаяся в тайне правда о завещании старого президента отчасти, если не полностью, открылась после войны, во время допроса Папена в Нюрнберге, а позднее в его мемуарах. И хотя Папен не вполне надежный источник, да и рассказал он, наверное, не все, что знал, но игнорировать его показания нельзя. Он сам составлял первоначальный текст завещания и делал это, по его словам, по просьбе фельдмаршала.

«Мой проект, – пишет он в мемуарах, – предусматривал установление после его смерти конституционной монархии; при этом я особо подчеркнул нежелательность сосредоточения в одних руках власти президента и канцлера. Чтобы не давать Гитлеру повода для обиды, в текст завещания были включены некоторые лестные слова по поводу позитивных сторон деятельности нацистского режима».

Этот проект, по словам Папена, он передал Гинденбургу 1 апреля 1934 года.

«Через несколько дней он пригласил меня снова и сказал, что решил не принимать документ в том виде, в каком предложил его я. Он считал... что народ сам должен решить, какая форма правления для него желательна. Поэтому пусть его завещанием будет память о служении народу, а пожелание восстановить монархию он выскажет как проявление последней воли в личном письме Гитлеру. Понятно, это означало, что главная суть моего предложения из проекта выпала, поскольку рекомендация касательно восстановления монархии не адресовалась народу. Этим обстоятельством Гитлер сполна воспользовался».

«Когда я возвратился из Танненбурга, где хоронили президента, мне позвонил Гитлер и спросил, оставил ли Гинденбург политическое завещание и знаю ли я, где оно находится. Я ответил, что справлюсь у Оскара фон Гинденбурга. «Я вам буду очень обязан, – сказал Гитлер, – если вы позаботитесь о том, чтобы этот документ как можно скорее доставили мне». Тогда я поручил Кагенеку, моему личному секретарю, поехать в Нейдек и спросить сына Гинденбурга, сохранился ли текст завещания и могу ли я его получить для передачи Гитлеру. Поскольку я не виделся с Гинденбургом с тех пор, как в конце мая уехал из Берлина, мне не было известно, уничтожил он текст завещания или нет».

Сразу после смерти отца Оскар не смог обнаружить этот важный документ, а тут вдруг обнаружил. То, что это не составило для него большого труда, подтвердил в своих показаниях помощник Гинденбурга граф фон Шуленбург, выступавший свидетелем по делу Папена на суде по денацификации. Он сообщил, что 11 мая президент подписал два документа: один из них был адресован немецкому народу, другой – рейхсканцлеру. Когда Гинденбург покидал в последний раз Берлин, Шуленбург прихватил их с собой. Папен пишет, что в то время он этого не знал. И вот теперь его секретарь привез из Нейдека два запечатанных конверта, врученных ему Оскаром фон Гинденбургом.

15 августа Папен доставил их Гитлеру в Берхтесгаден.

«Гитлер очень внимательно прочел оба документа и обсудил с нами их содержание. Рекомендации Гинденбурга явно противоречили его планам, поэтому он и воспользовался тем, что на конверте стояла надпись: «Рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру». «Эти рекомендации покойного президента, – сказал он, – предназначены лично мне. Я потом сам решу, когда их опубликовать и надо ли публиковать вообще». Тщетно упрасивал я его обнародовать оба документа. Начальнику отдела печати был передан лишь тот, в котором подводились итоги деятельности Гинденбурга и говорились лестные слова в адрес Гитлера».

Куда девался второй документ, рекомендовавший не Гитлера, а одного из Гогенцоллернов на пост главы государства, Папен не указывает, да, наверное, и не знает этого. Поскольку среди сотен тонн захваченных нацистских архивов он не был обнаружен, похоже, Гитлер не замедлил его уничтожить.

Пожалуй, вряд ли что-либо изменилось бы, даже если бы Гитлер, проявив достаточно мужества и честности, обнародовал его. Еще при жизни Гинденбурга он заставил кабинет министров издать закон, предоставлявший ему полномочия президента. Произошло это 1 августа, за день до смерти фельдмаршала. То, что этот закон является актом беззакония, тоже не имело никакого значения для Германии, где законом стало слово бывшего австрийского ефрейтора. Каждому ясно, что это был незаконный акт. 17 декабря 1932 года, когда правительство возглавлял Шлейхер, рейхстаг большинством в две трети голосов принял поправку к конституции, согласно которой не канцлер, а председатель верховного суда исполнял функции президента, пока не состоялись новые выборы. И хотя акт о чрезвычайных полномочиях, подводивший «законную» основу под диктатуру Гитлера, давал канцлеру право издавать законы в нарушение конституции, в нем специально оговаривалось, что он не может самовольно решать вопросы президентства.

Но что теперь значил закон? До него не было дела Папену, с легким сердцем отправившемуся в Вену в качестве посланника Гитлера и занявшемуся там улаживанием сумятицы, вызванной убийством нацистами канцлера Дольфуса. Не было до него дела и генералам, рьяно взявшимся за строительство армии, и промышленникам, с восторгом занявшимся прибыльным делом перевооружения. Не ушли в отставку консерваторы старой школы – «порядочные» немцы вроде барона фон Нейрата из министерства иностранных дел и д-ра Шахта из Рейхсбанка. Никто не ушел. Более того, д-р Шахт стал еще и министром экономики. Это случилось 2 августа – в тот самый день, когда Гитлер узурпировал права президента.

А что же немецкий народ? 19 августа около 95 процентов зарегистрировавшихся избирателей явились в пункты голосования; 90 процентов из них, или более 38 миллионов человек, одобрили узурпацию Гитлером неограниченной власти. Лишь 4,25 миллиона немцев имели мужество голосовать против.

Неудивительно, что, когда в Нюрнберге 4 сентября открылся съезд нацистской партии, Гитлер чувствовал себя так уверенно. Утром следующего дня я наблюдал, как он с видом императора-завоевателя шествует под рев оркестра, исполнявшего марш «Баденвайлер», по главному проходу огромного, увешанного флагами зала Лютпольд, а в это время тридцать тысяч рук вскинулись в нацистском приветствии. Спустя минуту он с гордым видом уселся в цен-

тре большой эстрады и, скрестив на груди руки, с блестящими глазами слушал, как гаулейтер Баварии Адольф Вагнер читает текст его послания:

«Немецкий порядок жизни бесспорно предопределен на тысячелетие вперед. Эпоха нервозности девятнадцатого столетия нашла свое завершение в наше время. Никакой другой революции в Германии не будет тысячу лет!»

Ему, смертному, тысячу лет не прожить, но, сколько бы он ни прожил, он будет править этим великим народом как самый могущественный и беспощадный самодержец, каких еще не знала история страны. Гинденбург, уйдя в мир иной, уже не мог оспорить его власти; армия, связавшая себя присягой, которую ни один немецкий солдат не решится нарушить с легким сердцем, стала его послушным орудием. Теперь, когда его последние противники либо уничтожены, либо бесследно исчезли, вся Германия и все немцы, по существу, оказались в его обогранных кровью руках.

«Это замечательно!» – воскликнул он на встрече с иностранными корреспондентами в Нюрнберге после недели изнурительных парадов, речей, язычески-помпезных представлений и такого безудержного идолопоклонства, какое мне никогда не приходилось наблюдать. Много воды утекло с тех пор, как Адольф Гитлер покинул трущобы Вены, а он еще не стар – ему лишь сорок пять лет. Все впереди. Даже тот, кто впервые после падения Веймарской республики возвращался в Германию, не мог не видеть, что Гитлер, каковы бы ни были его преступления против человечности, дал выход неисчерпаемым движущим силам, долгое время сдерживавшимся в недрах немецкого народа. Какую цель он преследовал? Ответ легко найти на страницах его книги «Майн кампф» и в сотне речей, которые многие, а лучше сказать, почти все как в самом Третьем Рейхе, так и за границей, либо вообще не читали, либо воспринимали как абсурд.

Глава 8

Жизнь в Третьем Рейхе: 1933–1937 годы

Как раз в это время, в середине лета 1934 года, я и приехал в Третий Рейх на постоянную работу. И обнаружил в новой Германии много такого, что впечатляло, озадачивало, тревожило иностранного наблюдателя. Подавляющее большинство немецкого народа, казалось, ничего не имело против того, что его лишили личной свободы, что уничтожили много культурных ценностей, предложив взамен бессмысленное варварство, что его жизнь и работу подвергли такой регламентации, какой не знал даже он, приученный за много поколений к строгому порядку.

Правда, за всем этим скрывались страх перед гестапо, боязнь попасть в концентрационный лагерь, если ты вышел за рамки дозволенного, если ты разделяешь взгляды коммунистов или социалистов, если ты слишком либерально или пацифистски настроен или если ты еврей. «Кровавая чистка» 30 июня 1934 года показала, какими беспощадными могут быть новые правители. Однако на первых порах нацистский террор коснулся сравнительно немногих немцев. Стороннего наблюдателя, только что прибывшего в страну, несколько удивляло, что немцы, очевидно, не признавали себя жертвами запугивания и притеснений со стороны бессовестной и жестокой диктатуры. Наоборот, они с неподдельным энтузиазмом поддерживали эту диктатуру. Некоторым образом нацизм вселял в них надежду, новый стимул и поразительную веру в будущее страны.

Гитлер разрываясь с прошлым, принесшим столько бед и разочарований. Шаг за шагом, не теряя времени, о чем мы подробно расскажем позднее, освобождал он Германию от последних обязательств по Версальскому договору, чем ставил в тупик страны-победительницы, и восстанавливал военное могущество Германии. Этого хотело большинство немцев и готово было идти на жертвы, которых требовал фюрер: отказ от личной свободы, скудное питание («пушки вместо масла») и тяжелый труд. К осени 1936 года с проблемой безработицы было в значительной мере покончено: почти каждый трудоспособный имел работу. Приходилось слышать, как рабочие, лишённые права создавать профсоюзы, после сытного обеда шутили: при Гитлере право на голод отменено. Девиз нацистов «Общие интересы выше личных» получил в те дни широкое распространение, и хотя многие представители партийной верхушки, в первую очередь Геринг, тайно обогащались, а прибыли предпринимателей росли, не оставалось сомнений, что массы поверили в «национальный социализм», который будто бы ставит общественное благосостояние выше чьей-либо личной выгоды. Расовые законы, превращавшие евреев в изгоев германского общества, представлялись потрясенному иностранному наблюдателю как возврат к первобытным временам; но поскольку нацистские теории превозносили немцев как соль земли и как высшую расу, то население страны относилось к этим законам далеко не отрицательно. Кое-кто из немцев (бывшие социалисты, либералы или истинные христиане из старых консервативных слоев), с кем приходилось беседовать, возмущались и даже негодовали по поводу гонений на евреев, но, хотя в ряде случаев они и помогали отдельным пострадавшим, остановить кампанию преследований не пытались. «А что мы можем сделать?» – часто спрашивали они. Ответить на этот вопрос было нелегко.

Печать и радио, несмотря на цензуру, давали немцам кое-какое представление о том, насколько критически настроена мировая общественность, однако это обстоятельство, как они могли убедиться, не мешало иностранцам толпами наводнять Третий Рейх и с удовольствием пользоваться его гостеприимством. В то время въезд в нацистскую Германию был намного свободнее, чем въезд в Советскую Россию²⁰. В стране процветал туризм, принося ей большое коли-

²⁰ Опять же в противоположность Советской России нацистская Германия разрешала всем гражданам, кроме тех нескольких тысяч, что были занесены в черные списки тайной полиции, выезжать за границу, хотя этому и мешали в значительной

чество столь необходимой иностранной валюты. Казалось, нацистскому руководству нечего скрывать. Иностранец, будь он каким угодно противником нацизма, мог приехать в Германию и смотреть, изучать все, что он хотел, за исключением концлагерей и, как во всех других странах, военных объектов. И многие приезжали. И если, возвратясь оттуда, не становились приверженцами нацизма, то, по крайней мере, начинали терпимо относиться к «новой Германии», считая, что обнаружили там, как они выражались, «позитивные сдвиги». Даже такой проницательный человек как Ллойд Джордж, который привел Англию к победе над Германией в 1918 году и который проводил свою предвыборную кампанию в том же году под девизом: «Кайзера – на виселицу!» – счел возможным побывать в 1936 году у Гитлера в Оберзальцберге, после чего публично провозгласил его «великим человеком», проявившим достаточно прозорливости и воли, чтобы решить социальные проблемы современного государства, прежде всего – проблему безработицы, от которой, как от незаживающей раны, все еще страдала Англия; предложенная этим руководителем либеральной партии программа под названием «Мы можем победить безработицу» не нашла поддержки внутри страны.

Олимпийские игры, состоявшиеся в августе 1936 года в Берлине, предоставили нацистам прекрасную возможность удивить мир достижениями Третьего Рейха, и те не преминули этой возможностью воспользоваться. Надписи со словами «Евреи нежелательны», висевшие в магазинах, гостиницах, пивных, увеселительных заведениях, потихоньку убрали, гонения на евреев и на две христианские церкви временно прекратили, страна обрела вполне респектабельный облик.

Ни одна предшествующая Олимпиада не была так великолепно организована, не сопровождалась такими впечатляющими зрелищами, как эта. Геринг, Риббентроп и Геббельс устраивали в честь иностранных гостей пышные приемы. Более тысячи приглашенных собралось на ужин у министра пропаганды на Павлиньем острове на Ваннзе, где состоялся грандиозный спектакль, названный «Итальянская ночь», который напоминал сцены из «Тысячи и одной ночи». Иностранные гости, особенно из Англии и Америки, были поражены: вид внешне счастливых, здоровых, приветливых людей, сплоченных вокруг Гитлера, далеко не соответствовал их представлениям о Берлине, почерпнутым из газет.

Но за великолепием летних Олимпийских игр сторонний наблюдатель, по крайней мере иностранец, не мог не увидеть то, что скрывалось от туристов и что сами немцы перестали замечать либо восприняли как должное: ухудшение нравственного климата германского общества. Ведь никто же не скрывал принятых Гитлером антиеврейских, так называемых Нюрнбергских, законов от 15 сентября 1935 года, которые лишали лиц этой национальности германского гражданства. Законы запрещали браки и внебрачные связи евреев с арийцами, евреи лишались права нанимать домашнюю прислугу из числа женщин арийского происхождения моложе тридцати пяти лет. В течение последующих нескольких лет было издано еще тринадцать декретов, которые ставили евреев, по существу, вне закона. Причем уже летом 1936 года, то есть как раз в то время, когда Германия как устроитель Олимпийских игр старалась пленить воображение прибывших с Запада гостей, евреям либо в законодательном порядке, либо с помощью нацистского террора начали ставить так много рогаток при поступлении на службу в государственные и частные учреждения, что по крайней мере половина из них остались без каких-либо средств к существованию. В 1933 году, первом году существования Третьего Рейха, их отстранили от службы в государственных учреждениях и от работы в печати и на радио, не разрешали заниматься сельским хозяйством, преподаванием и работать в области театра и кино; в 1934 году их изгнали с фондовой биржи. Что касается запрета на медицинскую и юридическую практику, а также занятие торговлей, то хотя в законодательном порядке

мере финансовые ограничения из-за недостатка иностранной валюты. Однако финансовые ограничения для немцев в то время были не строже, чем для граждан Великобритании после 1945 года. Видимо, нацистские правители не опасались, что на среднего немца, посещающего демократическую страну, антинацистская идеология подействует разлагающе.

он был наложен только в 1938 году, фактически же начал действовать уже в конце четвертого года правления нацистов.

Мало того, евреям отказывали не только в жизненных благах, но и в самом необходимом. Во многих городах евреям стало трудно, если не невозможно, покупать продукты питания. Над дверьми бакалейных, мясных и молочных магазинов и булочных висели надписи:

«Евреям вход воспрещен». Аптеки не отпускали им лекарств. Гостиницы не предоставляли ночлега. И всюду, куда бы они ни пошли, их ждали издевательские надписи: «Въезд евреям в этот город строго запрещен» или «Евреи могут входить сюда только на свой страх и риск». На крутой извилине дороги близ Людвигсхафена стоял указатель: «Осторожно – крутой поворот! Евреям – ехать со скоростью не менее 120 километров в час!»²¹

Такова была участь евреев в период проведения Олимпийских игр. Это было начало пути, вскоре приведшего их к физической гибели.

Преследование христианских церквей

Борьба нацистов против христианских церквей вначале носила умеренный характер. Хотя Гитлер, будучи католиком, и нападал в своей книге «Майн кампф» как на политизированный католицизм, так и на обе христианские церкви за неприятие расовой теории, он в той же книге подчеркивал: «... Политическая партия ни в коем случае не должна... терять из виду, что, как показывает весь предшествующий исторический опыт, ни одной чисто политической партии еще не удавалось осуществить религиозную реформу». Статья 24 партийной программы предусматривала «свободу для всех религиозных верований постольку, поскольку они не угрожают... национальным чувствам немецкой расы. Партия выступает за позитивное христианство». В речи, произнесенной 23 марта 1933 года в рейхстаге, когда законодательный орган Германии уступил свои функции диктатору, Гитлер, воздав должное христианским церквям как «важным элементам сохранения души немецкого народа», обещал уважать их права. Он заявил также, что цель его правительства – достижение согласия между церковью и государством, и в расчете на голоса членов партии католического «Центра», которые он таки получил, добавил: «Мы надеемся укрепить дружеские отношения со святейшим престолом».

Не прошло и четырех месяцев, как нацистское правительство уже заключило 20 июня конкордат с Ватиканом, гарантировавший свободу католической веры и право церкви самостоятельно «регулировать свои внутренние дела». Со стороны Германии договор подписал Папен, со стороны Ватикана – его государственный секретарь монсеньор Пачелли, ставший потом папой Пием XII. Нацистское правительство начало нарушать условия договора едва ли не раньше, чем его текст был изложен на бумаге; но, будучи заключен в то время, когда по всему миру прокатилась волна возмущения первыми эксцессами нового режима Германии, конкордат, без сомнения, способствовал росту престижа правительства Гитлера, в чем оно очень нуждалось²².

25 июля, через пять дней после ратификации конкордата, германское правительство приняло закон о стерилизации, особенно оскорбивший католическую церковь. А еще через пять дней были предприняты первые шаги по роспуску Лиги католической молодежи. В последующие годы подверглись аресту тысячи католических священников, монахов и деятелей недуховного звания, причем часто по сфабрикованным обвинениям в «безнравственности» и в «кон-

²¹ Я подвергся ожесточенным нападкам германской печати и радио; грозили даже выслать меня из страны за репортажи о том, что на время Олимпийских игр некоторые из этих надписей убрали.

²² 2 июня 1945 года в обращении к собору кардиналов папа Пий XII защищал подписанный им конкордат, но заявил, что национал-социализм, каким он его увидел впоследствии, есть не что иное, как «неприкрытое отступничество от Иисуса Христа, отрицание его учения и его деяний во искупление людских грехов, проповедь культа насилия и расовой ненависти, пренебрежение свободой и достоинством человека»

трабанде иностранной валюты». Руководителя организации «Католическое действие» Эриха Клаузенера, как мы уже знаем, умертвили во время чистки 30 июня 1934 года. Были запрещены десятки католических изданий. Под давлением гестаповской агентуры нарушалась даже тайна исповеди. К весне 1937 года католическая иерархия в Германии, которая, подобно большинству протестантских священников, поначалу стремилась сотрудничать с новым режимом, утратила все иллюзии. 14 марта 1937 года папа Пий XI издал энциклику, озаглавленную «С глубокой скорбью», обвинив нацистское правительство в «отклонении» от положений конкордата, в его нарушении и в распространении «плевел подозрительности, раздора, ненависти, клеветы тайной и открытой враждебности ко Христу и святой церкви». На «горизонте Германии» папа увидел «надвигающиеся грозные тучи разрушительных религиозных войн... которые не преследуют никакой другой цели, кроме... истребления».

Преподобный Мартин Нимёллер в 1933 году приветствовал приход нацистов к власти. Тогда вышла его автобиографическая книга под названием «От подводной лодки до кафедры проповедника». История о том, как этот человек, служивший в годы Первой мировой войны командиром подводной лодки, стал известным пастором протестантской церкви, заслужила особенно много похвал нацистской печати и имела большой коммерческий успех. Пастору Нимёллеру, как и многим другим протестантским священникам, четырнадцать лет существования республики представляются, как он выразился, «годами мрака». В конце своей автобиографии он с удовлетворением отмечает, что нацистская революция наконец победила и привела к «национальному возрождению», за что он сам так долго боролся, причем некоторое время в рядах «свободного корпуса», откуда вышли многие нацистские руководители.

Вскоре, однако, его постигло жестокое разочарование. В Германии, как и в Соединенных Штатах, протестантизм делится на разные исповедания и церкви. Лишь очень немногие протестанты – около 150 тысяч из 45 миллионов – принадлежали к различным неконформистским церквям, таким, как баптистская и методистская. Остальные входили в двадцать восемь лютеранских и реформистских церквей, крупнейшей из которых являлась церковь Северо-Германского Союза, объединявшая 18 миллионов прихожан. С появлением движения национал-социализма произошло дальнейшее разделение протестантов. Более фанатично настроенные нацисты этого вероисповедания организовали в 1932 году «движение немецких христиан», самым неистовым лидером которого стал некий Людвиг Мюллер, капеллан из восточно-прусского военного округа, горячий сторонник Гитлера; это он впервые свел Гитлера с генералом фон Бломбергом, бывшим тогда командующим этим округом. «Немецкие христиане» активно проповедовали нацистские идеи расового превосходства, стремясь привить их церкви рейха и тем способствовать вовлечению всех протестантов в единую конгрегацию. В 1933 году из 17 тысяч протестантских пасторов около трех тысяч приходилось на долю «немецких христиан», и они располагали непропорционально большим числом прихожан.

Противником «немецких христиан» была другая группа, называвшая себя «исповедальной церковью». В ней состояло примерно столько же пасторов (но меньше прихожан), и во главе ее со временем стал Нимёллер. Она выступила против пацификации протестантских церквей, отвергла расовые теории нацистов и осудила антихристианские идеи Розенберга и других нацистских главарей. Большинство же протестантов заняли промежуточное положение. Очевидно, опасаясь присоединиться к какой-либо из противоборствующих групп, они предпочли роль наблюдателей и в конце концов оказались по большей части в руках Гитлера, приняв как должное его право вторгаться в дела церкви и подчинившись его приказам.

Трудно понять поведение большинства протестантов Германии в первые годы нацизма без учета двух вещей: истории протестантизма и влияния Мартина Лютера²³. Этот великий

²³ Во избежание каких-либо недоразумений, вероятно, следует указать, что автор книги протестант.

основатель протестантизма был и ярким антисемитом, и рьяным поборником идеи безусловного подчинения политической власти. Он хотел, чтобы Германия избавилась от евреев, и советовал при их изгнании отбирать «все наличные деньги, драгоценные камни, серебро и золото... предавать огню их синагоги и школы, разрушать их жилища... согнать их, как цыган, в шатры или хлева... и пусть они погрязнут в нищете и неволе, непрестанно стеля и жалуясь на нас Господу Богу». Этому совету и последовали через четыреста лет Гитлер, Геринг и Гиммлер. Во время крестьянской войны 1525 года – пожалуй, единственного в истории Германии массового выступления – Лютер призывал князей беспощадно расправляться с «бешеными собаками», как называл он угнетенных, доведенных до отчаяния крестьян. И здесь, как и в выпадах против евреев, Лютер прибегал к таким грубым, ригористичным выражениям, каких история не знала вплоть до появления нацистов. Влияние этой выдающейся личности испытали на себе многие поколения немцев, особенно протестантов. Другим следствием этого влияния была та легкость, с которой протестантизм в Германии превратился в орудие абсолютизма королей и князей, начиная с XVI века и кончая 1918 годом, когда королей и князей свергли. Наследные монархи и мелкие правители становились на своих землях архиепископами протестантской церкви. Так, в Пруссии главой церкви стал король из династии Гогенцоллернов. По сложившейся традиции, ни в одной другой стране, кроме царской России, служители церкви не раболепствовали так перед государственной политической властью, как в Германии. Все они, за редкими исключениями, твердо стояли за короля, юнкеров и армию. В течение всего XIX века они неизменно выступали против либеральных и демократических движений. Даже Веймарскую республику большинство протестантских пасторов предавали анафеме, и не только потому, что она свергла королей и князей, но и потому, что в основном опиралась на католиков и социалистов. Во время выборов в рейхстаг нельзя было не заметить, что протестантское духовенство, типичным представителем которого являлся тот же Нимёллер, достаточно открыто поддерживало националистов и нацистов – врагов республики. Подобно Нимёллеру, большинство пасторов приветствовали занятие Адольфом Гитлером канцлерского кресла в 1933 году.

Вскоре они узнали, что такое силовая тактика нацистов, приведшая Гитлера к власти. В июле 1933 года представители протестантских церквей составили текст устава новой церкви рейха, который 14 июля был официально признан рейхстагом. Сразу после этого развернулась ожесточенная борьба в связи с выборами первого епископа рейха. Гитлер потребовал посвятить в этот самый высокий сан своего друга капеллана Мюллера, служившего у него советником по делам протестантской церкви. Руководители федерации церквей предложили на этот пост известного богослова пастора Фридриха фон Бодельшвинга. Это был наивный расчет. Вмешалось нацистское правительство: распустило несколько провинциальных церковных организаций, отстранило от должностей в протестантских церквях ряд ведущих сановных лиц, напустило на непокорных священников СА и гестапо – в сущности, терроризировало всех, кто поддерживал Бодельшвинга. В канун выборов делегатов на синод, которому надлежало избрать епископа рейха, Гитлер «призвал» по радио протестантов проголосовать за «немецких христиан», выдвинувших Мюллера своим кандидатом. Тактика запугивания сработала отлично. Бодельшвинга вынудили снять свою кандидатуру, после чего большинство голосов на выборах было отдано «немецким христианам»; они и избрали Мюллера епископом рейха на синоде, состоявшемся в сентябре в Виттенберге, где Лютер впервые бросил вызов Риму.

Однако новый глава церкви, по натуре человек деспотичный, не сумел ни создать единую церковь, ни полностью нацифицировать конгрегацию протестантов. 13 ноября 1933 года, на другой день после того как подавляющее большинство немецкого народа поддержало Гитлера на общегерманском референдуме, «немецкие христиане» провели в берлинском Спортпаласте массовый митинг. Некий д-р Рейнхардт Краузе, глава секты в Берлинском округе, предложил отменить Старый завет «с его торговцами скотом и сводниками» и пересмотреть Новый завет с целью привести учение Христа в «полное соответствие с требованиями национал-соци-

ализма». Были подготовлены тексты резолюций под девизом «Один народ, один рейх, одна вера», требовавших, чтобы все пасторы дали клятву верности Гитлеру и чтобы все церкви приняли пункты, касающиеся арийцев и исключения новообращенных евреев. Но это было слишком даже для смиренных протестантов, отказавшихся принимать какое-либо участие в войне церквей, поэтому епископ Мюллер вынужден был дезавуировать д-ра Краузе.

В сущности, борьба между нацистским правительством и церквями носила тот же характер, что и извечный спор о том, что есть кесарево, а что – богово. Гитлер заявил: если пронацистски настроенные «немецкие христиане» не в силах подчинить евангелические церкви епископу рейха Мюллеру, то правительство подчинит их себе. Он всегда питал неприязнь к протестантам, которые в его родной католической Австрии составляли ничтожное меньшинство, а в Германии – две трети населения. «Ими можно крутить как угодно, – похвастался он однажды своим подручным. – Они подчиняются... Мелкие людишки, слушаются, как собаки, и потеют от смущения, когда с ними заговариваешь». Гитлер отлично знал, что против пацификации протестантских церквей выступает лишь малое число пасторов и еще меньшее число верующих.

К началу 1934 года разочарованный пастор Нимёллер стал душой оппозиции меньшинства в «исповедальной церкви» и в «чрезвычайной пасторской лиге». На генеральном синоде, состоявшемся в Бармене в мае 1934 года, и на специальном совещании, состоявшемся в ноябре в возглавляемой Нимёллером церкви Иисуса Христа, что в Далеме, предместье Берлина, «исповедальная церковь» объявила себя законной протестантской церковью Германии и учредила временное церковное управление. Таким образом, образовались две группы: одна – во главе с епископом рейха Мюллером, другая, – во главе с Нимёллером, и каждая претендовала на звание законной церкви Германии.

Стало очевидно, что бывший армейский капеллан, несмотря на близость к Гитлеру, не сумел объединить протестантские церкви, и в конце 1935 года, когда гестапо арестовало семьсот пасторов «исповедальной церкви», он подал в отставку и сошел со сцены. Уже в июле 1935 года Гитлер назначил своего друга нацистского юриста Ганса Керрля министром по делам церкви, поручив ему предпринять еще одну попытку объединить протестантов. Сначала Керрль, являвшийся одним из умеренных нацистов, добился значительного успеха. Ему удалось не только склонить на свою сторону консервативное духовенство, составлявшее большинство, но и учредить комитет церквей во главе с почтенным доктором Цёльнером, пользовавшимся авторитетом во всех фракциях, для выработки общей платформы. Но группа Нимёллера, не отказываясь сотрудничать с комитетом, продолжала считать себя единственной законной церковью. В мае 1936 года, когда она подала Гитлеру меморандум, выдержанный в вежливом, но решительном тоне, протестуя против антихристианских тенденций нового режима, осуждая его антисемитизм и требуя прекратить вмешательство государства в дела церкви, министр внутренних дел Фрик ответил жестокими репрессиями. Сотни пасторов «исповедальной церкви» были арестованы, а д-ра Вейсслера, одного из подписавших меморандум, убили в концентрационном лагере Заксенхаузен. Кассу «исповедальной церкви» конфисковали, сбор пожертвований запретили.

12 февраля 1937 года д-р Цёльнер ушел с поста председателя комитета церквей (гестапо запретило ему посетить Любек, где находились в заключении девять протестантских пасторов), пожаловавшись на препятствия, чинимые министром по делам церкви. Д-р Керрль ответил ему в речи, произнесенной на следующий день перед группой покорных священников. Он в свою очередь обвинил Цёльнера в неспособности по достоинству оценить нацистскую теорию «расы крови и земли» и ясно продемонстрировал враждебное отношение правительства как к протестантской, так и к католической церкви.

«Партия, – сказал Керрль, – стоит на платформе позитивного христианства, а позитивное христианство есть национал-социализм... Национал-социализм есть волеизъявление Бога...

Воля Божия воплотилась в немецкой крови... Доктор Цёльнер и граф Гален, католический епископ Мюнстера, попытались внушить мне, что христианство подразумевает веру в Христа как в сына Божьего. Мне стало смешно... Нет, христианство не зависит от апостольского вероучения... Истинным олицетворением христианства является партия, а партия, и в первую очередь фюрер, призывает немецкий народ поддерживать истинное христианство... Фюрер – выразитель новой божественной, воли».

1 июля 1937 года д-ра Нимёллера арестовали и заключили в берлинскую тюрьму Моабит. 27 июня он, как всегда, читал в переполненной далемской церкви членам своей конгрегации проповедь, ставшую для него последней в Третьем Рейхе. Словно предчувствуя, что с ним произойдет, он сказал: «Мы не больше древних апостолов помышляем о применении силы для спасения от руки властей. И не больше их готовы молчать по приказу человека, когда сам Господь повелевает нам говорить. Ибо нашим долгом было и остается исполнение воли Бога, а не человека».

2 марта 1938 года, после восьми месяцев пребывания в тюрьме, его судили в «специальном суде», учрежденном нацистами для государственных преступников; по главному пункту обвинения («тайная подрывная деятельность против государства») суд оправдал его, однако признал виновным в «злоупотреблении кафедрой» и в сборе пожертвований в здании церкви, за что наложил на него штраф в размере двух тысяч марок и приговорил к семи месяцам тюремного заключения. Поскольку Нимёллер и без того уже отсидел больше положенного срока, суд постановил освободить его, но при выходе из зала суда он был схвачен гестапо, заключен под стражу и отправлен в концентрационный лагерь Заксенхаузен. Оттуда его переправили в лагерь Дахау, где он пробыл семь лет, пока его не освободили союзные войска.

Кроме Нимёллера, в 1937 году было арестовано 807 пасторов и мирян – активных приверженцев «исповедальной церкви», а в последующие один – два года – сотни других. Если сопротивление нимёллеровского крыла и не было окончательно сломлено, то, во всяком случае, смято. Что касается большинства протестантских пасторов, то они, как почти все граждане Германии, подчинились нацистскому террору. В конце 1937 года д-р Керрль заставил весьма почтенного епископа Мараренса из Ганновера сделать публичное заявление, которое не могло не показаться особенно унижительным таким стойким людям, как Нимёллер: «Национал-социалистическое мировоззрение, опирающееся на национальное и политическое учение, определяет и характеризует немецкую зрелость. Как таковое, оно обязательно и для «немецких христиан». А весной 1938 года епископ Мараренс предпринял последний, завершающий шаг, повелев всем пасторам своей епархии дать личную клятву верности фюреру. В скором времени этой клятвой связали себя большинство протестантских священников, тем самым и юридически и морально обязавшись выполнять приказы диктатора.

Было бы ошибкой считать, будто преследования протестантов и католиков со стороны нацистского государства травмировали немецкий народ или очень уж взволновали его широкие слои. Ничего подобного. Народ, который легко отказался от свобод в других областях жизни – политической, культурной, экономической, не собирался, за сравнительно редким исключением, идти на смерть или хотя бы подвергать себя опасности ареста во имя свободы вероисповедания. Что действительно трогало немцев в тридцатые годы – так это впечатляющие успехи Гитлера в ликвидации безработицы, повышении экономического уровня, восстановлении военного могущества, а также следовавшие одна за другой победы в сфере внешней политики. Мало кто из немцев лишился сна из-за ареста нескольких тысяч священников или из-за ссор между различными сектами протестантов. Еще меньшее их число задумывалось о том, что нацистский режим вознамерился под руководством Розенберга, Бормана и Гиммлера и при поддержке Гитлера искоренить христианское вероисповедание, заменив его старой, дохристианской религией германских племен в сочетании с новым язычеством нацистских экстреми-

стов. Как открыто заявил в 1941 году Борман, один из ближайших сподвижников Гитлера, «национал-социализм и христианство несовместимы».

То, что гитлеровское руководство уготовило Германии, было четко сформулировано в программе из тридцати пунктов «национальной церкви рейха», составленной во время войны Розенбергом, откровенным идеологом язычества. Наряду с другими обязанностями Розенберг выполнял функции «представителя фюрера в системе полного интеллектуального и философского воспитания и образования в духе национал-социалистической партии».

Приведем некоторые наиболее существенные пункты этой программы:

«1. Национальная церковь Германского Рейха категорически требует исключительного права и исключительных полномочий контролировать все церкви, находящиеся в пределах Рейха. Она объявляет их национальными церквями Германского Рейха...

5. Национальная церковь полна решимости полностью искоренить... чуждые и инородные христианские исповедания, завезенные в Германию в злополучном 800 году...

7. Национальная церковь не имеет проповедников, пасторов, капелланов и других священников, а имеет только национальных ораторов Рейха...

13. Национальная церковь требует немедленно прекратить издание и распространение в стране библии.

14. Национальная церковь заявляет... немецкой нации, что «Майн кампф» есть величайший документ. Эта книга... олицетворяет самую чистую и самую истинную этику жизни нашей нации в настоящее время и в будущем...

18. Национальная церковь уберет из своих алтарей все распятия, библии и изображения святых.

19. В алтарях не должно быть ничего, кроме «Майн кампф» (для немецкой нации и, следовательно, для Бога это самая священная книга) и... меча...

30. В день основания национальной церкви христианский крест должен быть снят со всех церквей, соборов и часовен... и заменен единственным непобедимым символом – свастикой».

Пацификация культуры

Вечером 10 мая 1933 года, примерно через четыре с половиной месяца после того, как Гитлер стал канцлером, в Берлине произошло событие, свидетелем которого западный мир не был со времен позднего средневековья. Около полуночи в сквере на Унтер-ден-Линден, напротив Берлинского университета, завершилось факельное шествие, в котором приняли участие тысячи студентов. Свои факелы они побросали в собранную здесь огромную гору книг, а когда их охватило пламя, в костер полетели новые кипы. Всего подверглось сожжению около 20 тысяч книг. Подобные сцены можно было наблюдать еще в нескольких городах – так началось массовое сожжение книг.

Многие брошенные в ту ночь в костер с одобрения д-ра Геббельса ликующими берлинскими студентами книги были написаны всемирно известными авторами. Из немецких авторов, чьи книги попали в костер, можно назвать Томаса и Генриха Маннов, Лиона Фейхтвангера, Якоба Вассермана, Арнольда и Стефана Цвейгов, Эриха Марию Ремарка, Вальтера Ратенау, Альберта Эйнштейна, Альфреда Керра и Гуго Пройса. Последний – немецкий ученый, составивший в свое время проект Веймарской конституции. Сжигались книги и многих иностранных авторов, таких, как Джек Лондон, Эптон Синклер, Хелен Келлер, Маргарет Сандгер, Герберт Уэллс, Хевлок Эллис, Артур Шницлер, Зигмунд Фрейд, Андре Жид, Эмиль Золя, Марсель Пруст. Согласно студенческой прокламации, огню предавалась любая книга, «которая подрывает наше будущее или наносит удар по основам немецкой мысли, немецкой семьи и движущим силам нашего народа». В то время как книги превращались в пепел, к студентам обратился с речью новый министр пропаганды д-р Геббельс, который считал своей основной

задачей надеть на немецкую культуру нацистскую смирительную рубашку. «Душа немецкого народа вновь сумеет выразить себя, – провозгласил он. – Этот огонь призван осветить не только окончательный закат старой эры. Он высвечивает и наступление эры новой».

Начало новой, нацистской эры немецкой культуры ознаменовалось не только кострами из книг и более эффективной, хотя и менее символичной, мерой – запретом на продажу и выдачу в библиотеках сотен книг, на издание многих новых книг, но и регламентацией всей культурной жизни в масштабах, не известных до той поры ни одному из западных государств. Еще 22 сентября 1933 года была законодательно учреждена Палата культуры рейха во главе с д-ром Геббельсом. Ее назначение закон определил следующим образом: «С целью осуществления немецкой культурной политики необходимо собрать творческих работников во всех сферах в единую организацию под руководством рейха. Рейх должен не только определить направление интеллектуального и духовного прогресса, но и организовать деятельность работников различных сфер культуры и руководить ею».

Для руководства и контроля за каждой сферой культурной жизни было создано семь палат: изобразительных искусств, музыки, театра, литературы, прессы, радиовещания и кино. Все лица, работавшие в этих сферах, были обязаны вступить в соответствующие палаты, решения и указания которых имели силу закона. Кроме иных прав палатам было предоставлено право исключать из своего состава лиц ввиду их политической неблагонадежности или не принимать их туда. Это означало, что те, кто без особого восторга воспринимал национал-социализм, могли лишиться права заниматься своей профессиональной деятельностью в искусстве и тем самым лишиться средств существования. Среди тех, кто в 30-е годы жил в Германии и искренне беспокоился о судьбах ее культуры, не нашлось ни одного деятеля, который не отметил бы ее ужасающего упадка. Естественно, этот упадок стал неизбежен, как только нацистские главари решили, что изобразительное искусство, литература, радио и кино должны служить исключительно целям пропаганды нового режима и его нелепой философии. Ни один из здравствовавших тогда немецких писателей, за исключением Эрнста Юнгера и раннего Эрнста Вихерта, не был издан в нацистской Германии. Почти все писатели во главе с Томасом Манном эмигрировали, а те немногие, кто остался, молчали или их вынуждали молчать. Рукопись любой книги или пьесы необходимо было представлять в министерство пропаганды, чтобы получить разрешение на публикацию или постановку.

Музыка находилась в более выгодном положении, поскольку это искусство наиболее далекое от политики да и немецкая музыкальная сокровищница была наполнена выдающимися произведениями от Баха, Бетховена и Моцарта до Брамса. Но исполнять музыку Мендельсона, еврея по национальности, было, например, запрещено, так же как и музыку ведущего современного немецкого композитора Пауля Хиндемита. Евреев быстро отстранили от работы в ведущих симфонических оркестрах и оперных театрах. В отличие от писателей большинство выдающихся деятелей немецкого музыкального искусства решили остаться в нацистской Германии и по существу отдать свои имена и свой талант на службу «новому порядку». Не покинул страну и один из самых выдающихся дирижеров века Вильгельм Фуртвенглер. Около года он находился в опале за то, что выступил в защиту Хиндемита, но затем вернулся к активной музыкальной деятельности, которую вел все последующие годы гитлеровского правления. Остался и Рихард Штраус, ведущий из современных немецких композиторов. Некоторое время он являлся президентом музыкальной палаты, связав свое имя с геббельсовским протитуированием культуры. Известный пианист Вальтер Гизекинг с одобрения Геббельса гастролировал преимущественно за рубежом, пропагандируя немецкую культуру. Благодаря тому, что музыканты не эмигрировали, а также благодаря огромному классическому наследию в годы Третьего Рейха можно было наслаждаться превосходным исполнением оперной и симфонической музыки. Непревзойденными в этом смысле считались оркестры берлинской

филармонии и берлинской государственной оперы. Великолепная музыка помогала людям забывать об упадке других искусств и о многих тяготах жизни при нацизме.

Следует отметить, что и театр сохранял традиции, однако лишь в постановках классического репертуара. Конечно, Макс Рейнхардт эмигрировал, как и другие режиссеры, директора театров и актеры еврейской национальности. Пьесы нацистских драматургов были до смешного слабы, широкая публика их не посещала, и сценическая жизнь таких пьес оказывалась весьма недолговечной. Президентом театральной палаты являлся некто Ганс Йост, драматург-неудачник, который однажды публично заявил, что когда кто-нибудь употребляет при нем слово «культура», его рука непроизвольно тянется к пистолету. Но даже Йост и Геббельс, определявшие, кто должен играть и кто ставить, не помешали немецким театрам осуществлять постановку драматических произведений Гете, Шиллера, Шекспира.

Как ни странно, в нацистской Германии разрешалось ставить некоторые пьесы Бернарда Шоу – вероятно, потому, что он высмеивал в них нравы англичан и язвительно отзывался о демократии, а также потому, что его остроумие и левые политические высказывания не доходили до сознания нацистов.

Еще более странной оказалась судьба великого немецкого драматурга Герхарда Гауптмана. Во времена кайзера Вильгельма II его пьесы запрещались к постановке в имперских театрах, поскольку он являлся ревностным сторонником социализма. В период Веймарской республики он стал самым популярным драматургом Германии и сумел сохранить это положение в Третьем Рейхе, где его пьесы продолжали ставиться. Никогда не забуду сцену по окончании премьеры его последней пьесы «Дочь собора», когда Гауптман, почтенный старец с развевающимися седыми волосами, ниспадавшими на его черную накидку, вышел из театра под руку с д-ром Геббельсом и Йостом. Подобно многим другим известным людям Германии, он смирился с гитлеровским режимом, а хитрый Геббельс извлек из этого пропагандистский эффект, не уставая напоминать немецкому народу и всему миру, что крупнейший современный немецкий драматург, бывший социалист и защитник простых тружеников, не только остался в Третьем Рейхе, но и продолжает писать пьесы, которые идут на сценах театров.

Насколько искренним или приспособливающимся или просто непостоянным был этот престарелый драматург, можно заключить из того, что произошло после войны. Американские власти, считая, что Гауптман слишком ревностно служил нацистам, запретили его пьесы в своем секторе Западного Берлина. Русские же пригласили его в Восточный Берлин и устроили ему прием как герою, организовав фестиваль его пьес. А в октябре 1945 года Гауптман направил письмо в возглавляемый коммунистами «Союз культуры во имя демократического возрождения Германии», пожелав ему успеха и выразив надежду, что Союз сумеет обеспечить «духовное возрождение» немецкого народа.

Германия, давшая миру Дюрера и Кранаха, не смогла выдвинуть ни одного выдающегося мастера в области современного изобразительного искусства, хотя немецкий экспрессионизм в живописи и мюнхенская градостроительная школа в архитектуре представляли собой интересные и оригинальные направления, а немецкие художники отразили в своем творчестве все эволюции и взлеты, которые были характерны для импрессионизма, кубизма и дадаизма. Для Гитлера, считавшего себя настоящим художником, несмотря на то, что в Вене его так и не признали, все современное искусство несло на себе печать вырождения и бессмысленности. В «Майн кампф» он разразился на этот счет длинной тирадой, а после прихода к власти одной из его первых мер стало «очищение» Германии от декадентского искусства и попытка заменить его новым искусством. Почти 6500 полотен современных художников, таких, как Кокошка и Грос, а также Сезанн, Ван Гог, Гоген, Матисс, Пикассо и многие другие, были изъяты из экспозиции немецких музеев.

То, что пришло им на смену, было показано летом 1937 года, когда Гитлер официально открыл «Дом немецкого искусства» в Мюнхене, в желто-коричневом здании, построенном в

псевдоклассическом стиле. Он сам помогал проектировать это здание и назвал его «бесподобным и непревзойденным». На эту первую выставку нацистского искусства втиснули около 900 работ, отобранных из 15 000 представленных. Более нелепого подбора мне не приводилось видеть ни в одной стране. Гитлер лично произвел окончательный отбор и, как свидетельствовали его товарищи по партии, присутствовавшие при этом, вышел из себя при виде некоторых картин, отобранных для показа нацистским жюри под председательством посредственного живописца Адольфа Циглера²⁴. Он не только приказал немедленно их вышвырнуть, но и ударом армейского ботинка продырявил несколько из них.

«Я всегда был настроен, – заявил он в длинной речи на открытии выставки, – если судьба приведет нас к власти, не вдаваться в обсуждение этих вопросов (оценка произведений искусства), а действовать». Он и действовал.

В речи, произнесенной 18 июля 1937 года, он так изложил нацистскую линию в отношении изобразительного искусства:

«Произведения искусства, которые невозможно понять и которые требуют целого ряда пояснений, чтобы доказать свое право на существование и найти свой путь к неврастеникам, воспринимающим такую глупую и наглую чушь, отныне не будут находиться в открытом доступе. И пусть ни у кого не остается иллюзий на этот счет! Национал-социализм преисполнен решимости очистить Германский Рейх и наш народ от всех этих влияний, угрожающих его существованию и духу... С открытием этой выставки безумию в искусстве положен конец, а вместе с ним и развращению таким искусством нашего народа...»

И все же некоторые немцы, особенно в таком центре искусства как Мюнхен, предпочитали оставаться художественно «развращенными». В противоположном конце города, в ветхой галерее, попасть в которую можно было лишь по узкой лестнице, размещалась выставка «вырожденческого» искусства, которую д-р Геббельс организовал, чтобы показать народу, от чего Гитлер его спасает. На ней была представлена блестящая коллекция современной живописи – Кокошка, Шагал, работы экспрессионистов и импрессионистов. В день, когда я побывал там, предварительно обойдя бесчисленные залы «Дома немецкого искусства», галерея была полна народу. Длинная очередь, выстроившаяся по скрипучей лестнице, заканчивалась на улице. Осаждавшие галерею толпы стали столь многочисленны, что д-р Геббельс, разгневанный и смущенный, вскоре закрыл выставку.

Контроль над прессой, радио и кино

Каждое утро редакторы ежедневных берлинских газет и корреспонденты газет, издававшихся в других городах рейха, собирались в министерстве пропаганды, чтобы выслушать наставления д-ра Геббельса или одного из его заместителей, какие новости печатать, а какие нет, как подавать материал и озаглавливать его, какие кампании свернуть, а какие развернуть, каковы на сегодняшний день наиболее актуальные темы для передовиц. Во избежание каких-либо недоразумений издавалась письменная директива на день, а также давались устные указания. Для небольших сельских газет и периодических изданий директивы передавались по телеграфу или отправлялись по почте.

Для того чтобы быть издателем в Третьем Рейхе, надлежало прежде всего иметь чистую в политическом и расовом отношении анкету. Закон рейха о прессе от 4 октября 1933 года провозгласил журналистику общественной профессией; в соответствии с этим предусматривалось, что издатели должны иметь немецкое гражданство, арийское происхождение и не состоять в браке с лицами еврейской национальности. Раздел 14 закона о прессе предписывал «не публиковать в газетах того, что так или иначе вводит в заблуждение читателя, смешивает эго-

²⁴ Своим положением Циглер был обязан тому счастливому обстоятельству, что написал в свое время портрет Гели Раубал.

истические цели с общественными и ведет к ослаблению мощи немецкого рейха изнутри или извне, к подрыву воли немецкого народа, обороны Германии, ее культуры и экономики... а также всего того, что оскорбляет честь и достоинство Германии». Подобный закон, будь он введен в действие до 1933 года, означал бы запрещение деятельности всех нацистских издателей и публикации в стране всех изданий нацистского толка. Теперь же он привел к закрытию тех журналов и изгнанию с работы тех журналистов, которые не желали находиться в услужении у нацистов.

Одной из первых была вынуждена прекратить свое существование газета «Фоссише цайтунг». Основанная в 1704 году и гордившаяся в прошлом поддержкой таких людей как Фридрих Великий, Лессинг и Ратенау, она стала ведущей газетой Германии, сопоставимой с английской «Таймс» или американской «Нью-Йорк таймс». Но она была либеральной и владелицей ее семейство Ульштейн, евреев по происхождению. Закрылась она 1 апреля 1934 года после 230 лет непрерывного существования. Другая всемирно известная либеральная газета «Берлинер тагеблатт» продержалась несколько дольше, до 1937 года, хотя ее владелец Ганс Лакманн-Моссе, тоже еврей, был вынужден отказаться от своей доли капитала еще весной 1933 года. Третья немецкая либеральная газета, выходившая большим тиражом, «Франкфуртер цайтунг» также продолжала выходить, но рассталась со своими владельцами, евреями по национальности. Ее издателем стал Рудольф Кирхер. Подобно Карлу Зилексу, издателю консервативной «Дойче альгемайне цайтунг», издававшейся в Берлине, он прежде был корреспондентом своей газеты в Лондоне. Последователь Родса, страстный англофил и либерал, Кирхер верно служил нацистам. При этом, по словам Отто Дитриха, шефа прессы рейха, он, как и бывшие «оппозиционные» газеты, был «большим католиком, чем сам папа римский».

Тот факт, что указанные газеты уцелели, частично объясняется вмешательством германского министерства иностранных дел, которое хотело, чтобы эти известные во всем мире газеты являлись чем-то вроде витрины нацистской Германии за рубежом и в то же время служили средством пропаганды. Поскольку все газеты Германии получали указания, что публиковать и как преподносить эти публикации, немецкая пресса неминуемо оказалась в тисках удушающего конформизма. Даже у народа, привыкшего к регламентации и приученного подчиняться властям, газеты стали вызывать скуку. В результате даже ведущие нацистские газеты, такие как утренняя «Фёлькишер беобахтер» и вечерняя «Дер Ангрифф», были вынуждены сократить тираж. Падал и общий тираж немецких газет по мере усиления контроля над ними и перехода в руки нацистских издателей. За первые четыре года существования Третьего Рейха число ежедневных газет сократилось с 3607 до 2671.

Однако утрата страной свободной и разнообразной прессы ущемляла финансовые интересы партии. Начальник Гитлера в годы Первой мировой войны, бывший сержант Макс Аманн, теперь глава партийного издательства нацистов «Эйер Ферлаг», превратился в финансового диктатора немецкой прессы. В качестве главного руководителя прессы рейха и президента палаты печати он имел право запретить по своему усмотрению любое издание, чтобы затем приобрести его за бесценок. За короткое время «Эйер Ферлаг» превратилось в гигантскую издательскую империю, пожалуй, самую обширную и богатую в то время в мире²⁵. Несмотря на падение спроса на многие нацистские издания, тираж ежедневных газет, являвшихся собственностью партии или находившихся под контролем партии и отдельных нацистов, накануне Второй мировой войны составлял две трети ежедневного общего тиража – 25 миллионов экземпляров.

В своих показаниях Нюрнбергскому трибуналу Аманн рассказал, как он действовал: «После того как партия пришла в 1933 году к власти, владельцы многих издательских концер-

²⁵ Личный доход Аманна подскочил со 108 тысяч марок в 1934 году до баснословной цифры 3 миллиона 800 тысяч – в 1942-м.

нов, таких, как издательство семейства Ульштейн, или тех, которые находились под контролем евреев и служили политическим и религиозным интересам, враждебным нацистской партии, сочли целесообразным продать свои газеты или активы концерну «Эйер». Свободного рынка для продажи таких видов собственности не было, поэтому «Эйер Ферлаг», как правило, оказывался единственным покупателем. В этих условиях «Эйер Ферлаг» совместно с издательскими концернами, которыми он владел или которые контролировал, превратился в монополичный газетный трест Германии. Вложения партии в эти издательские предприятия оказались очень доходными в финансовом отношении. Будет справедливо упомянуть, что основная цель нацистской программы в области прессы состояла в том, чтобы упразднить любую прессу, стоявшую в оппозиции к партии».

В 1934 году Аманн и Геббельс обратились с просьбой к раболепствующим издателям сделать свои газеты менее однообразными. Аманн заявил, что сожалеет о поразившем нынешнюю прессу однообразии, которое не является итогом государственных мер и не отвечает воле правительства. Один опрометчивый издатель, Эм Вельке из еженедельника «Грюне пост», допустил просчет, всерьез восприняв заявление Аманна и Геббельса. Он упрекнул министра пропаганды в ущемлении свободы прессы и в давлении на нее, в результате чего она и стала такой нудной. Издание «Грюне пост» сразу же было закрыто на три месяца, а самого издателя Геббельс распорядился отправить в концлагерь.

Радио и кино, как и пресса, были быстро поставлены на службу нацистскому государству. Геббельс всегда рассматривал радио (телевидения в то время еще не было) как главное орудие пропаганды в современном обществе. Через отдел радио своего министерства и через палату радиовещания он установил полный контроль за радиопередачами, приспособлявая их содержание для достижения собственных целей. Его задача облегчалась тем, что в Германии, как и в других странах Европы, радиовещание являлось монополией государства. В 1933 году нацистское правительство автоматически стало владельцем Радиовещательной корпорации рейха.

Кино оставалось в руках частных компаний, но министерство пропаганды и палата кино контролировали все стороны кинопроизводства. Их задачей являлось, как это было официально объявлено, «вывести киноиндустрию из сферы либерально-экономических идей и тем самым позволить ей осуществлять задачи, возложенные на нее национал-социалистическим государством».

В обоих случаях был достигнут одинаковый результат – немецкому народу предлагались радиопрограммы и кинофильмы такие же бессодержательные и навевающие скуку, как и ежедневные газеты и периодические издания. Даже та публика, которая безропотно воспринимала все, что ей внушалось как полезное и необходимое, и та воспротивилась. В большинстве своем люди предпочитали нацистским фильмам те немногие иностранные ленты (в основном второсортные голливудские), показ которых на немецких экранах разрешил Геббельс. Одно время, в середине 30-х годов, освистывание немецких фильмов стало столь обычным явлением, что министр внутренних дел Вильгельм Фрик издал строгое предупреждение против «изменнического поведения со стороны кинозрителей». Подобным же образом критиковались и радиопрограммы, причем критика была настолько резкой, что президент палаты радиовещания некий Хорст Дресслер-Андресс заявил: подобные придирки представляют собой «оскорбление германской культуры» и далее терпеть их нельзя. В те дни немецкий радиослушатель мог настроиться на десяток зарубежных радиостанций, не рискуя, как это было в период войны, своей головой. И многие, наверное, так и поступали, хотя у автора этих строк сложилось впечатление, что д-р Геббельс оказался прав и с годами радио, безусловно, стало самым эффективным средством пропаганды, содействуя более, чем любое другое средство связи, формированию взглядов немецкого народа в гитлеровском духе.

Мне на собственном опыте довелось убедиться, насколько легко овладевают умами лживая пресса и радио в тоталитарном государстве. Хотя в отличие от большинства немцев я имел

постоянный доступ к иностранным газетам, особенно к лондонским, парижским и цюрихским, которые поступали на следующий день после выхода, и хотя я регулярно слушал Би-би-си и другие радиостанции, моя работа требовала ежедневной многочасовой сверки сообщений немецкой прессы и радио с сообщениями прессы и радио других стран, а также встреч с нацистскими лидерами и посещения партийных митингов. Удивляло, а подчас ужасало, что, несмотря на возможность получать информацию о происходящих событиях из иностранных источников и вполне обоснованное недоверие к информации, поступавшей из нацистских источников, постоянное в течение ряда лет навязывание фальсификаций и искажений все же оказывало на меня определенное воздействие и нередко вводило в заблуждение.

Тот, кто не жил годами в тоталитарном государстве, просто не в состоянии представить, насколько трудно избежать страшных последствий продуманной и систематической пропаганды господствующего режима. Часто в доме знакомого немца, в конторе или во время случайного разговора с незнакомым человеком в ресторане, в пивной или в кафе я слышал довольно странные утверждения от, казалось бы, интеллигентных людей. Было очевидно, что они, как попугаи, повторяют разные нелепости, услышанные по радио или вычитанные из газет. Иногда я торопился высказать им это, но наталкивался на такой недоверчивый взгляд или на такую реакцию, будто допустил в их присутствии страшное богохульство. И тогда я отдавал себе отчет, насколько тщетны попытки установить контакт с человеком с деформированным сознанием, для которого реальностью было лишь то, что внушили ему Гитлер и Геббельс – эти циничные фальсификаторы правды.

Образование в Третьем Рейхе

30 апреля 1934 года обергруппенфюрер СС Бернхард Руст, некогда гаулейтер Ганновера, член нацистской партии и друг Гитлера с начала 20-х годов, был назначен рейхеминистром науки, образования и народной культуры. В нелепом суматошном мире национал-социализма Рус как нельзя лучше подходил на этот пост. Провинциальный учитель, в 1930 году он стал безработным, поскольку местные власти уволили его ввиду некоторых отклонений психики. Впрочем, увольнением он был отчасти обязан своей фанатичной приверженности нацизму, ибо нацистской доктрине д-р Руст поклонялся с усердием Геббельса, помноженным на путаницу в мозгах Розенберга. Заняв в феврале 1933 года пост министра науки, искусств и образования Пруссии, он похвалялся тем, что ему одним махом удалось ликвидировать школу как «пристанище интеллектуальной акробатики». И такому человеку, лишенному здравого смысла, был вверен контроль над всей немецкой наукой, системой образования и молодежными организациями.

Образование в Третьем Рейхе, как представлял его себе Гитлер, не должно было сводиться к занятиям в душных учебных классах: его следовало дополнить спартанским, политическим и военным обучением в соответствии с определенными возрастными группами. Оно должно было достигать своей вершины не в университетах или технических вузах, где обучалось незначительное число молодежи, а начиная с 18 лет в процессе принудительного отбывания трудовой, а затем и воинской повинности. Страницы «Майн кампф» буквально испещрены примерами презрительного отношения автора к «профессорам» и интеллектуальной жизни в учебных заведениях. Излагая некоторые свои идеи относительно образования, Гитлер писал: «Все образование, осуществляемое национальным государством, должно быть прежде всего нацелено не на то, чтобы забивать головы учащихся знаниями, а на то, чтобы формировать здоровое тело». Но еще более важным, по мысли автора, является привлечение молодежи на службу «новому национальному государству» – предмет, к которому он часто возвращался и после того, как стал диктатором. «Когда противник говорит: «Я не перейду на вашу сторону», – заявил Гитлер в своей речи 6 ноября 1933 года, – я спокойно отвечаю: «Ваш ребенок уже при-

надлежит нам... А кто вы такой? Вы уйдете. Вас не станет. А ваши потомки уже на нашей стороне. И скоро они не будут знать ничего, кроме своей принадлежности к новому сообществу». А 1 мая 1937 года он сказал: «Наш новый рейх никому не отдаст свою молодежь, он привлечет ее к себе и даст ей свое образование и свое воспитание». Это не было пустой похвалой – именно это и реализовывалось на практике.

Немецкая школа от первого класса до университета включительно быстро нацифицировалась. Поспешно переписывались учебники, менялись учебные программы. По выражению «Дер дойче эрциер», официального органа работников образования, «Майн кампф» стала «педагогической путеводной звездой». Учителей, которые не смогли разглядеть ее света, увольняли. Большинство преподавателей были в большей или меньшей степени нацистами по духу, а то и активными членами нацистской партии. Для идеологической закалки их направляли на специальные курсы, где они интенсивно постигали основы учения, при этом особый упор делался на штудирование расистской доктрины Гитлера.

Каждый работающий в системе образования – от детского сада до университета – был обязан вступить в Лигу национал-социалистических учителей, на которую законом возлагалась задача координации идеологической и политической деятельности всех учителей и преподавателей в соответствии с партийной доктриной. Закон 1937 года о гражданской службе обязывал преподавателей быть «исполнителями воли поддерживаемого партией государства» и быть готовыми «в любое время беззаветно защищать национал-социалистическое государство». В принятом ранее декрете они квалифицировались как государственные служащие – таким образом, на них распространялось действие законов о расах. Евреям, разумеется, преподавать запрещалось. Все преподаватели принимали присягу «на верность и повиновение Адольфу Гитлеру». Позднее было запрещено преподавать всякому, кто ранее не служил в СА, не отбывал трудовую повинность или не состоял в «Гитлерюгенд». Кандидаты на должность преподавателей в университетах должны были пройти шестинедельные сборы в лагерях, где нацистские специалисты изучали их взгляды и характеры, а затем обобщали свои выводы и представляли их в министерство образования. Последнее в зависимости от политической благонадежности выдавало им свидетельство на право преподавать.

До 1933 года средние учебные заведения в Германии находились в юрисдикции местных властей, а университеты подчинялись властям соответствующих земель. Теперь все они были переданы в ведение рейхсминистра образования, который управлял ими железной рукой. Отныне университетских ректоров и деканов, которых ранее избирали штатные профессора факультетов, назначал только он. Назначал он также и руководителей Союза студентов, в который входили все учащиеся, а также руководителей Союза преподавателей университетов, членами которого надлежало быть всем преподавателям. Национал-социалистическая ассоциация университетских преподавателей, руководимая старыми нацистскими функционерами, играла решающую роль в отборе тех, кому доверялось обучение, и контролировала, чтобы обучение велось в соответствии с нацистскими теориями. Результаты такой пачификации образования и науки оказались катастрофическими. В учебниках и лекциях история фальсифицировалась до нелепости. Расовые науки, провозглашавшие немцев высшей расой и клеймившие евреев как источник всех зол на земле, были еще более смехотворны. В одном только Берлинском университете, где в прошлом преподавало столько выдающихся ученых, новый ректор, в прошлом штурмовик, по профессии ветеринар, учредил двадцать пять новых курсов по расовой науке, а ко времени, когда он по существу развалил университет, в нем велось преподавание восьмидесяти шести курсов, связанных с его собственной профессией.

Преподавание естественных наук, чем в течение многих поколений славилась Германия, быстро приходило в упадок. Уволили или заставили уйти в отставку таких ученых, как физики Эйнштейн и Франк, химики Габер, Вильштеттер и Варбург. Из тех, кто остался, многие были заражены бредовой нацистской идеологией и пытались приложить ее к чистой науке. Они стре-

мились преподавать, как сами выражались, «немецкую физику», «немецкую химию» и «немецкую математику». В 1937 году вышел в свет первый номер журнала под названием «Немецкая математика». В редакционной статье провозглашалось: любая идея, утверждающая, что математика может рассматриваться вне расовой теории, «несет в себе зародыш гибели немецкой науки». Даже непосвященным идеи этих нацистских ученых представлялись бредовыми. «Немецкая физика? – вопрошал профессор Филип Ленард из Гейдельбергского университета, один из наиболее известных ученых Третьего Рейха. – И вам тут же ответят:

«Наука всегда была и остается интернациональной». Это ложное утверждение. На деле наука является расовой, как любое другое творение человека, что обусловлено текущей в его жилах кровью». Директор института физики в Дрездене Рудольф Томашек пошел еще дальше. «Современная физика, – писал он, – есть орудие мирового еврейства, призванное уничтожить нордическую науку... Истинная физика есть создание немецкого духа... По существу, вся европейская наука есть плод арийской или, точнее, германской мысли». Профессор Иоганнес Штарк, глава Немецкого национального института физической науки, думал точно так же. «Нетрудно обнаружить, – отмечал он, – что основоположники научных исследований в физике и великие первооткрыватели в ней от Галилея и Ньютона до ведущих физиков нашего времени – почти все без исключения были арийцами преимущественно нордической расы».

А некий профессор Вильгельм Мюллер из технического вуза в Ахене обнаружил всемирный заговор евреев с целью осквернить науку и тем самым уничтожить цивилизацию, о чем он поведал в своей книге под названием «Еврейство и наука». Эйнштейна с его теорией относительности он считал архинегодом. Теорию Эйнштейна, на которой зиждется вся современная физика, этот неподражаемый в своем роде нацистский профессор считал не только теорией, направленной «с самого начала и до конца на преобразование существующего, то есть нееврейского, мира, всего живого, порожденного матерью землей и с ней связанного кровными узами, но и колдовством, способным превращать все живое в призрачную абстракцию, где все индивидуальные черты народов и наций и все внутренние границы рас размываются и остаются лишь незначительные различия, которые объясняют происхождение всех событий насильственным, безбожным подчинением их законам». Всемирное признание теории относительности Эйнштейна, по мнению профессора Мюллера, явилось, по существу, «взрывом радости в предвкушении еврейского правления миром, которое необратимо подавит и навечно низведет дух немецкого мужества до уровня бессильного рабства».

Для профессора Людвиг Бибераба из Берлинского университета Эйнштейн был «иностранным шарлатаном». Даже в представлении профессора Ленарда «еврею заметно недостает понимания истины... В этом смысле он отличается от арийского исследователя, которого характеризует тщательность и настойчивость в поисках истины... Таким образом, еврейская физика представляет собой мираж и явление дегенеративного распада основ немецкой физики». Тем не менее с 1905 по 1931 год десяти немецким евреям была присуждена Нобелевская премия за вклад в науку. В период второго рейха университетские профессора, подобно протестантскому духовенству Германии, слепо поддерживали консервативное правительство и его экспансионистскую политику. Лекционные залы в те годы стали рассадником ярого национализма и антисемитизма. Веймарская республика настаивала на обеспечении полной свободы преподавания, но одним из результатов такой свободы стало то, что подавляющее большинство преподавателей университетов, настроенных, как правило, антилиберально, антидемократически и антисемитски, способствовали подрыву демократического режима. В большинстве своем профессора были фанатичными националистами, жаждавшими возрождения консервативной монархической Германии. И хотя до 1933 года многим из них нацисты представлялись слишком буйными и жестокими, чтобы они могли питать к ним симпатии, своими поучениями они создавали почву для прихода нацистов к власти.

К 1932 году большинство студентов с энтузиазмом относились к Гитлеру. У некоторых вызывало удивление число преподавателей университетов, которые после 1933 года смирились с пацификацией высшего образования. Хотя, по официальным данным, число уволенных профессоров и преподавателей за первые пять лет существования режима составило 2800 человек (около четверти их общего числа), число потерявших работу из-за неприятия национал-социализма, по данным профессора Репке, которого самого уволили из Марбургского университета в 1933 году, совсем невелико. Правда, среди этого небольшого числа были такие известные ученые как Карл Ясперс, Е.И. Гумбель, Теодор Литт, Карл Барт, Юлиус Эббингхаус и десятки других. Большинство из них эмигрировали сначала в Швейцарию, Голландию и Англию, а затем в Америку. Одного из них, профессора Теодора Лессинга, который бежал в Чехословакию, выследили и убили фашистские головорезы. Это произошло в Мариенбаде 31 августа 1933 года.

Однако большая часть профессоров остались на своих постах, а к осени 1933 года около 960 человек, возглавляемые такими светилами как хирург Зауэрбрух, философ-экзистенциалист Хейдегер, искусствовед Пиндер, публично присягнули на верность Гитлеру и национал-социалистическому режиму.

«Это была сцена проституирования убеждений, – писал позднее профессор Репке, – запятнавшая славную историю немецкой науки». А профессор Юлиус Эббингхаус, оглядываясь в 1945 году на прожитое, сказал: «Немецкие университеты не смогли, когда еще было время, открыто, в полную силу выступить против уничтожения науки и демократического государства. Они не сумели поднять факел свободы и права во мраке тирании».

За это пришлось заплатить дорогой ценой. После шести лет нацификации число студентов университетов сократилось более чем наполовину – с 127 920 до 58 325. Набор студентов в технические институты, готовившие для Германии ученых и инженеров, сократился еще разительнее – с 20474 до 9554. Качество подготовки выпускников снизилось ужасно. К 1937 году ощущалась не только нехватка молодежи в научной и технической областях, но и падение уровня ее квалификации. Задолго до начала войны представители химической промышленности, старательно обеспечивавшие перевооружение нацистской Германии, жаловались в своем журнале «Кемише индустри», что Германия теряет свою ведущую роль в химии. «Под угрозой оказались не только национальная экономика, но и сама национальная оборона», – сетовал этот журнал, видя причину такого положения в недостатке молодых ученых и посредственном уровне их подготовки в технических вузах.

Как оказалось, потери нацистской Германии обернулись выигрышем для свободного мира, особенно в гонке за создание атомной бомбы. Рассказ об успешных попытках нацистских лидеров во главе с Гиммлером подорвать собственную программу развития атомной энергии – слишком долгий и запутанный, чтобы приводить его здесь. По иронии судьбы созданием атомной бомбы США оказались обязаны двум ученым, изгнанным по расовому признаку из Германии и Италии, – Эйнштейну и Ферми.

В деле подготовки молодежи к осуществлению намеченных им планов Адольф Гитлер делал ставку не столько на общеобразовательные учебные заведения, откуда сам вылетел так скоро, сколько на «Гитлерюгенд». В годы борьбы нацистской партии за власть движение гитлеровской молодежи не играло большой роли. В 1932 году, последнем году республики, оно насчитывало всего 107 956 человек, в то время как в другие организации, объединенные под началом рейхскомитета ассоциаций немецкой молодежи, входило приблизительно 10 миллионов юношей и девушек. Ни в одной стране не было такого деятельного и многочисленного молодежного движения, как в Германии времен Веймарской республики. Сознывая это, Гитлер твердо решил подчинить себе это движение и нацифицировать его. Главным исполнителем этой задачи стал молодой человек привлекательной наружности, с заурядными способностями, но с большой напористостью, Бальдур фон Ширах, который под влиянием Гитлера вступил в

партию еще в 1925 году в возрасте 18 лет, а в 1931 году был назначен молодежным лидером нацистской партии. Молодой и неискушенный, среди задиристых, изборожденных шрамами коричневорубашечников он выделялся своим необычным видом студента американского колледжа. Это, очевидно, результат того, что его предками были американцы (включая двоих, подписавших Декларацию независимости).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.